

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КООПЕРАЦИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОВЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КООПЕРАТИВНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»

**СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ
НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Материалы международной научно-практической конференции

Издательство
Белгородского университета
кооперации, экономики и права
2020

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КООПЕРАЦИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОВЕТ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КООПЕРАТИВНЫХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»

**СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ
НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Материалы международной научно-практической конференции

17–18 марта 2020 года

Издательство
Белгородского университета
кооперации, экономики и права
2020

ББК 60.5+88
С69

С69 Социология и психология в современной научной картине мира : материалы международной научно-практической конференции (17–18 марта 2020 года) ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2020. – 433 с. – ISBN 978-5-8231-0983-3

В сборнике опубликованы доклады профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистрантов Белгородского университета кооперации, экономики и права, других вузов России и стран СНГ по материалам международной научно-практической конференции «Социология и психология в современной научной картине мира», проходившей 17–18 марта 2020 года по направлениям: российское общество перед вызовом цифровизации; социальная психология; проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры.

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-8231-0983-3

ББК 60.5+88
© Издательство БУКЭП, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Российское общество перед вызовом цифровизации

1. *Ревенко Н.В.*
Проблемы взаимодействия гражданского общества
и современного государства 9
2. *Шаповалова И.С.*
Общественная рефлексия угрозы информационной
безопасности граждан в социальных сетях 18
3. *Черникова Е.И., Назриддинов Т.А.*
Web 2.0 и структурное изменение публичной сферы 27
4. *Ельникова Г.А.*
Социологические теории общества второго порядка 36
5. *Казанцев В.П.*
Социально-экономические аспекты управления от-
дельными территориями (на примере полосы отчужде-
ния КВЖД в 1896–1905 гг.) 45
6. *Тимощук Е.А.*
Социология и феноменология П. Бергера 51
7. *Лебедев С.Д., Шмигирилова Л.Н.*
Религиозная и научная картины мира в образова-
тельном контексте 61
8. *Толстиков В.А., Аверкин Н.С.*
Влияние религиозных институтов на процессы социа-
лизации молодежи 75
9. *Трунов А.А., Рындин Е.В., Маньшев И.В.*
Интеллигенция, идеология и утопия в проекте когни-
тивной социологии К. Манхейма 85

10.	<i>Алиева Ф.Б.</i> Проблема классического, неклассического и постне-классического типов познания	97
11.	<i>Шелекета В.О., Ивахнов В.Ю.</i> Социально-этические и психологические проблемы феномена искусственного интеллекта	104
12.	<i>Упоров И.В.</i> Правящий класс в России, и как он управляет: социолого-психологический контекст и основные тенденции развития	115
13.	<i>Яхьяев М.Я., Ибрагимова А.И.</i> Социальное управление в системе функционирования общества	124
14.	<i>Кисиленко А.В.</i> Социальный капитал: от классического к современному пониманию	131
15.	<i>Целютина Т.В., Худасова О.Г., Ольшанская А.В.</i> Внедрение технологий бережливого производства: трансформация проблемного поля сферы образования	141
16.	<i>Айснер Л.Ю., Наумов О.Д.</i> Современный университет в условиях цифровизации: проблемы и перспективы	151
17.	<i>Зайцева Т.Г., Кропивка Н.В.</i> Принцип системности в исследовании культуры	155
18.	<i>Черкесова К.И., Черкесов В.И.</i> Цифровизация культуры как приоритетное направление культурной политики региона	162
19.	<i>Смыкалов Д.Г.</i> Переход от массового общества к обществу сетевых структур	166

20.	<i>Трунов А.А., Манышев И.В., Назриддинов Т.А.</i> Российская специфика института связей с общественностью	173
21.	<i>Ишков Д.Н.</i> Факторы, способствующие формированию экстремистских сообществ в молодежной среде	187
22.	<i>Ельникова Г.А., Абакумова М.М.</i> Мотивы участия молодежи в волонтерском движении	196
23.	<i>Шелякина Е.А.</i> Зарубежный и отечественный опыт управления сообществом «Волонтеры культуры»	202
24.	<i>Молчанов А.Н.</i> Причины возникновения неравенства в интерпретации российских и зарубежных социологов	210
25.	<i>Лапкин Н.Ю.</i> Механизм формирования и способы реализации жизненных стратегий студенческой молодежи	222
26.	<i>Тихомирова А.М.</i> Влияние личностных особенностей современных студентов на методы преподавания социологии	229
27.	<i>Кохан Ж.С., Рыболова Е.А.</i> О важности повышения социального статуса педагога в современном обществе	235
28.	<i>Хименес Монхе Диего Фернандо, Ревенко Н.В.</i> Профилактика асоциальных явлений в современном российском обществе	242
29.	<i>Кочepasова А.Ю.</i> Одинокое материнство как репродуктивная стратегия современной женщины	249

30. *Толстиков В.А., Романцова Р.Н., Лешенкова К.С.*
Социологические подходы к изучению института
семьи 255

Социальная психология

31. *Байрамов А.М.*
Формирование деструктивности сознания 263
32. *Щербакова Е.В.*
Роль бессознательных структур психики в формирова-
нии политических представлений человека 267
33. *Верховод Ф.С.*
Синдром эмоционального выгорания как фактор про-
фессиональной деформации личности 274
34. *Дьяченко Т.М.*
Психологические проблемы взрослых детей родите-
лей-психопатов 288
35. *Осборн М.И.*
Особенности психологического онлайн-
консультирования людей, пострадавших в токсичных
отношениях 300
36. *Цвалина Е.Е.*
Палитра деструктивных характеров и стратегии взаи-
модействия с ними 313
37. *Маркина О.А.*
Ключевые характеристики первокурсников колледжа 330
38. *Андреева Ю.В.*
Оптимистическая направленность методики К. Род-
жерса в устранении и смягчении конфликтов 339
39. *Севостьянов Д.А.*
Конфликты и инверсивные отношения 344

40.	<i>Смольникова Л.В.</i> Эмоциональный интеллект как феномен социальной психологии	350
41.	<i>Рыжкова О.А.</i> Тренинг как эффективный способ развития личностных профессионально важных качеств студентов-психологов	360
42.	<i>Скворцова Е.В.</i> Образ психолога в обыденном и профессиональном сознании	366
43.	<i>Набиева Э.И.</i> Развитие позитивной Я-концепции обучающихся	374
44.	<i>Сережко Т.А.</i> Генограмма в практике психосоциальной работы	379
45.	<i>Москаленко М.Р.</i> Влияние духовно-нравственной атмосферы в образовательной среде на качество образования	387
46.	<i>Гулиева Г.Ш.</i> Роль духовно-нравственного воспитания в формировании этнокультуроведческой компетенции	392
47.	<i>Ахмедова Э.И.</i> Проблема самообразования педагога сквозь призму междисциплинарных исследований	395
48.	<i>Кропивка Н.В.</i> Связь идеологии с мировоззрением современной эпохи	400
49.	<i>Губина А.Н.</i> Использование метафорических ассоциативных карт в развитии лидерских качеств молодежи	405

Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры

50. *Гогинава С.Е., Щербин Д.В.*
Использование физических упражнений различной
направленности на занятиях со студентами 413
51. *Щербин Д.В., Подскребышева Н.П.*
Формы и методы повышения мотивации обучающихся
в вузе 419
52. *Подскребышева Н.П., Жолудева А.В.*
Роль физической культуры в жизни студента 427

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ревенко Н.В.,

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных, социальных
и правовых дисциплин Белгородского университета кооперации,
экономики и права

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена одной из важнейших проблем современного демократического государства – проблеме гармонизации отношений гражданского общества и государства, которые играют ключевую роль в укреплении стабильности и устойчивого развития в обществе. Особое внимание уделяется становлению и развитию гражданского общества в России, его историческому своеобразию, специфике и основным тенденциям развития.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданин, государство, общественные организации, демократический процесс, общественные советы, волонтерство, благотворительность, правозащитная деятельность.

Главной проблемой современного демократического государства является гармонизация отношений и интересов общества и человека. Ведущую роль в этом процессе безусловно играет государство. Являясь субъектом политики, оно реализует, прежде всего, свои интересы в нужном ему направлении. Социальная же система охватывает совокупность объективно сформировавшихся общностей людей и взаимоотношений между ними. Это основа гражданского общества. Гражданское общество как институт свободных граждан является противовесом государству, отстаивая, прежде всего, интересы своих членов. Вместе государство и

гражданское общество выступают как две противоположности, с одной стороны, противостоящие друг другу, а с другой – тесно связанные между собой. Государство всегда пытается сдерживать развитие гражданского общества, а свободные граждане, в свою очередь, должны иметь силы и возможности противостоять этому.

Основные группы, из которых состоит гражданское общество, образуют общественные организации и объединения для эффективной защиты своих социальных прав и интересов. Объединение отдельных граждан в общественные организации для активного политического участия и влияния на государство имеет довольно разнообразные формы. Это может быть голосование, контакты с политиками, участие в митингах и демонстрациях, подписание петиций, отправление писем, членство в общественных организациях, денежные взносы. На арену социальной деятельности выходит множество негосударственных субъектов, выражающих и защищающих интересы различных слоев и институтов общества, в том числе семьи, школы, молодежи, пенсионеров, инвалидов, ветеранов.

Политический статус «гражданин» характеризует личность, чья активность не сводится только к выполнению семейных или служебных обязанностей, а предполагает политическое участие в решении самых разнообразных проблем, волнующих общество и государство. Любая трудность в развитии общества становится политической проблемой, если ее решение затрагивает интересы многих людей и зависит от волевого решения власти. Экономические проблемы, пенсионная реформа, налоги, благосостояние граждан, охрана памятников – все эти проблемы являются, в том числе, политическими, ибо требуют вмешательства власти и особого ее политического решения в рамках действующего законодательства. Нарушение закона в подлинно демократическом государстве недопустимо и невозможно, потому что эффективное функционирование демократических институтов в любой стране мира предполагает наличие правового государства и продуктивную деятельность самих институтов гражданского общества, защищающих права и свободы своих граждан [7, 8].

В современных условиях проблема взаимоотношения гражданского общества с государством является чрезвычайно важной. Их взаимодействие оказывает непосредственное влияние на функционирование всего общественного организма. Участие негосударственных субъектов в публичной политике сказывается на развитии многих сфер жизнедеятельности общества, например, здравоохранения, образования, социального обеспечения.

Современному Западу удалось найти баланс между «принципом коллективного блага, отстаиваемым абсолютистской государственностью, и принципом индивидуального блага, отстаиваемым третьим сословием» [7]. Государство и общество совместно выстраивают основы своего гармоничного сосуществования. Институты гражданского общества, институты представительства, политические партии, пресса, общественные объединения включены в единый демократический процесс. А государство вырабатывает и реализует свою политику преимущественно с привлечением институтов гражданского общества.

В России же этот процесс имеет свою специфику, обусловленную особенностями исторического развития и политической культуры. Учитывая, что демократические преобразования по западному образцу в России начались сравнительно недавно, примерно в 90-х гг. XX в., а традиции патерналистского государства и сильной неконтролируемой центральной власти остаются довольно распространенными, то и процесс формирования цивилизованного гражданского общества носит затяжной и сложный характер. В связи с этим первоочередной задачей сегодня следует считать создание эффективной системы управления на основе повышения ответственности органов власти пред обществом.

Модернизация органов власти предусматривает целый ряд преобразований, направленных на инновационное развитие административной власти и государственной гражданской службы, обеспечивающей ее деятельность. Приоритетным направлением в этой сфере выступает эффективное взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества.

Значимым событием в развитии народовластия в России явилось учреждение Общественной палаты РФ в 2005 г. [2]. Об-

шестввенная палата должна обеспечивать взаимодействие граждан России, общественных организаций, профессиональных и творческих союзов, а также иных некоммерческих организаций с органами государственной власти и местного самоуправления, для учета потребностей и интересов граждан России, защиты их прав и свобод.

Чрезвычайно важным моментом в развитии гражданского общества можно назвать учреждение Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, создание ряда общественных Фондов и организаций, выделение бюджетных средств для развития гражданского общества.

Еще одним эффективным каналом взаимодействия государства с гражданским обществом стал институт общественных советов при органах исполнительной власти и органах местного самоуправления. Им в настоящее время придается большое значение [4]. В работе общественных советов, которые создаются как консультативные образования, активное участие принимают представители общественности. Их основной задачей является согласование интересов государства и различных социальных групп посредством консультирования органов власти относительно проводимой ими публичной политики.

Общественный совет – это постоянно действующий совещательно-консультативный орган, не являющийся юридическим лицом. Процесс формирования общественных советов и палат происходит в каждом муниципальном образовании. При этом в состав общественного совета обязательно должны входить независимые эксперты и представители общественных объединений для защиты общественных интересов в соответствующей сфере.

В современных условиях все большее значение придается проблеме открытости деятельности власти и ее сотрудничества с гражданским обществом. Без этого не может быть демократического государства, поэтому в качестве еще одного этапа развития гражданского общества можно назвать формирование открытого государства. Такая модель управления основана на принципах вовлечения граждан в разработку и контроль управленческих ре-

шений, облегчения взаимодействия граждан с государственными институтами, прозрачности и понятности работы правительства.

Правовая база создания в России системы «Открытое правительство» была заложена нормами Указа Президента России от 08.02.2012 г. № 150 [5]. Согласно этому правовому акту система «Открытое правительство» создается «в целях совершенствования институтов гражданского общества, обеспечения взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации с общественными объединениями, движениями и экспертными организациями» [5]. К сожалению, по нашему мнению, возможности системы «Открытое правительство» в России используются далеко не в полном объеме, ее резерв далеко не исчерпан. Это объясняется недостаточной активностью как институтов гражданского общества, так и органов муниципальной, государственной и федеральной власти.

С 2012 г. в нашей стране действует интернет-проект «Российская общественная инициатива», позволяющий гражданам России при соблюдении определенных процедур давать свои предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Президент страны выступил инициатором процесса проведения всероссийского голосования по вопросам внесения поправок в Конституцию РФ, принятую в 1993 г. Некоторые называют это «революцией сверху». Впрочем, в России традиционно следовать реформам и преобразованиям, которые предлагает власть. Вспомнить, хотя бы отмену крепостного права в 1861 г., создание первого русского парламента в 1906 г., «перестройку» М.С. Горбачева со всеми вытекающими последствиями.

В обсуждении нынешних поправок принимает участие широкая общественность в лице Общественной палаты России с участием экспертов. Так, секретарь Общественной палаты РФ Л. Михеева предложила внести в преамбулу Конституции упоминание о роли гражданского общества в России. Она подчеркнула, что активная часть граждан «занимается волонтерством, благотворительной, правозащитной деятельностью, борьбой с коррупцией и другими видами такого бескорыстного служения» [9]. И

было бы правильно закрепить в Конституции признание и уважение такого общественного служения.

Президент РФ В.В. Путин на встрече с членами рабочей группы по разработке предложений по внесению изменений в Конституцию подчеркнул: «Смысл этих поправок – обеспечить дальнейшее развитие России как правового, социального государства, повысить эффективность деятельности институтов нашей страны, укрепить роль гражданского общества, политических партий, наших регионов в выработке важнейших решений, в развитии нашего государства».

Гражданское общество в России безусловно развивается, демонстрируя качественные изменения в своем отношении к власти и готовности диалога с ней на основе закона. За последние годы в обществе сформировался запрос на формирование нового механизма взаимодействия гражданского общества и государства, основанного на равноправии сторон.

Можно выделить следующие тенденции развития гражданского общества в современной России:

1. Протесты населения являются результатом несоответствия ожиданий населения и действия властей. К причинам, порождающим массовое недовольство можно отнести ухудшение условий жизни и снижение доходов населения страны, отсутствие последовательной социальной политики. Обещания, данные властью в реальной жизни часто не выполняются на местах. Очевидная и постоянная концентрация власти и богатства в руках немногочисленной элиты также вызывает у граждан справедливое раздражение. Новые информационные и коммуникативные технологии существенно увеличивают поток информации и, как следствие, растет уровень осведомленности и сплоченности граждан;

2. Новые субъекты гражданского общества придерживаются альтернативных ценностей включенности, участия и инноваций. К наиболее востребованным формам организации можно отнести использование социальных сетей для мобилизации ресурсов, добровольческие сообщества по всей стране, привлекающие волонтеров к новым видам деятельности на местах. Можно также

выделить такие новые способы организации гражданского общества как уличные театры, изобразительное искусство, песни, пародирование. Широкое распространение получили подача интернет-петиций, электронные подписи в поддержку чего-либо и другие формы социального активизма.

В обществе существует реальный запрос на ответные шаги со стороны государства, на активный диалог власти с гражданским обществом. Однако эффективность деятельности общественных организаций еще не в полной мере отвечает реальным потребностям формирования устойчивого гражданского общества. Главная причина этого заключается в том, что в массовом сознании до сих пор преобладают государственно-патерналистские установки, неверие в результативность гражданских инициатив и действий. Возможно это связано с наследием авторитарного режима.

Люди еще не всегда понимают значение и роль общественных организаций в жизни общества. Да и сам порядок формирования отдельных институтов гражданского общества не способствует их становлению как действенного инструмента связи государства и граждан. Например, порядок формирования общественных советов при органах государственной власти и местного самоуправления, когда совет формируется самим государственным органом, не способствует тому, чтобы в него вошли люди, способные отстаивать интересы гражданского общества.

Решать существующие проблемы необходимо. Это будет способствовать созданию нового механизма взаимодействия гражданского общества с органами власти и управления.

В ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 2020 г. Президент России отметил, что «в любом случае, при любой ситуации и на всей территории страны должны исполняться социальные обязательства государства» [6], чтобы не дестабилизировать ситуацию в стране и не подрывать доверие граждан к власти. Без этого не может быть взаимного доверия и сотрудничества между обществом и государством. Взаимное доверие и взаимодействие органов власти и гражданского общества являются необходимым условием устойчивого развития страны. Государство

должно постоянно поддерживать общественные организации, вести диалог с людьми, этим оно будет способствовать стабилизации общественной жизни и укреплению позиций гражданского общества. Ведь гражданское общество в современном демократическом государстве должно быть сильное и способное отстаивать права граждан и вести диалог в рамках закона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2017 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – Ст. 4398. – Текст : непосредственный.

2. **Российская Федерация. Законы.** Об Общественной палате РФ : Федеральный закон : [принят Государственной думой 04.04. 2005 г., № 32-ФЗ, ред. от 20.04.2014 г.)] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277. – Текст : электронный.

3. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2012. – №19. – Ст. 2338. – Текст : непосредственный.

4. Указ Президента РФ от 04.05.2006 № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам» (ред. от 23.05.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 32. – Ст. 3539. – Текст : непосредственный.

5. Указ Президента РФ от 08.02.2012 № 150 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата обращения: 09.02.2012 г. – Текст : электронный.

6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. – Текст : непосредственный.

7. **Рукавишникова, И. В.** Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества / И. В. Рукавишникова. – Текст : непосредственный // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 3 (46). – С. 66–70.

8. **Ревенко, Н. В.** Церковь, государство, гражданское общество / Н. В. Ревенко, В. А. Толстиков. – Текст : непосредственный // Миссия конфессий. – 2017. – № 19. – С. 64–77.

9. **Ревенко, Н. В.** Семья как институт гражданского общества и объект социальной работы / Н. В. Ревенко. – Текст : непосредственный // Новые подходы и методы в социологии и социальной работе : материалы международной научно-практической конференции. 29–30 марта 2018 года [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 122–138. – ISBN 978-5-8231-0857-7.

10. **Сидоренко, Г. И.** Развитие гражданского общества в современной России: тенденции и проблемы взаимодействия с государством / Г. И. Сидоренко – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/88/17074> // Молодой ученый. – 2015. – № 8. – С. 749–753. – Текст : электронный.

11. **Толстиков, В. А.** Государство, гражданское общество и социализм / В. А. Толстиков, Т. Л. Кашина, Ю. С. Извекова. – Текст : непосредственный // Новые подходы и методы в социологии и социальной работе : материалы международной научно-практической конференции. 29–30 марта 2018 года [сборник

научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 91-113. – ISBN 978-5-8231-0857-7.

Шановалова И.С.,

д-р социол. наук, профессор, зав. кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ УГРОЗЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. Глобальная открытость информации и виртуализация коммуникаций продуцируют новые риски, большая часть которых находится в зоне утраты конфиденциальности информации, охраны частной жизни человека. В статье представлены материалы общероссийского исследования и вторичный анализ данных, позволяющий увидеть существующий социальный парадокс – осознание потенциальной угрозы своим личным данным не приводит к увеличению осторожности граждан, параллельно с возникновением все новых информационных рисков активность по созданию открытого информационного глобального общества только увеличивается.

Ключевые слова: социальные сети, сетевые коммуникации, сетевые продукты, информационная безопасность.

Существующая проблема глобальной открытости информации ставит под сомнение достижимость личной безопасности, по большому счету – и право граждан на личную жизнь и ее конфиденциальность. Как правило осознание реальности такой угрозы приходит к человеку после свершившихся рисков распространения личной информации, обычно по вине самих жертв «информационного теракта». Понимание риска и установление связи

«действие-последствие» характерно далеко не для всех – более того, современные модели и поощрение сетевой репрезентации притупляют чувство самосохранения, а проявление обеспокоенности относится как правило к «социопатическим» житейским диагнозам у близкого круга субъекта.

Информационной безопасности, особенностям восприятия информационной среды, как сублокуса современной среды обитания, специфике информационного поведения (например, молодежи), были посвящены многие исследования Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета [1, 2, 3, 4, 5]. В продолжение существующих традиций мы вновь обращаемся к динамике конфигурации показателей информационной безопасности, связанной на этот раз с упрочнением и развитием практик сетевого поведения, с возникновением «сетевой реальности» – зазеркалья жизни современного (в особенности молодого) человека.

В статье представлены результаты вторичного анализа данных общероссийского опроса ВЦИОМ, предоставленные автору статьи (метод опроса – телефонное формализованное интервью, стратифицированная двухосновная случайная выборка построена на основе полного списка стационарных и мобильных телефонных номеров, задействованных на территории РФ; данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам; для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%). Проведенное исследование показывает и устанавливает, как раз, глубину противоречия – активные открытые сетевые практики в противовес к рациональному пониманию рискованного контура «последствия» у весомой части опрошенных респондентов.

Так, осознание принципиальной угрозы от утечки любой информации осознаются 43% респондентов (в наибольшей степени это чувство присуще для жителей городов-миллионников (54%), в наименьшей – для городов с численностью населения от 500 до 950 тысяч (40%)), с другой стороны ощущение безопасно-

сти от использования личной информации третьими лицами диагностируется у 52% опрошенных (рис. 1).

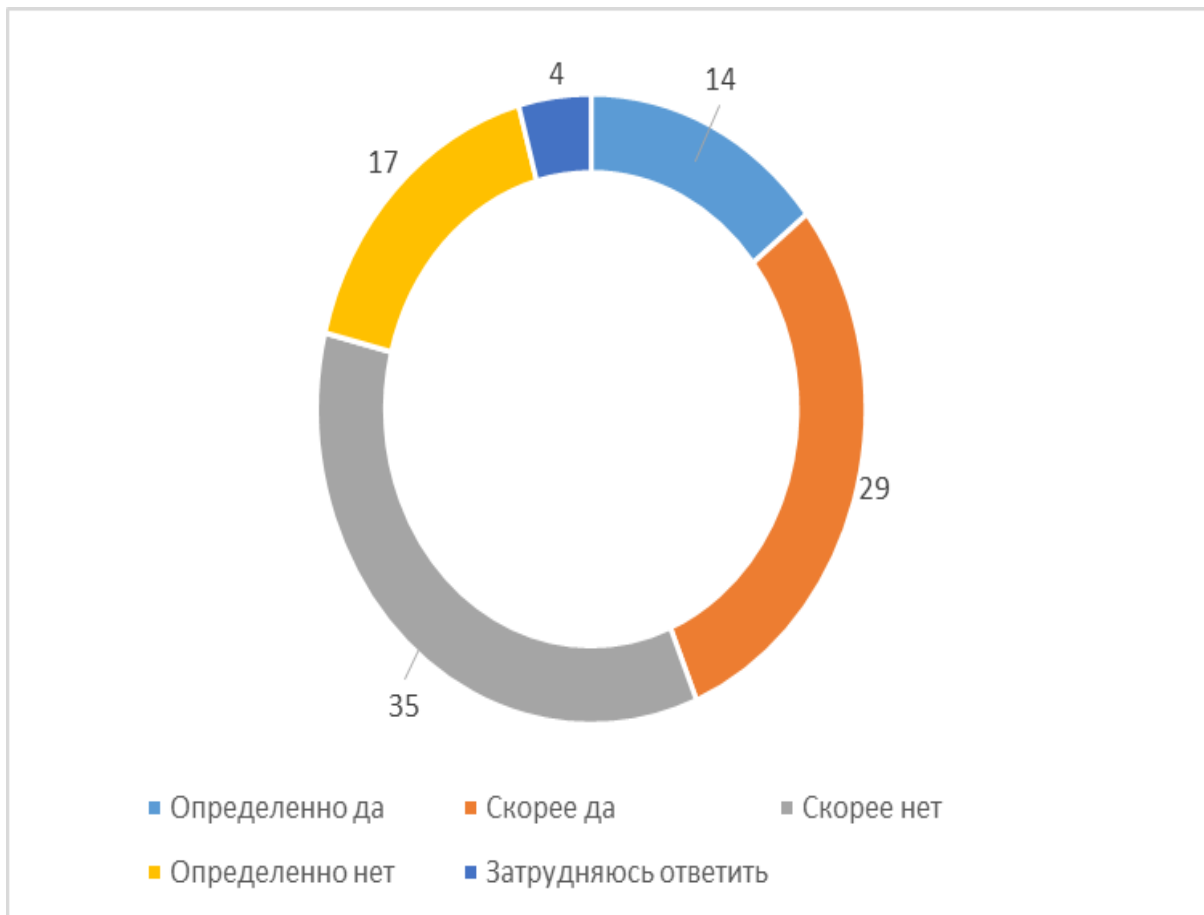

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, использование информации о Вас третьими лицами может нести какие-то угрозы для Вас, Вашей семьи или нет?»

Ощущение опасности от возможной утечки их личной информации у большей части населения можно обозначить как «смутное», безадресное (у 47%), но есть и конкретные варианты, возможности манипулирования личными данными, которые обозначают респонденты – прежде всего это, конечно, мошенничество и вымогательство денег (9%). Значимыми вариантами являются также и использование информации в коммерческих целях, например, в организации рекламы или маркетинговых стратегий (7%), для взлома страниц в социальных сетях и распространения спама (6%). Как варианты были предложены также банковские махинации, корыстные цели, отслеживание личной ситуации, статистика (3-4%).

Локализация угроз утечки личной информации через социальные сети в интервью, определила отношение респондентов к этому каналу риска (рис. 2а). 55% считают, что вероятность использования их информации через социальные сети велика. В основном было обозначено негативное отношение к этому (59%). Кстати, более возмущенными ситуацией использования их информации в социальных сетях в гендерной оценке, стали мужчины (62% в мужской выборке), а с позиции образовательного аспекта центр тяжести смещается в сторону людей без образования (78% от группы, имеющей неполное среднее образование).

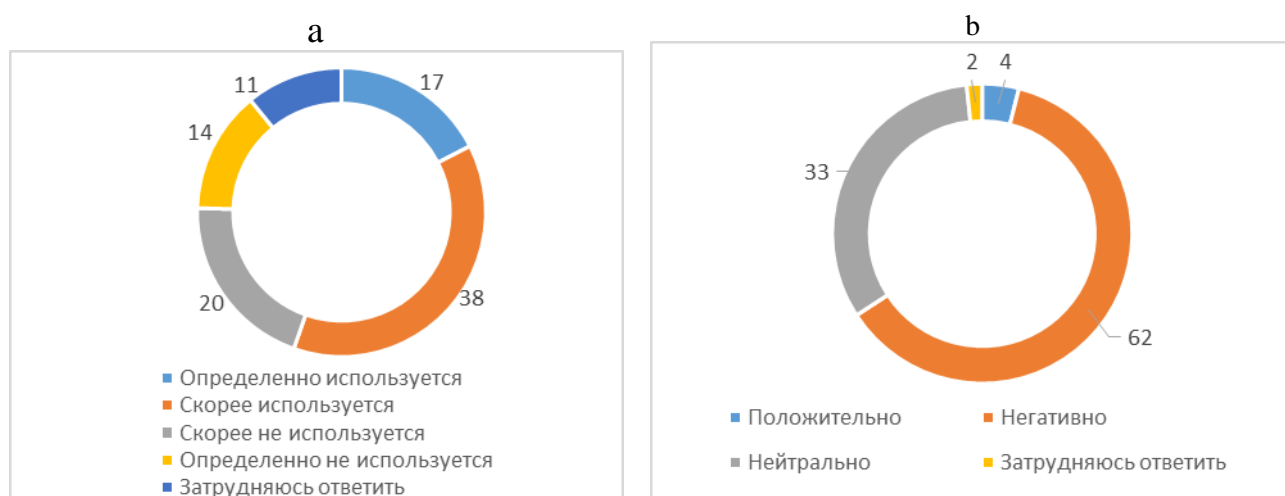

Рис. 2а. Ответы респондентов на вопрос «Как Вы думаете информация, которую Вы размещаете в социальных сетях, используется третьими лицами или нет?»

Рис. 2б. Ответы респондентов на вопрос «Операторы социальных сетей могут использовать в своих целях Ваши личные данные, для которых Вы дали согласие на обработку и использование (в том числе передавать их другим компаниям). Как Вы к этому относитесь?»

Причастность (возможность такой причастности) к ситуации утечки личной информации операторов социальных сетей возмущает 62% (рис. 2б). Негативная оценка такой возможности аккумулируется в большинстве в мнениях людей, старше 45 летнего возраст (более 70% мнений этой группы по отношению к 41% в группе молодежи (18-24 года)).

«Мнительность» старшего поколения, возможно, основана на другом опыте, так как из исследованного массива как раз молодежь регулярно размещает в большинстве своем информацию в социальных сетях (66%), в то время как среди группы лиц от 45 до 60 активными пользователями социальных сетей обозначили себя только 36%, а среди пожилых людей старше 60 лет – 26% (рис. 3).

Дальнейшая операционализация рисков и угроз для пользователей социальных сетей велась по принципу «розы риска» включения респондентов в группы, который могут стать акторами ситуации утечки личной или конфиденциальной информации через социальные сети.

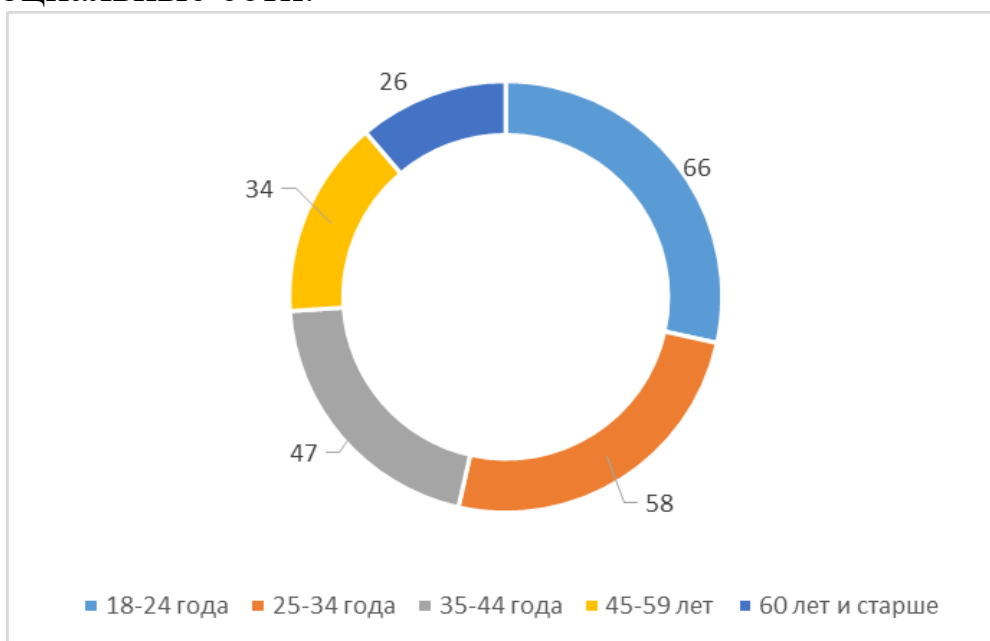

Рис. 3. Ответы респондентов на вопрос «Пользователи социальных сетей размещают разного рода информацию о себе при создании личного профиля и в процессе общения: кто-то добавляет фотографии, кто-то отмечает место отдыха, кто-то описывает свое настроение и т.д. Скажите, пожалуйста, в последние полгода-год Вы размещали какую-либо информацию в социальных сетях о себе или нет?»

Лепестками «розы» выступили сетевые действия респондентов (рис. 4). Конечно, наибольший выбор отведен самым безобидным действиям – это отметка понравившейся информации (лайк) – акт, позволяющий только обозначить субъекта, о котором может быть

собрана информация. Наиболее информативные действия – фотографии, например, на данный момент входят в сетевой актив большей части опрошенных (конечно, лидирует здесь молодежь (86%), как, в прочем, и по всем видам сетевых практик). Комментарии чужого контента – это лидер содержательной сетевой коммуникации – используется 56% респондентов.

Более личную информацию, также требующую и дополнительных временных затрат ан размещение, используют в своих сетевых практиках не более 30% пользователей. Таким образом, «местом стыковки» для субъектов манипуляции личной информацией населения становятся на данный момент фото и видео-следы наших респондентов. Комментарии чужих постов, несмотря на кажущуюся объективную неинформативность, могут выступать триггером для сбора информации о субъекте у мошенников, служб безопасности и других заинтересованных сторон (особенно в случае острого, злободневного комментария). В этом смысле нелишним будет вспомнить о том, что в последнее время в некоторых сетях была добавлена эмоциональная окраска для «лайков», что, по сути, также отнесло их в категориях необременительного комментария контента, и 85% охотно оставляют эти «сетевые следы» информации о себе.

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Бывает ли такое, что Вы совершаете следующие действия в социальных сетях или Вы никогда этого не делаете?»

Одной из задач исследования было определение оценки возможных перспектив в борьбе с утечкой личной информации через социальные сети и использованием ее третьими лицами. В связи с этим, респондентам были предложены полярные взгляды на возможность контроля использования контента личной информации самими пользователями. Большинство респондентов проголосовали за пессимистичную позицию в отношении оценки эффективности предлагаемого решения (77%), показывающую бесполезность разрешения или запрета субъекта личных данных для третьих лиц (табл.).

Таблица

Ответы респондентов на вопрос «Одни считают, что, если пользователи социальных сетей будут иметь возможность разрешать или запрещать третьим лицам использовать ту или иную личную информацию, это полностью обезопасит их данные. Другие считают, что даже такая мера не позволит полностью обезопасить личные данные пользователей. С каким мнением Вы в большей степени согласны?»

С первым: если пользователи социальных сетей будут иметь возможность разрешать или запрещать третьим лицам использовать ту или иную личную информацию, это полностью обезопасит их данные	19
Со вторым: даже такая мера не позволит полностью обезопасить личные данные пользователей	77
Затрудняюсь ответить	5

По итогам проведенного анализа мы приходим к следующим выводам:

1. Все большее распространение среди населения практик сетевых коммуникаций и присоединение социальных сетей к банку личных данных, делает актуальным вопрос о регулировании и контроле их использования, в том числе и со стороны самих пользователей. Несмотря на возрастной «перекося» сетевого сообщества, с каждым годом мы будем наблюдать все большую равномерность возрастного представительства в социальных сетях.

2. Население активно размещает в социальных сетях свою личную информацию прямого и косвенного содержания, оставляя для заинтересованных лиц «полный простор» для вариативной манипуляции ее содержимым. Объем личной информации, размещаемый пользователями в социальных сетях, растет соразмерно институциализации социального сетевого взаимодействия, референтности статуса сетевого признания – эти два фактора снижают общий фон самосохранения и заботы о конфиденциальности личной информации у пользователей социальных сетей. Несмотря на это, при осмыслении существующей ситуации большинством из них осознается угроза для личной безопасности и неприкосновенности, демонстрируются негативные эмоции относительно таких возможностей и фактов.

3. На данные момент, повсеместность использования и тиражирования личной информации снижают рациональный компонент оценки последствий. И вариантов решения этой проблемы (на техническом или административном уровне) пока нет. Наиболее действенными мерами может стать информирование пользователей о последствиях необдуманных действий в социальных сетевых коммуникациях, демонстрация кейсов результатов невнимательного отношения к своему «сетевому следу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информационные технологии поддержки принятия решений при оценке социальных рисков развития техногенных систем : монография / под научной редакцией Ю. А. Зубок, И. С. Шаповаловой, В. В. Ломакина. – Белгород : Эпицентр, 2016. – 115 с. – ISBN 978-5-9907350-8-8. – Текст : непосредственный.

2. Риски трансформирующейся среды обитания : проблема исследования и управления : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, И. С. Шаповалова ; под научной редакцией Ю. А. Зубок. –

Белгород : Эпицентр, 2016. – 208 с. – ISBN 978-5-9907865-2-3. – Текст : непосредственный.

3. **Шаповалова, И. С.** Интернет-пространство как среда (ре)конструирования ценностно-смысловых паттернов России / И. С. Шаповалова. – Текст : непосредственный // Научный результат. Социология и управление. – 2016. – Т. 2. № 2. – С. 52–62.

4. **Шаповалова, И. С.** Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи / И. С. Шаповалова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 4 (372). – С. 148–151.

5. **Шаповалова, И. С.** Информационная сфера как современный приоритет среды обитания человека / И. С. Шаповалова. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 20 (217). – С. 30–42.

Черникова Е.И.,
канд. экон. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Назриiddинов Т.А.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

WEB 2.0 И СТРУКТУРНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В статье с опорой на принципы системного подхода показано влияние Web 2.0 на структурное изменение публичной сферы. Под влиянием революции Web 2.0 произошли серьезные изменения в структуре публичной сферы. Это касается не только традиционных медиа, которые на наших глазах утрачивают завоеванные ранее позиции, но и основных способов деятельности современных индивидов и социальных групп, для которых сети публичности превращаются в важную сферу жизнедеятельности.

Ключевые слова: компьютеризация, виртуализация, публичная сфера, Web 2.0, социальные изменения.

В начале XXI в. в российском обществе и за рубежом стал широко использоваться термин Web 2.0.

Под этим термином принято понимать комплексное определение новых возможностей и направлений развития Интернета. В связи с этим следует проанализировать возможности применения технологий второго поколения в управлении обществом, в формировании общественного мнения граждан и определить их влияние на структурное изменение публичной сферы. Особое внимание необходимо уделить современным медиа-сервисам, представляющим своим пользователям возможность не только создавать оригинальный контент, но и сотрудничать в публичной сфере при обсуждении и решении важнейших социальных проблем.

Динамично шагая вперед, Интернет невидимо проникает в различные социальные институты и поглощает их. Экономика,

политика, государственная служба, наука, образование, искусство сегодня немыслимы без Интернета. По существу, на наших глазах завершаются процессы виртуализации общества, которые были с исчерпывающей полнотой рассмотрены в работах Д.В. Иванова [1–3]. Компьютеризация всех сторон и аспектов жизни – это лишь внешняя сторона данных процессов, поэтому суть виртуализации заключается не только в этом. Происходит своеобразная «замена» привычных социальных институтов их виртуальными аналогами. При этом коренным образом меняются жизнь и наши представления о ней. Мы живем в ситуации, когда образы политики, экономики, образования, науки, искусства оказываются важнее политики, образования, науки, искусства в их привычном понимании [5, 6].

Общество Модерна сформировалось таким образом, что жизнь людей четко дифференцировалась на частную и публичную. Частная предназначалась для решения обыденных проблем и принципиально не могла носить публичный характер. В свою очередь публичная сфера, представленная медиа, существовала именно для того, чтобы рационально обсуждать наиболее существенные вопросы, связанные с общественной жизнью. Процесс формирования институционализированной публичной сферы был основательно изучен Ю. Хабермасом, который убедительно показал объективную необходимость публичной сферы в обществе Модерна [4]. На ранних этапах публичная сфера была связана с деятельностью образованной публики, которая обсуждала новости в кофейнях, клубах или аристократических салонах. Позднее мнения людей стали формироваться средствами массовой информации (газетами, журналами, радио, телевидением), которые стали претендовать на статус «четвертой власти», занимая свое место в том же ряду, что власть законодательная, исполнительная или судебная.

Предполагалось, что именно СМИ транслируют знания о фактах, распространяют в обществе идеи и идеологии, осуществляют диалог, выносят на обсуждение наиболее важные вопросы, позволяющие обществу глубоко и всесторонне понимать себя. Остро стояла проблема автономности и независимости СМИ. Не

менее важной была проблема объективности и достоверности той информации, которая распространялась через газеты, журналы, радиостанции и телевизионные каналы.

Все изменилось с появлением Интернета. Сначала Интернет интегрировал в себя все основные СМИ общества Модерна. Разработчики сайтов имитировали стилистику и дизайн привычных СМИ, но опережали их в оперативности подачи материала. Многих первых пользователей Интернета приятно удивляла та скорость, с которой распространялись новости. Им также импонировало то, что они автоматически превращались в носителей некоего продвинутого знания, которое было недоступно для большинства обывателей. Разработчики сайтов в погоне за просмотрами и прибылью от рекламы шли на самые разнообразные ухищрения, например, создавали чаты, позволявшие рядовым юзерам высказывать свое мнение в комментариях или вести полемику друг с другом. Специфика Web 1.0 заключалась в том, что и сайты, и их наполнение контентом требовали специальных знаний, умений и навыков программирования. Поэтому пресловутая «интерактивность» чаще всего носила имитационный характер. Да и электронные СМИ (радио и телевидение) уверенно побеждали Интернет по охвату аудитории и масштабам воздействия.

Ситуация стала кардинально меняться с появлением сетей публичности, которые в России до сих пор неправильно называют «социальными сетями». Социальность здесь, безусловно, есть, но она имеет довольно слабое отношение к тому, что мы знаем о ней, исходя из работ классиков социологической мысли. При всем различии данных подходов, их объединяет то, что социальность рассматривается как ориентация людей друг на друга. «Я останавливаюсь перед красным сигналом светофора именно потому, что даю вам возможность пройти, когда горит зеленый». Собственно, с этой ориентации людей друг на друга и берут свое начало любые формы социальной организации, начиная от простейших, заканчивая сложными. Однако основная задача сетей публичности заключается не только в том, чтобы коммуницировать с другими людьми, пользуясь новыми технологическими возможностями, но и в том, чтобы самовыражаться, пользуясь

теми опциями, которые ранее были доступны только профессиональным программистам. По существу, огромная масса людей во всем мире получила возможность пользоваться предоставленными им платформами, наполняя их своим контентом: велением записей или блогов, размещением фото- и видеоматериалов, созданием открытых или закрытых групп. Технологии Web 2.0 позволили рядовым пользователям существенно повысить самооценку и уровень притязаний, превратиться в лидеров общественного мнения, обрести известность. При этом влияние некоторых представителей блогосферы и сетей публичности оказалось сравнимо и сопоставимо с влиянием крупнейших газет, радиостанций и телевизионных каналов. В силу целого ряда причин, на которых нет смысла останавливаться в данной статье, традиционные СМИ незаметным образом утратили свое прежнее влияние. Наступила новая эпоха и сформировался новый тип социальности, который можно назвать «информационным обществом», специально оговорив, что оно сильно отличается от тех оптимистичных фантазий, которые вызревали в головах ученых мужей в предкомпьютерную эпоху.

Интернет сегодня все больше становится своеобразным «виртуальным двойником» реального общества, который вскоре «поглотит» большую часть коммуникаций, предоставив людям возможность продавать свои способности и таланты через Интернет. Прогнозируется в скором времени создание в сети Интернет общества в целом, а большая часть социально активных пользователей Интернета воссоздадут там самих себя, развивая не только свои общественные взгляды на проблемы, но и свои социальные и творческие способности.

Думается, что в самое ближайшее время рядовые юзеры будут не только заполнять своим контентом существующие платформы, но и создавать новые, опираясь на собственные представления о желаемом и возможном. Технологии подобного типа – это дело самого ближайшего будущего. Их появление запрограммировано самим ходом развития цивилизации. Однако мы не будем забегать вперед и ограничимся анализом тех фактов, кото-

рые свидетельствует о том структурном изменении публичной сферы, которое произошло к настоящему времени.

Сегодня одной из популярнейших социальных сетей в Интернете является Facebook. В 2019 г. доход Facebook составил 21,08 млрд. долларов. В сети Facebook – 2,5 млрд. пользователей. По данным официальной статистики Facebook за 2019 г. более 60% интернет-пользователей используют Facebook.

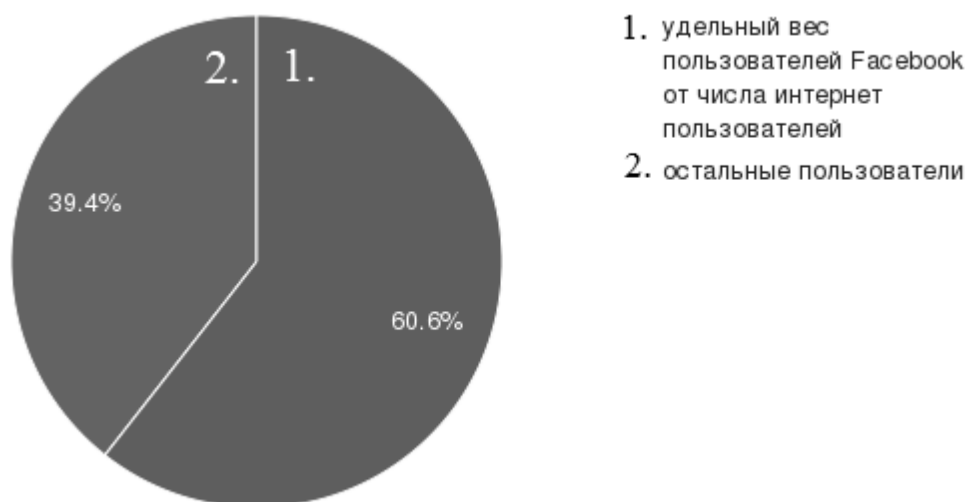

Рис. 1. Удельный вес интернет-пользователей в мире, использующих Facebook в 2019 г.

В мире 88 % пользователей Facebook используют мобильные устройства, в США этот показатель значительно меньше – 68%.

Каждую минуту в мире 400 новых пользователей регистрируются в этой сети. К Facebook пользователи обращаются в среднем 8 раз в день, тогда как в Instagram – 6, Twitter – 5, Messenger – 3 раза в день.

Facebook посещают 1, 62 млрд. пользователей, из них – 88% утверждают, что остаются на платформе Facebook для общения с друзьями и родственниками. Каждый пользователь Facebook в 2019 году в среднем имел 155 друзей в сети.

Пользователи Интернет тратят в среднем 58,5 минут в день в сети Facebook. Пользователи Facebook генерируют 4 млн. лайков каждую минуту.

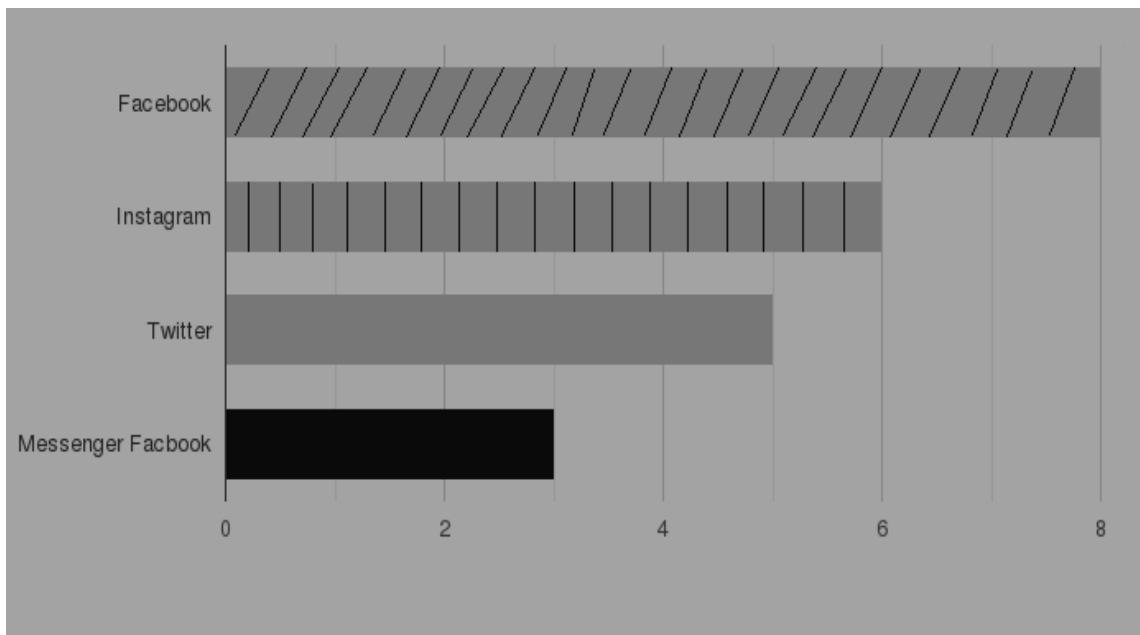

Рис. 2. Среднее число обращений пользователей к различным сетям публичности в день, в 2019 г.

Рассмотрим приоритеты интересов пользователей Facebook. Среди них: развлечения и группы интересуют 33%, новостные группы – 23%, бренды – 17%, профессиональные страницы и группы – 11%.

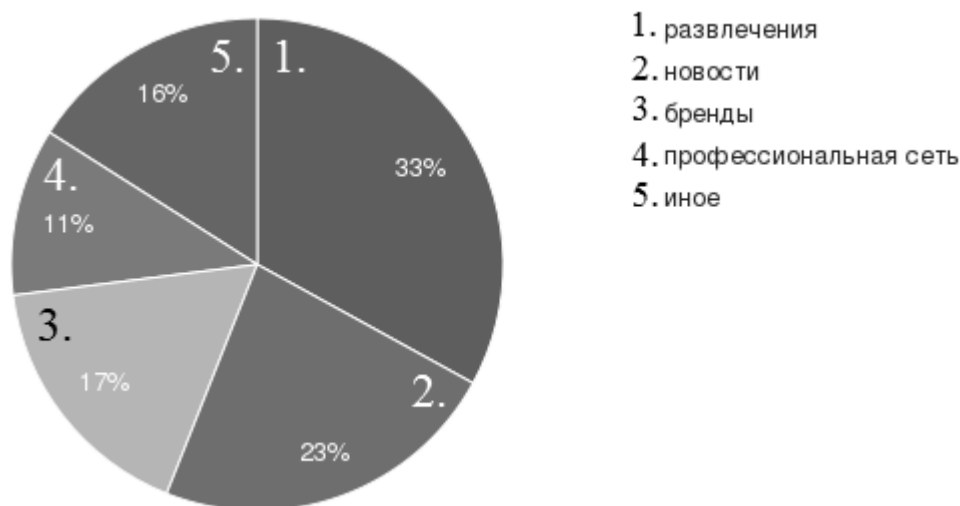

Рис. 3. Приоритеты интересов пользователей Facebook в 2019 г.

Рассмотрев половозрастную статистику Facebook следует сделать вывод, что Facebook используют 65% взрослого населения в возрасте от 50 до 64 лет.

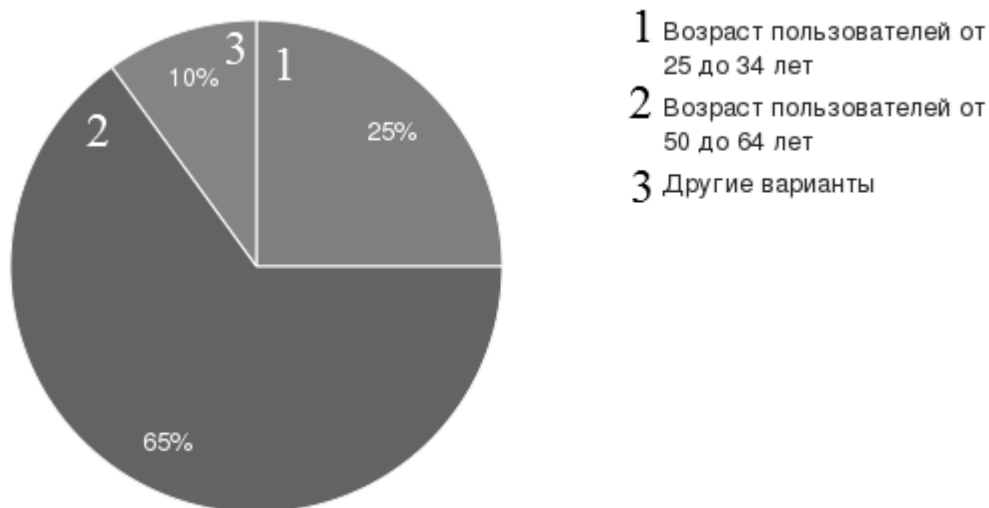

Рис. 4. Распределение пользователей Facebook по возрасту в 2019 г.

Количество пользователей Facebook в возрасте 65 лет и старше в 2019 г. увеличилось по сравнению с 2018 г. на 20%. При этом за последние два года наблюдалось уменьшение количества пользователей Facebook этой возрастной группы на 2% в день по причине того, что 53% взрослых пользователей не понимают, как оптимально использовать платформу Facebook.

В 2019 г. пользователей в возрасте от 25 до 34 лет насчитывается всего около 25%.

Среди все пользователей Facebook в 2019 г. было зафиксировано 54% пользователей женского пола и 46% – мужского.

Рис. 5. Распределение пользователей Facebook по полу в 2019 г.

В 2019 г. Facebook использовали только 51% подростков (в 2015 г. – 71% подростков). За эти годы заметно снизился удельный вес американских подростков в сети Facebook.

Рис. 6. Удельный вес американских подростков, использующих Facebook в 2015 и 2019 гг.

Во всем мире 15,9% пользователей находятся в Европе, 15,9% – в США. 41,5% – в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Все это свидетельствует о том, что под влиянием революции Web 2.0 произошли серьезные изменения в структуре публичной сферы. Это касается не только традиционных медиа, которые на наших глазах утрачивают завоеванные ранее позиции, но и основных способов деятельности современных индивидов и социальных групп, для которых сети публичности превращаются в важную сферу жизнедеятельности. Бизнесмены, политики, культуртрегеры сегодня широко представлены в сетях публичности. Из сферы развлечений сети публичности трансформировались в инфраструктуру, которая обеспечивает практически бесперебойный поток коммуникаций между производителями информационного контента и значимыми для их деятельности сегментами общественной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванов, Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с. – ISBN 5-85803-203-6. – Текст : непосредственный.
2. **Иванов, Д. В.** Время Че: альтер-капитализм в XXI веке / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2012. – 352 с. – ISBN 978-5-85803-452-0. – Текст : непосредственный.
3. **Иванов, Д. В.** Глэм-капитализм / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2008. – 176 с. – ISBN 978-5-85803-375-2. – Текст : непосредственный.
4. **Хабермас, Ю.** Структурное изменение публичной сферы / Юрген Хабермас ; перевод с немецкого В. В. Иванова. – Москва : Весь мир, 2016. – 344 с. – ISBN 978-5-7777-0627-0. – Текст : непосредственный.
5. **Черникова, Е. И.** Профилактика деструктивного общения в социальных сетях / Е. И. Черникова, Т. А. Назриллинов. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26–28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 6–22. – ISBN 978-5-8231-0868-3.
6. **Черникова, Е. И.** Виртуальный человек в иллюзорном мире / Е. И. Черникова, А. А. Трунов, А. Е. Ведерников. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4–6 апреля 2016 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Изд-во БУКЭП, 2016. – С. 60–73. – ISBN 978-5-8231-0527-9.

Ельникова Г.А.,
д-р социол. наук, профессор Белгородского университета
кооперации, экономики и права

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА ВТОРОГО ПОРЯДКА

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение теорий общества второго порядка, в которых дается содержательное описание исторически конкретного общества посредством выявления его качественных доминант. Рассматриваются конкретные социологические теории общества второго порядка и история их возникновения. С позиций теорий общества второго порядка дается характеристика современного общества.

Ключевые слова: социология, общество, теории общества первого порядка, теории общества второго порядка.

Понятие «общество» является фундаментальной категорией социологии. Однако данное понятие может раскрывать, с одной стороны, представление о том, что такое общество вообще, как оно устроено и как функционирует; с другой стороны, понимание того, что собой представляет данное, конкретно-историческое общество.

При изучении социологических теорий общества их, как предлагает Н.Л. Полякова, можно разделить на формальные (методологические) и материальные (конкретно-исторические, содержательные) концепции [6]. Однако, отталкиваясь от предложения Н.Л. Поляковой, мы предлагаем методологические концепции общества рассматривать как теории общества первого порядка, а конкретно-исторические концепции – как теории общества второго порядка.

Целью данной статьи является рассмотрение теорий общества второго порядка, в которых дается содержательное, описа-

ние исторически конкретного общества посредством выявления его качественных доминант.

Первой концепцией общества, которую можно отнести к теориям общества второго порядка, следует считать теоретическую разработку концептуальной модели промышленного капиталистического общества, или индустриального общества.

Сам термин «индустриальное общество» был введен еще Клодом Анри Сен-Симоном и обозначал общество, основанное на промышленном способе хозяйствования, имеющим гибкие, динамичные и модифицирующиеся структуры, социокультурную регуляцию, опирающуюся на сочетание свободы личности и интересов общества. Для этих обществ характерно развитое разделение труда, развитие средств массовой коммуникации, урбанизации. Теории индустриального общества нашли свое отражение в работах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, К. Маркса и других социологов второй половины XIX в.

С началом XX в. кардинальным образом меняется социальная реальность, которая позволяет выделить новые качественные характеристики общества. Появляются теории общества «организованного капитализма» (Р. Гильфердинг, К. Реннер, О. Бауэр) и «государственно-монополистического капитализма» (В.И. Ленин), возникшие в рамках марксистского социализма и констатирующие отмирание эпохи свободной конкуренции, господство монополий, усиление значимости финансовой сферы. При имеющемся различии этих теорий их точкой отсчета является, прежде всего, экономическая сфера и изменения, происходящие в ней.

Приоритет экономике отдают и возникшие несколько позднее в среде американских социологов теории «менеджерального общества» – теории, которые рассматривают крупномасштабные организации и корпорации в качестве главных и отличительных характеристик общества и делают их функционирование основным объектом своего анализа. Создатель данной теории Т. Веблен [3] исходил из того, что научно-технический прогресс привел к созданию крупномасштабного машинного производства, потребовавшего колоссальных капиталовложений и создания акционерного капитала. Результатом этого стали трансфор-

мация природы собственности и формирование новой профессиональной группы – инженеров и техников, которая заняла первостепенное значение не только в сфере производства, но и в обществе в целом.

К теориям менеджериального общества близки возникшие на их критике теории корпоративного общества (Ч.Р. Миллз, Д. Бернхэм, П. Друкер, У. Уокер), в которых корпорация как главная форма социальной организации во всех сферах жизни становится основным предметом исследования. С точки зрения создателей этих теорий, именно корпорация является тем социальным институтом, который устанавливает стандарты образа жизни в рассматриваемых ими обществах; той социальной организацией, которая осуществляет управление социальной жизнью на всех уровнях и во всех сферах – экономической, технической, ценностно-символической.

В середине XX в. большое распространение получили теории массового общества, в центре внимания которых находилась новая социальная реальность, обозначаемая как массовое общество.

Теории массового общества, представляющие собой большое количество разнообразных концептуальных моделей процессов и явлений массового общества, построены на различных теоретических, методологических и идеологических позициях. При этом выделяются два основных направления разработки теорий массового общества: европейское социально критическое и американское ценностно-нейтральное.

Массовое общество, с позиций теорий общества, представляет собой реальную социальную, экономическую и культурную практику, формирующуюся на основе массового производства, массового потребления, массовой культуры. В массовом обществе господствует стандарт, являющийся доминантой производства и потребления, сферы досуга и всего образа жизни человека.

Массовое общество генерирует и массовую стандартизированную и общедоступную культуру. Массовое общество опирается на стандарт, который демократичен и гомогенен, характерен для всех слоев населения, не подвержен социальной иерархии.

Одной из доминантных форм стандарта и, прежде всего, в сфере потребления выступает мода. Вместе с массовым стандартизированным обществом зарождается и механизм его функционирования и дальнейшего развития – реклама.

Среди значительного количества теорий массового общества необходимо выделить следующие. Во-первых, это теория Хосе Ортеги-и-Гассета, который в работе «Восстание масс» [5] первым сформулировал основные опорные моменты теории массового общества. Теория массового общества у Х. Ортеги-и-Гассета основывается на трех главных положениях: диагнозе эпохи, признании социального характера массового человека и концепции кризиса национального государства как формы организации социальной и экономической жизни.

Положения теории массового общества Х. Ортеги-и-Гассета, обогащенные идеями таких мыслителей, как, например, Э. Фромм, позволили дальше развивать эту теорию; что и было сделано в работах Д. Рисмена, Э. Шилза, Г. Блумера.

На основе теоретической схемы массового общества, изложенной в рамках концепции Х. Ортеги-и-Гассета, строятся и теории тоталитарного общества (Х. Арендт, К. Мангейм и другие). Тоталитарные общества носят конкретно исторический характер и являются порождением XX в. Создатели теорий тоталитарного общества в социологии демонстрируют, что такой тип обществ возникает в рамках массового общества. Исследователи выделяют две основные группы теорий тоталитарного общества: первую группу составляют так называемые «проективные теории» (Э. Юнгер, В. Зомбарт), которые были разработаны в условиях только зарождающихся тоталитарных обществ и в которых на основе критики буржуазного (массового) общества дается позитивная оценка отдельным вариантам тоталитарного общества, таких как «рабочее государство» и «немецкий социализм». Вторую группу составляют исследовательские теории (Х. Арендт, К. Мангейм), в которых социологическому анализу подвергаются уже существующие тоталитарные общества. В этой группе тоталитаризм рассматривается как злокачественное отклонение, аномийная форма развития массовых обществ (Х. Арендт); нежелательная

форма планируемого (развивающемуся по плану) общества (К. Манхейм).

В середине XX в. также новое звучание получили теории индустриального общества, обогащенные новыми идеями и основанные на новых социальных реалиях. Они кардинальным образом отличались от теорий индустриального общества второй половины XIX в. В центре их внимания оказался научно-технический прогресс, определивший качество и тип нового индустриализма. Именно его осмысление и решение проблемы взаимоотношений науки и техники, с одной стороны, и социальной и культурной сфер, с другой стороны, легли в основу новых теорий индустриального общества.

Теории индустриального общества в середине XX в. начали развиваться как критическая теория в рамках Франкфуртской школы. В работах М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Г. Маркузе научно-технический прогресс не рассматривается в качестве безусловного блага и прогресса во всех сферах общества, как это было в работах классиков социологии, а отмечаются его негативные последствия. Вышеназванные авторы вскрывают глубинные механизмы подавления и господства, овеществления и отчуждения человека: научно-техническая и социальная тенденции, с давних времен переплетавшиеся друг с другом, окончательно сходятся в тотальном охвате человека. Бесконечный научно-технический прогресс, по их мнению, обернулся для человека бесконечным регрессом, выхолащивая его самость и превращая его в манипулируемый внешними силами и организациями автомат. Также культура индустриального общества понимается ими как культуриндустрия, основной целью которой является подчинение человека и тотальный контроль над индивидуальным сознанием и обществом в целом.

Теория развитого индустриального общества французского социолога Р. Арона [1] представляет собой специфический взгляд на фундаментальные составляющие индустриального общества. Индустриальное общество для него главным образом идеальная, исследовательская модель. Ученый рассматривает развитое индустриальное общество в двух сложившихся в условиях современ-

ной ему социальной реальности формах: капиталистическое и социалистическое, выступая при этом против теории конвергенции.

С его точки зрения, любое индустриальное общество есть общество технологичное и научное, и между наукой и технологиями существует хоть и не прямолинейная, но тесная взаимосвязь, которая способствует процессу деидеологизации. Но в целом в развитом индустриальном обществе господствующая роль принадлежит бюрократии, которая и определяет основные направления социальных процессов и приводит, в конечном счете, к новому состоянию общества, обозначаемого как постиндустриальное.

С 80-х гг. XX в. в социологии среди теорий общества лидирующее положение начинают занимать теории постиндустриального общества, наиболее признанными авторами которых являются Д. Белл и А. Турен. Сам термин «постиндустриальное общество» был введен Д. Беллом [2].

Эти теории концентрируют внимание на кардинальных изменениях (технологических, социальных, экономических, культурных), которые происходят в обществе. Анализируя эти изменения, они представляют постиндустриальное общество как сервисное общество, т. е. общество, в экономике которого главную роль играет не промышленность или сельское хозяйство, а сфера услуг. Причем к сфере услуг они относят науку, образование, медицину, государственное управление. Именно сфера услуг, с точки зрения теоретиков постиндустриального общества, играет главенствующую роль в нем и выступает в качестве главного «работодателя».

Социологи отмечают, что сфера услуг современного постиндустриального общества – это, прежде всего, «индустрия знаний». Такое заявление вызывает появление термина «информационное общество». Уже Д. Белл заявлял, что «информационное общество – это постиндустриальное общество, в котором развивается информационная революция» [2]. И в социологической науке формируется группа концепций, которые можно обозначить как «теории информационного общества». К числу их основных разработчиков следует отнести Э. Тоффлера, Ф. Ферраротти и М. Кастельса.

Э. Тоффлер предлагает свою периодизацию истории человеческого общества, разбивая ее на три волны: первая волна – доиндустриальное общество; вторая волна – индустриальное общество; третья волна – супериндустриальное (или информационное) общество. При этом он обращает внимание на то, что супериндустриальное общество – это не просто высокоразвитое общество предыдущего периода, а это совершенно новая цивилизация, основывающаяся на высоком уровне развития компьютерных технологий, информатизации и на новых способах организации [7].

Иными словами, начиная с Э. Тоффлера сторонники теории информационного общества считают, что в конце XX в. появляется совершенно новое общество с качественно новыми характеристиками, обусловленными информационными технологиями.

В современной социологии теории постиндустриального общества и теории информационного общества, пересекаясь по многим моментам, продолжают активно развиваться. Однако нерешенным остается вопрос об их соотносительности друг другу. Существует несколько точек зрения. Первая заключается в том, что понятие «информационное общество» является одним из обозначений и описаний общества постиндустриального; вторая – информационное общество – частный случай общества постиндустриального; третья – информационное общество следует за постиндустриальным обществом, в свою очередь за ним наступит общество знаний.

В начале XXI в. теории обществ второго порядка продолжают формироваться под воздействием двух фундаментальных процессов: развития информационных технологий и глобализации. Эти процессы, сущностно меняя общество, диктуют необходимость пересмотра самих методологических оснований теорий общества. На смену принятому в условиях классической и постклассической социологии принципу универсализма приходит принцип глобальной вариативности. Глобальная социология – это рассмотрение мира как совокупности структурированных социальных и культурных систем, разнообразно взаимодействующих друг с другом, а не как территории, на которой живет вовлеченное в эволюцию и модернизацию человечество. Глобалист-

ское основание современной социологии проявляется в отказе от теории общества, увязанной с территориальными границами и национально-государственной организацией. Начало этому было положено в работах И. Валлерстайна [6].

В рамках глобальной социологии наибольший интерес представляет теория сетевого общества (или сетевого информационного капитализма) М. Кастельса [5], основывающаяся на новой «технологической парадигме», которая предполагает рассмотрение общества как новых сетей информационных технологий. Современное государство – это не нация-государство, а сетевое государство, создающее сложную сеть распределения власти и распределяющее принятие решений между международными, мультинациональными, национальными, региональными, локальными, негосударственными политическими институтами.

Завершая рассмотрение теорий общества второго порядка, следует отметить, что концептуализация понятий «общество» и его конкретно-исторических экспликаций продолжается и дополняется новыми смыслами, исходя из изменений самой социальной реальности и внешних факторов воздействия на нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арон, Р.** Демократия и тоталитаризм / Р. Арон : перевод с французского Г. И. Семенова. – Москва : Текст, 1993. – 301 с. – ISBN 5-87106-073-0. – Текст : непосредственный.

2. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл : перевод с английского под редакцией В. Л. Иноземцева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Academia, 2004. – 940 с. – ISBN 5-87444-203-0. – Текст : непосредственный.

3. **Веблен, Т.** Теория праздного класса / Т. Веблен ; перевод с английского С. Г. Сорокиной. – Москва : Прогресс, 1984. – 367 с. – Текст : непосредственный.

4. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс ; перевод с английского О. И. Шкаратана. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – ISBN 5-7598-0069-8. – Текст : непосредственный.

5. **Ортега-и-Гассет, Х.** Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет : перевод с испанского и вступ. статья Г. М. Фридлендера. – Москва : Искусство, 1991. – 592 с. – ISBN 5-210-02441-1. – Текст : непосредственный.

6. **Полякова, Н. Л.** Теория общества в современной теоретической социологии / Н. Л. Полякова // Современные социологические теории общества. – Москва : ИНИОН РАН, 1996. – С. 3–26. – Текст : непосредственный.

7. **Тоффлер, Э.** Третья волна / Э. Тоффлер ; перевод с английского А. Мирер [и др.]. – Москва : Текст, 2004. – 487 с. – ISBN 5-17-011040-5. – Текст : непосредственный.

Казанцев В.П.,
д-р ист. наук, доцент Смольного института
Российской академии образования

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛОСЫ ОТЧУЖДЕНИЯ КВЖД В 1896–1905 гг.)

Аннотация. Эффективность выстроенных управленческих и коммуникационных взаимодействий во многом определяют успешность реализации проекта. В данной статье рассмотрен российский опыт управления регионами в уникальный период, когда страна организовывала управление, а значит и решение социально-экономических проблем на территории, полученной в концессию и формально являвшейся частью другого государства. Речь идет об управлении полосой отчуждения КВЖД. В управлении полосой отчуждения сочетались два основных аспекта: технико-экономический – управление самой железной дорогой; и гражданский – организация и управление гражданской жизнью на территории полосы отчуждения КВЖД, решение социально-экономических проблем существования дороги и ее штата, а также разрешение проблем, связанных с присутствием в полосе отчуждения подданных Китая.

Ключевые слова: управление регионами, отдельные территории, гражданское управление полосой отчуждения, КВЖД, управление на железной дороге.

В российском опыте управления регионами есть уникальный период, когда страна организовывала управление, а значит и решение социально-экономических проблем на территории, полученной в концессию и формально являвшейся частью другого государства. Этот опыт связан с подписанием обязательства (контракта) на строительство Китайской Восточной железной дороги 27 августа 1896 г. (далее – Контракт) [1]. Одна из главных особенностей предприятия КВЖД заключалась в том, что официально строительство декларировалось как исключительно ком-

мерческое (частное) и находилось под контролем Министерства финансов.

Гражданское управление полосы отчуждения КВЖД, в соответствии с ст. 6 Контракта, входило в общую систему управления частной акционерной компании «Общества Китайской Восточной железной дороги», действовавшего на основании Устава Общества [5]. Ряд направлений административной деятельности Общества КВЖД осуществлялись с одобрения министра финансов. Руководящими органами компании, в соответствии с пп. 18–24 Устава, были Общее собрание акционеров и Правление. Боксерское восстание 1900 г. выявило недостатки в организации безопасности в полосе отчуждения КВЖД. Министр финансов согласился с доводами Военного министерства относительно включения его представителя в Правление. 3 октября 1900 г. в п. 19 Устава внесли изменения об увеличении состава Правления. Общие собрания акционеров созывались регулярно до 1916 г., когда вследствие революционных событий, как в России, так и в Китае, сношения Правления с администрацией дороги было прерваны.

Система руководящих элементов и органов компании «Общество КВЖД» в целом соответствовала существовавшей в Российской империи в конце XIX в. организационной модели акционерных обществ [7].

Официальной датой начала строительства дороги, в соответствии с п. 5 Устава Общества, считается 16 августа 1897 г. Весь период сооружения дороги (1897–1903 гг.) полномочия Строительного управления распространялись и на гражданское управление полосы отчуждения, и осуществлялось главным инженером и его помощником. По вводу дороги в эксплуатацию, все организационные и управленческие полномочия были переданы управляющему дорогой. Всем инженерам и служащим, состоявшим на службе по ведомству министерства путей сообщения, при переходе на службу в Общество КВЖД сохранялись права действительной государственной службы. Преференции и льготы также предоставлялись почтово-телеграфными служащими и медицинскими работниками МВД.

Хотя территория строительства была слабо заселена, что привело к пониманию необходимости создания взаимодействующего органа, правомочного разбирать споры между китайской администрацией и управлением дороги. По инициативе главного инженера в 1899 г. с китайскими властями Мукденской, Гиринской и Хэйлунцзянской административных регионов были заключены соглашения об образовании «дипломатических бюро» или смешанных коллегий [4]. Их основной задачей стало решение дел напрямую или косвенно затрагивавших интересы дороги, ее служащих, поставщиков материалов, подрядчиков и китайцев, проживавших в полосе отчуждения. Со стороны администрации дороги в состав Руководящего органа (Бюро) входили лица, назначаемые главным инженером. Руководителями были представители местной китайской администрации, но их кандидатуры согласовывались с главным инженером. Подобная форма регулирования отношений между китайским населением, с одной стороны, дорогой и русским населением, с другой, по дальновидности и оригинальности уже современниками оценивалась как крупный социально-политический и институциональный успех России [4].

Руководящий орган (Бюро), помимо судебных полномочий, имели право посредничества между дорогой и населением. Большое практическое значение имел п. 11 договора между главным инженером и местным руководителем провинции Хэйлунцзян от 22 сентября 1899 г. о создании местного бюро, по смыслу которого на главный Руководящий орган (Бюро) в Харбине возлагалась обязанность проверять и утверждать все акты на отчужденные земельные участки. Это сразу ставило процесс отчуждения под контроль руководства дороги и устраняло возможности наживы со стороны местных чиновников, что укрепило доверие китайского населения к деятельности Руководящего органа (Бюро).

В соответствии с учредительными документами, обеспечение охранного сопровождения общественного порядка на территории, полученной в концессию и формально являвшейся частью другого государства передавалась специальным сотрудникам до-

роги по полицейскому надзору, назначаемых Организацией (Обществом) и было решено учредить особую Охранную стражу и укомплектовать ее вольнонаемными армейскими чинами, вышедшими в запас [4].

Нормы ст. V русско-китайского договора от 22 мая 1896 г. исключали возможность введения в Маньчжурию российских регулярных войск. Специальный орган по полицейскому надзору (Охранную стражу) нужно было создавать на добровольных (вольнонаемных) началах. Представители ведомств пришли к соглашению, что удобнее всего личный состав набирать из регулярных строевых частей, с перечислением их в запас, но с сохранением всех преимуществ военной службы. Вольнонаемный принцип комплектования не исключал формирования охранных органов как военной организации и снабжения их вооружением из запасов Военного ведомства, но за счет Общества КВЖД. В ноябре 1900 г. в Санкт-Петербурге была принята инструкция «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии». Документ вступил в силу 4 декабря 1900 г. Статус КВЖД документ не затронул, она осталась в ведении министерства финансов, но администрация дороги по всем спорным вопросам получила право обращаться непосредственно к местным китайским властям. В 1902 г. два государства заключили договор, куда частично вошли «Основания». В обмен на вывод войск из Маньчжурии к сентябрю 1903 г. Россия получила подтверждение Китаем контракта на строительство.

Летом 1903 г. планировался ввод дороги в эксплуатацию на всей линии движения. Министр финансов предложил императору передать в его ведомство разработку проекта управления полосой отчуждения [4].

1 (14) июля 1903 г. Строительное управление КВЖД передало дорогу эксплуатационному управлению. Аппарат управления дорогой был сформирован в соответствии с введенными в действие 1 июля 1903 г. приказом управляющего дорогой № 2 «Общими основаниями организации управления территорией КВЖД». Административная система на начало эксплуатации дороги включала 11 подразделений, из которых под № X значился

Отдел Гражданского управления и земельного устройства. В ведении руководителя X-го отдела находились все чины гражданского управления, городские и сельские учреждения. В составе отдела самостоятельной структурной единицей был выделен учебный подотдел, контролировавший работу как специальных (технических и железнодорожных), так и общеобразовательных учебных заведений [4].

При формировании общей концепции управления дорогой необходимо было учесть различия условий администрирования в полосе отчуждения и на железных дорогах. Это вызвало необходимость расширения полномочий должностных лиц компании и значительную децентрализацию в управлении дороги. Только после подписания договора система управления стала эволюционировать в сторону большей централизации.

После учреждения Особого наместничества на Дальнем Востоке, «верховное попечение о порядке и безопасности в местностях, состоящих в пользовании» КВЖД передавалось наместнику [6]. В начале августа для разработки административной реформы при наместнике была создана Порт-Артурская комиссия. Заключение комиссии и «Общие основания организации управления территорией КВЖД» стали основой для «Временных правил о гражданском управлении в полосе отчуждения КВЖД», введенных в действие в декабре 1903 г. В период войны 1904 – 1905 гг. изменений в гражданском управлении КВЖД не проводилось.

Таким образом, в первый период функционирования предприятия КВЖД – с 1 июля 1903 г. до конца 1905 г. – решение всех социально-экономических проблем и гражданское управление в полосе отчуждения совмещалось с общим управлением строительством дороги, а полномочия полиции осуществляла Охранная стража КВЖД. Самостоятельного органа, управляющего гражданской частью полосы отчуждения КВЖД на основании соответствующих специальных нормативных правовых актах, создано не было. В управлении дорогой объединялись два аспекта: 1) технико-экономический – управление самой железной дорогой; 2) гражданский – организация и управление гражданской жизнью на территории полосы отчуждения КВЖД, решение со-

циально-экономических проблем существования дороги и ее штата, а также разрешение проблем, связанных с присутствием в полосе отчуждения подданных Китая.

Опыт управления и решения социально-экономических проблем, возникающих в отдельных обособленных территориях очень важен для использования в процессе подготовки кадров, как в гражданской, так и в военных сферах [2, 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гримм, Э. Д.** Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842 – 1925 гг.) / Э. Д. Гримм. – Москва : Инст. востоковедения, 1927. – 218 с. – Текст : непосредственный.

2. **Евдокимов, К. В.** К вопросу о совершенствовании системы военного образования в России / К. В. Евдокимов, Д. В. Беркин. – Текст : непосредственный // Инновации в образовании. – 2004. – № 4. – С. 16–23.

3. **Евдокимов К. В.** Научно-методический аппарат моделирования подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров по приоритетным отраслям экономики в условиях членства России в ВТО / К. В. Евдокимов, В. И. Саморуков, Л. В. Панкова. – Текст : непосредственный // Евразийское Научное Объединение. – 2015. – Т. 2. № 7 (7). – С. 128–131.

4. **Нилус, Е. Х.** Исторический обзор КВЖД 1896–1923 гг. По поручению Правл. о-ва и под ред. спец. комис. сост. агент Правл. о-ва : в 2-х т. Т. 1 / Е. Х. Нилус. – Харбин : Типография Правл. Общества Кит. Вост. ж. д., 1923. – XVIII, 690 с. – Текст : непосредственный.

5. Полное собрание законов Российской империи – III. Т. XVI. 1896. Отд. 1. № 13486. – Санкт-Петербург, 1899. – 823 с. – Текст : непосредственный.

6. Полное собрание законов Российской империи – III. Т. XXIII. 1903. Отд. 1. № 23319. – Санкт-Петербург, 1905. – 398 с. – Текст : непосредственный.

7. Шепелев, Л. Е. Акционерные компании в России: XIX–начало XX века / Л. Е. Шепелев. – Санкт-Петербург : Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 600 с. – ISBN 5-288-04152-0. – Текст : непосредственный.

Тимощук Е.А.,

канд. филос. наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы

СОЦИОЛОГИЯ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ П. БЕРГЕРА

Аннотация. Читателю предлагается итог развития социокультурной феноменологии Питера Бергера. Этот теоретический подход оказал большое влияние на гуманитарное знание. Технократическое поглощение субъекта – это опасный путь дефляции философии, ее низведения до информационного обеспечения техногенного общества и обслуживания науки. В этой связи растет значимость творчества П. Бергера.

Ключевые слова: Питер Бергер, реификация, феноменология жизненного мира, гуманизация повседневности, десекуляризация.

В 2017 г. скончался ведущий представитель социокультурной феноменологии Питер Бергер. Это произошло через год после смерти его коллеги и товарища Томаса Лукмана. Их трактат «Социальное конструирование реальности» (The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, 1966) остается одним из самых влиятельных и авторитетных текстов в современной социологии. Значимость творчества американского философа заключается в его результативной переработ-

ке идей Э. Гуссерля по отношению к ценностно-смысловому миру общества и культуры.

Жизненный мир, по П. Бергеру, – это *finite province of meaning*, убежище смыслов, пристанище повседневности. Это пространство, где есть место пониманию и подвигу для своих. Повседневность получает высокий статус благодаря включенности индивида в этот мир и способности переходить от одной повседневности к другой. Интенциональность подобна фонарю, освещающему разные аспекты реальности, подручные в настоящий момент для индивида. Своя повседневность признается нормальной, не нарушающей пределов здравого смысла. И те, кто разделяют этот жизненный мир, получают особый статус. В то время как иные, молчаливое большинство, погруженное в свою повседневность, маркируется как нейтральное. А те, кто покушается на стабильность жизненного мира, оцениваются как враги.

Актуализация Другого возвращает нас к концепции конкретизации Ингардена, который на примере художественного произведения показал, что это не только совокупность сказанного, но и сумма минус стратегий, остающихся за кадром, но подразумеваемых. Так и в социальной жизни, огромное количество процессов происходит за спиной субъекта и для того, чтобы столкнуться с ними его интенциональность должна включиться. Без интереса к иной повседневности, интенциональность остается в сумерках. В этом контексте ученый-гуманист – это тот, кто стремится свести горизонты повседневности в более широкую панораму, сделать из множества разрозненных индивидуальных набросков обобщенную социальную конструкцию [1, 2].

Понимание Другого возможно внутри его повседневности как реальности *par excellence*. Именно в этой сфере сознание генерирует смысложизненные структуры, социальные порядки, объективации иных умвельтов, проекции прошлого на будущее. Отдельные локусы социальной памяти переплавляются в повседневности и становятся новыми точками сборки реальности. Могилы вчерашних государственных преступников ресакрализуются и конструируются как места силы новой государственности. Процессы героизации мертвых можно наблюдать в деятельности

отдельных социальных групп на Кавказе, Украине, Прибалтике. Это репрессивная тривиальность, массовое производство героических образов, «конструкция и упаковка продукта – красота лжи... Нас поощряют к восхищению яркими обманами самого консьюмеризма» [3, с. 256].

Когда Бергер был директором Института изучения экономической культуры в последние годы, он изучал отношения между глобальными социально-экономическими изменениями и широким кругом вопросов – культурой, убеждениями, ценностями, образом жизни. Бергер всегда исходил из полезности межнациональных исследований [4, 5]. Даже если исследователь интересуется только собственным обществом, его всегда можно гораздо лучше понять, сравнив с другими.

Бергер проявлял живой интерес к вопросам социального развития и государственной политики. В частности, он изучал отношения между социально-экономическими изменениями и культурой отношения между капитализмом и демократией [6]. Обычно считается, что капитализм и демократия суть сопутствующие процессы: первый является условием народовластия, а демократия обязательно приводит к рыночным отношениям. Несмотря на то, что это верно в западных обществах, где нельзя найти капитализма отдельно от рыночной экономики, Бергер указывает, что не всегда рынок и демократия комплементарны: могут быть капиталистические общества, в которых отсутствуют демократические институты. Однако, демократическое общество с социалистической экономикой не известно, поэтому в отношениях рынка и демократии отсутствует транзитивность. С другой стороны, не существует какого-то теоретического ограничения, что не может быть демократии, если нет рыночной экономики.

Несмотря на асимметрию «нет демократии без рыночной экономики, но есть рыночная экономика без демократии», рынок так или иначе создает предпосылки для демократии через тот же средний класс, который, по-видимому, склонен к демократии. Ему нужна автономия, он не любит зарегулированность. Средний класс создает институты собственной защиты и независимости: хедж-фонды, биржи, банки, ассоциации, правозащитники – все

это инструменты среднего класса. Это институты, которые помогают отстаивать свои интересы, противостоять диктаторскому режиму. Таким образом, капитализм запускает некоторые процессы сдерживания диктатуры. Однако не факт, что чем больше рыночных связей с Китаем с США и Европой, тем более Китай демократизируется.

Бергер всегда исходил из того, что межкультурные исследования важны для понимания общества. В связи с глобальным движением капитала и экономическим мондиализмом, культурные тренды в США также модифицировались. Феномен культурной глобализации ускорил создание успешного и процветающего среднего класса небелого происхождения. Расовая сегрегация не может сосуществовать с интегрированной мировой экономикой, – в этом объективно благо от мировой экономической культуры. С другой стороны, глобализация ведет к серьезным последствиям, как в социальном, так и в культурном плане: исчезают целые отрасли, занятости, профессиональные виды культур.

Повышение мобильности рабочих мест и капитала усугубляет еще одну тенденцию: ослабление гражданского общества. Люди менее склонны посвящать время местным сообществам – добровольным ассоциациям, церковным группам, – которые традиционно формировали структуру американского общества. Социальный капитал стал более рыхлым и пористым, существует тенденция в переходе от пожизненного членства в организации к ивент-партиципации. Количество активных добровольцев сократилось, т.к. женщины стали больше уделять внимание работе. Их способ участия в волонтерстве изменился. Существует также опасность романтизации идеи гражданского общества. Не все посреднические структуры являются хорошими. Отдельные структуры гражданской медиации могут быть опасными (националистические группы, сообщества преступников) [7].

Если удастся узнать один из мотивов социального действия: «мотив-для» или «мотив-потому-что», то мы сможем с некоторой вероятностью реконструировать недостающий из них, а если мы знаем оба мотива, то можем с высокой точностью объяснить поведение Другого. Однако, труднее поддается интерпретации пе-

реживания Другого, не выраженное в социальном действии. Этой проблеме посвящена ранняя работа Шюца, написанная на немецком языке «Смысловое строение социального мира». В этой работе прослеживается сильное влияние феноменологического подхода к проблеме сознания. По мнению А. Шюца, интерпретация переживаний Другого возможна благодаря тому, что всякое подлинное понимание ситуации переживаний осуществляется проективно и интенционально [8].

Мы с помощью воображения намечаем цель действия Другого, как будто мы сами собираемся выполнить это действие и представляем дальнейший ход нашей деятельности. Мы как бы занимаемся подменой личности, ставя себя на место действующего и отождествляя при этом свои переживания сознания при однотипной с наблюдаемой деятельностью с чужими переживаниями сознания. Так из интенциональности жизненного мира появляется структура ближайшего социального окружения, как совокупность «Ты», сосуществующих с «Я» во времени и пространстве. Поэтому ситуация ближайшего окружения предполагает синхронность и непосредственно данный характер существования «Я» и «Ты».

Совместно пережитый опыт, который «Я» и «Ты» одновременно воспринимали и позволяет говорить о наличии некоторого «Мы». При этом, конечно, необходимо сделать допущение, что у «Ты» есть сознание и он мог одновременно с «Я» переживать соответствующие его состояния. Так феноменология описывает такое социальное отношение ближайшего окружения, в котором «Я» и «Ты» взаимно ориентированы «мы-отношением». Этот глубоко интенциональный дискурс от Гуссерля до Бергера не дает повода обвинить в метафизичности представлений феноменологии. Смысл этой философии позволяет выбраться из замкнутого мира своего сознания и познавать социальный мир как аспект жизненного мира Другого. Сам факт рождения в ближайшем социальном окружении формирует базовое «Мы». «Я» добавляет к «Ты» все предварительные знания о нем, которые включают в себя интерпретативные схемы и мотивы, которые считаются общими. Отношения ближайшего окружения не поддаются рефлексии,

а просто переживаются, поэтому «Я в состоянии одновременно взирать на пофазовое построение переживаний своего собственного сознания и на пофазовые процессы в сознании Ты и переживать обе последовательности событий как одну, как общее Мы.

Таким образом, Я, находясь в отношениях ближайшего окружения, может приобщиться к Ты и совместно с ним сопереживать успехи и неудачи его деятельности. «Я» и «Ты» в таком отношении живут в общем интересубъективном мире. Это позволяет подвергать проверке интерпретацию чужих проживаний сознания посредством Ты-вопроса. Реакция «Ты» становится «мотив-для» моего поступка, «мотивы-для» моего поступка являются мотивами «потому-что» реакции «Ты».

Таким способом феноменологически описывается процесс понимания Другого, в котором сначала возникает «Ты», а затем в ситуации ближайшего окружения возникает и «Мы» как взаимодействие «Я» и «Ты», направленная на взаимопонимание, не рефлекслирующая себя в моменте осуществления, но дающая самый большой опыт социальной интерпретации постфактум.

Современные западные общества более индивидуалистичны, чем незападные современные общества в других частях света. Это ситуация избыточного индивидуализма, когда люди не имеют никаких социальных связей, за исключением, возможно, своей ближайшей семьи и не имеют чувства общего блага или обязательств перед большим сообществом. Некоторые мыслители, такие как социолог Р. Белла или философ Х. Патнэм сказали бы, что если таких людей будет слишком много, это плохо для общества [9]. Однако Бергер полагает, что это не подтверждается эмпирически. Аномия и отчаянное одиночество – это гипертрофированные конструкции, поддерживаемые некоторыми представителями академического сообщества. На самом деле, многие «индивидуалисты» вполне успешно занимаются общественной деятельностью того или иного рода, участвуют в разных сообществах, жертвуют время и деньги. Ассоциативность, коммуникативность, взаимодействие – это суть и гениальность американской жизни. К тому же, американцы считаются более конформистскими и следующими за авторитетом, чем, например, фран-

цузы или итальянцы, а это противоречит тому, что они сверхиндивидуалисты.

Бергер посвятил много времени теме секуляризации и во многом благодаря ему научное мнение претерпело некоторые изменения по сравнению с представлениями 1960-х гг. В своих работах он доказывал, что модернизация не означает автоматически растущей секуляризации [10]. Ранее считалось, что чем более современное общество, тем более оно нерелигиозное, но это было ошибочным представлением, как убеждает нас Бергер. Его основной тезис заключался в том, что религиозность и современность идут рука об руку. Больше модернизации не означает больше секуляризации. Во-первых, большая часть мира сегодня, не светская. Юго-Восточная Азия, Латинская Америка очень религиозны. Во-вторых, даже в самых секулярных США и Западной Европе количество неверующих – это абсолютное меньшинство, однако поскольку они представляют культурную элиту, то задают общий тон агностицизма и светского гуманизма через науку и образование.

В-третьих, именно секулярная эпоха стала временем расцвета постлиберальных, неоортодоксальных религиозных групп, которые выступили за восстановление своей богословской идентичности, повторное погружение в традицию, за очищение языка и повествования Священных Писаний от компромиссов с меняющимся образом жизни. Именно в эпоху отгораживания правительств от религии зарождаются массовые движения в виде теологии освобождения, исламской революции и реформаторский католицизм.

Последовательный государственный лаицизм сделал возможным быстрое распространение НРД в XX в., что вызвало обострение конкуренции между новыми и старыми религиями за паству. Самая древняя мировая религия, буддизм, получил новую жизнь через психологию, эзотерику, движение *New Age*. Миссионерство, конверсия, богоискательство и феномен «радикальных новообращенных» стали заметным факторами в социальной жизни. Истории о сектантах, Свидетелях, кришнаитах, евангелистах, мормонах и саентологах регулярно попадают в СМИ. Пятидесят-

ники и харизматы собирают стадионы новых христиан. Заметна политическая активность иудеев и православных, католиков и протестантов.

Церковь занимает новые ниши, становясь целителем и агентом перемен, политическим институтом. Психологизация, политизация, глобализации религии – это ответ на потребность человека сохранить самоидентичность в стремительно меняющемся мире. Вызов нон-классики – жить с неопределенностью, как кварк, для человека оказался неприемлем. Мы хотим классического, устойчивого, предсказуемого мира, а это и есть религия. Даже феномен массовой культурной религиозной идентичности без воцерковленности, – это аксиологическая линия определенности – не фанатик, но и не релятивист. Бытовая религия – это другой способ выразить свою определенность.

Сегодня мы уверены, благодаря П. Бергеру, что все знание, которое у нас есть, порождено социумом, связано с ним, поддерживается определенными жизненными мирами. И поэтому дихотомия социального знания на истинное и ложное не всегда помогает разобраться в причинах столь широкого эпистемологического диапазона со множеством оттенков. С социально-пассионарной точки зрения невежество, ложные знания, заблуждения и мифы являются не меньшей силой, нежели знание.

Философия Питера Бергера – это зрелый этап развития как наук об обществе, так и социокультурной феноменологии. Он придал импульс многим поколениям исследователей изучать с энтузиазмом и оптимизмом общество как живую духовную реальность. Его работы стали сплавом социокультурной феноменологии и секулярной теологии здравого смысла и консерватизма. Американский социолог обогатил культурными смыслами науки об обществе; предложил релевантные процедуры интерпретации социальных порядков; осуществил дальнейшую интеграцию социального и культурного в феноменологическом дискурсе.

Социальный конструкционизм – это не умаление и не тривиализация общественной жизни, а манифест коллективному творческому воображению. Его идеи чрезвычайно эвристичны и более адекватны современной сложной социодинамике. Его со-

циокультурная феноменология наиболее системно и точно описала индивидуальное и общественное бытие, а концепция жизненного мира хорошо коррелирует с коммуникативным действием Ю. Хабермаса. Он не только учил, что модернизация не обязательно приводит к секуляризации, но, возможно, сам показал пример десекуляризации. Живя в плюралистическом мире, где сталкивается множество верований, религии проходят испытание и трансформацию, порождая и фундаментализм, и релятивизм, которые становятся способом защиты от множественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Berger, P.** *The Noise of Solemn Assemblies: Christian Commitment and the Religious Establishment in America* / P. Berger. – New York : Doubleday, 1961. – 189 p. – Текст : непосредственный.
2. **Berger, P.** *The Social Construction of Reality* / P. Berger, T. Luckmann. – New York : Anchor Books, 1966. – 240 p. – Текст : непосредственный.
3. **Berger, P.** *Facing up Modernity: Excursion in society. Politics and Religion* / P. Berger. – Harmondsworth : Penguin, 1979. – 288 p. – Текст : непосредственный.
4. **Berger, P.** *The Precarious Vision: A Sociologist Looks at Social Fictions and Christian Faith* / P. Berger. – New York : Doubleday & company, 1976. – 238 p. – Текст : непосредственный.
5. **Berger, P. L.** *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion* / P. Berger. – New York : Anchor, 1990. – 240 p. – Текст : непосредственный.
6. **Berger, P.** *The Homeless Mind: Modernization and Consciousness* / P. Berger, B. Berger, H. Kellner. – New York : Random House, 1973. – 258 p. – Текст : непосредственный.
7. **Berger, P.** *The Limits Of Social Cohesion Conflict And Mediation In Pluralist Societies* / P. Berger. – New York : Perseus, 1998. – 420 p. – Текст : непосредственный.

8. **Nenon, T.** The Phenomenological Foundation of the Social Sciences / T. Nenon. – Текст : непосредственный // Schutzian Social Science / Embree L. Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1999. – P. 173–186.

9. **Berger, P.** A far glory: the quest for faith in an age of credulity / P. Berger. – New York : Maxwell Macmillan International, 1992. – 218 p. – Текст : непосредственный.

10. **Berger, P.** Many Altars of Modernity. Towards a Paradigm for Religion in a Pluralist Age / P. Berger. – Berlin : de Gruyter, 2014. – 161 p. – Текст : непосредственный.

Лебедев С.Д.,
канд. социол. наук, доцент, руководитель лаборатории
«Социология религии, культуры и коммуникаций»
кафедры СОСМ Белгородского государственного национального
исследовательского университета
Шмигирилова Л.Н.,
канд. социол. наук, доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета

РЕЛИГИОЗНАЯ И НАУЧНАЯ КАРТИНЫ МИРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье с социологических позиций охарактеризована проблемная ситуация встречи религиозной и научной картин мира в существующем образовательном контексте. На современном этапе развития общества происходит совмещение научных и религиозных представлений о человеке и мире в едином дискурсе образовательной коммуникации и образовательного знания.

Ключевые слова: образование, религия, наука, картина мира, человек, общество, культура, цивилизация.

Принцип научности содержания является одним из основных для современного образования. Согласно ему, образовательный материал, составляющий содержание школьного обучения, должен в достаточной мере соответствовать уровню современной науки, у обучающихся должны формироваться представления об общих методах и закономерностях процесса научного познания.

В то же время современное общество и образование как его подсистема предполагают и допускают право людей на различные мировоззренческие принципы и представления. Более того: образование в современных обществах предполагает присутствие в нем религиозного содержания в тех ситуациях, когда этого требуют интересы верующих обучающихся и их родителей. Так, в России, помимо собственно конфессиональных ученых заведе-

ний, такое присутствие имеет место в форме так называемого конфессионально ориентированного преподавания, которое представлено учебными предметами цикла «Основ религиозных культур».

Отношения между научными и религиозными представлениями в истории европейской культуры Нового и Новейшего времени характеризуются сложностью и конфликтностью. Научная картина мира динамично развивалась и продолжает развиваться, в то время как религиозная картина мира зачастую не только не успевала за ней, но и становилась оплотом консервативных представлений. В результате этого культурного расхождения наука и религия не только в массовом представлении, но и в представлении многих интеллектуальных лидеров современности оказались серьезно разделены, а во многих случаях и противопоставлены друг другу. В России, других постсоветских странах и многих странах Восточной Европы их противопоставление проявилось особенно остро в силу длительного господства государственной идеологии научного атеизма.

Указанные обстоятельства создают риски столкновения и конфликтов интерпретаций мировоззренчески значимых природных и социальных явлений. Наиболее серьезной и малоизученной «зоной риска» в этой связи нам представляется поле систематического совмещения научных и религиозных мировоззренческих представлений, которое создается в ситуации изучения в светской общеобразовательной школе религиозной культуры, выполняющего ценностно-ориентирующую функцию.

Дж. М. Йингер отмечал важность вопросов, которые «заключаются в изучении связей между религией и образованием и в связанной с этой областью проблемой взаимоотношения религии и науки» [16, с. 163]. Сегодня, спустя несколько десятилетий, эта постановка вопроса остается актуальной. Более того – она наращивает свою актуальность с учетом таких социокультурных изменений, как ревитализация религии, кризис научного просвещения и фоновый для обоих этих процессов культурный тренд, связанный с массовой «деконструкцией» в общественном сознании системных мировоззренческих представлений, их заменой на

мозаику ситуативных, поверхностных и частных схем мышления, что радикально примитивизирует человека и общество.

Анализ следует начать с ключевого понятия «картина мира». Оно определяется следующим образом: «Картина мира – это совокупность основанных на мироощущении, мировосприятии, миропонимании и мировоззрении, целостных и систематизированных представлений, знаний и мнений человеческих общностей и отдельного человека (мыслящего субъекта) о мире (Земле) и мироздании (Вселенной, Мультивселенной), а также о познавательных и творческих возможностях, смысле жизни и месте человека в нем» [1]. Иными словами, картина мира представляется как относительно целостный комплекс устойчивых обобщенных представлений об устройстве мироздания в его природном и социальном (человеческом) аспектах, принимаемых за реальность конкретным социальным субъектом, и в силу этого прямо или косвенно определяющих его жизненные практики.

Научная картина мира представляет собой особую форму систематизации научных знаний, качественное обобщение в мировоззренческий синтез различных научных теорий. Научная картина мира состоит из общепризнанных результатов множества отдельных наук (геологической, физической, биологической), связанных в систему общими методологическими и мировоззренческими принципами. В силу высоких темпов развития мировой науки в Новое и Новейшее время научная картина мира испытывает регулярные систематические изменения, наиболее значительные из которых связаны с научными революциями [7].

Религиозная картина мира существенно отличается от научной в основных принципах своего устройства. Здесь основополагающими выступают не закономерности существования и развития мира самого по себе, но его отношение к «высшей реальности» сверхъестественного характера, которая имеет для религиозного субъекта сакральный (сверхценный) статус. Религиозная картина мира в авраамических религиях – христианстве, иудаизме, исламе исходит из различения бытия самого по себе и существования, т.е. мира, обладающего бытием в силу его сотворенности. При этом сакральная сверхъестественная реальность (Бог

и Его Царство) по определению обладает в ней более высоким онтологическим статусом и является единственным и абсолютным источником мира, который не имеет реальности и ценности сам по себе, вне отношений с Богом [18, с. 20].

Это основополагающее различие в картинах мира сопряжено с принципиальным отличием способов культурной рефлексии, вытекающей из системной логики культур светского и религиозного типов. В типично религиозной культуре все значимые жизненные смыслы и через них – соответствующие реалии мира соотносятся с трансцендентным измерением, данным в мистическом опыте «религиозным виртуозам» (М. Вебер). Это трансцендентное измерение, имеющее в глазах людей сверхценность сакрального, легитимирует «посюсторонний» мир, придавая ту или иную степень ценности его составляющим. В типично светской культуре глобальное трансцендентное измерение отсутствует, и сами сакральные ценности имманентны миру, который рассматривается как единственное основание всякой реальности.

Вместе с тем развитые религиозные культуры, дабы успешно адаптироваться к обществу, вынуждены интегрировать (рецептировать) более или менее обширные пласты «мирских» отношений и соответствующего знания и ценностей, которые составляют основное содержание светской культуры. Так между этими типами культур возникает предметное поле пересечения, где действуют как религиозные, восходящие к высшему сверхъестественному началу, так и светские, имманентные миру легитимации, частный случай которых представляют собой научные объяснения.

Как следствие, в общественном сознании между религиозными и светскими (в т.ч. научными) представлениями потенциально возможны различные варианты соотношения: от конфликта, при акцентировании соответствующих противоречий, до гармоничного сочетания, при нахождении соответствующих концептуальных механизмов, встраивающих религиозные и светские смыслы в интегрированную структуру мышления и деятельности [10, с. 53]. По какому пути пойдет их развитие – зависит от кон-

кретной социокультурной ситуации, в которой происходит встреча носителей научной и религиозной картин мира.

Реальная история отношений между наукой и религией в мировоззренческом плане выработала несколько моделей их соотношения: конфликтную, гармоничную и промежуточную, признающую определенные противоречия науки и религии, но квалифицирующую их как носящие так или иначе частный и относительный характер.

Конфликтная модель позиционирует науку и религию как противостоящие друг другу системы познания, основанные на несовместимых ценностях и принципах отношения к миру. Ей соответствует такая установка субъекта, когда взаимоотношения науки и религии рассматриваются как «своего рода игра до последнего гроша между высвобожденными капитализмом продуктивными силами науки и техники и сдерживающими их развитие силами религии и церкви», и «каждая из сторон может победить лишь за счет другой, причем по либеральным правилам, благоприятствующим движущим силам модерна» [20, с. 120].

При этом наука и религия максимально подводятся под «общий знаменатель», в качестве которого обычно выступают знания и ценности. Сторонники науки, принимающие эту модель, позиционируют свои взгляды как прогрессивные, в противовес религиозному обскурантизму и «мракобесию». В свою очередь, сторонники религии, исходящие из такой модели, отождествляют свою позицию с защитой сакрального начала и нравственных ценностей, в противовес «расчеловечиванию» мира и человека под знаменем агрессивного сциентизма и технократизма. Как указывает историк вопроса Дж. Х. Брук, «Фундаментальная слабость конфликтной модели – в ее тенденции изображать науку и религию как обособленные силы, как сущности сами по себе. Но их скорее следует считать разновидностями многообразной социальной активности, связанными с различными выражениями человеческих проблем, причем одни и те же лица нередко вовлечены как в первую, так и во вторую» [2, с. 44].

Модель гармонии между наукой и религией, отстаиваемая, как правило, религиозными мыслителями, представляет другой

полюс. Ее сторонники склонны минимизировать существующие противоречия научных и религиозных представлений, доказывая их преходящий или вовсе надуманный характер. Как пишет архиепископ и крупный ученый-медик Лука Войно-Ясенецкий, «подлинная наука и истинная религия, какую является религия Библии, не противоречат друг другу. Религия противоречит не науке, а нашим знаниям (и приложениям) о природе. Но между откровением и самой природой нет противоречия и не может быть, ибо Бог является Творцом их обоих. Общая же причина предубеждения против религии заключается прежде всего в незнании» [11, с. 34].

Крупный английский ученый-математик и философ А. Н. Уайтхед, приводя сходные аргументы, в дополнение к этому подчеркивает принципиальное различие содержания, целей и подходов науки и религии: «Наука имеет дело с общими закономерностями, которые изучаются с целью регуляции физических явлений; религия же всецело связана с размышлениями о моральных и эстетических ценностях. С одной стороны, закон гравитации, с другой – созерцание красоты святости. То, что подмечается одной стороной, другой упускается из виду, и наоборот» [3, с. 454]. Аргументы этих и других мыслителей достаточно убедительно показывают односторонность концепции их оппонентов о врожденном конфликте науки и религии. В то же время, справедливо отмечает тот же Дж. Х. Брук, претензии на их «врожденную гармонию уязвимы для точно тех же возражений, что и заявления о врожденном конфликте» [2, с. 44].

Промежуточные позиции рефлексивного диспозиционирования науки и религии обычно основываются на комбинации аргументов обеих сторон с более или менее системной логической увязкой их друг с другом. В настоящее время вопрос об отношениях этих важнейших областей культуры и духовной жизни далек от своего окончательного разрешения.

Социологическое изучение вопроса соотношения современных научных и религиозных представлений предполагает рассмотрение их в контексте конкретной социальной ситуации, максимально учитывающее характер действующих социальных

субъектов, систему отношений, в которую они включены, и их культурный «бэкграунд». Соответствующие параметры в комплексе задают ту «систему координат», которая актуализирует в сознании людей вопрос о том, как соотносятся друг с другом религия и наука, и предопределяют наиболее вероятный вариант ответа на этот вопрос. Поэтому дальнейший анализ противоречий между религией и наукой требует обращения к конкретным институциональным контекстам, определяющим специфику их осмысления.

Прежде всего, научная и религиозная картины мира сталкиваются между собой «на поле» актуальной культуры и знания. Под «актуальной культурой» в социологии принято понимать «наличную культуру, выражающую в масштабе общества массовое, типичное, господствующее» [6, с. 95-96]. Это «живая» культура, по выражению А. Моля, которая находится в непосредственном постоянном «обороте» повседневной коммуникации. Соответственно, в каждый промежуток времени ее содержание составляет только некоторая часть накопленного обществом тезауруса культуры, информационно доступная действующим социальным субъектам и отвечающая их ценностям и интересам.

Наука в последние 50-60 лет активно проникает в широкие контексты актуального знания и культуры в массовых масштабах. Это ее проникновение связано с тем, что «в техногенной цивилизации, – как пишет В.С. Степин, – она обрела мировоззренческие функции и стала создавать и развивать картину мира, претендуя на то, чтобы люди соизмеряли с ней свое миропонимание и деятельность» [19, с. 11]. В современных обществах элементы научной картины мира стали устойчивой и значимой составляющей массового общественного сознания, а научное просвещение – основополагающей частью образовательной и культурно-просветительской деятельности.

Согласно А.А. Максименко и В.Н. Данилову, в сегодняшней России научное просвещение сосредоточено на следующих приоритетных тематических направлениях:

- 1) человек с биологической точки зрения (биология, медицина, охрана здоровья, физиология, фармацевтика);

2) человек в обществе (политология, социология, культурология, история, законодательство, религия, техногенный мир, окружающий человека космос, физика, астрономия, техника, экология) [12, с. 56].

Приведенные в книге А.А. Максименко и В.Н. Данилова данные показывают, что наиболее востребованными являются медицинские науки (25%); наряду с ними играют большую роль научно-технические достижения (19%).

Вместе с тем в последние 25-30 лет в российском массовом общественном сознании актуализируются религиозные представления и концепты. Это связано как с теми глубокими корнями, которые религия имеет в культуре и психологии человека, так и с происходящими в современном мире глобальными процессами ревитализации религии. Ревитализация означает возвращение религии витальности – «жизненной силы», в значительной степени утраченной религиозными институтами и ценностями модернизированных обществ ранее в ходе их секуляризации. Она проявляется как «количественный рост и качественное усложнение религиозной составляющей социума, которые обозначились после длительного периода ее институционального упадка, усугубленного в ряде стран насильственной государственной политикой» [8, с. 107].

Эти процессы особенно заметны в современном информационном поле. Как отмечает А.В. Матецкая, через медиа и массовую культуру религия вновь становится частью повседневности, разрыв между этими сферами, возникший в результате секуляризации, постепенно исчезает [13, с. 96]. При всей эклектичности медийного потока «религиозной» информации, в нем довольно отчетливо прослеживаются сегменты конкретных наиболее влиятельных религиозных традиций. В постсоветской России «сочетание активизации миссионерской деятельности Православной церкви (прежде всего – РПЦ МП) с устойчивым тематическим информационным запросом светских субъектов повлекло за собой значительный рост «информационного присутствия» православных символов и смыслов в общей социокультурной таблице российского общества... Рост трансляции актуальной православ-

ной культуры выражается в увеличении плотности и расширении объема соответствующего массива тематических сообщений в информационно-коммуникативном пространстве (социокультурной таблице) общества» [9]. Это же относится и к религиозным культурам других, традиционных и нетрадиционных, конфессий, символы и концепты которых сегодня достаточно представлены в средствах массовой коммуникации.

Указанная ситуация непосредственно сталкивает между собой религиозные и научные оценки и объяснения множественных фактов, событий и явлений в одних и тех же типичных ситуациях и зачастую одними и теми же людьми. Ее обостряет тот факт, что и научная, и религиозная картины мира активно претендуют на мировоззренческое влияние в обществе, а также то обстоятельство, что у их институциональных носителей сложилась традиция отказывать друг другу в мировоззренческой состоятельности. Идеология «научности» – сциентизм обычно представляет религиозные картины мира устаревшими либо вовсе необоснованными, тогда как современные социальные концепции наиболее влиятельных религий склонны отводить науке инструментальную, несамостоятельную роль. Радикальные сциентисты полагают, что на современной стадии развития наука уже способна к самостоятельному производству этических ценностей, что делает религию полностью избыточной [21]. «По своей природе только религия и философия выполняют мировоззренческую функцию, однако ее не берут на себя ни отдельные специальные науки, ни все конкретно-научное знание в целом», – указывают «Основы социальной концепции Русской православной церкви» [15, с. 89].

Далее, все это проецируется на институциональную сферу образования.

С одной стороны, одним из основополагающих в системе российского образования является принцип научности. Согласно Л.Я. Зориной, под научностью содержания образования следует понимать такую его качественную характеристику, которая удовлетворяет трем признакам:

а) соответствие содержания образования уровню современной науки; образовательный материал, составляющий содержа-

ние школьного обучения, должен в определенной мере соответствовать этому уровню;

б) создание у обучающихся верных представлений об общих методах научного познания;

в) показ важнейших закономерностей процесса познания, т.е. формирование у обучающихся представлений о процессе познания и его закономерностях.

Эти условия взаимосвязаны между собой, т.к. реализация каждого из последующих обусловлена выполнением предыдущих, а каждое предыдущее условие является необходимой базой для реализации последующего. Как следствие, основной контент современной образовательной коммуникации базируется на научных представлениях [5].

В то же время в образовательную коммуникацию активно проникает религиозное содержание. На рубеже последнего десятилетия XX в. в нашей стране совпали тенденции повышенного запроса системы образования на знание о религии, всеобщей ревитализации религии и расширения религиозных прав и свобод. Образование стало одним из приоритетных направлений деятельности религиозных организаций. Экспансия религии в российскую школу началась еще в 1990-е гг.; в начале 2000-х гг. она приняла системный характер [10, с. 90-91].

Изучение религии было институционализировано на различных ступенях образовательной системы – начальной, средней и высшей; определились конфессиональные приоритеты в виде основных традиционных российских конфессий во главе с православным христианством, представленным РПЦ МП; разработаны и апробированы учебные программы, налажен выпуск учебных материалов и подготовка педагогических кадров. В настоящее время приоритетной формой преподавания знаний о религии в России представляется религиозно-культурологическая [22, р. 121-124], или конфессионально ориентированная форма, которая, согласно И.В. Метлику, в корне отличается от собственно религиозного образования [14, с. 38]. Конфессионально ориентированное преподавание знаний о религии осуществляется, главным образом, на уровне средней общеобразовательной ступени. Оно

включает в себя систематическое ознакомление учащихся с культурой определенной религии, с акцентом на актуальных установках и ценностях, которые укрепляют социальную солидарность (гражданственно-патриотических, толерантных и морально-нравственных). К такой форме обучения правомерно отнести учебные дисциплины из серии конфессиональных культур («Православная культура», «Исламская культура», «Иудейская культура», «Буддистская культура»), преподаваемые по сей день в средних общеобразовательных школах и высших учебных заведениях ряда российских регионов, а также соответствующие модули комплексных дисциплин «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России» (ОДНКР), преподаваемых в российских СОШ в 4-х и 5-х классах [17, с. 57].

В результате происходит совмещение научных и религиозных представлений в едином дискурсе образовательной коммуникации и образовательного знания. Последнее, согласно автору соответствующей концепции Г.Е. Зборовскому, представляет собой «взаимосвязь отдельных положений, фактов, суждений, теорий и концепций, оформленных в виде утверждений», которые «разделяются педагогами и учащимися в привычной обыденности учебных занятий» [4, с. 18]. Главным функциональным назначением образовательного знания является «встраивание» (с помощью этого знания) образования и человека в культуру, рассмотрение в широком социокультурном контексте [4, с. 19]. В этой связи речь идет о формировании паттернов мировоззрения – а, следовательно, о совмещении в фокусе образовательного знания, усваиваемого учащимся, элементов научной и религиозной картин мира. С учетом сложных и неоднозначных отношений, сложившейся между этими картинками мира и их носителями, обучающиеся объективно ставятся перед проблемой их совмещения в своем сознании, а социологи – перед проблемой изучения этого процесса и его результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Азимов, Э. Г.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2010. – 446 с. – ISBN 978-5-7974-0207-7. – Текст : непосредственный.
2. **Брук, Д. Х.** Наука и религия: историческая перспектива / Д. Х. Брук : перевод с английского Л. Сумм. – Москва : Библейский-богословский ин-т св. ап. Андрея, 2004. – 347 с. – ISBN 5-89647-093-2. – Текст : непосредственный.
3. **Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / ответственный редактор и составитель И. Т. Касавин [сборник научных статей].** – Москва : Политиздат, 1990. – 461 с. – ISBN 5-250-00752-X. – Текст : непосредственный.
4. **Зборовский, Г. Е.** Образовательное знание как проблема социологии / Г. Е. Зборовский. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 12–20.
5. **Зорина, Л. Я.** Дидактические основы формирования системности знаний старшеклассников / Л. Я. Зорина. – Москва : Педагогика, 1978. – 128 с. – Текст : непосредственный.
6. **Культура в информационно-инновационном обществе : монография / под общей редакцией В. Н. Стегния.** – Пермь : Изд-во Пермского нац. исследовательский политехнический ун-т, 2017. – 495 с. – ISBN 978-5-398-01842-4. – Текст : непосредственный.
7. **Кун, Т.** Структура научных революций / Т. Кун : перевод с английского И. З. Налетов и др. – Москва : АСТ, 2003. – 605 с. – ISBN 5-17-010707-2. – Текст : непосредственный.
8. **Лебедев, С. Д.** Институциональная и личностная идентификация православия в России и Сербии / С. Д. Лебедев, М. Благоевич. – Текст : непосредственный // Человек. – 2014. – № 3. – С. 107–111.
9. **Лебедев, С. Д.** Репрезентация православного христианства в российских средствах массовой информации начала XXI в. / С. Д. Лебедев, В. В. Рыбакова. – Текст : непосредственный.

ный // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ / под редакцией Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева [сборник научных статей]. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. – С. 351–355. – ISBN 978-5-9786-0315-6.

10. **Лебедев, С. Д.** Две культуры: религия в Российском светском образовании на рубеже XX – XXI веков : монография / С. Д. Лебедев. – Белгород : Белгородский госуниверситет, 2005. – 250 с. – ISBN 5-9571-01199-0. – Текст : непосредственный.

11. **Лука, архиеп. Симферопольский и Крымский (Войно-Ясенецкий, В. Ф.).** Наука и религия ; Дух, душа и тело / В. Ф. Войно-Ясенецкий. – Ростов на Дону : Феникс, Троицкое слово, 2001. – 316 с. – ISBN 5-222-01795-8. – Текст : непосредственный.

12. **Максименко, А. А.** Просветительство в современной России : проблемы и вызовы / А. А. Максименко, В. Н. Данилов. – Кострома : Костромская областная общественная просветительско-обучающая организация «Знание», 2017. – 143 с. – ISBN 978-5-7646-0160-1. – Текст : непосредственный.

13. **Матецкая, А. В.** Медиа и процесс десекуляризации / А. В. Матецкая. – Текст : непосредственный // Социология религии в обществе позднего модерна : сборник статей по материалам Пятой Юбилейной Международной научной конференции. 25-26 сентября 2015 г. / научный редактор С. Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. – С. 91–96. – ISBN 978-5-9571-2051-3.

14. **Метлик, И. В.** Религия и образование в светской школе : монография / И. В. Метлик. – Москва : Планета-2000, 2004. – 384 с. – ISBN 5-8247-0035-4. – Текст : непосредственный.

15. Основы социальной концепции Русской православной Церкви. – 2-е изд. – Москва : Отд. внешних церковных связей Московского патриархата, 2008. – 174 с.

16. Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии / составители: В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. – Москва : Аспект-пресс, 1996. – 774 с. – ISBN 5-7567-0113-3. – Текст : непосредственный.

17. **Романова, Е. Г.** Об основных итогах анализа практики изучения истории и культуры религии в субъектах РФ в 2004-2009 гг. / Е. Г. Романова. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 2011. – № 2. – С. 55–70.

18. **Сорокин, П. А.** Главные тенденции нашего времени / П. А. Сорокин : перевод с английского Т. С. Васильевой. – Москва : Наука, 1997. – 350 с. – ISBN 5-02-013649-2. – Текст : непосредственный.

19. **Степин, В. С.** Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – Москва : ИФРАН, 1994. – 272 с. – ISBN 5-201-01853-X. – Текст : непосредственный.

20. **Хабермас, Ю.** Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? / Ю. Хабермас : перевод с немецкого М. Л. Хорькова. – Москва : Весь Мир, 2002. – 143 с. – ISBN 5-7777-0171-X. – Текст : непосредственный.

21. **Харрис, С.** Моральный ландшафт. Как наука может формировать ценности людей / С. Харрис : перевод с английского Д. Стороженко. – Москва : Карьера Пресс, 2015. – 325 с. – ISBN 978-5-00074-071-2. – Текст : непосредственный.

22. **Proshak, V. V.** Models of Religious Education in Public Secondary Schools within European Research Context: The examples of France, Russia, and The Netherlands / V.V. Proshak. – Текст : непосредственный // Theological Reflections. – 2010. – № 11. – P. 115–134.

Толстиков В.А.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Аверкин Н.С.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ИНСТИТУТОВ НА ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Современная молодежь формируется в условиях агрессивной глобализации, безумной либерализации и отсутствии государственной идеологии. Значимость государственных институтов социализации незначительна, а полиморфизм медийного пространства зашкаливает. В этих условиях роль традиционных институтов усиливается. Среди традиционных институтов ведущая роль принадлежит религии.

Ключевые слова: религия, институты, молодежь, социализация.

Актуальность исследования влияния религиозных институтов на процесс социализации российской молодежи обусловлена кардинальными изменениями всего российского общества, которые затронули его основы и традиционные устои. Процесс социализации, как процесс объективно необходимый, происходит в условиях, с одной стороны в условиях безразличия общества, с другой стороны жесткого давления этого же общества.

Религия на протяжении тысячелетий составляла весомую, если не подавляющую часть жизни человечества. Существование религии в различных общественных системах на всем протяжении человеческой истории – это общепризнанный факт. Возникший в XVIII в. атеизм боролся с религией в рамках свободной дискуссии. В Советский период жизни России религия подверглась жесткой конкуренции за право обладать будущим.

С началом перестройки религиозная свобода была дарована, однако связь большей части населения с религиозными институтами была подорвана, а то и практически отсутствовала. Также отсутствовало даже минимальное знание о вероучении. Даже те 5%, которые считали себя верующими, лишь эпизодически посещали богослужения. До конца 80-х гг. прошлого века проповедь звучала ограниченно, религиозная литература была в дефиците, традиция была отчасти разрушена, отчасти деградировала – на месте цельного православного мировоззрения процветали примитивные верования, составленные из фрагментов различных религий. Православие зачастую воспринималось как этнографический феномен.

Внезапная реабилитация религии совпала с празднованием тысячелетия празднования Крещения Руси. Миллионы русских людей осознали себя православными. Открылись тысячи новых церквей и монастырей.

Горбачевская перестройка, во всем ориентированная на западноевропейскую демократию, выпустила вместе с религиозной свободой, как джина из бутылки идею уникальности Русского пути, всегда тлевшую в недрах РПЦ.

Почти внезапно Православие начинает приобретать авторитет и становится символом национальной идентичности. С конца 90-х гг. прошлого века РПЦ становится одним из социальных институтов, вызывающих наибольшее доверие населения. М. Назаров пишет: «Чрезвычайно важно и символично, что Русская Православная Церковь – единственная оставшаяся структура, которая сегодня еще объединяет почти все бывшее геополитическое пространство Третьего Рима (включая Малороссию, Белоруссию, Среднюю Азию и даже Прибалтику)».

Для нашего исследования необходимо четко определить понятия «религия» и «церковь». Для религии до сих пор нет однозначной дефиниции. Почти не исследован концепт «церковь».

Первая ассоциация с православной церковью или христианской не совсем верна. Затем исследовать Церковь как социальный институт: принципы, лежащие в основе такого сообщества как

церковь, влияние церкви на жизнь отдельного индивида, и влияние на все общество, на государство, армию, семью.

Что же такое религия? Анализ термина приводит к следующему. Религия – слово латинское. Для самих древних римлян это слово было уже архаичным и требовало интерпретации. Цицерон считал, что слово «религия» происходит от древнего понятия *relegero*, что означает «перечитывать, тщательно обдумывать, откладывать в сторону». Августин Блаженный возводил слово «религия» к *realigere*, т.е. – «воссоединять». Когда-то связь человека с Богом была нормальной. Затем эта связь оказалась нарушенной. Задача религии – восстановить эту утраченную связь. Лактанций, предложил еще один вариант – *religare* – соединять, связывать. Т.е. – религия – это учение о связи человека и Бога. Есть еще мнение римского писателя Сульпиция Сербия, который предложил трактовать слово религия как «обходить молчанием», т.е. верующему предлагается обходить молчанием область Божественного. В XIX в. появилась еще одна версия – *ligere* – «благочестиво относиться», т.е. испытывать благочестие.

В философском энциклопедическом словаре есть классическое определение Ф. Энгельса: «религия есть фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражение, в котором земные силы принимают форму неземных» [9]. Есть определение советского религиоведа Гараджи: «религия есть мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия; культ, который основывается на вере в существование одного или нескольких богов, священного, т.е. той или иной разновидности сверхъестественного» [1]. Есть очень краткое определение князя Сергея Трубецкого: «религия – это организованное поклонение высшим силам» [8].

В славянских языках полного эквивалента этому слову нет. Ближе всего по смыслу – слово «вера». По А. Мейе, славянский глагол «верить» восходит к авестийскому *varayaiti* – «выбирать», т.е. истинно верующий есть тот, который сделал правильный «выбор» между добром и злом.

Из всех определений слова «религия» мы будем использовать то, где религия определяется как «воссоединение». Т.е. восстановление утраченной связи, естественно предположить, что с Богом, однако это не всегда так. В буддизме – это стремление к нирване, в конфуцианстве – к гармонии с природой и т.п. Не всегда очевидно, но и в том и в другом случае предполагается возвращение к некоему первоначальному предуготованному состоянию, которое было насильственно прервано. Т.е. наличие какой-то предвечной силы, личной или безличной – неважно, предполагается. Из этого термина (воссоединение) следует взаимное движение воссоединяемых – Бога и человека. А также предполагает целый ряд символических действий, выполняемых специально обученными и на то поставленными специалистами, т.е. иерархию. Также предполагается необходимость общественного здания для совершения символических действий по воссоединению.

Таким образом, религия изначально представляет из себя общественный институт. Используя такое определение религии, мы отсекаем значительную часть всевозможных поверий и практик из области рассмотрения. Например – шаманизм, несмотря на огромную значимость для многих народов, относится к магии, т.к. шаман занимается индивидуальной практикой по изгнанию болезни, вызыванию дождя, но не воссоединением души с Богом, Абсолютом, Космосом, Гармонией.

Из всех определений религии следует ее неразрывная связь с некой организацией. Религия – это организованное поклонение, т.е. это церковь. Любая религия предполагает некоторую организацию. Религия – это поклонение, культ. Религия невозможна без некоего культа, совокупности богослужебной практики.

Русское слово «церковь» не имеет корней в родном языке, поэтому для нас совсем неинформативно. Оно говорит лишь о том, что пришло к нам из германских языков, где обозначало «дом Божий». Гораздо информативнее греческое слово «эκκλeсия», которое обозначает «собрание», «сбор». Церковь – это община, организация, собрание верующих людей. В этом значении это слово применимо и для мусульманских, и для буддистских, и для иудейских, и для прочих религиозных организаций. Поэтому

правомерно говорить о социологии религиозных институтов, если слово церковь режет слух представителям нехристианских деноминаций.

Нам же представляется необходимым развивать социологию Церкви, имея в виду христианскую церковь, еще уже – православную, еще уже – РПЦ МП, как наиболее влиятельную религиозную структуру на постсоветском пространстве.

Чего же не достает в исследовании этого феномена?

Мы утверждаем, что только междисциплинарное исследование, использующее данные истории религии, философии, феноменологии, психологии, социологии, а главное богословия, как внутреннего ощущения, способно адекватно описать феномен Церкви. Однобокий анализ, проводившийся с позиций позитивизма и марксизма, не дает должного результата, а скорее запутывает, чем дает объективную картину.

В позитивизме феномену Церкви отводилось преимущественно функциональное назначение – поддержание социальной интеграции и порядка в обществе. О. Конт, Г. Спенсер, М. Вебер, Э. Дюркгейм на полтора столетия определили подходы в социологии, где религия выступала наряду с другими социальными институтами. Церковь описывалась в социологии как некая ассоциация, общность верующих, а также Церковь воспринималась только в плане социальных проявлений и последствий.

«Священный характер, которым наделяется какой-то объект, не является чем-то таким, что ему самому внутренне присуще: он им наделяется. Мир религиозных вещей не образует особого аспекта эмпирически данной природы; он надстроен над ним». Сфера религиозного становится доступной для исследователя только через ее проявление в социальном действии. Очевидно, что сегодня такой подход не работает.

При ближайшем рассмотрении Церковь выступает более чем социальный институт, шире, может быть как пред-социальный, во всяком случае, ее функции выходят за рамки традиционного определения социального института. Религиозные отношения первичны.

Не было в истории человечества времени, когда этих отношений не было. Более того – само понятие «человек» напрямую связывается с понятием «религия», что дало возможность некоторым исследователям именовать человека – *homo religiosus*. Такие социальные институты как брак, государство, армия, образование логически вытекают из религии. Эти положения требуют серьезного специального исследования.

Второй аспект исследования – Церковь как организация. Современное устройство и отношения внутри организации исторически обусловлены, прошли долгий путь развития.

Каково было вначале? Как функционировала раннехристианская община? Как далеко вглубь мы можем заглянуть в своих исследованиях?

Следующее направление – взаимодействие Церкви и иных социальных институтов, их взаимовлияние. В теоретическом плане наиболее дискуссионным, и поэтому интересным, является поиск экономико-хозяйственных приоритетов церковной политики.

А также освещение многообразных исторических практик взаимоотношений в сфере науки, политики, образования.

Еще очень важный аспект исследований – положение личности (верующей, церковной) внутри Церкви: свобода и насилие, свобода и необходимость, соотношение личных и церковных интересов, поведение внутри и вне.

Качественное и объективное исследование возможно только при доброжелательном диалоге как светских, так и церковных исследователей [4].

Теория социализации может рассматриваться как совокупность теоретических концепций, изучающих закономерности усвоения индивидами социального опыта, в ходе которого формируется личность. Прежде всего, нужно отметить, что на сегодняшний день термин «социализация» не имеет однозначного толкования. Рассмотрением этого процесса занимается и психология, и социальная психология, и социология. В зависимости от исследовательской задачи внимание акцентируется на той или иной стороне социализационного процесса: целях, этапах, меха-

низмах осуществления, агентах и институтах, характерных особенностях. Соответственно, именно угол зрения на проблему определяет и способы описания данного процесса, и методы анализа и объяснения его последствий.

Считается, что истоки современной теории социализации восходят к работам французского социолога Г. Тарда, первым попытавшегося описать процесс усвоения норм через социальное взаимодействие. В основу своей теории он положил принцип подражания, а отношение «учитель-ученик», воспроизводящееся на разных уровнях, провозгласил типовым социальным отношением. В XX в. в западной социологии утвердилось понимание социализации как той части процесса становления, в ходе которого формируются наиболее общие черты личности, проявляющиеся в социально-организованной деятельности и регулируемые ролевой структурой общества. Уже у Э. Дюркгейма читаем: «Воспитание – это воздействие, оказываемое старшими поколениями на младшие поколения, которые еще не созрели для общественной жизни. Цель воспитания состоит в создании и развитии у ребенка определенного набора физических, интеллектуальных и нравственных качеств, требуемых от него и политической организацией общества в целом, и специфической средой, в которой ему, в частности, предстоит жить» [2].

По Дюркгейму, воспитание носит социальный характер и состоит в целенаправленной социализации молодого поколения. Иными словами, он не делал различий между двумя этими терминами, считая их синонимами. Отсюда, результат социализации в описании Дюркгейма выглядит следующим образом: «в каждом из нас присутствует два существа, которые, оставаясь неразлучными в абстракции, не перестают быть отличными. Одно существо состоит из всех умственных состояний, которые относятся только к нам и событиям нашей личной жизни: это то, что можно было бы назвать индивидуальным существом. Другое представляет собой систему взглядов, чувств и привычек, которые выражают в нас не нашу личность, но группу или различные группы, частью которых мы являемся.

Таковы религиозные верования, взгляды и нравственный опыт, национальные и профессиональные традиции, всевозможные коллективные представления. Их совокупность составляет социальное существо. Сформировать в каждом из нас это существо – такова цель воспитания. Это социальное существо не только не дано первоначально готовым в своем строении родившемуся человеку, но и не является результатом стихийного развития».

«Институты социализации – это учреждения и организации, направляющие процесс социализации и оказывающие на него непосредственное влияние. Институты социализации подразделяют на: первичные институты социализации – семья, дошкольные учреждения, школа, секции и кружки для детей и молодежи, группы сверстников; вторичные институты социализации – государство и его органы, церковь, высшие учебные заведения, средства массовой информации. На процесс социализации личности оказывают воздействие различные социальные институты: Семья. Родители – агенты первичной социализации. Семья учит правилам и нормам поведения, Школа. Обучает дисциплине, воспитывает коллективизм, уважение к старшим. В школе осваиваются культурные ценности, моральные нормы, ребенок приобретает новые знания, умения и навыки. Социальные кружки, спортивные секции. Способствуют развитию физических качеств, терпению, выносливости, чувству коллективизма. Церковь. Учит терпению, добру, справедливости и милосердию. Армия. Приучает к дисциплине. Развивает чувство ответственности, патриотизм. Средства массовой информации. Способствуют формированию определенных отношений к культурным и иным ценностям, принятым в обществе» [3].

Несомненно, любое воспитание – это некоторое навязывание человеку определенной модели поведения родителями, учителями, старшими друзьями. Если говорить о религиозном воспитании, то у детей есть свой интерес к религиозной реальности. В жизни ребенка обязательно должен присутствовать период мифологического восприятия мира. Значит ребенку нужно религиозное воспитание просто для того что бы быть ребенком. Ребенок не агностик, его восприятие духовного мира и живо, и реали-

стично. Он очень мистично видит мир. Но мир ребенка ограничен и чудо в нем имеет постоянную прописку.

Одним из возможных индикаторов для оценки получения респондентом первичной религиозной социализации является посещение религиозных служб 1 раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет (вопрос задавался в Европейском исследовании ценностей). На уровне страны он измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще» [5].

Подводя общий итог, необходимо отметить, что религиозная социализация – понятие сложное и многомерное. На данном этапе мы ограничиваемся изучением влияния лишь одного агента социализации – религиозных организаций и институтов, в дальнейшем этот подход может быть расширен путем включения в анализ влияния других агентов социализации, рассмотренных выше, а также более глубокого рассмотрения соотношения между первичной и вторичной религиозной социализацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гараджа, В. И.** Религиоведение: Учебное пособие. – 2-е изд., дополненное. – Москва : Аспект Пресс, 1995. – 351 с. – ISBN 5-7567-0007-2. – Текст : непосредственный.

2. **Дюргейм, Эмиль.** Социология образования / Эмиль Дюргейм ; перевод с французского Т. Г. Астаховой ; под редакцией В. С. Собкина, В. Я. Нечаева ; [предисл. В. Собкина] ; Рос. акад. образования, Центр социологии образования. – Москва : ИНТОР, 1996. – 77 с. – ISBN 5-87199-036-3. – Текст: непосредственный.

3. **Забаев, И. В.** Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // И. В. Забаев, Е. Б. Мелкумян, Д. А. Орешина, И. В. Павлюткин, Е. В. Пруцкова ; Демоскоп Weekly. 1–19 мая 2013. № 553-554. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php>. – Текст : электронный.

4. **Зоркая, Н. А.** Православие в безрелигиозном обществе / Н. А. Зоркая. – Текст : непосредственный // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2009. – № 2 (100). – С. 65–84.

5. **Пруцкова, Е. В.** Религиозная социализация: проблемы концептуализации и соотнесения микро- и макро-уровней анализа / Е. В. Пруцкова // Социология религии в обществе Позднего Модерна : материалы Четвертой Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 12 сентября 2014 г. / ответственный редактор С. Д. Лебедев. – Белгород : ИД «Белгород», 2014. – С. 80–88. – ISBN 978-5-9571-1007-1. – Текст : непосредственный.

6. **Трошихин, В. В.** Наука и религия в системе мировоззрения / В. В. Трошихин., В. А. Толстиков. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2006. – № 4. – С. 250–253.

7. **Трошихин, В. В.** Философский смысл социально-экономических взаимоотношений Церкви и государства / В. В. Трошихин., В. А. Толстиков. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 23–29.

8. **Трубецкой, С. Н.** Религия / С. Н. Трубецкой // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 52. – С. 539–544. – Текст : непосредственный.

9. **Энгельс, Ф.** Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Текст : непосредственный // Собр. соч. – изд. 2. – Т. 20. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. – С. 1–338.

Трунов А.А.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Рындин Е.В.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Маньшев И.В.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИДЕОЛОГИЯ И УТОПИЯ В ПРОЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ К. МАНХЕЙМА

Аннотация. В статье с опорой на принципы герменевтики реконструирована роль интеллигенции, идеологии и утопии в проекте когнитивной социологии К. Манхейма. Этот исследователь стремился оказать влияние на формирование полноценного макросоциального субъекта – «свободной интеллигенции», которая могла бы целенаправленно заниматься производством и публичной трансляцией смыслов в ситуации, когда классические идеологии оказались дискредитированы, а утопии уничтожены.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, идеология, утопия, К. Манхейм, эпистемологический проект, социология знания, когнитивная социология, политическое, К. Шмитт.

Если следовать устоявшейся марксистской традиции, то идеология маскирует социальные противоречия в интересах господствующих классов. При таком подходе любая идеология может рассматриваться как та или иная разновидность ложного сознания [12]. Представление об идеологии как о ложном сознании великолепно работает во всех случаях, когда нужно дискредитировать позиции политических оппонентов в публичной полемике, доказав их ангажированность или теоретическую несостоятельность. Однако оно довольно плохо объясняет, почему же весь период с 1789 по 1991 г. представлял собой своеобразную «эпоху идеологий».

Попытаемся найти адекватное понимание этой проблемы, обратившись к влиятельной исследовательской позиции, изложенной социологом *Карлом Манхеймом* (1893–1947 гг.) в его знаменитой монографии «Идеология и утопия» (1929 г.) [4, с. 7–276]. Существующее в нашей стране несколько десятилетий откровенное шельмование марксизма сделало ее особенно популярной среди некоторых приближенных к власти интеллектуалов, попытавшихся как можно скорее «покаяться» за собственное марксистское прошлое.

Однако смог ли подход К. Манхейма стать полноценной заменой концепции К. Маркса и Ф. Энгельса? Попытаемся разобраться в этом вопросе, осуществив герменевтическую реконструкцию основных положений эпистемологического проекта К. Манхейма, претендующего на статус одного из основополагающих текстов когнитивной социологии, которая занимается выявлением «ментальных механизмов в детерминации существующего культурного и социального многообразия» [9, с. 15], что также предполагает поиски нового знания, которое способно изменить общество в желаемом направлении.

Интеллектуальная биография К. Манхейма оказалась тесно вплетена в основные социальные, политические и культурные трансформации, которые пережила Европа в первой половине XX в. [8] Получив блестящее образование, К. Манхейм имел все возможности для того, чтобы успешно заниматься реальной политикой, однако он выбрал путь академической карьеры, связанный с обоснованием новой парадигмы социального знания, которое могло бы стать инструментом культурного воздействия на социальные процессы в ситуации, когда классические идеологии оказались дискредитированы, а утопии уничтожены. При этом К. Манхейма можно рассматривать как «одинокого интеллектуала», который в теоретической социологии шел своим уникальным путем, не стремясь интегрироваться в существующий истеблишмент, хотя такие возможности у него, конечно же, были.

Обосновывая необходимость принципиально нового типа социального знания, К. Манхейм исходил из того, что «для того чтобы существовать в полном соответствии с действительностью

такого рода, где совершенно отсутствует какая бы то ни было трансцендентность, будь то в форме утопии или идеологии, требуется, вероятно, едва ли доступная нашему поколению жесткость или предельная, ни о чем не подозревающая, наивность недавно вступившего в мир поколения» [4, с. 214]. Отсюда – его стремление к глубокому и всестороннему изучению феномена интеллигенции (= свободных и независимых интеллектуалов) как макросоциального субъекта, главная задача которого «заключается в том, чтобы создавать для данного общества интерпретацию мира» [4, с. 15].

Характерной особенностью этой «свободной интеллигенции» является то, что она формируется за счет постоянно обновляющихся социальных слоев, а способ мышления ее основных представителей «не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации типа касты» [4, с. 16].

Конечно, эта сконструированная К. Манхеймом «свободная интеллигенция» отнюдь не гомогенна. Каждый из ее имманентно конфликтующих сегментов ведет борьбу за собственную интерпретацию смыслов, что отражает плюрализм существующих типов мышления. Идеинная борьба интеллектуалов в публичном пространстве, когда происходит дифференциация на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», согласно К. Манхейму, полностью развеивает иллюзию о том, «будто существует только один тип мышления» [4, с. 16].

В процессе публичного обсуждения конкретных социальных проблем интеллигенты могут занимать и чаще всего занимают полярные позиции, но при этом они всегда вносят в дискуссию особую мотивацию и специфические мировоззренческие установки, которые обусловлены состоянием их когнитивной вменяемости. В отличие от обывателей, которые опираются на свой житейский опыт, мышление интеллигентов диалектично. Благодаря полученному ими образованию, интеллигенты способны «рассматривать актуальные проблемы с разных сторон в отличие от большинства участников дискуссий, которые видят проблему только с одной стороны» [5, с. 105]. Приобретенные интеллигентами аналитические навыки и специальные знания делают их

мышление более гибким в отличие от ригидного мышления обывателей. Вследствие этого интеллигенты гораздо легче изменяют свою точку зрения под воздействием рациональных аргументов, поскольку способны «сопоставлять несколько противоречивых подходов к одному и тому же предмету» [5, с. 105].

Конечно, возможна и такая ситуация, когда сами идеи «становятся самоцелью и источником опьянения» [5, с. 149], то есть происходит полная или частичная утрата связи мышления с реальностью, что порождает типичный для некоторых интеллигентов дискурс невменяемости. Нельзя исключать и своеобразный злокачественный нарциссизм [13], поскольку «свободное и беспрепятственное мышление временами порождает иллюзию величия, ибо одна лишь способность обмениваться идеями относительно наиболее острых проблем создает соблазнительную видимость овладения ими» [5, с. 149]. «Обычно носящие сугубо частный характер заклинания одиноких индивидов, ведущих затворнический образ жизни, – продолжает свою мысль К. Манхейм, – не вызывают особого резонанса, но в условиях кризиса интеллектуальный экстаз может обрести под собой особую благодатную почву. Массы, жаждущие обеспеченности, иногда идут за шаманом, изречения которого внушают мысль о его всемогуществе. Именно в такие моменты ожидания охваченными сомнениями масс и экстаз одинокого интеллектуала могут прийти в соприкосновение» [5, с. 149].

Согласно точке зрения К. Манхейма, «конкретное положение субъекта, его социальное бытие является одним из конститутивных факторов в формировании мнений, утверждений и знаний» [4, с. 57]. При этом К. Манхейм исходит из того, что люди действуют не в одиночку, а в различных по своему генезису и структуре социальных группах и, осуществляя любые более или менее совместные действия, мыслят идеологически [4, с. 9].

Вследствие этого все существующие в обществе модерна типы политического мышления «не могут быть адекватно поняты без выявления их социальных корней» [4, с. 8]. Исходя из тезиса о том, что мышление рассматривается им как «орудие познания действительности» [4, с. 67], К. Манхейм различает идеологию и

утопию как основные антагонистические программы стабилизации / дестабилизации реальной политической ситуации в обществе модерна.

В первом случае речь идет об идеологии как о специфическом мышлении «правлящих групп», при котором «эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве» [4, с. 40]. Цинизм идеологии можно охарактеризовать так: если факты мешают господству «правлящих групп», то тем хуже для фактов. Не отсюда ли постоянное стремление «правлящих групп» фальсифицировать историю в выгодном для себя свете? И хотя исторические процессы носят объективный характер, их интерпретация всегда субъективна, поскольку преломляется в сознании людей.

Во втором случае К. Манхейм говорит об утопическом мышлении, которое в корне противоположно идеологии именно тем, что выражает интересы социально «угнетенных групп», которые «заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества» [4, с. 40]. Утопия «угнетенных групп» бросает вызов политическому господству «правлящих групп» хотя бы тем, что утверждает возможность *иного*, более справедливого общества, с чем «угнетатели», разумеется, категорически не согласны. В качестве примера можно привести острейший конфликт между Реформацией и хилиазмом, который знаменовал собой принципиально различные пути развития Европы в XVI – первой половине XVII вв. [10]

Оба выделенных К. Манхеймом типа политического мышления, характерных для всей эпохи модерна, не способны к адекватной рефлексии своих теоретических оснований. Эту мысль социолог иллюстрирует следующим примером: «политическая дискуссия резко отличается по своему характеру от дискуссии научной» [4, с. 39]. Ведь ее цель, согласно К. Манхейму, состоит не столько в том, чтобы доказать оппоненту свою фундаментальную правоту, сколько в том, чтобы «подорвать корни социального и интеллектуального существования своего оппонента» [4, с. 39].

Поэтому в любом политическом конфликте, по мнению К. Манхейма, основной удар направлен «против социального статуса оппонента, его общественного престижа и уверенности в себе» [4, с. 39]. Вследствие этого конкретные разновидности идеологии и утопии выступают в качестве своеобразного «интеллектуального оружия», под знаменами которого в обществе Модерна осуществляется не только политическая, но и (что более существенно) – *социальная борьба*.

К. Манхеймом делается обоснованный вывод о том, что идеология («частичная» или «тотальная») представляет собой своего рода интеллектуальный «продукт» (идеи, концепты, ценности, теории) такого способа понимания реальности, при котором господствующие социальные группы интерпретируют явления окружающей их действительности с позиций своих жизненных интересов [4, с. 7–17, 52–69].

Именно в этом, полагает К. Манхейм, заключается сущность любой влиятельной идеологии. Причем не только как специфической смысловой системы, позволяющей интерпретировать социальную реальность, декодируя ее базовый смысл, но и как важнейшего конструкта, дающего возможность ее существенным образом преобразовывать в интересах субъектов стратегического действия, генерирующих информацию, предназначенную для идентификации «своих» или «чужих», «друзей» или «врагов». Такое понимание идеологии не противоречит концепции политического, разработанной известным юристом К. Шмиттом, современником К. Манхейма.

«Смысл различения друга и врага состоит в том, – отмечает в этой связи К. Шмитт, – чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения и разделения; ассоциации и диссоциации; это различие может существовать теоретически и практически... Пусть политический враг не будет морально зол, пусть не будет он эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже обнаружится, что с ним выгодно вести дела. Он есть именно иной, чужой, а для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чужое» [14, с. 302]. При

этом К. Шмитт специально оговаривает, что речь не идет о личных врагах, которых кто-то, возможно, люто ненавидит. Враг в его понимании – это «*борющаяся* совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности. Враг есть только *публичный* враг» [14, с. 304].

Заметим, что природа политического может пониматься иначе. Однако история еще не знала таких идеологий, которые существовали бы вне того базового социального конфликта, который определяется рамками конкретной политической ситуации, а в ее основе как раз и лежит пресловутое различие «друга» и «врага», на которое с присущим ему педантизмом указывает К. Шмитт. Поэтому его подход великолепно дополняет подход К. Манхейма.

Выявленное нами понимание идеологии лежит в основе большинства ее научных дефиниций, которые предлагаются сторонниками данного подхода.

Так, П. Бергер и Т. Лукман, критически развивая взгляды К. Манхейма, рассматривают идеологию как тип социального знания, ориентированного на властные интересы той или иной макросоциальной группы. Именно они выступают ключевым атрибутом идеологии [1, с. 201]. Тот факт, что идеология теснейшим образом сопряжена с интересами преимущественно элитных макросоциальных групп объясняет ее генетическую связь со сферой политики.

Классические идеологии модерна (консерватизм, либерализм, марксизм) могут быть охарактеризованы как системы регулятивных или проектных идей, ориентированные на стабилизацию, трансформацию или же ликвидацию существующей власти. Вследствие этого они обладают следующими свойствами:

- во-первых, дают ключ к пониманию существующего социального порядка;
- во-вторых, предъявляют обществу оригинальный образ будущего, смысловым ядром которого всегда выступает теоретическое видение его желаемого состояния;
- в-третьих, характеризуют то, каким образом должны осуществляться необходимые или желательные трансформации.

Хотя К. Манхейм и его последователи внесли значительный вклад в разработку теории идеологии с позиций мыслимой ими социологии знания (поиск знания, «очищенного» от какого-либо присутствия идеологии; иначе – когнитивная социология, социологии смысла, политическая социология, если рассматривать один из ее важнейших аспектов), эта научная программа оказалась половинчатой, страдающей признаками когнитивной инвалидности, неполноценной.

Интуитивно это понимал и сам К. Манхейм, когда отмечал, что «социология знания является систематизацией того сомнения, которое в общественной жизни находит свое выражение в ощущении смутной неуверенности и неустойчивости» [4, с. 49]. Впрочем, К. Манхейм полагал, что со временем разработанное им учение об интеллигенции, идеологии и утопии обязательно превратится в полноценную научную дисциплину. Однако этого не произошло, поскольку ни К. Манхейму, ни его единомышленникам так и не удалось избавиться от собственных предпочтений.

Возник так называемый «парадокс К. Манхейма», который очень точно зафиксировал К. Гирц: «Где та точка (если она есть), где кончается идеология и начинается наука?» [2, с. 226]. По сути, социология знания попала в своеобразную «ловушку позитивизма» или «позицию привилегированного ускользания» от идеологических искажений. Ее суть состоит в следующем. Если кто-либо заявляет о своей уникальной способности отделить «токсичные» идеологические элементы от всех остальных элементов теоретизирования, то тем самым «он притязает на обладание методом получения аутентичного знания» [3, с. 135]. Как показывает практика, «тезисы о галлюцинациях, иллюзиях, искажениях и тому подобном могут выдвигаться лишь с позиции, считающей возможным проведение четкого разделения между галлюцинаторной, иллюзорной или искаженной формой восприятия / мысли, с одной стороны, и истинным восприятием реальности или строгими неискаженными размышлениями и разысканиями – с другой. Чтобы идентифицировать идеологическое искажение, необходимо самому не быть его жертвой» [3, с. 135].

В том-то и дело, что все мы в той или иной мере являемся «жертвами» подобных идеологических или утопических искажений. «Позицию привилегированного ускользания» может занимать лишь до крайности наивный или самонадеянный человек, путающий идеалы объективного научного знания с реальным положением дел. Мы полагаем, что социальное знание уже по самой своей сути не может быть стерильно-нейтральным или полностью «свободным» от «вкраплений» идеологии или утопии. Например, «во всех сколько-нибудь влиятельных направлениях современной политической теории обнаруживается тот или иной идеологический след. Последний не является результатом некоторой сознательной запрограммированной тенденциозности, а скорее отражает очень широкий контекст теоретической политической рефлексии: философский, методологический, культурный, политический, социальный, экономический» [7, с. 259]. Безусловно, мы должны фиксировать этот «след» в своем анализе и делать поправку на то, что ученый – это тоже живой человек, который может ошибаться и не является носителем истины в последней инстанции.

Поскольку идеология есть нечто большее, чем ложное сознание или наукообразная теория, а именно – специфический нарратив, вызывающий к жизни определенную политическую практику [11], то ее функциональная специфика во многом определяется тем, что она наделяет социальное действие политическим смыслом. В то же время присущая идеологиям эклектичность, недостаточная согласованность отдельных положений, может быть причиной расхождения в понимании их содержания, что приводит к различным интерпретациям важнейших вопросов социальной и политической жизни.

Подводя общий итог, сформулируем основные выводы данной статьи.

1. Исследовательский проект К. Манхейма был направлен на то, чтобы преодолеть некоторые очевидные крайности марксистского и других подходов и разработать теоретические основы когнитивной социологии, очищенной от любых «примесей» идеологии или утопии.

2. Имплицитно К. Манхейм стремился повлиять на формирование нового макросоциального субъекта, который смог бы ответственно и целенаправленно заниматься производством и публичной трансляцией смыслов. Речь идет не просто о том, чтобы осуществлять тривиальное политическое господство, например, манипулируя общественным мнением или занимаясь производством массового сознания в интересах правящих элит, но о том, чтобы определенным образом концентрировать психоисторическую энергию общества и управлять сложнейшими процессами его развития на основе передовых социальных технологий.

3. В качестве такого макросубъекта К. Манхейм рассматривал «свободную интеллигенцию», способную предложить динамично развивающемуся обществу привлекательный образ будущего и взять под свой контроль стихийные процессы социального развития.

4. Ему также удалось определить категориальные сущности идеологии и утопии как конфликтующих идейных (психоисторических) комплексов, которые направлены на поддержание (идеология) или дестабилизацию (утопия) существующего социального порядка. При этом он также отметил, что в целом ряде случаев утопия не разрушает, а поддерживает сложившийся социальной порядок.

5. Если же говорить о разработке научной теории идеологии с позиций безоценочной и эпистемологически нейтральной когнитивной социологии, то следует признать, что эта программа оказалась половинчатой, поскольку ни К. Манхейму, ни его единомышленникам так и не удалось избавиться от собственных идеологических предпочтений.

6. На самом деле этого не удастся сделать никому. Мы можем менять свои политические убеждения или социальные установки под влияние соответствующих рациональных аргументов, но в них все равно будут присутствовать те или иные элементы «проникающей» (или диффузной) идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Питер Людвиг Бергер, Томас Лукман ; перевод с английского Е. Д. Руткевич. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с. – ISBN 5-85691-036-2. – Текст : непосредственный.

2. **Гирц, К.** Интерпретация культур / Клиффорд Гирц ; перевод с английского О. В. Барсуковой и др. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с. – ISBN 5-8243-0474-2. – Текст : непосредственный.

3. **Макинтайр, А.** Идеология, социальная наука и революция / А. Макинтайр ; перевод с английского Д. Узланера. – Текст : непосредственный // Логос. – 2012. – № 2 (86). – С. 134–159.

4. **Манхейм, К.** Диагноз нашего времени / К. Манхейм ; перевод с немецкого и английского Я. М. Бергера и др. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – ISBN 5-7357-0046-4. – Текст : непосредственный.

5. **Манхейм, К.** Избранное : Социология культуры / К. Манхейм ; перевод с немецкого Л. Ф. Вольфсон, А. В. Дранова. – Москва : Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 501 с. – ISBN 5-7914-0023-3. – Текст : непосредственный.

6. Методология и концептуальные парадигмы социологии : монография / под общей редакцией В. В. Трошихина ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Изд-во БУКЭП, 2015. – 368 с. – ISBN 978-5-8231-0437-1. – Текст : непосредственный.

7. **Мусихин, Г. И.** Очерки теории идеологий / Г. И. Мусихин. – Москва : Высшая школа экономики, 2013. – 288 с. – ISBN 978-5-7598-1012-4. – Текст : непосредственный.

8. Мыслящая Россия. История и теория интеллигенции и интеллектуалов / под редакцией В. А. Куренного. – Москва : Наследие Евразии, 2009. – 368 с. – ISBN 5-901787-66-8. – Текст : непосредственный.

9. Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации : монография / под редакцией И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И.В. Катерного. – Москва : Прогресс-Традиция, 2015. – 328 с. – ISBN 978-5-89826-445-1. – Текст : непосредственный.

10. **Поддубный, Н. В.** Реформация и хилиазм (идейные истоки современности) / Н. В. Поддубный, А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Историческая психология и социология истории. – 2015. – Т. 8. № 1. – С. 5–20.

11. **Трунов, А. А.** Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. № 2. – С. 234–243.

12. **Трунов, А. А.** Идеология как феномен общественного сознания в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса / А. А. Трунов, Е. В. Рындин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2019. – С. 53–70. – ISBN 978-5-8231-0935-2.

13. **Черникова, Е. И.** Диагностика нарциссического расстройства личности в контексте психоанализа / Е. И. Черникова, Т. Ф. Султанов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4 апреля 2017 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2017. – С. 26–38. – ISBN 978-5-8231-0639-9.

14. **Шмитт, К.** Понятие политического / Карл Шмитт ; перевод с немецкого А. Ф. Филиппова и др. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 568 с. – ISBN 978-5-02-038400-2. – Текст : непосредственный.

Алиева Ф.Б.,

ст. преподаватель Азербайджанского государственного аграрного университета, Азербайджанская Республика, г. Гянджа

ПРОБЛЕМА КЛАССИЧЕСКОГО, НЕКЛАССИЧЕСКОГО И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО ТИПОВ ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ классического, неклассического и постнеклассического типов научного познания. Сделан вывод о том, что научная революция является закономерным явлением нашей жизни, поскольку в рамках одной объяснительной модели очень сложно трактовать новые факты и старая традиционная объяснительная модель сталкивается с такой ситуацией, когда появляются все новые и новые факты.

Ключевые слова: наука, познание, истина, рациональность, научная революция.

Наука как способ познания и деятельности, а также социальный институт и форма трансляции знания прошла в своем развитии ряд этапов. Традиционно выделяют классическую, неклассическую и постнеклассическую науку.

Когда мы говорим о классической науке, то мы имеем ввиду ту область исследований, которая стала интенсивно формироваться в XVII в. благодаря усилиям Фрэнсиса Бэкона, Рене Декарта, Галилео Галилея, Томаса Гоббса, Дж. Локка и многих других авторов, которые занимались практическими исследованиями.

Что такое классическая наука? Это проект «Великого восстановления наук», предложенного Ф. Бэконом [3] и практические меры по его реализации, связанные с деятельностью учеников Бэкона, частности, Сэмюэля Хартлиба, которые занимались созданием Королевского научного общества, созданием академий и других форм трансляции и передачи научного знания.

От чего отказалась классическая наука? Она отказалась от схоластики, умозрительных построений, спекуляции, обсуждения

метафизических вопросов, которые не могут быть опровергнуты или доказаны с помощью экспериментального метода. Таким образом, классическая наука – это особый тип практически ориентированного и обоснованного теоретического знания, который опирается на методы наблюдения и эксперимента.

Основной принцип – это принцип холизма, восстановление причинно-следственных связей, поиск закономерностей на основании следующей цепочки рассуждений: факты интерпретируются с точки зрения теории; на основе изучения фактов выявляются закономерности; те закономерности, которые носят необходимый, повторяющийся и неустойчивый характер называются законами. Более успешно это программа реализовалась в области естественных и точных наук. Что же касается наук, связанных с гуманитарной сферой, то тут классическая наука не достигла сопоставимых результатов. Хотя и здесь было сделано немало фундаментальных открытий.

Мир познаваем, мир логичен, мир можно понять. В основе всего, что происходит, лежат познанные и непознанные законы природы, а также законы существования человеческого общества. Образцом такой науки является механика или физика, в том виде, в котором она предстает в работах Исаака Ньютона. Классическая наука она является образцом познания, деятельности, организации и систематизации знания, социального института. Наука как социальный институт – это особые нормы, правила, операции, которые регламентируют исследовательские процедуры, а также доказательства, опровержения.

Однако в первой половине XX в. стало понятно, что классическая наука не может ответить на все вопросы, стоящие перед человечеством. Появляются пробелы, разрывы, другие формы способа понимания реальности. Например, появилась квантованная механика, которая очень сильно отличается от классической механики. Споры вокруг природы электрона. Электрон – это частица или волна? Одни исследователи (Э. Шредингер) говорили, что частица, другие говорили, что волна (В. Гейзенберг), а потом появился Нильс Бор который сказал, о том, что электрон – это частица и волна (в зависимости от позиции наблюдателя).

Если говорить о гуманитарных науках, то первое, что приходит, это психоанализ Зигмунда Фрейда и его последователей: А. Адлера, В. Райха, О. Ранка. Психоанализ – это наука или это искусство? Не будет ошибкой утверждать, что психоанализ – это искусство, мастерство интерпретаций, позволяющих приблизиться к пониманию природы бессознательного. А вот рассматривать психоанализ как строгую науку не представляется возможным, хотя такие попытки, безусловно, предпринимались многократно.

Кибернетика – это уже вторая половина XX в. Это законы больших чисел, это теорема Гаусса, это идея принципиальной неполноты наших знаний. Вот это – неклассическая наука, она очень хорошо показывает необходимость пересмотра традиционных подходов, границ познания, идеалов классической рациональности. По большому счету, она свидетельствует о том, что в мире много не ясного. И это связано как с пониманием человека, так и с пониманием природы. Открытие макромира, микромира, тонких структур, открытие в области физики, химии, математики, открытие в сфере гуманитарных наук поставила под сомнение многое из того, что казалось незыблем в классическую эпоху развития науки.

Значит ли это, что классическая наука исчезла? Нет, она не исчезла. Просто она заняла свою нишу. Например, ее основы до сих пор успешно преподаются в школах, гимназиях, лицеях, колледжах и на младших курсах многих университетах.

А вот неклассическая наука, естественно, сначала воспринималась как своеобразная экзотика, малопонятная не только обывателям, но и весьма образованным людям. Открывшаяся картина довольно плохо соответствовала привычной действительности. Складывалось впечатление, что люди попали в какое-то странное «зазеркалье», где предметы обыденной жизни приобрели новые свойства, а люди оказались в положении наивной Алисы из знаменитых произведений Л. Кэрролла.

Первоначально проблемы познания решались не на уровне познавательных средств и методов неклассической науки, а на уровне философии. Поэтому знаменитая дискуссия между В.И. Лениным и А.А. Богдановым [5, 1-2] завершилась выводом о том,

что электрон также не исчерпаем, как и атом. Это заявление Ленина абсолютно соответствует неклассическому пониманию. Ленин не был физиком, но тем не менее он как философ и практик понимал, что диалектика не отменяется в эпоху постнеклассической науки, а наоборот помогает предвосхитить многие открытия.

Что касается постнеклассической науки, то этот термин возник значительно позднее. Сама приставка «пост» означает «после» и в какой-то степени потребность в появлении постнеклассической науки задается необходимостью нового диалога человека и природы.

Родоначальниками постнеклассической науки были люди, которые занимались процессами самоорганизации в природе и обществе от хаоса к порядку. По-разному называлось это направление. Герман Хакен, нобелевский лауреат, называл это синергетикой. И.Р. Пригожин – химик и тоже нобелевский лауреат, – называл это диссипативной структурой [7, 8].

Идеи самоорганизации присутствовали и в неклассической науке. Достаточно вспомнить фундаментальный труд А.А. Богданова, который назывался «Тектология». Здесь предпринята попытка систематизации наук по предмету, методу, эвристическому потенциалу.

Однако И.Р. Пригожин идет своим путем, равно как и Г. Хакен. Сначала речь шла о достаточно локальных исследованиях в области физики и химии, но потом оказалось, что принципы самоорганизации живой и неживой природы они носят универсальный характер.

От каких императивов отказалась постнеклассическая наука? От того что мир устроен просто, от того что важное значение имеет фактор случайности. Поэтому явления, которые описывает постнеклассическая наука, носят более сложный характер. Постнеклассическая наука использует такие термины, как бифуркация и полифуркация, «окно возможностей», самоорганизующаяся критичность, динамический хаос, аттрактор.

Интеллектуальная мода на синергетику возникла где-то 40 лет назад и в какой-то степени синергетическая парадигма оказа-

лось очень популярна в постсоветских странах именно потому что была сильна диалектика, были сильны традиции естественнонаучного познания. И бывшим марксистам было довольно легко переориентироваться на естественнонаучную методологию познания живой и неживой природы, человека и общества, потому что, все необходимое было уже сделано. Поэтому в целом было понятно, что синергетика как наиболее интересное направление постнеклассической науки – это попытка такого диалога человека и природы новых форм познаний.

Если подводить итог, то мы видим три таких больших этапа развития науки, выделяя классический, неклассический и постнеклассический диалог рациональностей. И мы должны здесь представлять, почему одни парадигмы заменяются другими. Они заменяются, потому что в рамках одной объяснительной модели очень сложно трактовать новые факты, и старая традиционная объяснительная модель сталкивается с такой ситуацией, когда появляются все новые и новые факты. Эти факты нельзя игнорировать, но объяснить с помощью традиционных познавательных конструкций, методов, понятийного аппарата, тоже невозможно.

Собственно, эту идею в 60-е гг. прошлого века высказал американский физик и специалист по науковедению Томас Кун в знаменитой книге «Структура научных революций» [4]. Собственно, он говорил, что научная революция начинается тогда, когда одна парадигма заменяет старую, другую парадигму. Но, здесь нужно обозначить ключевую проблему современного познания. Мы имеем дело с огромным множеством дисциплин, т.е. много дисциплин, но при этом не происходит кумулятивизма научного знания. Принцип кумулятивизма научного знания, универсализма научного знания, изменяется тем, методологическим анархизмом и принципом пролиферации. В результате, мы знаем все больше и больше и все меньшим и меньшим. И дело доходит до того, что физик не понимает химика, историк, который занимается Средними веками не понимает историка, который занимается Античностью или Новым временем. Нарастает обилие информации, но не хватает ума и не хватает времени для того, чтобы все это привести в какой-то в более или менее относительный

порядок. И в этой ситуации смыслового хаоса появляется философ.

Философ, который во времена Платона воспринимался как мученик, как подвижник, как мыслящий человек, который имеет дерзновения заменить доксу (мнение) эпистемой (знанием). У Платона есть замечательный образ философа [6]. Его знаменитое произведение «Государство», образ зловещей пещеры, люди прикованы, видят на стенах пещерах какие-то блики, какие-то видения, но не видят целого. И вот один человек поворачивает голову в сторону источника света и видит предметы окружающей реальности такими какие они есть. Можно считать, что вот этот образ платоновского философа, он никоим образом не устарел сегодня. Только, если говорить о сравнении той ситуации, которая наблюдалась два с половиной тысячелетия назад и той ситуацией, которая наблюдается сегодня, здесь проблема немножко другая. Тогда философ был восприимчив к истине и поворачивался к источнику знания.

Сейчас перед глазами философа огромное количество информации. Сам философ участвует во множестве коммуникаций и вот здесь проблема заключается в следующем, как доксу отличить от эпистемы, как подлинное отличить от фальшивого, как реальное отличить от нереального. И поэтому собственно стоит вопрос о синтезе знания, о философском понимании знания, о интеграции рассыпанного вдребезги мозаичного знания и появление целостного взгляда на природу, общество, человека, культуру, окружающий мир. И вот в этом заключается главная задача современного философа. Поэтому все вот эти разговоры о том, что философия не является наукой или о том, что философы никому не нужны. Это разговоры от лукавого, это разговоры, произнесенные в процессе самолюбования представителями отраслей современной науки. Философ нужен для того чтобы как минимум осуществить вот эту сборку и исследования того, что есть знания на основе как классической, так и неклассической и постнеклассической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богданов, А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. / А. А. Богданов. – Москва : Экономика, 1989. – Кн. 1. – 303 с. – Текст : непосредственный.
2. **Богданов, А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. / А. А. Богданов. – Москва : Экономика, 1989. – Кн. 2. – 350 с. – Текст : непосредственный.
3. **Бэкон, Ф.** Сочинения : в 2-х т. / Фрэнсис Бэкон ; перевод с английского А. Л. Субботина. – Москва : Мысль, 1971. – Т. 1. – 590 с. – Текст : непосредственный.
4. **Кун, Т.** Структура научных революций / Т. Кун ; перевод с английского. – Москва : Прогресс, 1975. – 288 с. – Текст : непосредственный.
5. **Ленин, В. И.** Полное собрание сочинение / В. И. Ленин. – 5-е изд. – Москва : Изд-во политической литературы, 1973. – Т. 18. – 525 с. – Текст : непосредственный.
6. **Платон.** Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. / Платон ; перевод с древнегреческого С. Аверинцева и др. – Москва : Мысль, 1994. – 652 с. – ISBN 5-244-00577-4. – Текст : непосредственный.
7. **Пригожин, И. Р.** От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / И. Р. Пригожин ; перевод с английского. – Москва : Наука, 1985. – 328 с. – Текст : непосредственный.
8. **Хакен, Г.** Синергетика / Г. Хакен ; перевод с английского. – Москва : Мир, 1980. – 404 с.

Шелекета В.О.,

д-р филос. наук, профессор Белгородского университета
кооперации, экономики и права

Ивахнов В.Ю.,

доцент Волжского политехнического института (филиала)
Волгоградского государственного технического университета

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФЕНОМЕНА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются социально-этические и психологические вопросы, связанные с проблемой разработки интеллектуальных систем. Психологические аспекты анализируются в контексте возможности развития искусственного интеллекта, по крайней мере, до человеческого уровня. Описываются возможные пути развития искусственного интеллекта с перспективами его влияния на общество, а также вызовами, с которыми придется столкнуться человечеству.

Ключевые слова: этика искусственного интеллекта, моральные и психологические проблемы, гуманитарная экспертиза.

В то время, когда прогресс в вычислительной технике сделал интеллектуальные системы все более и более применимыми к нашей повседневной жизни, мы подошли к точке, когда нам нужно пересмотреть наши этические рамки и социальные нормы. Можно утверждать, что человеческое общество определенно находится в поворотном моменте истории.

Машины становятся все умнее и умнее, интеллектуальные алгоритмы используются в различных отраслях, и мы констатируем начало четвертой промышленной революции [1], которая характеризуется так называемыми «киберфизическими системами» [2]. Стремительное развитие технологий, коренным образом изменяет общество и экономику. Вместе с тем, социально-этические и психологические последствия развития интеллекту-

альных систем разнообразны и иногда непредсказуемы. Это в свою очередь не может не отражаться на научной картине мира, которая сегодня претерпевает ряд трансформаций, связанных с, так называемым «психологическим фактором».

Область этики искусственного интеллекта существует уже несколько лет. Наблюдается рост интереса к этой сфере междисциплинарных исследований, что обусловлено тем, что этика искусственного интеллекта имеет дело с рядом важных вопросов постклассической научной картины мира, таких как: этика в алгоритмах машинного обучения, моральный статус и права интеллектуальных машин, суперинтеллект и моральное поведение людей как проектировщиков искусственно разумных существ.

В России в данной области мы еще не имеем институционально закрепленных форм. На Западе существует множество институтов и исследователей, занимающихся этикой искусственного интеллекта. Например, центр изучения экзистенциального риска Centre for Study of Existential Risk (CSER) в рамках исследовательского центра Кембриджского университета изучает возможные угрозы уровня вымирания, создаваемые нынешней или будущей технологией. Институт будущего человечества Future of Humanity Institute (FHI) является частью факультета философии в Оксфордском университете и занимается влиянием развития технологий будущего на человека. Есть также институт жизни будущего Future of Life Institute (FLI), который обосновался в Бостоне, а также научно-исследовательский институт машинного интеллекта Machine Intelligence Research Institute (MIRI), который действует, как некоммерческая организация. Техническая задача MIRI гласит, что необходимы программы, обеспечивающие безопасность, то есть создание (дружественного искусственного интеллекта) [3]. Как научно-исследовательское учреждение MIRI занимается исследованием вопросов безопасности, связанных с развитием «высокого» искусственного интеллекта.

Рассмотрим ученых, которые работают в области этики искусственного интеллекта. Вероятно, самым авторитетным из них является Ник Бостром [4], известный своими работами по экзи-

стенциальному риску, антропному принципу, этике улучшения человека, рискам сверхразума, консеквенциализму.

Ник Бостром – это шведский философ из Оксфордского университета. В настоящее время он является директором-основателем института будущего человечества Future of Humanity Institute в Оксфордском университете. Он является автором и соавтором многих научных работ, книг и статей. Наиболее известные книги: «Антропные предубеждения: эффекты выбора наблюдений в науке и философии», «Улучшение человеческого потенциала», «Глобальные катастрофические риски и суперинтеллект: пути, опасности, стратегии».

Вторым известным человеком является Раймонд Рэй Курцвейл [5]. Он написал книги о здоровье, искусственном интеллекте, трансгуманизме, технологической сингулярности и футуризме. Наиболее известные из них: эпоха интеллектуальных машин, эпоха духовных машин и сингулярность близка.

Питер Норвиг [6] также является одним из самых известных ученых, занимающихся этикой искусственного интеллекта. Он является директором по исследованиям в Google Inc. Он был ассистентом профессора в Университете Южной Калифорнии и членом исследовательского факультета в Беркли. Он опубликовал более пятидесяти статей в различных областях компьютерных наук и написал ряд книг, в том числе: «Искусственный интеллект: современный подход», «Парадигмы программирования искусственного интеллекта: тематические исследования в Common Lisp» и интеллектуальные справочные системы для UNIX.

Существует также ряд ученых, занимающихся этикой искусственного интеллекта, например: Стив Омохундро, Стюарт Дж. Рассел, Андерс Сандберг и Элизер Юдковски.

Учитывая работу Ника Бострома и его научную подготовку, следующий текст этой статьи будет, в основном основан на его статьях и философских размышлениях.

Чтобы полностью понять содержание этики искусственного интеллекта, необходимо объяснить, что такое искусственный интеллект на самом деле. Искусственный интеллект (далее – ИИ)

является академической областью исследований, которая изучает, как создавать машины и компьютерные программы, которые способны к интеллектуальному поведению.

В некоторых определениях можно обнаружить, что ИИ – это наука и техника создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных алгоритмов. Из этого следует, что искусственный интеллект – это интеллект, выраженный машинами или компьютерными программами.

Для того, чтобы достичь глубокого понимания искусственного интеллекта, он должен быть объяснен термином интеллект. По словам Джона Маккарти, «Интеллект – это вычислительная способность достигать целей в мире. Разные виды и степени интеллекта встречаются у людей, многих животных и некоторых машин» [7]. Проблема в том, что мы пока не можем в общих чертах охарактеризовать, какие виды вычислительных процессов мы хотим назвать интеллектуальными. Искусственный интеллект по-прежнему постоянно и активно развивается. Применения и возможности таких алгоритмов многочисленны. Существует множество различных подходов к программированию интеллектуального программного обеспечения. Некоторые из них основаны на вероятностных методах, таких как байесовская сеть, скрытая Марковская модель, фильтр Калмана, теория принятия решений и теория полезности. Другие основаны на математической теории оптимизации, таких как эволюционные алгоритмы и классификаторы.

Конечной целью в области создания и понимания интеллекта, является создание компьютерных программ, которые могут решать проблемы так же, как и люди, или даже лучше. Однако современные исследователи гораздо менее амбициозны. Современная проблема искусственного интеллекта – это проблема общности. Это та область, в которой люди превосходят компьютеры. Как было написано в 1971 г. в лекции Джона Маккарти «премия Тьюринга» под названием «общность в искусственном интеллекте» [8]: «компьютеры по своей сути неспособны делать то, что делают люди», и эта проблема возникла с 1930-х гг., когда математические логики, особенно Курт Гедель и Алан Тьюринг,

установили, что не существует алгоритмов, которые гарантированно решали бы все проблемы в определенных важных математических областях.

Искусственный интеллект все еще находится на ранней стадии развития. Но есть несколько красивых примеров и впечатляющих приложений. Например, Google Translate использует текстовый поиск, переводит с одного языка на другой. Поскольку технология быстро прогрессирует, возможность искусственного общего интеллекта (AGI) может стать реальностью.

Этические проблемы и подходы к социально-этическому анализу феномена «искусственный интеллект» рассматриваются в западном социологическом дискурсе достаточно подробно. Как было написано Ником Бостромом в Кембриджском Справочнике по искусственному интеллекту [10], возможность создания интеллектуальных машин поднимает целый ряд этических вопросов. Первое и, наверное, самое главное – это вопрос причинения вреда людям. Тогда возникает вопрос о присвоении морального статуса интеллектуальным машинам. В случае создания ИИ необходимо обеспечить, чтобы их использование было во благо, а не во зло.

С момента первого появления слова «робот» в пьесе Карела Чапека от 1921 г. под названием «Универсальные Роботы Россума» возникло множество этических вопросов, связанных с интеллектуальными машинами. Айзек Азимов, автор и создатель трех законов робототехники, сделал первый шаг. Его законы робототехники являются неизбежной темой во всех этических дискуссиях, и они представляют основу этики в искусственном интеллекте. Они заключаются в следующем:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться приказам, отданным ему людьми, за исключением тех случаев, когда такие приказы противоречат Первому Закону.

3. Робот должен защищать свое собственное существование до тех пор, пока такая защита не противоречит Первому или Второму Законам [11].

Но вскоре после создания трех законов робототехники появились дополнительные законы робототехники. Дело в том, что первые три не могли покрыть возможную угрозу для человеческого вида.

Сегодня машинное обучение и другие подобные подходы хорошо известны и применяются на практике. Эти подходы широко распространены и используются в задачах планирования движения роботов, локализации, картографирования, классификации знаний, распознавания объектов и принятия решений. Этическая обоснованность интеллектуальной роботизированной руки, больше не вызывает сомнений с точки зрения ее конструкции и функции, потому что нет новых этических проблем. Но применение программного обеспечения ИИ, которое берет на себя когнитивную работу с обществом и играет большую роль в принятии социально значимых решений, наследует социальную потребность.

В работе Ника Бострома [12] есть пример с ипотечной заявкой на одобрение, где отклоненный заявитель подает иск против банка и утверждает, что система обработки заявок принимает решения, основанные на цвете кожи. В зависимости от типа алгоритма приложения, может быть почти невозможно выяснить, является ли это утверждение истинным или ложным. С учетом этого очевидно, что алгоритм ИИ должен быть прозрачным. Если программное обеспечение используется для социально значимых решений, то оно тоже должно быть предсказуемым. Предсказуемость правовых систем является важной особенностью, поскольку ее роль заключается в обеспечении предсказуемой среды, в которой граждане могут оптимизировать свою собственную жизнь. Таким образом, контракты могут быть написаны, зная, как они будут выполнены. И как сказал Бостром, устойчивость к манипуляциям-возможно, самый важный критерий.

Как было сказано выше, интеллектуальное программное обеспечение демонстрирует отличные характеристики в одной области. Когда они применяются к некоторым общим видам деятельности, они, как правило, непригодны для использования. Для многих исследователей общий интеллект по-прежнему остается

одной из долгосрочных целей. Однако возможность создания общего интеллекта поднимает философские вопросы о природе разума и этике создания искусственных существ. Машины с общим интеллектом (сильный ИИ), которые могли бы успешно выполнять любую интеллектуальную задачу в качестве человека, являются качественно другим классом проблем, чем ИИ, работающий в одной области, как это написано в главе выше.

Как писал Бостром [12], «наш адаптированный мозг стал достаточно мощным, чтобы быть значительно более общеприменимым; чтобы позволить нам предвидеть последствия миллионов различных действий в разных областях и проявлять наши предпочтения по отношению к конечным результатам». Имея это в виду, действительно трудно определить этическую пригодность и безопасность AGI. Невозможно предвидеть возможные решения программного обеспечения, которое будет работать в нескольких областях и работать над непредвиденной проблемой. Рассматривая такое применение, мы обязаны предоставить достоверную гарантию, которая будет гарантировать безопасность AGI.

Моральный статус – это термин, в основном связанный с человеческим видом. Если мы примем во внимание определение морального статуса Фрэнсиса Камма, что «X имеет моральный статус ровно потому, что X имеет моральное сознание в своем собственном праве, допустимо/недопустимо делать что-то ради него самого» [12], из чего следует что система ИИ может легко становиться кандидатом технологического феномена, имеющего право на моральный статус. Например, сегодня системы искусственного интеллекта не обладают моральным статусом. Моральные ограничения основываются только на ответственности разработчиков программного обеспечения.

Согласно Бострому, два критерия обычно связаны с моральным статусом: чувствительность и разумность (или индивидуальность), и они могут быть определены следующим образом.

«Чувство – способность к феноменальному опыту или качествам, таким как способность чувствовать боль и страдать»;

«Разумность – набор способностей, связанных с более высоким интеллектом, таких как самосознание и способность реагировать на причины» [12].

Таким образом, это может означать, что система ИИ может иметь моральный статус, если она обладает способностью чувствовать боль. Неправильно причинить боль мышце или кошке, то же самое будет иметь место для любой другой разумной жизни. Если бы интеллектуальная система имела вид разума, подобный нормальному человеку, то она имела бы полный моральный статус.

Сверхразум – следующий феномен определения психологического статуса ИИ, и это, по определению, должна быть система, способная понять свою собственную конструкцию и в отношении этого факта, способная перепроектировать себя или создать систему-преемницу, более разумную, которая могла бы перепроектировать себя снова, чтобы стать более разумной, повторяя эту характеристику в цикле положительной обратной связи, становясь все лучше и лучше.

Согласно другому определению, «сверхразум – это любой интеллект, который значительно превосходит лучшие человеческие мозги практически во всех областях, включая научное творчество, общую мудрость и социальные навыки» [11]. Логично, что существование такой системы породило бы множество этических проблем, весьма отличных от тех, которые возникают в современных системах автоматизации и информатизации.

Стивен Хокинг говорил: развитие полного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы. Как видно из рассмотренного ранее, три закона робототехники не способны создать функциональную этическую основу. По определению когнитивных психологических способностей человека разумные существа обладают умом, позволяющим легко преодолевать такие барьеры. Принимая это во внимание, сверхразум мог бы иметь гораздо большие последствия, чем вся деятельность человеческой расы, которая практически изменила земной шар, вырезая горы, укрощая реки, строя небоскребы.

Для определения характеристик этого вида интеллекта Бостром сделал ряд заявлений:

– Сверхразум может оказаться последним изобретением, которое когда-либо понадобится людям.

– Технический прогресс во всех других областях будет ускорен с появлением передового искусственного интеллекта.

– Сверхразум приведет к более развитому сверхразуму.

– Искусственный разум можно легко скопировать.

– Появление сверхразума может быть внезапным.

– Искусственный интеллект не обязательно должен иметь человеческие мотивы.

– Искусственный интеллект может не иметь человеческой психики.

Вывод состоит в том, что к мысли о том, что появление сверхразума может быть предсказано путем экстраполяции истории другого технологического прорыва, или, что природа и поведение искусственного интеллекта обязательно будут похожи на человеческий разум с его психологическими и гносеологическими характеристиками, следует относиться с осторожностью и большим подозрением. С другой стороны, сверхразум может опередить человека в его парамертических эпистемологических функциях, а также стать выше человеческих возможностей этического поведения и оценки. Он может иметь все правильные ответы, которые могут быть получены путем рассуждения и взвешивания доказательств, чтобы принимать этически лучшие решения. Как в этой области, так и в других, подобно долгосрочному планированию, сверхразумная машина могла бы превзойти человека в каждой точке.

Разработка системы искусственного интеллекта представляет собой большую ответственность для этических разработок с точки зрения этической пригодности. Если интеллектуальная система принимает социально значимые решения, то она должна быть прозрачной, предсказуемой и устойчивой к манипуляциям. Если нет, должно существовать этическое обязательство создателя сделать этические и надежные гарантии, которые будут гарантировать безопасность и надежность AGI в отношении регули-

рующих этических требований. И, кстати, этические правила нуждаются в дальнейших исследованиях с точки зрения разработки, внедрения и применения ИИ.

Существует вероятность, что некоторые будущие системы искусственного интеллекта могут быть кандидатами на обладание той или иной формой морального статуса. Если человечество серьезно отнесется к разработке передовых интеллектуальных систем, оно может считаться человеком. Тогда человечество должно осмыслить структуру этических вопросов, касающихся ИИ, в социальном и естественном контексте возможных конфликтов интересов, по крайней мере так, как оно понимает сложную структуру шахмат.

Продвигаясь дальше и создавая условия для развития сверхразума, человечество, скорее всего, столкнется с невидимыми с сегодняшней гносеологической платформы обстоятельствами. Хотя этот сценарий звучит вымыслено, он, вероятно, будет разработан рано или поздно. Если это произойдет, то будет создана новая этическая основа, и этическая перспектива должна будет измениться на новую. Для решения этой проблемы авторами данной статьи на протяжении нескольких лет разрабатывается идея концепция или «концептуальной парадигмы» гуманитарной экспертизы технологических проектов (включая технические средства коммуникации и технические изобретения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Jaap Bloem, Menno van Doom, Sander Duivestein, David Excoffier, Rene Maas, Erik van Ommeren.** The Fourth Industrial Revolution – Things to Tighten the Link Between IT and OT. – Sogeti VINT, 2014. – URL: <http://www.fr.sogeti.com/globalassets/global/downloads/reports/vint-research-3-the-fourth-industrial-revolution>. – Текст : электронный.
2. The Terra Swarm Research Center; Cyber-Physical Systems – URL: <http://cyberphysicalsystems.org/>. – Текст : электронный.

3. **Soares Nate; Fallenstein, Benja.** Aligning Superintelligence with Human Interests: A Technical Research Agenda (PDF). In: Miller, James; Yampolskiy, Roman; Armstrong, Stuart; 2015. The Technological Singularity: Managing the Journey. Springer – URL: <https://intelligence.org/files/TechnicalAgenda.pdf>. – Текст : электронный.
4. URL: <http://www.nickbostrom.com/>. – Текст : электронный.
5. URL: <http://www.kurzweilai.net/ray-kurzweil-biography>. – Текст : электронный.
6. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Peter_Norvig. – Текст : электронный.
7. URL: <http://www-formal.stanford.edu/imc/whatisai/node1.html>. – Текст : электронный.
8. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.133.3043&rep=rep1&type=pdf>. – Текст : электронный.
9. **Keith Frankish**, The Open University, Milton Keynes; William M. Ramsey, University of Nevada, Las Vegas; The Cambridge Handbook of Artificial Intelligence; July. – 2014. – Текст : электронный.
10. **Asimov, I. I.** Robot. 1950. – Текст : непосредственный.
11. **Bostrom, N.** How Long Before Superintelligence? International Journal of Futures Studies. – 1998. – 2. – URL: <http://www.nickbostrom.com/ethics/artificial-intelligence.pdf>. – Текст : электронный.
12. **Bostrom, N.** How Long Before Superintelligence? International Journal of Futures Studies, 1998. 2. – URL: <http://www.nickbostrom.com/superintelligence.html>. – Текст : электронный.

Упоров И.В.,
д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор
Краснодарского университета МВД России

ПРАВЯЩИЙ КЛАСС В РОССИИ, И КАК ОН УПРАВЛЯЕТ: СОЦИОЛОГО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ В ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье выявляются и раскрываются особенности развития в России правящего класса. Внимание акцентируется на сопоставлении способов формирования и характеристиках правящих элит в советской и современной России. Отмечается, что ситуация с качеством и эффективностью правящего класса складывается не лучшим образом, что во многом обусловлено переходным периодом, переживаемым Россией.

Ключевые слова: правящий класс, элита, аристократия, власть, общество, народ, государство.

В каждом государстве, начиная со времени его появления, формируется, укрепляется и институализируется свой правящий класс, который и определяет для всех жителей конкретной территории основные векторы развития и обязательные для исполнения законы. По мере развития человеческой цивилизации правящий класс, если иметь в виду его социальный состав, претерпевал определенные трансформации. Так, длительное время (не менее двух тысячелетий, считая от первых достоверных письменных источников) правящим классом являлась аристократия (дворянство) во главе с действующим монархом, возникшие исстари по фактическому (физическому и ресурсному) превосходству над конкурентными группами влияний в древних прогосударствах (племенах). Затем в Древней Греции и Древнем Риме использовались элементы демократии (для свободных граждан).

Однако реальная демократия, существенно изменившая социальную основу правящего класса, возникла сравнительно не-

давно – в эпоху буржуазных революций, когда окрепшее и разбогатевшее предпринимательство недворянского происхождения потеснило аристократию, выдвинуло лозунг «свобода, равенство, братство» и предписало, что правящий класс должен определяться волей всего народа. Соответственно под элитой стали понимать уже не только лиц из знатной верхушки, но и представителей неаристократических слоев населения (крупные собственники, депутаты, высшие чиновники, ученые, деятели искусства). Тогда же эта проблематика стала предметом различных гуманитарных наук, в том числе мыслители стали изучать и формулировать смежные понятия, в том числе имеющие в контексте нашего исследования тождественное значение такие категории, как «правлящий класс», «правлящая элита», «политическая элита». В частности, свои достаточно логично-стройные (но различавшиеся по содержанию) теории разрабатывали такие европейские и американские ученые, как Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс (XIX-XX вв.), Г. Лассауэлл (XX в.). Так, Г. Моска считал, что правящий класс – это такой класс, который «осуществляет все политические функции, монопольно владеет властью и пользуется ее преимуществами» [1, с. 188]. Такой класс, как считал этот ученый, может создаваться как «сверху» (деспотический политический режим в обществе), так и «снизу» (либеральный режим), но в любом случае правящий класс сравнительно немногочислен, он лучше организован и представляет собой «замкнутую устойчивую группу».

Российские ученые также не обходили и не обходят вниманием данную проблематику. Так, Н.А. Бердяев указывал на то, что есть только два типа власти, а именно аристократия и охлократия, но «всегда господствуют немногие, таков непреложный закон природы ... Истинная аристократия может служить другим, служить человеку и миру, потому что она не занята самовозвышением, она изначально стоит достаточно высоко. Она – жертвенна» [2, с. 184-185]. И то, что правит меньшинство, то это «верно для всех форм и типов управления, для монархии и для демократии, для эпох реакционных и для эпох революционных. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее»

[2, с. 185]. Наш современник А.В. Меркулов не без оснований полагает, что «конкретная конфигурация персонального состава политической элиты, обусловленная тем или иными механизмами попадания новых представителей в элитный пул, также определяет набор психологических и поведенческих характеристик как отдельных индивидов, так и всей элитной группы. Особую роль при этом играют как политические ценности, так и статусно-ролевые и социально-демографические показатели членов элитной группы. Эти параметры в значительной степени определяют мотивацию политической элиты по реализации той или иной стратегии в принятии политико-управленческих решений» [3, с. 122]. По мнению О. Крыштановской, политическая элита состоит из лиц, которые «стоят на вершине государственной пирамиды, контролируя основные стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня» [4, с. 73].

Эти суждения, как представляется, актуальны и до настоящего времени, и они отражают в целом элитарную теорию. Вместе с тем применительно к России имеется своя заметная специфика. Дело в том, что западные общества развивались в целом последовательно, без политико-идеологических потрясений, имея единую и неизменную экономическую систему (свобода предпринимательства, конкуренция, отсутствие вассальной зависимости от внешних государств), в то время как в России ситуация складывалась существенно иным образом. Можно назвать, в частности, состояние политико-экономической зависимости от Орды, и особенно в XIII- XIV вв., когда на состояние и качество правящих элит русских княжеств оказывала влияние восточная культура. С приходом к власти Петра I, напротив, восточный вектор был сменен на прозападный, соответственно в правящей элите России появилось много иностранцев, в значительной степени это можно отнести и к правлению Екатерины II.

С европейского пути Россия свернула в 1917 г., но это был уже качественно иной выбор – идеологический. Почти три четверти века Россия являлась государством-идеей, в котором, согласно принятой тогда марксистско-ленинской политико-идеологической доктрине, управлять государством должны были

сами трудящиеся. Следует заметить, в определенной степени сделать это удалось, во всяком случае среди депутатов в системе Советов народных депутатов (до 1977 г. – Советов депутатов трудящихся), особенно в местных Советах (к таковым относились территории районов, городов, областей и краев) значительную часть действительно составляли рабочие и крестьяне, что невозможно представить ни до этого в Российской империи, ни после этого в современной России. Другое дело, что «элитность» рабочего класса и крестьянства была, конечно, во многом сугубо формальной, поскольку управление территориями требует необходимых знаний, навыков и опыта, которых токари, экскаваторщики, доярки и т.д. не могли иметь по определению. Тем не менее в правящий класс в СССР, включая партийную элиту, могли попасть, окончив вузы и обрета производственную практику, выходцы из самых различных, даже, очевидно, из всех социальных слоев; биографии лидеров СССР (И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, М.С. Горбачев), а равно партийно-советских и хозяйственных руководителей союзных республик и других уровней, – тому наглядное подтверждение. И в этом смысле советская правящая элита была по своему уникальной – при всех издержках, как представляется, жители советского государства ощущали свою причастность к общим делам, соответственно и общественная психология основывалась на приоритете общественных интересов, что передавалось на индивидуальную психологию. Так, 13-летний школьник-пионер Геннадий Воронов в 1973 г. бросился спасать от огня колхозный урожай в Печетовском поселении (бывшая Калининская, ныне Тверская область), ценой этого подвига, совершенного юным сельским жителем, стала его жизнь.

Такого рода жертвенности ради общего блага среди советских людей самых разных возрастов было немало, и вряд ли подобные стремления советских жителей были возможны в ином государстве. Можно, конечно, по-разному относиться к этому явлению, но мы в данном случае констатируем социально-психологическую особенность, присущую советскому обществу, и находившую определенное отражение в правящей элите того времени. Здесь нельзя не отметить и того обстоятельства, что

вхождение в правящий класс советского государства предусматривало довольно строгий отбор, начиная от реальных конкурсов в вузы и заканчивая партийным фильтром, когда назначению на «правлящие» должности предшествовало обязательное обсуждение в партийных комитетах КПСС, и неодобрение кандидатуры со стороны коммунистов практически всегда означало отказ в назначении. Кроме того, основные решения на всех уровнях принимались коллегиально, включая исполнительные органы (Правительство СССР, правительства союзных республик, исполкомы Советов, членами которых являлись избранные депутаты). Неудивительна и относительно высокая, с учетом имевших просчетов и недостатков, эффективность советской правящей элиты в отдельных грандиозных проектах (индустриализация, победа в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства после войны, освоение целины, полеты в космос, дружба народов). И в целом СССР, как известно, являлся, наряду с США, действительно мировой державой. Однако Советский Союз как государство-идея не выдержал испытания социальной практикой, ибо, как показала жизнь, было явно переоценено человеческое сознание и недооценен биологический фактор в жизни человека (инстинкты), что само по себе является грустным итогом с точки зрения развития всей цивилизации (но мы не акцентируем на этом своего внимания).

После распада СССР в 1991 г. Россия вернулась на европейский путь, что нашло отражение в Конституции России 1993 г. Были кардинально изменены организационно-властные структуры. Формирование правящей элиты стало происходить по совершенно иным основаниям, а именно стал доминировать законодательно закрепленный подход, связанный с приоритетом исполнительной власти, реализуемой в *единоличном* порядке. К настоящему времени этот подход укоренился и является незыблемым: на вершине властной пирамиды находится Президент России, в субъектах Федерации – губернаторы, в муниципальных образованиях – главы местных администраций. Они избираемы, но выборы вполне регулируются действующим правящим классом.

Единоличные руководители получили огромную реальную власть, и каждый из них на своем уровне, собственно, и формирует вокруг себя и под себя эту самую пресловутую правящую элиту. Для одобрения кандидатур на определенные должности единоличному руководителю требуется согласие соответствующих депутатских корпусов – ГД и СФ ФС РФ, законодательных собраний субъектов Федерации, представительных органов местного самоуправления. Но такое согласие не представляет проблемы, ибо депутаты вполне «послушны», и это вполне объяснимо. Дело в том, что депутатами, во-первых, могут стать только состоятельные граждане (ведение избирательной кампании требует немало средств), во-вторых, порога явки на выборах нет (низкая явка даже выгодна кандидатам от элиты – меньше неожиданностей), в-третьих, каждый в отдельности депутат решает свои предпринимательские и иные вопросы, и ему ссориться с исполнительными органами совершенно не нужно. Мы не имеем в виду абсолютизировать описанную ситуацию, но, на наш взгляд, от 80 до 90% всего совокупного депутатского состава России действуют под диктовку единоличных лидеров правящего класса и в этом смысле не выполняют возложенную на них миссию отражать интересы избирателей.

Итак, правящий класс в России сейчас составляют: а) единоличные руководители публично-территориальных образований; б) многочисленные назначенцы по личному усмотрению руководителя и иным критериям (родственники, приятели, «нужные люди» и т.д.); в) вполне управляемый депутатский корпус; г) руководители крупных аффилированных бизнес-структур (судебную систему мы выводим за скобки, поскольку судьи имеют специфический статус и не являются представителями власти общей компетенции). Именно они принимают в итоге судьбоносные решения для страны, субъектов Федерации, муниципальных образований. Формируемая таким образом правящая элита ответственна не перед обществом, а перед вышестоящими руководителями, и чем выше должность руководителя, тем пропорционально уменьшается его ответственность и соответственно расширяется пространство для своеволия (произвола).

Эффективность такой системы мы ставим под большое сомнение. В литературе на этот счет также имеется немало критических публикаций, называются области социально-экономической жизни, в которых правящая элита уже много лет не может навести мало-мальский порядок, в том числе идет речь о стагнации в экономике, снижении уровня жизни российских граждан, становящийся крайне тревожным разрыв между богатыми и бедными, разрастание коррупции, отсутствие у населения психологии, направленной на энергичное и инициативное развитие всех сторон российского общества [5; 6; 7]. К этому можно добавить безответственность правящего класса – за прошедшие почти тридцать лет не было отставок высокопоставленных лиц по причине плохой работы, при этом самоотставки не практикуются. Отсутствует также политическая конкуренция. С учетом всего этого, Е.Ш. Гонтмахер пишет о том, что «вместо государства как института, реализующего курс на развитие страны, мы имеем гигантскую и бесконтрольную частную структуру, успешно извлекающую прибыль в свою пользу» [8]. Это, конечно, скорее эмоциональная оценка, но она достаточно красноречива.

С другой стороны, здесь нельзя не затронуть вопрос о роли самих российских граждан. Например, низкая явка на выборах всех уровней, вплоть до 10–15% на муниципальных выборах (за исключением, пожалуй, президентских выборов) свидетельствует о том, что гражданская ответственность находится еще на низком уровне. Кроме того, бесчисленные жалобы в вышестоящие инстанции говорит о патерналистской психологии россиян (вероятно, можно говорить об абсолютном большинстве), не в состоянии самостоятельно решать свои проблемы. Вот еще наглядный пример – в действующем ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. предусмотрен весьма широкий перечень форм осуществления жителями муниципальных образований права на местное самоуправление (публичные слушания, собрания граждан, правотворческая инициатива, сход граждан), однако они не востребованы.

Такого рода патернализм в отношениях граждан и власти серьезным образом «развязывает руки» правящей элите, которая, видя равнодушие людей, все в большей степени склоняется к злоупотреблениям и нарушениям законности, решению прежде всего своих личных, а не общественных проблем, что видно, например, по массовым нарушениям градостроительных норм. В этом же ряду следует назвать и такое явление, как воспроизводство подобного уровня правящей элиты, а это означает, что ситуация в стране может только ухудшиться, и в этом смысле можно в значительной степени согласиться с тем, что в России «современная элита противостоит народу» [9, с. 16], а применяемый в формировании правящего класса «элитаристский подход направлен против демократических завоеваний, так как по природе он антидемократичен. Обществу необходима сильная, автономная власть, которая может обеспечить квалифицированное управление обществом» [10, с. 277].

Мы полагаем, что отмеченные и другие негативные характеристики современной правящей элиты России во многом обусловлены переходным периодом развития российского общества. Ни у граждан, ни у правящего класса нет сколько-нибудь ясного представления о том, какое государство нужно обществу, к чему вообще стремиться в перспективе. Об этом свидетельствует и желание существенно изменить Конституцию России в начале 2020 г., а это означает, что федеральные структуры делают попытки изменить ситуацию, и даже если здесь приоритетным является вопрос транзита президентской власти, как считают многие политологи, все равно приведенное в движение общество должно продвинуться вперед, по крайней мере, в части осмысления своего будущего. С другой стороны, в каждом обществе есть инициативные граждане, и прежде всего в сфере бизнеса, которым важно реализовать и потратить свою жизнь для достижения социально-полезных целей. На пересечении указанных социальных процессов, посредством их сдвоенной энергии, как представляется, может сдвинуться, наконец, мощный, тормозящий развитие гражданского общества патерналистский общественно-психологический пласт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Моска, Г.** Правящий класс / Г. Моска : перевод с английского. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 187–198.

2. **Бердяев, Н. А.** Философия неравенства / Н. А. Бердяев. – Москва : ИМА-пресс, 1990. – 285 с. – ISBN 5-7070-0039-9. – Текст : непосредственный.

3. **Меркулов, А. В.** Политическая элита в системе властных отношений: теоретический подход / А. В. Меркулов. – Текст : непосредственный // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. – № 6. – С. 119–124.

4. **Крыштановская, О. В.** Анатомия российской элиты / О. В. Крыштановская. – Москва : Захаров, 2005. – 384 с. – ISBN 5-8159-0457-0. – Текст : непосредственный.

5. **Куличенко, В. А.** Обновление элиты – важная задача общества / В. А. Куличенко, А. В. Куличенко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 3 (11). – С. 29–36.

6. **Соловьев, А. И.** Правящая элита России: к вопросу о механизмах и технологиях политического господства / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Власть и элиты. – 2015. – Т. 2. – С. 152–171.

7. **Бондаренко, И. А.** Экономическое развитие и «провалы» государства / И. А. Бондаренко, О. А. Асланова. – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 1 (36). – С. 30–42.

8. **Гонтмахер, Е. Ш.** Российского государства не существует / Е. Ш. Гонтмахер. – Текст : непосредственный // Московский комсомолец. – 2013. – 19 августа.

9. **Музяков, С. И.** Трансформация элит в условиях глобализации / С. И. Музяков. – Текст : непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 14–17.

10. **Алексеева, О. В.** Классические и теоретические основы исследования политических элит / О. В. Алексеева. – Текст :

непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 271–277.

Яхьяев М.Я.,

д-р филос. наук, профессор Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

Ибрагимова А.И.,

магистрант Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье раскрываются различные аспекты социального управления как одного из важных и сложных многоступенчатых процессов. Социальное управление рассматривается с позиций научных интересов, раскрываются виды управляемых социальных общностей и их ассоциаций, дается анализ его структуры, содержания, характеристика основным его этапам.

Ключевые слова: управление, социальное управление, общество, социология управления, социальная система, социально-управленческая деятельность, социальные институты, технологии.

Функционирование общества – это прежде всего изменение, развитие социальных отношений, в которых индивиды, группы, социальные институты взаимодействуют. Существенную сторону этой деятельности составляют процессы управления, поскольку управление есть «достижение целей, задач общества, организация с помощью определенных методов действий, направленных на получение конечного результата» [1].

В широком смысле под «управлением» понимается деятельность по руководству кем-либо или чем-либо. Управление вклю-

чает в себя различные аспекты: подготовку такого воздействия, создание условий для его осуществления, контроль и др. Игнорирование всех этих аспектов невозможно, поскольку управление – это система, а не какой-то один элемент.

Еще с античных времен феномен «управление» исследовался многими мыслителями, а в последующем: философией, политологией, социологией. Это понятие имеет междисциплинарный характер.

В широком смысле, социальное управление идентично управлению общества и его подсистем, а в узком значении подразумевает ситуацию, в которой объект управления показан в виде социальных механизмов, регулирующих жизненный процесс и действия индивида. Начиная с XVIII в. в научных кругах активно обсуждаются проблемы эффективности управления и администрирования. Эволюция социологической мысли в области администрирования способствовала становлению такой отрасли социологии как социология управления, в которой выделились две относительно самостоятельные части. На уровне макросоциологии упор делается на администрировании как социальном институте, связанном с осуществлением государственной власти. На уровне микросоциологии изучается механизм управления, т.е. проблематика менеджмента. Разделение функций государства и гражданского общества, профессиональных групп и управленческих команд – важный методологический принцип и основа социальных технологий, направленных на достижение эффективности администрирования и менеджмента [3].

Сущность любого вида управления обуславливается характером, особенностью, закономерностями контролируемого объекта, но при этом имеет свои специфические черты. Они связаны с тем, что управляющая система предполагает собой структурную иерархию неоднородных, взаимозависимых подсистем, которые формируют ее содержание, в которой фундаментальные процессы выступают объективными компонентами, обеспечивающие существование общества, а субъективными – индивид и его разумная целеполагающая работа. Социальное управление,

как научная деятельность основывается на этих объективных и субъективных основах бытия общества как целостной системы.

Социальное управление – это сложный, многоступенчатый процесс, состоящий из этапов. На первом этапе происходит формирование информационной базы, включающий в себя сбор и обработку информации о состоянии объекта управления. На втором этапе анализируется полученная информация, на основе которой прогнозируется дальнейшая деятельность, устанавливаются цели управления. На третьем этапе вырабатываются решения, направленные на достижение поставленной цели, и последовательная корректировка общего решения в виде планирования, программирования, прогнозирования, выработки решений. Четвертый этап предполагает организацию деятельности для реализации принятого решения и контроль над этой деятельностью. Заключительный, пятый, этап предполагает сбор и обработку информации о результатах выполнения принятого решения. Обратная взаимосвязь субъекта и объекта управления нужна с целью эффективной и успешной организации процесса управления.

Таким образом, концепция социального управления, определяет общие условия, сопряженные с подготовкой и принятием управленческих решений, организацией их исполнения, ролью и функцией контроля, оценкой итогов деятельности субъекта управления в силу того, что социальное управление является специфическим видом деятельности, обладающим иерархической структурой, в этой структуре любой субъект может быть объектом управления по отношению к вышестоящему, и наоборот. Исходя из этого, социум, с одной стороны, представляется как субъект управления, образующий организованную среду для своего существования, а с другой – оно само как объект подвергается преобразованиям со стороны разных социальных объектов управления.

Сама система социального управления содержит в себе разного рода специалистов, которые обеспечивают социальное управление, методы управления и средства вычислительной техники, а также объем различной информации, способствующих реализовать взаимосвязь между объектом и субъектом управле-

ния. Если взаимосвязь между объектом и субъектом нарушена, в таком случае это приведет к кризису в управлении. Чтобы избежать этого, социальные формирования осуществляют функцию социального управления обществом, применяя в качестве результативного средства обеспечения стабильности, механизм социального контроля, который, будучи составной частью процесса социального управления, объективно необходим при его осуществлении, так как обусловлен потребностями функционирования субъекта управления, продвижения объекта к поставленной цели.

Целью социального управления является урегулирование абсолютно всех частей социальной системы. Стоит отметить, что соотношение этих компонентов неодинаково на разных иерархических уровнях: каждый субъект управления имеет свои обязанности. На высшем уровне обязанностью выступает задача управления людьми и взаимоотношениями между ними. Чем ниже уровень, тем больше растет значимость процессов управления техникой и технологией, где важен высокопрофессиональный управленческий труд. В общественных системах люди выступают субъектами управления, которые направляют свое функционирование с помощью целесообразных воздействий. Следовательно, важнейшим сущностным показателем управления считается целесообразность, которая задается людьми, последние в свою очередь выступают в качестве субъекта управления.

Объект управления может быть структурирован по компонентам структуры, включающей в себя людей, отношения, социальные группы. Сложность, многоплановость, многогранность объекта управления обуславливается тем, что поведение людей и условия, которые его определяют, лежат в разных сферах жизни. Чем больше развивается общество, тем более сложными, структурированными становятся социальные отношения.

Рассматривая управление в общем плане, необходимо сосредоточить интерес на то, что реализация управленческих воздействий в большой степени сопряжено с использованием и передачей информации. Однако далеко не всякая информация считается управленческой, а только та, которая может быть применена для

выработки управленческих воздействий и для их передачи. Уже для формулирования управленческой программы субъект соответствующей деятельности должен располагать сведениями, т.е. информацией, о состоянии управляемого объекта, процессах и тенденциях его развития, характеристиках жизнедеятельности людей, на поведение которых должно быть направлено управленческое воздействие. Управление в общественных системах является целенаправленным воздействием одних групп людей на других, а также на их поведение и жизненный процесс. Следовательно, первые формируют управляющую систему или подсистему, если надлежащая деятельность происходит в рамках какой-то одной системы.

Так как общество предполагает собой совместный жизненный процесс людей, сплетение множества различных, зачастую обратных желаний, устремлений, поступков, общественная жизнь в целом не может быть неупорядоченной. Иначе неизбежен хаос. Даже в самом идеальном обществе, следует руководствоваться поведением, жизнедеятельностью людей и в других, помимо производства, сферах. Необходимо формирование определенных общих правил, которые смогут ввести поведение людей в определенные рамки, чтобы притязания и поступки одних не нарушали интересов других, не ограничивали их жизненное пространство. Должны функционировать социальные институты, правомочные определять подобные принципы, а также институты, обеспечивающие их выполнение, т.е. осуществляющие социальный контроль за социально значимым поведением людей [2, 5]. Все это и есть управление. Оно не может реализоваться иначе как людьми и в отношении людей, их поведения. Никаким управлением вещами оно не может быть заменено.

Социально-управленческая деятельность как была, так и останется необходимой, но ее формы и методы диктуются условиями общественной жизни. В современных обстоятельствах протекают процессы, указывающие об уменьшении непосредственного управленческого воздействия на некоторые стороны общественной жизни.

На основе вышеизложенного следует отметить, что социальное управление обретает собственное выражение в деятельности различных звеньев государственного аппарата, который согласно по своему существу является органом государственного управления. Главное назначение социального управления – это исполнительная и распорядительная деятельность в пределах, предусмотренных административным правом, предписаниями, составляющими административное законодательство.

Значительный вклад в формирование современной научной картины мира внесла синергетика [4]. Она позволяет проектировать более гибкие технологии социального управления. Общественные преобразования имеют все шансы расцениваться эффективными лишь в том случае, если затраченные на их реализацию усилия и ресурсы побуждают социум перейти на более высокую ступень развития, гарантируют улучшение условий и повышение качества жизни людей. Непосредственно в этом и заключается главная задача социального управления, охватывающего не только собственно социальные отношения в обществе, но через них – экономическую, политическую, духовную и иные сферы его жизнедеятельности.

В нынешнее время социальное управление исполняется в рамках единой системы государственной власти согласно принципу разделения власти, следовательно, социальное управление, элементом которого является исполнительная и распорядительная деятельность, никак не может противопоставляться исполнительной власти, поскольку с помощью последней реализуются властные полномочия субъектов исполнительной власти. Соответственно, все без исключения субъекты исполнительной власти считаются звеньями системы социального управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванов, В. Н.** Социальные технологии в современном мире / В. Н. Иванов. – Москва : Славянский диалог, 1996. – 334 с. – ISBN 5-85468-072-6. – Текст : непосредственный.
2. **Герасимов, Б. Н.** Социальные технологии в управлении : монография / Б. Н. Герасимов, В. Г. Чумак. – Самара : СНЦ РАН, 2014. – 394 с. – ISBN 978-5-93424-702-8. – Текст : непосредственный.
3. **Зинченко, Г. П.** Социология управления / З. П. Зинченко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2004. – 384 с. – ISBN 5-222-05124-2. – Текст : непосредственный.
4. **Поддубный, Н. В.** Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем : онтологический и гносеологический аспекты / Н. В. Поддубный. – Ростов-на-Дону : Белгород : Изд-во БГУ, 1999. – 351 с. – ISBN 5-7071-0446-1. – Текст : непосредственный.
5. **Трунов, А. А.** Технологии «паблик рилейшнз» в трансформирующейся цивилизации модерна (опыт философско-культурологического исследования) / А. А. Трунов, Е. И. Черникова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 264 с. – ISBN 978-5-91419-005-4. – Текст : непосредственный.

Кисиленко А.В.,

канд. социол. наук, доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К СОВРЕМЕННОМУ ПОНИМАНИЮ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ,
проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи
региона России в рискологической парадигме»

Аннотация. В статье анализируются классические и современные трактовки понятия «социальный капитал». Рассматриваются ключевые положения концепций социального капитала, сформулированных П. Бурдье, Дж. Коулманом, Р.Д. Патнэмом. Определяются основные структурные элементы социального капитала, отличительные черты, предпосылки и особенности его развития.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, социальные отношения, социальные нормы, доверие, солидарность.

Социальный капитал – термин, широко используемый и интенсивно разрабатываемый в современной социологии, экономической теории, политической, психологической науках, но при этом не имеющий устоявшегося общеупотребительного обобщенного определения. Различные исследователи и реализуемые ими научные подходы в изучении социального капитала раскрывают данную категорию в понятиях, которые акцентируют отдельные его элементы, формы, характеристики, ресурсы и пр. Разнообразие трактовок обуславливается как сферой применения концепции, так и разными познавательными интересами, и целями авторов. Научный интерес к этой форме капитала обусловлен прежде всего ее сущностными характеристиками. Социальный капитал, в отличие скажем от физического, не содержит в себе каких-либо материальных ресурсов, но при этом способен обеспечить социально-экономическое развитие общества, повысить эффективность.

Существующие сегодня теоретические концепции социального капитала претерпели существенную эволюцию с тех пор, когда этот термин был впервые использован американским исследователем Л. Дж. Ханифаном (L. J. Hanifan) более 100 лет назад. Изучая деятельность сельских школ в Западной Вирджинии в первые десятилетия 20 в. Ханифан (1879–1932), опираясь на идею социального капитала в объяснении проблем системы образования в США, обосновывал значимость участия общин в их жизни и успешном развитии. Фактически автор предвосхитил ключевые элементы социального капитала, которые использовались в более поздних интерпретациях данного термина. Однако развитие теории социального капитала как самостоятельной концепции началось гораздо позже и связано в первую очередь с именами П. Бурдьё (P. Bourdieu) и Дж. Коулмана (J.S. Coleman).

В 1970-х гг. французский социолог П. Бурдьё (1930–2002) в своих работах начинает активно использовать понятие «капитал», понимая под ним определенный набор ресурсов, которыми можно воспользоваться для получения выгод. Тип ресурсов и область их функционирования предопределяет форму капитала. Так, Бурдьё выделяет три уровня измерения: экономический, культурный и собственно социальный капитал, понимая под последним «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализованных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [1].

Разрабатывая концепцию социального капитала, Бурдьё оперирует такими социологическими категориями как социальная сеть, социальные связи и отношения, социальный обмен, социальная солидарность. Автор отмечает зависимость социального капитала от двух переменных. С одной стороны, объем социального капитала определяется размером социальной сети (количественный параметр). Чем больше устойчивых социальных связей, которые индивид может мобилизовать и использовать, тем больше величина социального капитала. С другой стороны, социальный капитал зависит от композиции других форм капитала, которым обладают те, с кем эти связи установлены (качественный па-

раметр). Очевидно, объем социального капитала представляет собой качественно-количественную определенность ресурсов (экономических, культурных, символических и пр.), содержащихся в социальной сети, которые доступны индивидам, объединенным ею. Постоянное конструирование стабильных социальных связей (групповая принадлежность) и репутация (групповое признание) позволяют человеку пользоваться доверием и выступают как надежный источник других групповых ресурсов. «Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, – отмечает П. Бурдьё, – является базисом возможной солидарности» [2].

В своих исследованиях Бурдьё подчеркивает следующие особенности социального капитала:

– мультипликативность – предполагает возможность в определенных обстоятельствах конвертации социального капитала в другие формы, например, экономическую, и наоборот.

– неограниченность и кумулятивность – означает, что объем социального капитала заранее не ограничен, это не сконструированная раз и навсегда данность; человек может увеличивать его в течение жизни, предпринимая определенные усилия по установлению и воспроизводству полезных социальных отношений.

– свободный обмен – прочные социальные связи как структурный элемент социального капитала, реализуемые через социальные действия и отношения, воспроизводятся посредством социального обмена, обуславливающего взаимные признания и обязательства между субъектами данных действий и отношений. Именно социальный обмен позволяет поддерживать социальные отношения и как следствие сохранять прибыль, приносимую членством в группе, присваивать социальный капитал.

Отметим три главных компонента, которые Бурдьё положил в основу трактовки социального капитала, – это социальные сети, социальные нормы и доверие.

Одновременно с Бурдьё концептуальные разработки в отношении социального капитала осуществлял американский социолог и экономист Дж. Коулман (1926–1995). Автор определял социальный капитал как ресурс социальных отношений и сетей

связей, который облегчает определенные действия акторов за счет формирования доверия, определения обязательств и ожиданий, формулирования эффективных норм, создания ассоциаций [3].

Коулман отмечал практически полную неосвязаемость социального капитала по сравнению с человеческим и особенно физическим, поскольку он проявляется во взаимоотношениях людей, а также подчеркивал, что ценность данного ресурса, его продуктивность определяется доступностью и характером социальной организации, функционированием социальных отношений. Он выделял две предпосылки, важных для развития социального капитала [4]:

Во-первых, замкнутость социальной структуры, которая, по мнению автора, обеспечивает поддержание и воспроизводство норм, надежность социальной среды, позволяя рассчитывать на реальное расширение взаимных ожиданий и обязательств. Коулман проводит аналогию между накоплением обязательств в социальном капитале, с выдачей кредитов, которые могут быть погашены, в случае финансового капитала. Чем больше непогашенных обязательств, тем больше ожидаемый социальный капитал, который можно использовать в случае необходимости. Автор «эксплуатирует» словосочетание «доверительная расписка», указывая тем самым на высокую степень доверия между людьми как необходимый компонент социального капитала, способствующий поддержанию социальных отношений. Межличностное доверие, определяемое Коулманом как «объединение риска при принятии решений», распространяясь на макроуровень в форме нормативных предписаний, формирует так называемую «систему доверия» [5].

Во-вторых, апроприативная¹ социальная организация, которая за счет множественных связей дает возможность неоднократно использовать имеющиеся ресурсы для достижения разных целей.

¹ Апроприативная организация (от англ. *appropriate*, соответствующая, подходящая) – организация, созданная первоначально для одних целей, но по мере их выполнения трансформирующаяся в организацию, преследующую другие цели.

В своей концепции Коулман выделяет три формы социального капитала. Первая – обязательства и ожидания, зависящие от надежности социальной среды; вторая – информационные каналы, и третья – социальные нормы и санкции, которые их поддерживают.

Коулман подчеркивает важную роль социального капитала в создании человеческого капитала и рассматривает первый в трех ипостасях – в семье (отношения родителей и детей), вне ее (объединения взрослых вокруг различных институтов социальной среды развития молодого человека) и как общественное благо. В последнем смысле особенность социального капитала заключается в том, что затрачиваемые на его создание инвестиции не всегда гарантируют акторам получение выгод от них.

Дальнейшее развитие концепция социального капитала получила в работах американского политолога и социолога Р.Д. Патнэма (R.D. Putnam), опубликовавшего в 1993 г. коллективную монографию «Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии» (оригинальное название «Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy»). Результаты многолетних исследований (с 1970 г.), представленные в книге, расширили представление о социальном капитале как ключе к высокой институциональной эффективности и поддержанию демократии. Объектом наблюдения Патнэма и его коллег выступали региональные итальянские правительства, анализируя деятельность, социально-экономическую и культурную специфику которых, ученые обнаружили, что качество работы учреждения в условиях константы прочих факторов, напрямую зависело от наличия сильных традиций гражданской активности.

В исследованиях Патнэма социальный капитал рассматривается «как уходящие вглубь истории традиции социального взаимодействия, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми, широкое распространение различного рода добровольных ассоциаций и вовлечение граждан в политику ради решения стоящих перед сообществом проблем» [6]. По определению автора социальный капитал – это «те особенности социальной организации (принципы, нормы, структуры), которые спо-

собны упрочить эффективность осуществляемых обществом координированных действий» [7].

Патнэм выделяет следующие черты социального капитала:

1) производительность – социальный капитал является источником достижения целей, реализация которых невозможна при его отсутствии;

2) способность к сосредоточению, благодаря которой объем социального капитала в процессе использования нарастает, а не сокращается;

3) в отличие от других форм капитала, социальный, представляет общественное благо и не является частной собственностью, использующего его актора, он может носить побочный характер, выступая продуктом иных форм социальной деятельности;

4) добровольное сотрудничество, выступающее в качестве механизма укрепления общественной солидарности, различные формы которого в зависимости от типа сообщества (персонализированное или обезличенное) могут поддерживаться либо угрозой остракизма, либо взаимным доверием. Для сложных социальных систем характерен именно второй механизм. Сотрудничество и доверие, – утверждает Патнэм, – зависимые переменные, «чем выше уровень доверия..., тем больше вероятность сотрудничества, но это доверие, в свою очередь, поддерживается сотрудничеством» [7]. Доверие связано с ожиданиями определенного поведения и основывается на двух источниках: взаимном обмене и гражданской вовлеченности.

– Взаимность – согласно Патнэму – это наиболее устойчивая норма, облегчающая социальное взаимодействие. Автор различает сбалансированную и общую взаимность, подчеркивая способность последней «примирять индивидуальный интерес и общественную солидарность» [7]. Если сбалансированная взаимность – это одновременный эквивалентный обмен, то общая взаимность предполагает готовность индивида «авансировать» в отношении, даже в том случае если текущий обмен неравноценен и односторонен, ожидание соучастия и выполнения взаимных обязательств в будущем. Эффективность такой формы обмена зави-

сит от плотности социальной сети, прочности и стабильности социальных отношений.

– Система гражданской вовлеченности представлена разнообразными структурами горизонтального типа, членство в которых укрепляет сотрудничество благодаря общей взаимности и симметричным обязательствам. Такие сети гражданской активности выступают информационными каналами, передающими достоверную информацию о надежности партнеров, облегчая взаимопонимание и доверие. Кроме того, они обеспечивают преемственность социальных взаимосвязей как внешнего источника социального капитала, предлагают шаблоны удачного взаимодействия благодаря опыту предыдущих успехов. Горизонтальная кооперация общества в отличие от вертикальных (иерархических) связей имеет потенциально более широкие возможности с точки зрения формирования солидарности, доверия, взаимности.

Доверие, нормы и структуры, – пишет Патнэм, – способны воспроизводить друг друга, определяя черты гражданского общества, «члены которого не просто активны, общественно ориентированы и равны, они помогают и доверяют друг другу, уважают мнение других, даже не соглашаясь с ним, они неизменно терпимы к своим оппонентам» [7].

Фактически, концепции, разработанные Бурдые, Коулманом и Патнэмом послужили толчком к дальнейшему развитию проблематики социального капитала, поиску детерминант, способствующих его накоплению, анализу доверия как массового феномена, а также исследованию роли социальных сетей и системы социального взаимодействия в обществе.

Н.Е. Тихонова рассматривает «социальный капитал» как фактор углубления неравенства в общества благодаря «включенности в систему родственных, дружеских, земляческих и прочих отношений, обеспечивающей доступ к ресурсам других акторов (или более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью), наращивается совокупный капитал» [8], неравномерное распределение которого воспроизводит стратификационные различия.

В исследовании Л.С. Жгуна социальный капитал используется в качестве центрального понятия концепции социально-педагогического образования, выступающего одним из институциональных преимуществ территории. Интерпретируя данную категорию, автор употребляет термин человеческий капитал, который выражает совокупность приобретенных знаний, умений, навыков, являющихся продуктом образовательного процесса и дающих возможность их носителю получать доход.

Литовские ученые И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон и Ж. Симанавичене акцентируют внимание на целесообразности социального капитала и связывают его с «сознательным использованием индивидом, организацией, социальной группой или всем обществом социальными сетями, которые благодаря доверию, общим нормам и правилам становятся средствами достижения цели» [9].

Ведущий научный сотрудник Института институциональных исследований НИУ «Высшая школа экономики», профессор Л.И. Полищук отмечает, что неоправданное усложнение определения термина «социальный капитал» приводит к недоразумениям и дает следующую дефиницию: «способность общества или сообществ к самоорганизации и совместным действиям; ... способность действовать сообща, причем, самостоятельно и по собственной воле, без принуждения извне» [10].

Очевидно, в современных гуманитарных исследованиях даются различные интерпретации понятия «социальный капитал». Не претендуя на критику или сравнение различных концепций, отметим, что так или иначе ключевые выводы и основные дискуссионные вопросы в отношении социального капитала были сделаны именно Бурдые, Коулманом и Патнэмом, которые до сих пор занимают наиболее влиятельные позиции в его изучении. Обобщение важнейших теоретических разработок, раскрывающих понятие и структуру социального капитала, позволяет нам обозначить его важнейшие элементы, благодаря эмпирической оценке которых можно получить интегральное представление о состоянии социального капитала на индивидуальном (микро), групповом (мезо) и социетальном (макро) уровнях. Адекватная

количественная оценка социального капитала – актуальная задача научного поиска, решение которой является необходимым условием повышения эффективности проводимой социально-экономической политики и территориального развития, определяющей параметры общественного благосостояния и благополучия. Безусловно, перечень исследуемых элементов социального капитала зависит от уровня анализа. «Исследователи во всем мире согласны в одном: идеально подходящие метрики социального капитала еще не найдены, и в каждом отдельном случае их выбор основан на специфике исследуемого общества, региональных и национальных особенностях» [11]. Однако научный поиск продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бурдье, П.** Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология ; перевод с французского М. С. Добряковой. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74. – Текст : непосредственный.

2. **Bourdieu, P.** The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / P. Bourdieu ; ed. by J. G. Richardson. – New York, 1986. – P. 241–258. – Текст : непосредственный.

3. **Coleman, J. S.** Social Capital in the Creation of Human Capital / J. S. Coleman // The American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120. – Текст : непосредственный.

4. **Коулман, Дж.** Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.

5. **Швери, Р.** Теоретическая социология Джеймса Коулмена: аналитический обзор / Р. Швери. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 62–81.

6. Социальный капитал личности : монография / Л. Г. Почебут, А. Л. Свенцицкий, Л. В. Марарица, Т. В. Казанцева,

И. В. Кузнецова. – Москва : Инфра-М, 2019. – 250 с. – Текст : непосредственный.

7. **Патнэм, Р.** Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнэм ; перевод с английского А. Захарова. – Москва : Издательство «Ad Marginem», 1996. – 287 с. – Текст : непосредственный.

8. **Тихонова, Н. Е.** Социальный капитал как фактор неравенства / Н. Е. Тихонова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2004. – № 4. – С. 24–35.

9. **Мачеринскене, И.** Социальный капитал организации: методология исследования / И. Мачеринскене, Р. Минкуте-Генриксон, Ж. Симанавичене. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2006. – № 3. – С. 29–39.

10. **Полищук, Л. И.** Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния / Л. И. Полищук. – URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (дата обращения: 11.10.2018). – Текст : электронный.

11. Социальный капитал: альтернативный источник энергии / А. Коробейников, А. Акишин, Д. Гильфанова, В. Долганов, Е. Коробейников, С. Мойсеев. – Москва : Aventica, 2015. – 24 с. – Текст : непосредственный.

12. **Grootaert, C.** Understanding and measuring social capital: a synthesis of findings and recommendations from the social capital initiative / C. Grootaert, T. van Bastelaer // Social Capital Initiative Working Paper № 24. – Washington DC: The World Bank Social Development Family Environmentally and Socially Sustainable Development Network, 2001. – Текст : непосредственный.

Целютина Т.В.,
канд. социол. наук, доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Худасова О.Г.,
ст. преподаватель Белгородского государственного
национального исследовательского университета
Ольшанская А.В.,
магистрант Белгородского государственного национального
исследовательского университета

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОБЛЕМНОГО ПОЛЯ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье актуализируется проблематика эффективного использования персонала в образовательных организациях с применением инструментов бережливого производства. Проанализированы современные и рациональные lean-технологии, рекомендованные для апробации в системном управлении образовательной организацией. В контексте доказательной базы представлен пример внедрения бережливых технологий в систему дополнительного образования открытой инжиниринговой школы НИУ «БелГУ» и описаны основные виды потерь в сфере образования.

Ключевые слова: бережливое производство, lean-персонал, lean-технологии, lean-культура, эффективный менеджмент, управление человеческими ресурсами, образование, VUCA среда.

Введение. В России, в условиях изменчивой VUCA среды, основным фактором формирования человеческого капитала и достойного уровня качества жизни, которые отвечают современным требованиям рынка труда, является образование. Актуализируются программы, проекты по повышению производительности труда, внедрению передовых управленческих, организационных и технологических решений, формированию системы методической и организационной поддержки и системы подготовки кад-

ров, направленной на обучение основам повышения производительности труда (например, Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.»). Один из итогов – вузы России, в том числе, Белгородской области, активно и результативно внедряют бережливые технологии в научную, образовательную и управленческую деятельность. Важно – формировать философию и культуру бережливого управления и вузах; системно внедрять эффективные технологии по устранению потерь, которые позволяют достигать желаемых реальных результатов в сжатые сроки, не для «галочки», а для прогресса и оптимизации операционной деятельности на всех уровнях управления. Современным вузам нужен персонал, готовый не только выполнять «на отлично» функции организаторов и исполнителей, а желающий быстро, результативно переключиться в режим «генерирования идей», инновационной активности и вовлеченности в процессы непрерывных изменений.

Lean-технологии уже стали внедряться во все сферы жизни, а не только в производственную сферу [1, 2]. Сегодняшнее время диктует, что постоянно необходимо меняться и совершенствоваться, постигать инновации – как результат. Образование – является тем локомотивом, которое двигает развитие остальных отраслей государственного управления.

Материалы и методы исследования. Развитие бережливого производства в соответствии с ориентацией на инновационный тип характеризуется усилением роли научных знаний, инноваций, информационных технологий и наличием «бережливой» инфраструктуры, направленной на создание и распространение нового мобильного знания. Оценка уровня и динамики инновационной активности в пределах отдельных образовательных организаций в целом дает возможность определить реальное состояние, тенденции изменения и уровень дифференциации развития технологий бережливого производства [10]. Результативность бережливых технологий, применяемых в управлении образовательной организацией характеризует ряд общепринятых показателей-

индикаторов, к которым, прежде всего, принято относить уровень инновационной активности учреждений, и, критерии бережливой образовательной организации. В ходе проведения аналитической части исследования были изучены уровень дифференциации, а также динамика указанных показателей и их устойчивость. Методологическая основа исследования базировалась на построении трендов динамического ряда и оценке их колеблемости, а также методах структурного и сравнительного анализа. В ходе разработки и обоснования модели управления системой развития и обучения персонала в условиях бережливого производства были использованы сравнительный анализ и экспертная оценка.

Результаты исследования и их обсуждения. *Виды потерь и рекомендуемые варианты их решения в сфере образования.* Технологии бережливого производства в сфере образования способны, за очень короткий срок, добиться количественных и качественных результатов. Методы бережливого производства приведут к эффективному воздействию на образовательный процесс, позволят выявить недочеты (потери) в системе образования.

Для оптимизации системы образования, важно устранить все возможные виды потерь [3]. Цель номер один – уничтожить устаревшие бумажные запасы, которые не несут актуальную, на сегодняшний день, информацию, а лишь занимают помещения в организации. Так же потерями являются ошибки, допускаемые сотрудниками при работе, что является человеческим фактором: неправильно введенные данные; потеря информации или документации; неудобная организация папок в компьютере или папок в картотеке; недостоверная информация в документе. Для устранения данных потерь необходимо внедрить в корпоративную культуру такие средства устранения ошибок, как короткие системные совещания, охватывающие регулирование процессов как отдельных подразделений, так и организации в целом. Повысить эффективность системы документооборота, а также внедрить визуальный контроль.

Одним из источников потерь в образовательных учреждениях является необходимость в составлении многочисленных отчет-

тов в электронном и бумажном виде, дублирование одной и той же информации в нескольких документах, изготовление лишних копий. Анализ потребности в различных видах отчетных работ, а также в форме их предоставления способен привести к решению данной проблемы. Лишняя переработка, которая не несет за собой полезного эффекта, а только затраты времени, является еще одним фактором, ведущим к потерям. Сотрудник не всегда понимает, что в некоторых его операциях нет необходимости. Это возникает вследствие того, что руководитель не дает четких указаний и регламентаций для подчиненного. Ожидание в предоставлении необходимой информации, людей, подписи неизбежно приводят к потерям. В образовательных организациях зачастую выполнение одной операции зависит от других сотрудников: требуется подписание одного документа несколькими лицами.

Так же возникают проблемы при сотрудничестве и обмене информации разными отделами. Устранить все эти проблемы можно посредством внедрения должности курьера, усовершенствовании системы документооборота, написании карты потока создания ценностей. Лишние движения в процессе работы поможет устранить система 5S. 5S – это методика совершенствования рабочего места, которая включает 5 несложных правил: соблюдай порядок, сортируй, стандартизируй, содержи в чистоте, совершенствуй [5]. Это позволит повысить качество рабочего процесса по средствам сокращения количества ненужных движений. Ненужная транспортировка документов или перемещения людей приводит к затрате временного ресурса. Например, поиск нужных документов на компьютере или бумажных базах хранения информации, а также передача информации на следующий этап вручную. Инструментами для избегания этих потерь выступает стандартизация рабочего процесса, отслеживания, контроль документооборота [9].

Благодаря внедрению технологий бережливого производства в образовательные учреждения можно сократить все виды потерь с помощью простых и продуктивных нововведений. Метод бережливого производства приведет к эффективному воздействию

на образовательный процесс, а также позволит выявить недочеты в системе образования. Посредством внедрения и укрепления технологий бережливого производства в сфере образования, появится возможность формировать «бережливый менталитет», который приведет к формированию «бережливое мышление» у подрастающего поколения.

Таким образом, именно преобразования в умах персонала и их действиях может поспособствовать развитию «бережливого производства». Это, в первую очередь, формирование системы неэкономической мотивации, которая понятна и открыта, командная работа, стремление к постоянному совершенствованию, а также соответствие повышенным стандартам и требованиям предприятия [8].

Технологии бережливого производства в учреждении дополнительного образования Открытая инжиниринговая школа НИУ «БелГУ». В настоящее время НИУ «БелГУ» – это мощный исследовательский университет, выполняющий прорывные научные исследования и разработки мирового и общенационального значения. В Инжиниринговом центре НИУ «БелГУ», одним из наиболее перспективных подразделений является Открытая инжиниринговая школа НИУ «БелГУ», которая осуществляет подготовку учеников от 7 до 17 лет по 10 направлениям.

В школе ведется система менеджмента бережливого производства, что находит отражение в соответствующей политике НИУ «БелГУ», в рамках которой основными ценностями являются:

1) здоровье и жизнь сотрудников университета, потребителей, обеспечение безопасности персонала, процессов университета, продукции;

2) формирование ценностных профилей для потребителей на основе их ожиданий и потребностей;

3) клиентоориентированность (в том числе гибкость, адаптивность);

4) сокращение потерь как необходимое условие конкурентоспособности университета;

5) основной невозпроизводимый ресурс – время;

б) проявление уважения к основному источнику создания ценности для потребителя – человеку.

Принципы бережливого производства Открытой инжиниринговой школе, как структурного подразделения НИУ «БелГУ», включают в себя:

1) стратегическую направленность, свидетельствующую об осознанном выборе высшим руководством стратегических целей развития системы менеджмента бережливого производства университета;

2) ориентацию на создание ценности для потребителя, позволяющую оптимально организовывать деятельность с позиции усиления ценности для потребителя для руководителей всех уровней;

3) повышение эффективности деятельности университета посредством формирования потока создания;

4) постоянное улучшение, как основная цель увеличения ценности для потребителя, сокращение потерь, улучшения потока создания ценности;

5) обеспечение оперативного обмена информацией и долгосрочные партнерские отношения между университетом и его потребителями;

б) основа снижения затрат и улучшения потока создания ценностей – сокращение потерь

7) прозрачность и визуализацию, для своевременного быстрого обнаружения несоответствия, обеспечивать выполнение стандартов, прозрачность ролей и ответственности работников;

8) приоритетное обеспечение безопасности построения потоков создания ценности для потребителя и сокращение потерь;

9) построение корпоративной культуры на основе уважения к человеку, которая поддерживает в сотрудниках стремление к раскрытию и использованию в полной мере своих талантов, интеллектуальных и творческих способностей посредством признания их компетентности, ответственности, достоинства, творчества [11];

10) качество продукции и услуг на всех стадиях жизненного цикла;

11) мониторинг, изучение фактов, которые в процессе утверждения новых идей, программ, проектов, позволяют принимать обоснованные управленческие решения, направленные на устранение и предупреждение проблем;

12) установление долговременных отношений с поставщиками как условие постоянного улучшения и сокращения потерь в цепи поставок и др.

В своей деятельности сотрудники инжиниринговой школы используют – 5S (система рационализации и организации рабочего места (рабочего пространства) – 100%, кайдзэн – 25%, картирование потока создания ценности (25%), визуализация – все сотрудники организации. Все сотрудники инжиниринговой школы осведомлены о системе менеджмента бережливого производства, активно внедряют ее на рабочих местах.

При решении проблемы повышения эффективности и конкурентоспособности своего развития, образовательным организациям необходимо делать акцент на 3 базовых элемента:

1) эффективный HR-менеджмент [4, 6],

2) эффективное производство и технико-технологическая база,

3) эффективное использование кадрового потенциала. Важно – при сохранении значимости фундаментального, стратегического базиса – персонала (желательно, лояльного) [10] (рис.).

«Портфель» управленческих компетенций должен включать модуль «Компетенции руководителей в основе lean-изменений»: комплексное решение проблем, критическое мышление, креативность, управление собой и людьми, координация действий с другими, эмоциональный интеллект, составление суждений и принятие решений, сервис-ориентация, взаимодействие, ведение переговоров, когнитивная гибкость, фокус на конечном результате, инициативность, самообучение [10].

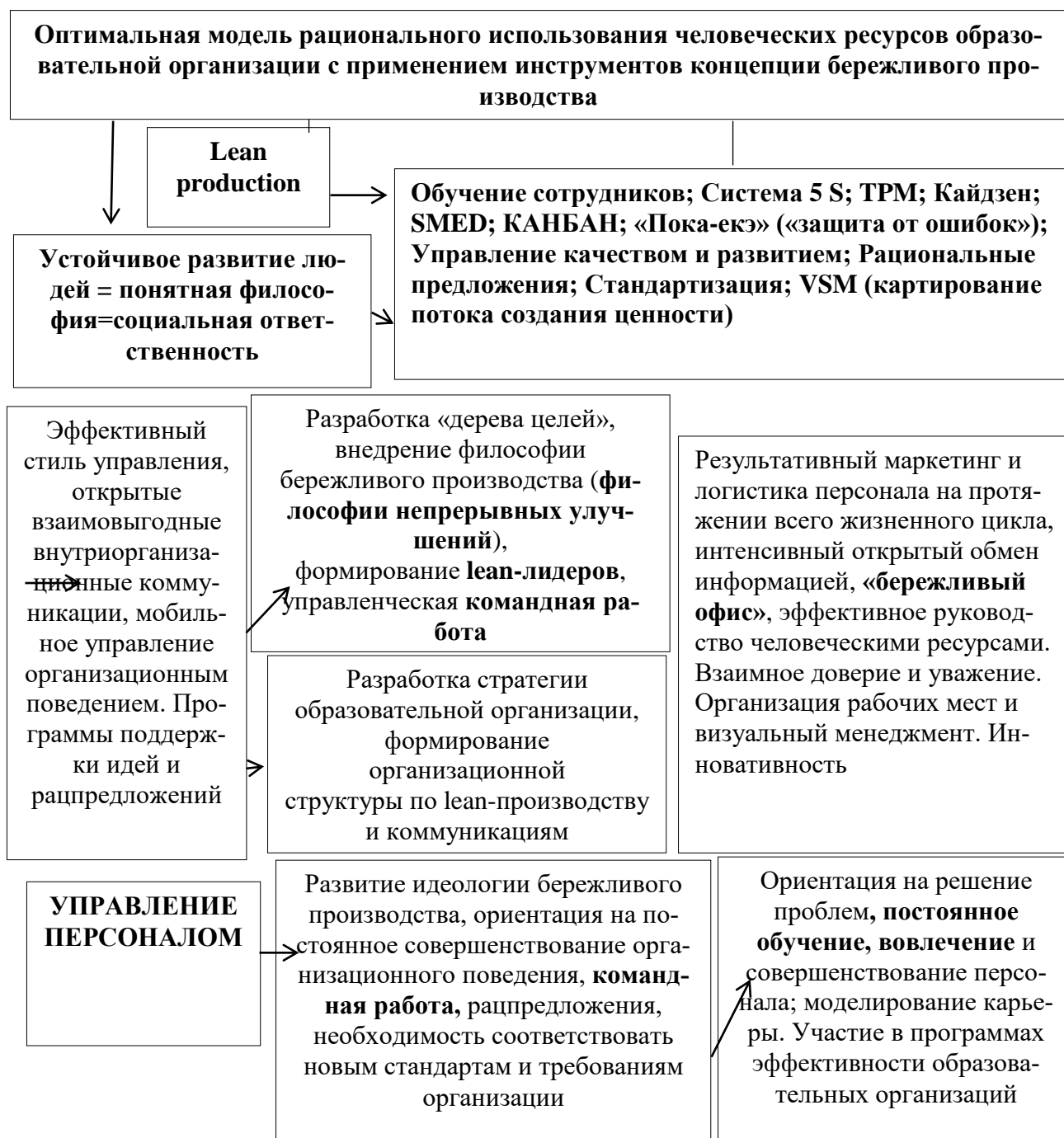

Рис. Рекомендуемая модель управления системой развития и использования персонала в условиях бережливого производства
(источник: составлено Целютиной Т.В.)

Вывод. Технологии бережливого производства, на сегодняшний день, постепенно внедряются во все сферы жизни, помогая налаживать организацию рабочего процесса. Время, в котором мы живем, требует постоянно накапливать инновационный

опыт, учиться, совершенствоваться, и именно сфера образования является важным звеном в применении новых, современных технологий бережливого производства. Для университетов главный эффект будет проявляться, прежде всего, в совершенствовании потоков создания ценности для внешних и внутренних потребителей; экономии времени, ресурсов, сокращении расходов; увеличении производительности; повышении эффективности и качества управления на всех уровнях; развитии науки, НИОКР; росте конкурентоспособности и престижа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Kaplan, R. S., Norton, D. P.** (1992). The Balanced Scorecard – Measures then drive Performance // The Harvard Business Review. 1992. Vol. 70. № 1 : 71–79. – Текст : непосредственный.

2. **Kollins, J. C., Porras, J. A.** (1994). Built Last: Successful Habits of Visionary Companies. New York : Harper Business. P. 19–29. – Текст : непосредственный.

3. **Lynne, Hambleton** (2007). Treasure Chest of Six Sigma Growth Methods, Tools, and Best Practices : A Desk Reference Book for Innovation and Growth. Prentice Hall, 864 p. – Текст : непосредственный.

4. **Mayo, A.** (2012). Human Resources or Human Capital? : Managing People as Assets. Gower Publishing, 356 p. – Текст : непосредственный.

5. **Taiichi, Ohno** (2007). Workplace Management. Gemba Press, 146 p. – Текст : непосредственный.

6. **Von Krogh, G., Ichijo, K., Nonaka, I.** (2000). Enabling knowledge creation. How to unlock the mystery of tacit knowledge and release the power of innovation. Oxford : Oxford University Press, 292 p. – Текст : непосредственный.

7. **Womack, J. P., Jones, D. T., Roos, D.** (1991). The Machine That Changed the World: The Story of Lean Production. HarperCollins, 323 p. – Текст : непосредственный.

8. **Авилова, Ж. Н.** Неэкономические методы мотивации в условиях бережливого производства / Ж. Н. Авилова, Т. В. Целютина. – Текст : непосредственный // Управление человеческими ресурсами: теория, практика и перспективы : материалы международной молодежной научно-практической конференции / ответственные редакторы В. Ш. Гузаиров, И. В. Савенкова. – Белгород : БГТУ им. В.Г. Шухова, 2018. – С. 79–84.

9. **Ковальчук, Е. М.** Внедрение технологий бережливого производства в образовании / Е. М. Ковальчук. – Текст : непосредственный // Система образования и технологии бережливого производства : материалы очно-заочной Региональной научно-практической конференции [сборник научных статей]. – Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2017. – С. 26–27. – ISBN 978-5-00047-386-3. – Текст : непосредственный.

10. **Целютина, Т. В.** Управление развитием LEAN-персонала в условиях изменчивой VUCA среды образовательной организации / Т. В. Целютина. – Текст : непосредственный // Научный результат. Экономические исследования. – 2019. – Т. 5. № 1. – С. 84–93.

11. **Целютина, Т. В.** Управление развитием персонала в условиях бережливого производства: 13 шагов от старта проекта до формирования LEAN-культуры / Т. В. Целютина. – Текст : непосредственный // Проектная и бережливая синергия как фактор повышения производительности труда (образование) : сборник материалов форума / под научной редакцией Л. А. Зимаковой [сборник научных статей]. – Белгород : НИУ «БелГУ», 2018. – С. 55–61. – ISBN 978-5-9571-2677-5.

Айснер Л.Ю.,
канд. культурологии, доцент Красноярского государственного
аграрного университета
Наумов О.Д.,
канд. филос. наук, доцент Красноярского государственного
аграрного университета

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается современное образовательное учреждение – университет в условиях тотальной цифровизации всех сфер общественной жизни, характеризующей современный этап развития общества. Формулируются и обосновываются ключевые направления деятельности университета, направленной на соответствие к предъявляемым эпохой требованиям. Уделяется внимание антропологическим компонентам деятельности университета в ситуации цифровизации.

Ключевые слова: университет, цифровизация, образовательный процесс, современное общество, культура.

Процесс цифровизации – один из ключевых маркеров, определяющий специфику и векторы развития современного общества. В этом смысле ситуация диджитализации может рассматриваться в качестве симптоматичной для любой из сфер общественной жизни. Не стала исключением и сфера образования, включая высшее, формирующего образ университета, согласно которому образовательное учреждение высшего образования представляет собой пространство открытого сетевого диалога между всеми участниками образовательного процесса [2, с. 18].

Вместе с тем, последовательное осуществление мероприятий, реализуемых в рамках диджитализации государства, свидетельствует о необходимости разрешения и преодоления некоторых проблем, характеризующих систему образования, а также указывающих на необходимость ее модернизации.

Важно отметить, что внедрение и применение цифровых технологий в пространстве современного университета касается не столько новшеств в организации и реализации учебного процесса, но и изменения направлений научно-исследовательской деятельности. Кроме того, позитивные плоды цифровизации университета позволяют заметить, что применение высоких технологий способствовало преодолению отчуждения между академическим сообществом и общественностью. Трансформация образовательного процесса, а также проведение приема абитуриентов на обучение по новым программам высшего образования вместе с оптимизацией процесса приема поступающих способствуют увеличению уровня доверия общества к деятельности высших учебных заведений, обеспечивая реализацию принципов доступности, открытости и практико-ориентированности в предоставлении образовательных услуг [1, с. 6].

Современность красноречиво указывает на то, что цифровые технологии – это уникальный механизм, способствующий разностороннему развитию не только конкурентноспособной личности будущего специалиста, но и продуцирующей ее образовательной организации, оказавшегося в ситуации актуализации возможности быстрого обмена информацией, опытом, адаптацией онлайн-обучения, а также развития цифровых библиотек и кампусов, условий и возможностей диалога между заинтересованными субъектами. Кроме того, позитивными последствиями цифровизации университета представляются: глобализация научного мира и усиление академической мобильности. При этом встает вопрос о сохранении университетом своих академических традиций и конкурентных преимуществ, что заставляет задуматься о выстраивании стратегии собственного развития, а также оформлении ее научно-исследовательских оснований [2, с. 16].

В свете продолжения цифровизации общественной жизни, судьба современного университета будет сведена к интеграции существующих образовательных учреждений в международное пространство диалога экспертов, ученых, а также студентов, участвующих в создании и открытии международных программ и разработок. В связи с этим особо следует подчеркнуть, что трен-

ды глобализации и увеличение онлайн-сегмента образовательных услуг в сфере дополнительного профессионального образования могут существенно изменить сложившуюся образовательную практику. Иными словами, имеющие место образовательные практики, существующие в сфере дополнительного профессионального образования, будь то повышение квалификации, или освоение новых компетенций, должны будут модернизироваться в свете диджитализации.

При этом получение первого высшего образования не может и не должно осуществляться исключительно посредством цифровых технологий. Напротив, для повышения своей эффективности оно должно гармонично сочетать в себе применение современных информационных технологий, а также прямое общение обучающихся с преподавателями, специалистами-практиками, учеными и экспертами. В связи с этим справедливо было бы говорить о переводе такой формы контактной работы, как лекция в онлайн формат при увеличении количества часов, направленных на закрепление материала, а также развитие практической и проектной деятельности обучающихся на практических и лабораторных занятиях [3, с. 188].

Не менее важным фактором оценки деятельности университета, определяющим процесс прохождения процедуры государственной аккредитации, а также вопросов, связанных с финансированием образовательного учреждения, является соответствие университета критериям цифровизации. В связи с этим справедливо ставить вопросы не только о переоснащении IT-ресурсов, но и о своеобразной перезагрузке антропологического потенциала, апгрейде профессионального капитала, а также изменений норм и правил корпоративной культуры, направленных на оптимизацию внутренних процессов образовательного заведения. Данные вопросы указывают на важность соблюдения принципов срочности, своевременности и эффективности административного управления университетом, поскольку стратегическая задача цифровизации образовательного учреждения заключается в оптимизации работы его структурных подразделений.

Вместе с тем, не утрачивает своей актуальности вопрос о разработке и актуализации базовых компетенций современного профессионала в сфере цифровизации, с учетом региональной специфики и индивидуальных особенностей персональной образовательной стратегии студента.

В связи с этим становится понятно, что процесс подготовки и переподготовки современного востребованного конкурентоспособного специалиста, а также административного персонала с учетом профильных компетенций в сфере цифровизации становится основным вопросом, стоящим перед современным университетом на повестке дня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Айснер, Л. Ю.** Интерактивный формат проведения Дня открытых дверей в Красноярском ГАУ: опыт проведения / Л. Ю. Айснер, О. Д. Наумов. – Текст : непосредственный // Наука и образование : опыт, проблемы, перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции [сборник научных статей]. – Красноярск : Красноярский ГАУ, 2019. – Часть 1. – С. 4–7.

2. **Айснер, Л. Ю.** Антропологическая миссия классического университета: культурно-исторический контекст и современность / Л. Ю. Айснер, О. Д. Наумов. – Текст : непосредственный // Антропологическое знание как системообразующий фактор профессионального педагогического образования : [сборник научных статей]. – Курск : Курский государственный университет, 2019. – С. 16–18.

3. **Наумов, О. Д.** Практико-ориентированное обучение – гарант кадрового обеспечения АПК региона / О. Д. Наумов, М. Г. Неделина // Приоритетные направления развития регионального экспорта продукции АПК : материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск : Красноярский ГАУ, 2019. – С.187–190.

Зайцева Т.Г.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Кропивка Н.В.,
канд. филос. наук, ст. преподаватель Белгородского
университета кооперации, экономики и права

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть содержание философского принципа системности. Раскрыть природу принципа системности применительно к культуре – это значит понять социокультурный процесс в аспекте единства многообразия. Системный подход позволяет выстроить новую модель культуры, благодаря чему становится возможным установление продуктивных связей между всеми отраслями знаний и видами деятельности человека.

Ключевые слова: философский принцип системности, модель культуры, методологические требования, материалистическая диалектика, социокультурный процесс.

Выдвижение принципа системности представляет определенный итог развития философии и науки. Под ним традиционно понимается рассмотрение объекта как внутри себя самого дифференцированного целого, во взаимодействии составляющих его частей и выделении его закономерностей, обуславливающих его целостность.

Основные методологические требования философского принципа реализуется благодаря основополагающему принципу системных исследований. Содержание этого принципа обуславливает актуальность данного исследования.

Все это ведет к необходимости обращения к диалектическим принципам анализа социокультурного процесса как целостного явления, в частности, принципам системности и историзма в их

единстве друг с другом. Раскрыть природу принципа системности применительно к культуре – это значит понять социокультурный процесс в аспекте единства многообразия [1].

А что же такое социокультурный процесс? Здесь мы традиционно сталкиваемся, прежде всего, с неоднозначностью понятия культуры. Если мы используем его в сочетании с понятием социального, то очевидно, что под культурой мы будем понимать самый широкий ее смысл – человеческий прогресс, бытие человека в обществе со всеми его проявлениями и результатами, как всеобщая история и деятельность человека, направленная на самореализацию, то есть как система социальных реалий и ценностей.

Многие научные разработки ученых показали множественность определений культуры. В философии культура не просто внешний объект наблюдения и созерцания, но в определенной мере и продукт. Для наиболее полной характеристики культуры необходимо выработать системный подход, который позволит выстроить новую модель культуры, чтобы установить продуктивные связи между всеми областями знаний и видами деятельности [3].

Однако, строго говоря, применительно к определенному времени и пространству, качеству и конкретике социума такое понимание культуры неплодотворно именно в силу неопределенно широкой степени общности. Оно выполняет функцию, скорее семантического символа, определяющего круг явления, нежели категориальный инструмент познания. Тогда где же выход из уровня определений на аналитический уровень? Ответ возможен лишь с привлечением сопоставительных характеристик дискретных состояний социума: материальная и духовная культура; иерархические исторические ступени культуры; культура социальных групп; культура форм проявления общественного (культура мышления, культура поведения, культура труда и общения); культура как состояние; как процесс и как совокупность результатов деятельности; локальные культуры.

Анализ соотношения диалектики и методологии культурологических системно-структурных исследований приводит к выводу, что если для культурологии необходимой формой развития

является осмысление методологии системных исследований, то для философского и социологического знания этот этап уже пройден [2].

Характер затруднений, которые сложились по мере развития системных исследований культуры свидетельствует о том, что необходимо проводить исследования, прежде всего в поле социологических знаний, общетеоретической и методологической основой которого является социальная философия. Таким образом, социокультурное развитие есть не что иное, как общественное развитие, реализованное в результатах и фактах данного этапа. Опираясь на последний тезис, невольно делаешь вывод о такой же неоднозначности фундаментальных моментов генезиса культуры. Поэтому неизменно приходится выделять сначала объект анализа, а затем уже главные моменты этого анализа, так как размышления о культуре вообще – занятие бесплодное.

Особенности социокультурного процесса на современном этапе обуславливают возросший интерес к объективной логике его развития, к проблеме его определенности как «единство в многообразии». Само понятие «социокультурный процесс» указывает на неразрывность социума и культуры, на развитие культуры как мира человека, на развитие мира человека как мира культуры, реализация субъектов культуры в ее объективированных формах – материальных и духовных ценностях, таких ее феноменах как наука, искусство, религия [5]. Философия, будучи феноменом культуры, представляет собой способ освоения мира с высоты достигнутого уровня развития человеческой деятельности.

Культура сложна и многообразна, она пронизывает собой весь общественный организм. Поэтому, когда культуроведческие дисциплины те или иные сферы культуры – технику, право, искусство, фольклор разрывают реальные взаимосвязи различных компонентов социокультурного процесса, то в результате возникает пропасть между различными компонентами культуры.

Системно движение социокультурного процесса состоит в его способности с необходимостью порождать все новые и новые оттенки содержания. Так, в современную эпоху собственно внут-

рикультурные формы общения и деятельности начинают расширяться и углубляться, сдвигаются в эпицентр современного человеческого события [4].

Складывается ориентация на общечеловеческие ценности, на ценностные феномены культуры. Ядро культуры, которое представляет собой основной комплекс норм, ценностей, смыслов, символов – это момент общего объективного, свойство культурной среды, в которую по необходимости и независимо от своего желания включается индивид.

Оборотная сторона этого процесса – механизм и результаты индивидуального восприятия общего культурного ядра и его компонентов. Процесс этот всегда отнюдь не прост. В кризисные периоды истории именно в силу свойства нелинейности культуры особенно сильно проявляется подавляющая функция объективного общего. Оглянуться, осмыслить, оценить не успел, а тебе уже навязали не твою точку зрения, еще ничего не понял, а уже чужой штамп в оценке события стал как будто твоим, хочешь, не хочешь, а принимай его, так как своей позиции еще не выработал. Времени на освоение изменения нет, ибо череда событий мелькает точно за окном скорого поезда. Когда он остановился, индивид собственную позицию еще не выработал, а она нужна, чтобы двигаться дальше. Вот и принимает он чужое, хотя может быть даже не согласен, чувствует это, но объяснить не в состоянии – ни времени, ни знаний не хватило. Отсюда – внутреннее сопротивление, не всегда понятное и осознаваемое, и потому выливающееся в агрессивные акты поведения, как форма протеста против непонятного насилия над духом, над личностью [6].

Такой ответ на внешнее давление характерен для сильной личности или личности, защищенной групповой принадлежностью к групповому сознанию. Менее цельные натуры вынуждены приспособливать свой внутренний мир к предлагаемым извне стандартам только из опасений показаться белой вороной в чужой стае. И лишь очень немногие натуры способны выйти из противостояния современным тенденциям унификации без ущерба для своего внутреннего мира либо в силу сознательного при-

нения предлагаемых обществом ценностей, либо найдя в себе удовлетворительную нишу противостояния.

Но это отнюдь не означает, что унификация компонентов общественной жизни случайное, инородное явление в современной культуре. Напротив, интеграционные процессы в собственно материальном производстве, шире – в экономике, в целом определяют аналогичные процессы в политике и духовной жизни, что есть результат их закономерного взаимодействия. В условиях нашей страны это явление особенно наглядно [10]. Так как в очень короткий срок с четкой памятью о прошлом и картиной настоящего проходит процесс встраивания в мировое интеграционное течение. Ломка экономики, перестройка социальной структуры общества, гротескные гримасы политики и как результат – болезненные темпы духовного преобразования [7].

Миграционные процессы внутри стран и за рубежом, рост политической и экономической нестабильности приводят к тому, что человек вынужден, нередко помимо своей воли, вопреки устоявшемуся мировосприятию, включаться в новые условия существования, которые зачастую внутренне им отвергаются и потому вместо постепенного встраивания в новые общности и реальности происходит отторжение. Человек, выросший в условиях одной культуры, вынужден принять систему ценностей в другой. И если вынужденность принимает форму психологического и в целом духовного дискомфорта, то создается почва для формирования духовного конфликта как фактора культуры [9].

Культура Востока и Запада, при всем своем различии обнаруживают свою одновременность, оказываются реальными феноменами бытия современного человека. Мы убеждаемся в том, что мыслители Запада и Востока, прошлого и настоящего располагаются не по восходящей линии, а сосуществуют в одном культурном пространстве. Неслучайно возникла проблема диалога как принципа понимания. Если мы принимаем прошлую культуру, значит мы умеем находить в ней ответы на вопросы, которые в нашей культуре возникают [8]. Интегративность, системность социокультурного процесса обуславливают также понимание культуры как духовной и как материальной деятельности человека.

В настоящее время в области философско-социологического анализа культуры сложились две основные теоретические схемы:

– в аспекте взаимодействия отдельных общественных сфер как основных структурных компонентов культур,

– через универсальные механизмы и принципы социальной деятельности, проявляющиеся в любой из выделяемых сфер общественной жизни.

Второй подход ориентирован, как кажется, именно на понимание логики социокультурного процесса. Такая модель социокультурного процесса отражает системный характер культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зайцева, Н. В.** Философское мировоззрение в системе российского самосознания / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Международная научно-практическая конференция в рамках философских чтений памяти В. О. Гошевского : «Философские проблемы образования» (7-8 февраля 2014 г.) : [сборник избранных материалов]. – Мурманск : Издательство МГТУ, 2014. – С. 43–50.

2. **Зайцева, Н. В.** Мировоззренческая основа профессионального образования / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования: материалы международной научно-практической и методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : [сборник научных статей]. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – С. 100–109.

3. **Зайцева, Т. Г.** Инновационные формы, средства и методы обучения в высшей школе / Т. Г. Зайцева. – Текст : непосредственный // Межрегиональная научно-практическая конференция: «Социокультурная динамика региона» : [сборник научных статей]. – Выпуск 3. – Белгород : БелГИК, 2003. – С. 178–182.

4. **Зайцева, Т. Г.** Инновационные технологии образования и их влияние на гуманизацию общества / Т. Г. Зайцева. – Текст :

непосредственный // Инновационные технологии в кооперативном образовании как фактор развития экономики : материалы международной научно-практической конференции : [сборник научных статей]. – Ч. 2. – Белгород : Кооперативное образование, 2009. – С. 43–51.

5. **Зайцева, Т. Г.** Самостоятельная работа студентов как эффективная форма образования в современном ВУЗе / Т. Г. Зайцева. – Текст : непосредственный // Образование и наука в структуре современного российского общества: материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : [сборник научных статей]. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2013. – С. 64–70.

6. **Зайцева, Т. Г.** Новые принципы современного социокультурного процесса / Т. Г. Зайцева. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : [сборник научных статей]. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2017. – С. 143–150.

7. **Зайцева, Т. Г.** Проблема научной истины / Т. Г. Зайцева. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : [сборник научных статей]. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2017. – С. 280–289.

8. **Кропивка, Н. В.** Мировоззренческий плюрализм как основа взаимодействия различных социокультурных принципов / Н. В. Кропивка. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : [сборник научных статей]. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2017 – С. 352–362.

9. **Кропивка, Н. В.** Политико-культурный контекст мировоззрения / Н. В. Кропивка. – Текст : непосредственный // Науч-

ные ведомости БелГУ. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2018.– Вып. 35. – С. 182–186.

10. **Сетров, М. И.** Принцип системности и его основные понятия. / М. И. Сетров // В кн. : Проблемы методологии системного исследования. – Москва : Мысль, 1970. – С. 49–63. – Текст : непосредственный.

Черкесова К.И.,

ст. преподаватель Белгородского государственного
института искусств и культуры

Черкесов В.И.,

директор ОГКОУ «Чернянская общеобразовательная школа»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РЕГИОНА

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты цифровизации отраслей культуры, а также описаны направления и механизмы развития цифровизации в сфере культуры.

Ключевые слова: цифровизация, культура, информационные технологии, цифровая культура.

С развитием информационных технологий и появлением в повседневной жизни всевозможных гаджетов, к которым относятся смартфоны, компьютеры, планшеты интернет стал неотъемлемой частью существования общества [4]. Сегодня любая компания, фирма, организация, бюджетное учреждение активно используют сеть интернет и дополнительные цифровые технологии в своей работе. Учреждения культуры, в данном случае, не являются исключением.

На государственном уровне сформулированы требования к учреждениям культуры по цифровизации своей деятельности.

Для выполнения поставленных требований региональным учреждениям культуры предложены наиболее эффективные пути к цифровизации, а именно внедрение информационных и цифровых технологий в деятельность музеев, галерей, театров, библиотек, концертных залов и филармоний.

Основная задача, которая стоит перед цифровизацией культурных учреждений состоит в распространении информации о них не только в регионе, но и далеко за его пределами, а также в привлечении как можно большего числа посетителей. Чтобы заинтересовать и простимулировать население на посещение какого-либо культурного учреждения необходим качественный контент, т.е. фотографии и видео в цифровом формате.

Создание качественного контента и его продвижение невозможно без специального обучения сотрудников учреждений культуры. Для повышения уровня грамотности сотрудников в сфере цифровых технологий, целесообразно проводить на постоянной основе онлайн-курсы и вебинары по актуальным направлениям, таким как работа над созданием контента, работа в социальных сетях, работа в направлении интернет-маркетинга.

Одним из ярких примеров цифровизации является внедрение системы Информат, представляющей собой информационный киоск, располагающийся на территории городских аэропортов. Его основная задача заключается в оказании помощи населению в получении актуальной информации о культурных событиях в городе или в регионе в целом [1]. Другим примером цифровизации отраслей культуры является массовая продажа электронных билетов, формирование специальных пакетных предложений для жителей и гостей региона, а также создание единого билета для посещения учреждений культуры. Благодаря внедрению вышеперечисленных функций автоматизации происходит консолидация учреждений культуры, и их совместная деятельность направляется на развитие культурного образования населения.

Для расширения аудитории потребителей цифровых услуг необходимо создание онлайн-трансляций и стримингов культурных мероприятий, а также разработка приложений дополненной реальности. С их помощью можно проходить тематические кве-

сты, которые повысят заинтересованность молодежной аудитории объектами культурной политики.

Рейтинг информационной активности культурной жизни регионов Минкультуры России позволяет учреждениям культуры проводить совместную работу государственных и муниципальных учреждений культуры и формировать «Карту культурных событий региона». Новостная информация о проводимых мероприятиях должна быть размещена как на официальных сайтах учреждений культуры области, так и группах социальных сетей.

Инновационным способом цифровизации деятельности учреждений культуры является создание виртуальных концертных залов. С помощью этой технологии люди абсолютно любых возрастов, независимо от их социального положения и географического местоположения могут принять участие в культурных мероприятиях. В настоящее время государственными и муниципальными музеями создаются виртуальные экскурсии, видеоролики и 3D-панорамы по музейным экспозициям и коллекциям, которые размещаются в информационных системах музеев и в сети Интернет [3].

Исходя из вышесказанного, следует вывод, что для цифровизации региональных учреждений культуры разработано большое количество технологических и программных продуктов, которые, в свою очередь, позволяют создавать и запускать цифровые и онлайн-проекты, способствующие привлечению внимания к культурной жизни региона.

Цифровая культура – это в первую очередь понимание современных информационных технологий, их функционала и возможности грамотно использовать их в работе. Увеличение числа обращений к цифровым ресурсам культуры возможно за счет создания виртуальных концертных залов различной вместимости в учреждениях культуры и образования, способствующих созданию равных возможностей доступа к культурным ценностям для жителей независимо от их места проживания, физических возможностей и социального статуса [2]. Это позволит значительно улучшить условия для развития личности, воспитания художе-

ственного вкуса, приобщения подрастающего поколения к новой форме познания культуры и искусства.

Повысить спрос на цифровые ресурсы поможет организация и проведение онлайн-трансляций мероприятий, создание мультимедиа-гидов по экспозициям и выставочным проектам, при посещении которых возможно получение информации о произведениях с использованием технологии дополненной реальности.

Разумеется, для повсеместного внедрения объектов цифровизации и автоматизации требуются как крупные финансовые, так временные затраты, однако, уже сейчас наблюдаются высокие результаты от существующих инноваций, что указывает на правильно выбранное направление и методы по реализации культурной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ганский, П. Н.** Интернет-пространство как особая коммуникационная среда и его влияние на современные общества / П. Н. Ганский. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 118-121.

2. **Гревцева, А. А.** Культурная глобализация: проблемы и парадигмы / А. А. Гревцева. – Текст : непосредственный // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 70. – С. 145-148.

3. **Кунаева, Л. И.** Новые медиа как реализация информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет / Л. И. Кунаева, А. М. Кузовлев, Р. Ю. Чигирев и др. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 3. – С. 117-180.

4. **Черникова, Е. И.** Виртуальный человек в иллюзорном мире / Е. И. Черникова, А. А. Трунов, А. Е. Ведерников. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4–6 апреля 2016 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский уни-

верситет кооперации, экономики и права». – Белгород: Изд-во БУКЭП, 2016. – С. 60–73. – ISBN 978-5-8231-0527-9.

Смыкалов Д.Г.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ПЕРЕХОД ОТ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА К ОБЩЕСТВУ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР

Аннотация. В статье проанализированы базовые подходы к обществу сетевых структур, рассмотрены их основные отличия от традиционных обществ. Данные структуры рассматриваются как системы взаимодействующих узлов, объединенных коммуникативными связями, способные расширяться за счет свободного включения в них новых членов.

Ключевые слова: теория, идеология, общество, общество сетевых структур, эпоха Модерна.

Под влиянием стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий в середине XX в. социальное пространство общества Модерна, для которого были характерны упорядоченность и следование институциональным нормам, начало видоизменяться, пока не приняло сегодняшний облик – трансформировавшись в общество сетевых структур. Однако такие понятия, как «сетевые структуры», «социальная сеть» и «сетевая культура» до сих пор не приобрели четких и однозначных трактовок, а это, в свою очередь, затрудняет понимание и анализ изменений, происходящих в современном социуме. Поэтому концептуализация этих терминов является немаловажной задачей для исследователей и в данной статье делается попытка обсудить данную проблему с социологических позиций.

Понятие «сетевые структуры» было введено английским ученым Дж. Барнсом. В статье, написанной им в 1954 г., данный термин подразумевал «совокупность людей или их групп, между которыми существуют те или иные контакты и взаимодействия» [8] и описывал явление, характерные для дружеских, родственных и социальных связей ограниченного в своей изолированности островного сообщества.

Характерно что уже к середине 1980-х гг. в теоретической социологии были сформулированы базовые принципы и характеристики функционирования социальных сетей, основанных на принципах децентрализованности и связанности. И именно данная трактовка стала основополагающей. Под термином «децентрализация» в ней подразумевается наличие в социальной конструкции не одного, а сразу нескольких равных по значимости доминирующих активных узлов – лидеров, имеющих одинаковый уровень активности, значимости и социального статуса. Роль таких активных центров могут играть как отдельные люди, так и целые группы, объединения. Под понятием «связанность» понималась взаимозависимость и тесная кооперация всех участников сети.

Авторство же самой популярной концепции, описывающей и анализирующей общество эпохи Постмодерна, принадлежит М. Кастельсу, который рассматривает систему современного социума как единую информационную структуру. Популярность данной доктрины объясняется тем, что ее тезисы описывают практически все области деятельности человека, что позволяет оценить и отследить кардинальные изменения, произошедшие в обществе на стыке XX–XXI вв.

М. Кастельс утверждает, что именно развитие современных информационно-коммуникационных технологий играет главенствующую роль в изменении общественных отношений. Если следовать его выводам, то можно утверждать, что в современном социуме конструкции, характерные для сетевого общества, стремительно заменяют иерархические системы, присущие обществу Модерна. Если раньше сетевая структура была отображением

внутренней организации общества, то в новых условиях она становится ее внешней формой.

По мнению М. Кастельса, сетевая структура – это «комплекс взаимосвязанных узлов», причем «конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [2, с. 470]. Сами же сети «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации» [2, с. 471].

Ученый пришел к выводу, что сформировавшееся на данный момент медиапространство, структурируется и развивается по принципу сетей (отсюда и «теория сетевого пространства»), они являются доминантами при формировании общественно-социальных процессов, а сетевая логика имеет все большее влияние на такие сферы человеческой жизни, как культура, экономика, политика. Она же формирует и устойчивые поведенческие системы, некие психологические «клише», основываясь на которых человек определяет свое место в социуме и строит схемы взаимодействия с окружающей средой.

М. Кастельс сформулировал основные признаки, отличающие общество сетевых структур от общества Постмодерна. К ним относятся:

1. Качественное и количественное изменение коммуникационно-информационной среды, где именно информации, как основному ресурсу влияния, отдается определяющая роль.

2. Доминирование социальной морфологии над социальным действием, поскольку принадлежность к той или иной сети является источником власти, диктующей и провоцирующей перемены в обществе.

3. Внедрение инновационных коммуникативных технологий, создающих единое медиапространство, объединяющее индивидов и группы в сети.

Для классических систем, строящихся по принципу иерархии (что характерно для общества Модерна) присущи следующие признаки, как: устойчивость, способность оказывать то или иное воздействие не только на участников системы, но и на внешних

агентов; легкая восстанавливаемость и заменяемость; четко сформулированные и соблюдаемые принципы дисциплины и субординации.

Однако иерархическая система связей склонна к разрастанию и усложнению, что мешает передаче информации внутри структуры. А это, в свою очередь, мешает своевременному принятию решений, что сказывается на скорости и адекватности реакции на происходящие изменения.

Если же следовать выводам, сделанным Л.А. Коробейниковой и Ю.А. Гиль, сетевой структуре присущи «горизонтальная организация, отсутствие единого центра, равноправие участников, относительная открытость входа-выхода, адаптивность к изменениям внутренней и внешней среды, способность к самоорганизации и саморегуляции» [4, с. 107].

Таким образом, можно сказать, что сетевая структура представляет собой систему ключевых «точек», связанных между собой. Данные центры являются пунктами перераспределения информации и принятия решений, они же становятся ответственными за ту или иную реакцию на внешние влияния или происходящие изменения, диктующие другим «узлам» сети «нормы реагирования».

Большинство ныне существующих сетей взаимосвязаны и взаимозависимы. Так практически невозможно отделить политику от экономики (изменения, происходящие в экономике, напрямую зависят от политических событий и наоборот). Заметим, что в данный момент нельзя рассматривать сети как некие отдельные явления. Правильнее анализировать их как общие, глобальные структуры, состоящие из частных и активно взаимодействующие между собой.

Интенсивность взаимодействия между ключевыми узлами зависит от расстояния между ними. «Расстояние между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние во-

все равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети)» [3, с. 497].

Структура сетей является открытой, они постоянно расширяются за счет включения в себя новых ключевых точек (как индивидов, так и групп, других сетей). Главным условием «вхождения» нового участника является его индивидуальная способность к деятельности внутри условий конкретной системы, взаимодействию с ее участниками и поддержания принятых норм и ценностей, использование идентичных коммуникационных кодов. По данным же правилам, узлы в какой-то момент могут быть «исключены» из одной сети и «приняты» в другую.

Рассматривая феномен сетей, нельзя забывать и о таком явлении, как «сетевая культура», так как оно также играет немаловажную роль в формировании современного общества. Е.А. Бердник утверждает, что под этим понятием необходимо рассматривать «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми в нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [1, с. 53].

Сетевая культура – это не только и не столько нормы и правила коммуникации в рамках Интернета. Данное понятие нужно трактовать гораздо шире, как культуру, базирующуюся на «сетевой логике» вообще. Несомненно, такая логика прежде всего присуща компьютерным сетям и именно ими была порождена. Но она все шире используется во всех сферах, не имеющих отношения к медиапространству, то есть в повседневной жизни.

Стремительная модернизация современного общества, изменения, происходящие в нем, во многом обусловлены научным прогрессом, техническими инновациями, которые прочно, а, главное, очень быстро становятся для современного человека обыденностью. Но на такие изменения влияет множество факторов, которые также играют совсем немаловажную роль.

Так, ценность индивидуальности, своеобразия личности, которые играли немаловажную роль в традиционных обществах, заметно снижается. В современных реалиях большое значение имеют атрибуты причастности к той или иной группе, наличие связей с другими участниками сети. Индивид становится «узлом» перераспределения коммуникативных связей и информации, источником возникновения информационных поводов.

Помимо этого, снижается значение приватности и личного пространства. Индивид уже стремится не к ним, а к максимальной публичности и не только с целью демонстрации собственного благополучия – все аспекты жизни выставляются напоказ. И это становится не признаком открытости человека как участника коммуникации, а нормой новой морали.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что главными характеристиками современного общества являются децентрализация и полицентричность; наличие активного взаимодействия между всеми «точками» сети; налаженная эффективная коммуникация; саморегуляция и способность к самовосстановлению; отсутствие ограничений внутри сети и открытость для внешней среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бердник, Е. А.** Сетевая культура как объект социологического анализа / Е. А. Бердник // SOCIOПРОСТІР: Междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. – 2011. – № 2. – С. 51–55. – URL: http://www.sociology.kharkov.ua/images/socioprostir/magazine/2_2011/2_3_2.pdf (дата обращения 14.04.2020). – Текст : электронный.

2. **Кастельс, М.** Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс : перевод с английского А. Матвеева, под редакцией В. Харитоновой. – Екатеринбург : Издательство У-Фактория, 2004. – 328 с. – ISBN: 5-94799-373-2. – Текст : непосредственный.

3. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс : перевод с английского под научной редакцией О. И. Шкаратана. – Москва : Издательство гос. ун-та Высш. шк. экономики. 2000. – 606 с. – ISBN 5-7598-0069-8. – Текст : непосредственный.

4. **Коробейникова, Л. А.** Сетевые структуры в условиях глобализации / Л. А. Коробейникова, А. Ю. Гиль – Текст : непосредственный // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. № 6. – С. 105–109. – ISSN 1684-8519.

5. **Трунов, А. А.** Идеология и интеллектуалы в эпоху медиакратии / А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. № 4. – С. 729–737.

6. **Трунов, А. А.** Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. № 2. – С. 234–243.

7. **Смыкалов, Д. Г.** Теории идеологий в социологической ретроспективе / Д. Г. Смыкалов. – Текст : непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019. – № 5(40). – С. 26–32.

8. **Barnes, J. A.** Class and Committees in a Norwegian Island Parish / J. A. Barnes. – Текст : непосредственный // Human Relations, – 1954. Vol. 1. – P. 39–58.

Трунов А.А.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Манышев И.В.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Назриддинов Т.А.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА ИНСТИТУТА СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация. В условиях формирования в России новой политической и социально-экономической системы институт PR начинает играть значительную роль. Предметом исследования в данной статье является специфика становления института PR в современной России.

Ключевые слова: связи с общественностью, социальный институт, российское общество, специфика.

Формирование российской PR-отрасли началось на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Этот процесс значительно ускорился после известных событий августа 1991 г., ставших поворотным пунктом отечественной истории.

Российская PR-отрасль вбирала в себя, с одной стороны, особенности агитации и пропаганды советского периода, включая специфические механизмы электоральной мобилизации, а с другой – теории и технологии, которые демонстрировали действовавшие в то время в нашей стране зарубежные PR-структуры [6]. По их образу и подобию постепенно были созданы многие отечественные PR-службы, обращающиеся к общественному мнению в силу специфики своей деятельности.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы дать характеристику института PR в современной России, рассмотрев специфические трудности его становления.

Вначале определим значение терминов.

Итак, что такое PR?

Этот довольно простой вопрос все же нуждается в некотором пояснении.

Аббревиатура *PR* производна от англоязычного термина *public relations*. При этом следует иметь в виду, что имеются ряд вариантов написания, произношения и перевода термина *public relations*, которые встречаются в публикациях российских исследователей.

Первый вариант предполагает англоязычное написание, как термина *public relations*, так и производной от него аббревиатуры *PR*.

Второй вариант – написание и термина, и аббревиатуры в русской транскрипции: паблик рилейшнз и ПР (здесь также нередко используются обозначения, типа «Пи-Ар» или «пиар»).

Третий вариант – это буквальный перевод термина *public relations* с английского языка на русский: «общественные связи» или «связи с общественностью».

Предлагаемая нами схема применяемых терминов, которые могут рассматриваться как исходный синонимический понятийный ряд для современного русского языка, имеет следующий вид: *паблик рилейшнз – общественные связи – PR*.

Термины *паблик рилейшнз* и *PR* в русском языке следует использовать в единственном числе мужского рода.

Почему же мы используем только аббревиатуру *PR*?

Это мы делаем исключительно для удобства последующего изложения материала, заменяя им более громоздкое словосочетание «связи с общественностью», вынесенное в заголовок данной статьи.

Теперь выясним, что такое «социальный институт».

Известно, что понятие института (от лат. *institutum* – «установление, учреждение») социологией было заимствовано из юриспруденции. Там оно использовалось и продолжает исполь-

зоваться для характеристики комплекса правовых норм, регулирующих социально-правовые отношения в конкретных предметных сферах.

Социальные институты можно рассматривать как специфические образования, обеспечивающие относительную устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества. Формирование институтов всегда обусловлено объективными потребностями социума в регулировании общественно значимых сфер человеческой деятельности. Социальные институты обеспечивают нормативный порядок в обществе, включая его интеграцию.

Мы склонны рассматривать PR в качестве особого социального института, инкорпорированного в гражданское общество. Основная цель этого социального института состоит в том, чтобы осуществлять удовлетворение объективно существующей общественной потребности, связанной с обеспечением эффективного публичного дискурса для множества коммуницирующих субъектов гражданского общества.

Под *дискурсом* (от латинского *discursus* – «рассуждение») нами понимается вид речевой коммуникации, основанный на публичном обсуждении и обоснование любых значимых аспектов действий, мнений, высказываний ее участников. Ведь публичная *коммуникация* (от латинского *communico* – «делаю общим, связываю, общаюсь») – это вид социальных коммуникаций, нацеленных на передачу информации, затрагивающей общественный интерес, с одновременным приданием ей публичного статуса.

Публичная коммуникация как движение смыслов в социальном времени и пространстве осуществляется не сингулярно, а в силу коммуникационных потребностей, действующих на личном, групповом, общественном уровне. Эти потребности взаимосвязаны со всеми другими потребностями людей.

Дискурс функционирует как продукт аргументированного обсуждения той или иной *проблемы*, имеющий в своем основании *текст* или, шире, любое *информационное сообщение*, опирающееся на какой-либо языковой носитель. Поэтому, какой бы первоначальный статус ни имело сообщение, которое собирается

передать коммуникатор в процессе публичной коммуникации, по завершении этого процесса оно неизбежно приобретает публичный статус, то есть становится фактом *общественного мнения*.

Что это такое? Это особое состояние массового сознания, заключающее в себе отношение различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности. Общественное мнение представляет собой *заинтересованно-ценностное (оценочное) отношение социального субъекта к затрагивающим его интересы проблемам*.

Природа общественного мнения принципиально двойственна. С одной стороны, общественное мнение – это чисто духовный феномен. С другой стороны, при определенных условиях оно может функционировать в духовно-практической форме, например, как индикатор готовности людей совершить те или иные действия.

Общественное мнение выступает в *экспрессивной, контрольной, консультативной и директивной функциях* (от лат. *functio* – «исполнение, совершение»). Оно занимает определенную позицию, дает совет, выносит решение по тем или иным социальным проблемам. В зависимости от содержания высказываний, общественное мнение выражается в *оценочных, аналитических, конструктивных суждениях*.

Общественное мнение регулирует поведение индивидов, социальных групп и институтов в обществе, вырабатывая или ассимилируя (заимствуя из сферы науки, идеологии, религии) и насаждая определенные нормы общественных отношений. Через механизм общественного воздействия, трансляцию норм и ценностей, воспроизводство традиций и стереотипов оно участвует в социальном управлении.

Под *институтом PR* нами понимается функционирующая в гражданском обществе устойчивая, нормативно закрепленная совокупность ролей и статусов, предназначенная для решения общественно необходимой задачи обеспечения эффективных публичных коммуникаций социальных субъектов (индивидов, общностей, социальных организаций, социальных институтов), ориентированная на оптимизацию их отношений с общественностью.

Из этого определения следует, что функционирующий институт PR подразумевает наличие устойчивой совокупности ролей и статусов, в которых выступают различные субъекты, осуществляющие обеспечение эффективного публичного дискурса для всего множества индивидов, общностей, организаций, составляющих гражданское общество.

Субъектная структура института PR имеет следующий вид:

- общественность, состоящая из широкой общественности (все граждане России) и целевых общественностей (например, молодежь, люди с ограниченными возможностями жизнедеятельности, пенсионеры);
- предметные базисные субъекты PR-деятельности (лица, общности, институты, в интересах которых осуществляется PR-деятельность);
- стратегические субъекты PR, которые осуществляют целеполагание, формируют заказ на PR-деятельность;
- технологические субъекты PR (исполнители PR-деятельности);
- субъекты, осуществляющие арбитраж или регламентирующие профессиональную деятельность в сфере PR;
- субъекты образовательной и научно-исследовательской деятельности в сфере PR.

Опираясь на PR-службы и PR-отделы, каждый конкретный субъект социальных интеракций использует свои информационно-коммуникативные возможности, обеспечивая не дискретные (прерывные) сигналы обратной связи, а устойчивую, планомерную деятельность, определяющую эффективность управленческого процесса. А это многое значит.

Институт PR обладает рядом инструментальных и управленческих функций. Они раскрывают его роль в публичной сфере.

К числу *инструментальных функций* PR со всей очевидностью относятся: аналитико-прогностическая; организационно-техническая; информационно-коммуникативная; коммуникативно-методическая.

Группа *управленческих функций* PR включает в себя: регулятивную; консультативную; директивную; контрольную; защит-

ную; номенклатурную. Данная группа функций призвана обеспечивать практическое участие субъектов социальных интеракций в процессах социального управления.

Такова наиболее простая структурно-функциональная модель института PR. Она позволяет определить цель, субъектов, основные функции данного института.

Если взять ее за основу, то можно выделить следующие этапы становления PR в России:

- доинституциональный этап (1988 – 1991 гг.);
- этап первичной институционализации (1991 – 1996 гг.);
- этап вторичной институционализации (1996 – 2014 гг.);
- этап реанимации пропаганды, которая стала подменять собой полноценные связи с общественностью (2014 – 2020 гг.).

Появление в России PR-технологий было вызвано объективными условиями развития общественных связей, началом становления институтов гражданского общества, а также транзитом целого ряда социо-политических конструкций, заимствованных у Запада. Оно также было сопряжено с реальной потребностью в согласовании множества разнонаправленных интересов, возникших в экономической, политической, социальной сферах.

Тем не менее, процесс становления института PR в России был значительно затруднен в силу целого ряда причин. Основное место среди них занимали перманентный социально-экономический кризис и политическая конфронтация. Отсюда – социальная напряженность, вызванная неорганичным характером процессов первоначального накопления капитала. В таких условиях было весьма сложно рассуждать о возможностях гармонизации функций государства, частных интересов и общественного блага, интеграции локальных сетей доверия в публичную политику.

Основным содержанием доинституционального этапа был процесс оформления сферы общественных связей. Он включал в себя следующие компоненты: зарождение рынка PR-технологий; появление первых отечественных PR-служб; открытие столичных представительств международных PR-агентств. Его содержанием

была практическая адаптация зарубежного опыта к российским условиям.

Доинституциональный этап закономерно и плавно трансформировался в этап первичной институционализации, признаками которой являлись:

- возникновение развитого рынка PR-услуг и их производителей как системы относительно обособленных субъектов публичного дискурса, вступающих во взаимоотношения со значимой для их деятельности общественностью;

- зарождение системы профессиональной подготовки специалистов;

- начальная формализация субъектов публичного дискурса, для которых ранее было характерно совмещение собственно PR-деятельности с консалтингом, электоральной мобилизацией, рекламой;

- попытки сформулировать особую социальную миссию PR-деятельности;

- появление первых форм корпоративной идентичности;

- стремление к профессиональной интеграции и разделению труда.

Ко времени появления института PR российское общество оказалось не восприимчиво к прямолинейным пропагандистским акциям. Что, впрочем, не исключало гораздо большей его чувствительности к рафинированным формам информационно-коммуникативного воздействия, например, социетальной ситуационной манипуляции. В результате протестные настроения умело направлялись в русло конформизма, а «пар» острого социального недовольства уходил в «свисток».

Многие действия представителей бизнеса, органов государственной власти и местного самоуправления, политических партий и общественных объединений не находили должной поддержки и необходимого понимания у граждан. По-прежнему высокой оставалась и социальная инертность подавляющей части населения, которое вело борьбу за выживание в быту. Она-то и тормозила развитие публичной сферы.

Вследствие этого возникали серьезные трудности в налаживании *общественного диалога*. В таких условиях социальная востребованность института PR оказалась вполне очевидна.

Этап вторичной институционализации характеризовался не только определенным качественным развитием тенденций предыдущего этапа, но и появлением ряда новых.

Наиболее важными среди них были следующие:

- активная разработка инновационных моделей PR-деятельности;
- вторичная формализация организационных структур субъектов PR-деятельности, появление типичных схем их организации;
- жесткая профессионализация PR-деятельности, вплоть до монополизации отдельных ее направлений;
- развитие системы подготовки PR-специалистов на различных уровнях (от классического университетского образования до организации переподготовки управленческих кадров, обучающих семинаров, мастер-классов, тренингов);
- появление системы этических норм и предписаний, принимаемых профессиональным сообществом;
- развитие корпоративной деятельности PR-специалистов на местном, региональном, национальном, глобальном уровнях;
- расширение сфер PR-деятельности, изменение вследствие этого архитектоники и географии общественных связей;
- формирование исследовательских и аналитических компонентов в PR-деятельности.

Этап реанимации пропаганды берет свой отчет с 2014 г. К сожалению, именно пропаганда стала подменять собой полноценные связи с общественностью, знаменуя наступление эпохи постправды [4]. По сути, развитие института PR резко замедлилось или явным образом пошло не туда, куда следовало. И обусловлено это слабостью самого гражданского общества, которое позволило себе «не заметить» столь очевидную подмену.

Гражданское общество – трудноуловимое понятие. Одни лишь попытки его дескриптивного описания могут рассматриваться в качестве предмета самостоятельного научного исследо-

вания. Тем не менее, общий смысл данного теоретического концепта сводится к следующему: это сфера автономной (негосударственной) социальной жизни, образованной добровольными, построенными на принципах свободы и солидарности, ассоциациями людей.

На наш взгляд, гражданское общество можно трактовать *как социальную систему, самоорганизующуюся за счет свободной деятельности людей*. Исторически гражданское общество представляет собой самовоспроизводящуюся устойчивую социальную систему, сложившуюся в процессе социальной эволюции, дифференциации, коммуникации.

Таким образом, само существование социального института PR возможно лишь при наличии сравнительно высокого уровня развития гражданского общества. Ведь одно теснейшим образом связано с другим.

В этой связи наблюдается любопытная закономерность: социальное управление, не обогащенное PR-структурами и знаниями в области профессионального использования PR-технологий, инерционно воспроизводит типы и характер принятия управленческих решений в духе традиционного советского бюрократизма, наследуя его худшие черты. Напротив, наличие таких знаний и структур в значительной мере способствует созданию «рациональной» бюрократии в ее классическом веберовском понимании.

Однако мировой и российский опыт свидетельствуют не только об этом. Электоральные циклы наглядно демонстрирует, как при соответствующем финансировании группа PR-специалистов способна перевернуть ход любой избирательной кампании. Особенно если при этом негласно используются технологии нейролингвистического, нейросемантического или нейросемиотического программирования.

Направленное воздействие на индивидуальное сознание, его заведомое кодирование и модификация стали органическими элементами механизма социального управления. Это явление возникло под влиянием двух взаимосвязанных процессов: возрастающей свободы человека, с одной стороны, и развития новых

инструментов принудительной регламентации его поведения – с другой.

При этом даже тот PR-специалист, который руководствуется самыми благими побуждениями, следуя ценностям классического гуманизма, имеет своим контрагентом уже не просто «непросвещенную» массу, предоставленную самой себе, но массу, подвергшуюся целенаправленной информационной обработке. Он встречается с аудиторией, предрассудки которой центрированы, а рассудок ослаблен. Его контакт с этой аудиторией всегда опосредован. Причем именно тем социальным механизмом, с помощью которого осуществляется процесс накопления массовых предрассудков.

По реальным условиям трансляции знания и любых других продуктов духовного производства читатель, слушатель, зритель, пользователь сети Интернет противостоит субъекту PR-деятельности как целевая общественность, сформированная массовыми коммуникациями. Он же вынужден обращаться к ней, пользуясь форматом этих коммуникаций.

Так инструментальная составляющая приобретает субстанциональное значение. Вследствие этого происходит смещение акцентов с логико-рациональных методов организации публичного дискурса на эмоционально-ценностные, связанные с преимущественно скрытым воздействием субъекта управления (суггестора) на подсознание и лишь отчасти – сознание объекта управления (суггерента).

Впервые на эту закономерность обратили внимание еще М. Хоркхаймер и Т. Адорно. По их словам, «техническая рациональность сегодня является рациональностью самого господства как такового. Оно есть свойство отчужденного от самого себя общества быть обществом принуждения» [7, с. 151]. Они же обнаружили существование разветвленной «культуриндустрии Просвещения», понимаемой ими как «обман масс» [7, с. 149-209].

Эта «культуриндустрия» обслуживается целой армией работников интеллектуального труда. Их положение заметно отличается от традиционного положения людей «свободной профессии». Их стремление к просвещению массы жестко лимитируется

общей логикой действия системы массовых коммуникаций, в немалой степени определяемой коммерческой доминантой.

Изначально (по крайней мере, на словах) предполагалось, что создание института PR должно, в конечном итоге, помочь людям решить их проблемы. Теперь же акцент переносится непосредственно на конструирование социального согласия за счет применения PR-технологий. Поэтому одна из важнейших проблем современности – это *сама возможность разумного использования PR-технологий и обретения свободы в условиях тотальной технологической детерминированности.*

Последние десятилетия прошлого века стали поворотным моментом в динамике правящего слоя. Произошло становление крайне эклектичного класса новой, трансграничной элиты – людей, управляющих смыслами, целеполаганием общества, образами его желаемого будущего, кодексами поведения, информационно-финансовыми потоками, геоэкономическими композициями. Входным билетом в новую элиту является «готовность к жизни среди хаоса», способность «процветать в условиях неустроенности», умение «позиционировать себя в переплетении возможностей», а не оставаться «парализованным одной пожизненной специальностью» [1, с. 49].

Занимая стратегические высоты, данная субкультура становится влиятельной и доминантной. Она проделала впечатляющую эволюцию: от проектирования социальных и инженерных утопий – через создание полифоничной инновационной индустрии – перешла к тектоническим подвижкам в диапазоне от «революции менеджеров» до социального переустройства планеты. И при этом произвела на свет новый интеллектуальный класс «людей воздуха», претендующих на властные позиции в обществе [3].

Агенты перемен (амбициозные личности и энергичные элитные организovanности) заполняют мир вполне осязаемой продукцией в виде образов, смыслов, концептов, семантических стереотипов, текстов, кодов, алгоритмов действия [3, с. 168]. Есть здесь и свои «уникальные образцы», и продукция «конвейерного» производства. Но главное – это новое поколение технологий управления – матричных, рефлексивных, сетевых. Оно-то и фор-

мирует пластичную топографию перемен, выстраивая подвижную социальную перспективу.

Говоря откровенно, переход к завуалированным механизмам власти и управления (от англ. *soft power* – «мягкая власть») составляет общемировой тренд государственно-управленческих практик. Данный подход предполагает не столько формализацию воли правительства в виде постановлений, сколько формирование контекста, побуждающего к принятию запрограммированного решения. Кроме «авансены» публичной политики государство осваивает еще и «пространство за ширмой», раздвигая тем самым рамки своего актуального функционирования.

К чему все это приводит? А вот к чему. *Формирующееся в России гражданское общество стихийно переходит на новые формы контактов с властью. И это объективно способствует укреплению института PR.*

Эти обстоятельства объективно затрудняют процесс «до-страивания» PR до полноценного института гражданского общества. Впрочем, как раз это закономерно. Ведь каково актуальное гражданское общество, таковы и его базовые институты.

Обращает внимание и то, что свою широкую известность PR-технологии в России получили благодаря публичной политике. И это притом, что со временем она деградировала до уровня простой телевизионной самодостаточности. В ней практически нет места идеологии как особой идеально-преобразующей конструкции. Однако форматирование политических предложений граждан все же осуществляется.

Но каким же образом? А вот таким. Как остроумно заметил социолог Д.В. Иванов, «политика ныне творится в PR-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках» [2, с. 104]. *Виртуальной политикой* можно назвать борьбу за власть посредством агитации с помощью Web-страниц, пресс-конференций в Интернете, рекламных акций.

При этом категория «политического» превращается в одну из главных проблем политической философии. Она имеет не только различные решения, «но и далеко расходящиеся друг от

друга способы ее постановки» [5, с. 5]. Вследствие этого происходит «нейтрализация» политического.

Главным системообразующим конструктом в системе управления общественными связями оказывается *имидж*, при конструировании которого широко используются технологии «управления восприятием / впечатлением» (англ. *perception management*).

Имидж (*image*) – это весьма популярное английское слово, произошедшее от латинского *imago* – «изображение, подобие». В английском языке слово *image* имеет множество семантических оттенков. Среди них следует выделить: «образ», «изображение», «олицетворение», «представление», «репутация», «престиж».

Именно имидж выступает средством индивидуализации восприятия людьми любых проектов, адресованных к общественному мнению. Функционирование имиджа обеспечивает бесперебойный поток коммуникации. Поддерживая жизненную импровизацию, духовный плюрализм и толерантность, имидж устраняет из сферы общественных связей враждебность и бескомпромиссность позиций. Он сориентирован на то, чтобы социальные действия людей осуществлялись на уровне бессознательных мотивов, не предполагающем фиксации расхождений в убеждениях.

Принципиальное влияние на функционирование всей сферы общественных связей оказывают технические средства информационных обменов. Современные масс-медиа стали играть роль демиургов событийного ряда, которые формируют информационное поле, в том числе и в виде «виртуальной реальности».

Основные функции обеспечения коммуникации между государством и российским обществом, гражданскими объединениями и правящим классом постепенно начинает выполнять оборот информации, рассчитанной не на поражение глубинных структур сознания или изменение системы убеждений, а лишь на то, чтобы «повернуть человека» в сторону того или иного социального или политического проекта, побудить его к голосованию, к поддержке конкретных действий государства или политических партий.

Все это свидетельствует о том, что развитие разветвленного рынка виртуально-манипулятивных технологий и профессиональных культурно-технологических услуг, успешно инкорпорировавшего себя в систему глобального «разделения труда», в России является той доминантой, которая определяет содержание процесса институционализации сферы PR.

Вследствие этого развитие института связей с общественностью в России имеет довольно специфические черты: зависимость PR-структур от позиции властей; монополизация PR-рынка несколькими столичными PR-агентствами; отсутствие единых критериев в оценке социальной сущности PR-деятельности.

Обобщая все изложенное, подведем основные итоги:

1. Российский институт PR не приобрел еще в полной мере своих инструментальных и управленческих функций, что можно объяснить объективной слабостью гражданского общества.

2. Процесс становления института PR в России все еще далек от своего завершения. Вследствие этого развитие сферы общественных связей продолжает носить противоречивый и незавершенный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бауман, З.** Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман ; перевод с английского В. Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2002. – LXIV, 326 с. – ISBN 5-94010-155-0. – Текст : непосредственный.

2. **Иванов, Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с. – ISBN 5-85803-203-6. – Текст : непосредственный.

3. **Некlessа, А. И.** Люди воздуха, или Кто строит мир? / А. И. Некlessа. – Москва : Институт экономических стратегий, 2005. – 224 с. – ISBN 5-93618-043-3. – Текст : непосредственный.

4. «Политика постправды» и популизм / под редакцией О. В. Поповой. – Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2018. – 216 с. – ISBN 978-5-98620-336-2. – Текст : непосредственный.

5. Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века. – Москва : Идея-Пресс, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-903927-08-1. – Текст : непосредственный.

6. **Трунов, А. А.** Технологии «паблик рилейшнз» в трансформирующейся цивилизации модерна (опыт философско-культурологического исследования) / А. А. Трунов, Е. И. Черникова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 264 с. – ISBN 978-5-91419-005-4. – Текст : непосредственный.

7. **Хоркхаймер, М.** Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно ; перевод с немецкого М. Кузнецова. – Москва : Медиум; Санкт-Петербург : Ювента, 1997. – 321 с. – ISBN 5-85691-051-6, ISBN 5-87399-043-3. – Текст : непосредственный.

Ишков Д.Н.,

аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Основное внимание в данной статье уделяется характеристике тех факторов, которые способствуют появлению различных форм экстремизма в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, экстремизм, профилактика, факторы.

Проблемы, связанные с экстремизмом молодежи как криминальным явлением, в российском обществе стоят достаточно остро. Экстремизм и терроризм как крайняя форма его проявления

создают огромную общественную опасность, что делает весьма актуальной диагностику, профилактику и нейтрализацию подобных асоциальных явлений, в том числе – и в молодежной среде.

Между тем статистика, отражающая преступления, носящие экстремистский характер в Российской Федерации, демонстрирует динамику волны, при которой с 2008 г. по 2017 г. наблюдались качественный и количественный рост. Однако за период с 2017 г. по 2020 г. было зафиксировано заметное снижение данного показателя (с 1521 зарегистрированного случаев в 2017 г. до 585 в 2019 г.). Впрочем, и такие данные также вызывают и будут вызывать настороженность правоохранительных органов и иных субъектов профилактики, исходя из повышенной общественной опасности преступлений данного типа. Согласно результатам целого ряда современных исследований, экстремизм среди подростков и молодежи захватывает все новые «пласты», а многие преступные элементы остаются латентными, образуют «ветви» и «сети», о которых у правоохранительных органов порой даже не имеется необходимой оперативной информации [1, 2, 3].

Молодежный экстремизм и его распространение в России являются одной из важнейших проблем современного государства и общества. «Молодеющий» экстремизм все чаще забирает под свое крыло людей в возрасте от 15 до 25 лет, которые идут на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Тревогу вызывает влияние, которое возрастает на молодежь со стороны экстремистских молодежных группировок, леворадикальных и праворадикальных организаций [4].

На сегодняшний момент в России действительно существуют националистические и иные группировки, членами которых являются молодые люди от 15 до 25 лет. Организацией подобного рода была когда-то НСИ («Национальная социалистическая инициатива»), однако в сентябре 2015 г. городской суд Санкт-Петербурга признал ее экстремистской. Участники и организаторы данной группировки под видом пропаганды здорового образа жизни, борьбы с алкоголизмом и наркоманией внедряли в головы своих последователей идеи расовой и межнациональной ненависти и насильственной вражды [5].

В России на момент 2020 г. действуют различные типы радикальных экстремистских движений. Одним из них можно назвать такое движение, как «А.У.Е.». Данную аббревиатуру можно расшифровывать как «Арестантский уклад един» или «Арестантско-уркаганское единство» [5]. Показательно, что выдвинута инициатива признать международное общественное движение «А.У.Е.» экстремистской организацией. Есть высокая вероятность, что именно так и будет. Высказываются обоснованные предположения, что после решения Верховного Суда действия тех, кто подпадает под идеологию данной организации и совершает действия от ее имени, будет подпадать под статью 282.1 «Организация экстремистского сообщества» УК РФ с максимальным наказанием до 12 лет лишения свободы и штрафом до 700 тысяч рублей.

В целом же изучение преступлений, совершаемых молодежью, исследование их определяющих факторов и разработка мер эффективной профилактики и противодействия – одна из наиболее важных и актуальных задач. В подтверждение этих слов нам служат данные Федеральной службы государственной статистики: на почти 147 млн населения Российской Федерации приходится примерно 32 млн молодых людей в возрастной категории до 29 лет, т.е. порядка 23 %. При этом 14,5 млн составляет молодежь в возрасте до 19 лет.

Для решения перечисленных нами проблем необходимо на основании анализа феномена молодежного экстремизма выделить основные факторы, его причины возникновения и следствия, с целью дальнейшей разработки мер профилактики на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях. Интерес к молодежному экстремизму, как к феномену, в науке достаточно велик. Предварительный анализ литературы, раскрывающей данную тематику, демонстрирует многообразие подходов к изучению тех факторов, которые способствуют формированию экстремистских сообществ в молодежной среде [3, 5, 6, 7, 9].

В целом, говоря об экстремизме как о социальном явлении, необходимо отметить, что приходящие в него лица нетерпимы к

другим гражданам, которые имеют принадлежность к иным этносам или социальным группам. Причиной для этого могут служить противоречия из различных сфер жизни каждого участника этих взаимоотношений (правовые, политические, культурные, религиозные, экономические). Основой же для проявления молодежного экстремизма чаще всего выступает недостаточная социальная адаптация личности, которая, совместно с развитием асоциальных установок, вызывает развитие различных форм девиантного поведения.

«Фундаментальными факторами экстремизма являются незавершенные процессы модернизация и урбанизации, социальные контрасты и культурный спад, находящиеся в диалектической взаимосвязи с политическими, этноконфессиональными и социально-психологическими факторами». Все это обуславливает криминальную направленность многих молодежных сообществ, порождая в их среде культ силы, агрессию, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» [2].

Стоит также учитывать, что Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденная Президентом РФ 28 ноября 2014 г., в качестве основных факторов, которые порождают экстремистские проявления, выделяет неконтролируемую миграцию (в том числе незаконную), а также недостаточно регулируемые на различных уровнях миграционные процессы, чаще всего нарушающие сложившиеся в отдельных регионах этно-конфессиональный климат.

Факторы, указанные выше, способны пошатнуть сознание молодых людей, позволяя в дальнейшем организациям экстремистского характера привлекать в свои ряды все большее количество молодежи. Таким организациям не составляет труда вербовать молодых людей и подростков. Многие попадающие под их влияние лица подвергаются изощренной обработке.

Существует несколько социально значимых факторов, которые стоит выделить для понимания детерминирующей составляющей экстремистских проявлений молодежи:

– основной причиной, служащей деформации личности ребенка, подростка и молодого человека, является несовершенство

системы воспитательной деятельности в семьях, школах и других учебных заведениях;

– следствием этого является деформация идеологического и духовного сознания индивида, способствующая потере жизненных ориентиров. При этом само идеологическое воздействие во многих случаях носит диффузный характер, по аналогии с проникающей радиацией [10];

– отметим также проблемы, связанные с организацией молодежного досуга. К ним следует отнести недоступность многих объектов культурно-массовой сферы, излишнюю коммерциализацию центров досуга, отсутствие у большинства молодых людей финансовой возможности заниматься различными видами спорта.

Наряду с этим существуют несоответствия принципов воспитания на любом этапе становления личности современным тенденциям развития общества. Например, существует система воспитания неадекватна современному уровню развития подрастающих поколений. Такая система вызывает у современной молодежи необычную реакцию на все субкультуры. Желание проникнуться в них становится более сильным. Погружаясь в них, они чувствуют себя более свободными. По существу, срабатывает эффект «запретного плода»: чем сильнее критика со стороны родительских инстанций, тем привлекательнее субкультура.

Также отметим фактор рыночной экономики. Современный мир «предлагает» молодым людям переходить в негосударственный сектор экономики. Политика подобного рода создает ситуацию, в которой более востребованной становится труд, который не требует высокой квалификации. Среди молодежи культивируется культ денег и материальных благ, а не на содержание трудовой деятельности [3].

Кроме того, стоит отметить тенденцию к увеличению числа интернет-сообществ с радикальными настроениями, которые под видом юмористических картинок (мемов), а также борьбой с распитием спиртных напитков вовлекают в свои ряды новых участников, где участники с течением времени проходят своеобразную «идеологическую переподготовку». Тем или иным методом, зачатки экстремизма в молодежной среде насаживаются на особен-

ности, перечисленные выше. И при таком подходе и определенных обстоятельствах идеи экстремизма будут сами возрастать в головах подростков.

Подобными факторами можно считать:

- проблемы социально-политического характера, то есть недостатки системы образования, проблема трудоустройства, социальное и материальное расслоение, недостаточную поддержку со стороны органов власти нуждающимся семьям, недоступность многих сфер досуга, снижение авторитета государственной власти;

- вовлечение молодежи в деятельность криминалитета, который проникает во многие сферы жизни общества;

- также молодежной преступности и экстремизму способствуют негативные тенденции изменения морально-этических норм и ценностных ориентаций молодых людей, основанные на идеологии фанатизма и экстремизма, чаще всего религиозного, отрицании моральных и общественных норм, нетерпимости к иным нациям, религиям, этносам;

- реализация целей деструктивно направленных организаций способствует доступ к незаконному обороту оружия и взрывчатых веществ и устройств. Наличие в молодежных организациях разного вида оружия не является чем-то новым. В данных организациях распространено даже обучение по обращению с разными видами оружия;

- эффективное использование организаторами и лидерами молодежных экстремистских движений потенциальной агрессии и психологической уязвимости молодых людей, основанных на рассмотренных нами ранее факторах [1].

Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи в современных условиях исключительно велико [11]. При этом следует отметить воздействие социальных сетей, которые нередко используются для поиска и идеологической обработки определенной аудитории [9]. Проблема, конечно же, не в самих социальных сетях, а в тех, кто и с какими целями ими пользуется.

На основании проведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что психологические особенности личности конкретного представителя молодежи зачастую выступают главным фактором, способствующим его вовлечению в экстремистскую деятельность. Некоторым представителям молодежи свойственно проявление деструктивного поведения, которое противоречит общепризнанным социальным нормам. Экстремизм для них является одной из форм проявления такого поведения.

Исследования по данной проблематике, позволяет сделать вывод о том, что данные молодежные движения начинают образовываться в крупных городах. В основном экстремистские сообщества рассредоточены по таким крупным мегаполисам как Москва и Санкт-Петербург. Агрессивное поведение в данных городах – явление довольно частое. Такие факторы, как низкий уровень жизни семей, алкоголизм и наркомания родителей, дает определенные плоды. Дети, вышедшие из таких семей, имеют определенные агрессивные наклонности. Тем самым они легко поддаются влиянию людей, склоняющих их к экстремизму.

Все вышеперечисленные факторы «толкают» молодежь на создание определенных субкультур разных направлений. Молодежные субкультуры образовались очень давно. Рождение их произошло не вчера и даже не позавчера. Они и в дальнейшем будут возникать, сменяя друг друга [8].

Поведение людей, состоящие в экстремистских движениях, очень сильно отличаются от поведения обычной молодежи. Почти все виды субкультур подвергаются осуждению со стороны общества. Что еще больше помогает данной группе молодых лиц стать еще более агрессивнее.

Итак, что же такое экстремизм? Это достаточно сложное социальное явление, обусловленное многими факторами. Задача современного общества состоит в том, чтобы не просто противостоять молодежному экстремизму, а осуществлять системную профилактическую деятельность по типу той, которая была в СССР, но с учетом новейших реалий. На наш взгляд, страдает не только молодежь, попавшая под влияние экстремистских групп, но и все общество в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абдулганеев, Р. Р.** Криминологический портрет личности современного экстремиста / Р. Р. Абдулганеев, С. Н. Миронов. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 1(31). – С. 42–48.
2. **Акунина, Ю. А.** Социально-культурные условия профилактики экстремизма в молодежной среде : специальность 13.00.05 : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Акунина Ю. А. – Москва, 2005. – 208 с. – Текст : непосредственный.
3. **Арестова, О. Н.** Борьба с экстремизмом в молодежной среде как основополагающая идея в развитии общества и укреплении его структуры / О. Н. Арестова. – Текст : непосредственный // Рос. следователь. – 2017. – № 14. – С. 54.
4. **Бааль, Н. Б.** Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма среди молодежи / Н. Б. Бааль. – Текст : непосредственный // Материалы международной науч.-практич. конференции. – Москва, 2006. – С. 592–593.
5. **Варыгин, А. Н.** Проблемы профилактического воздействия на групповую подростково-молодежную преступность / А. Н. Варыгин, О. В. Шляпникова. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2019. – № 3 (37). – С. 309–315.
6. **Демидова-Петрова, Е. В.** Основные факторы проявления экстремизма в молодежной среде в Российской Федерации / Е. В. Демидова-Петрова. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 72–75.
7. **Довгополая, Т. А.** Бытовое мошенничество: виктимологическая характеристика и предупреждение : монография / Т. А. Довгополая, А. Л. Репецкая. – Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2009. – 112 с. – Текст : непосредственный.
8. **Ишков, Д. Н.** Роль копинг-стратегий в интеграции молодежных субкультур / Д. Н. Ишков. – Текст : непосредственный //

Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2019. – С. 41–46. – ISBN 978-5-8231-0935-2.

9. **Оганесян, С. С.** Религиозный экстремизм современной молодежи. Проблемы и основные направления профилактики / С. С. Оганесян. – Текст : непосредственный // Обзор НЦПТИ. – 2018. – № 3 (14). – С. 41–42.

10. **Трунов, А. А.** Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. № 2. – С. 234–243.

11. **Шаповалова, И. С.** Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи / И. С. Шаповалова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 4 (372). – С. 148–151.

Ельникова Г.А.,
д-р социол. наук, профессор Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Абакумова М.М.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

МОТИВЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОЛОНТЕРСКОМ ДВИЖЕНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные мотивы участия российской молодежи в волонтерском движении, основанные на личных интересах и потребностях ее представителей, а также на потребностях социума. Особое внимание уделено работе по усилению мотивации молодых людей для их вовлечения в волонтерскую деятельность.

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, волонтерское движение, добровольчество, молодежь, мотивация, мотив, альтруизм, эгоизм.

В наши дни волонтерское движение является преобразующей силой, мощным ресурсом развития общества. Участие в волонтерских объединениях способствует формированию ценностных ориентаций молодого поколения, с помощью которых молодые люди могут найти свое место в жизни, определиться с самореализацией.

Волонтерство представляет собой общественно-полезную форму поведения граждан, в основе которой находится добровольный выбор деятельности, отсутствие принудительных мер, умение находить ответ в системе многозадачности. В отличие от профессионального труда работа волонтера не имеет обменной стоимости, то есть выполняется без материального вознаграждения, но может иметь поощрения разными нематериальными средствами, компенсирующими затраченные ресурсы [2].

Волонтерство объединяет людей разного возраста, социального статуса, национальности и профессии, желающих быть там, где требуются их опыт, знания и добрые намерения. Молодежь –

особая социальная группа, наиболее восприимчивая к социокультурным инновациям, оказывающим различные по своим направленностям влияния на становление личности [4]. Участие молодежи в реализации волонтерских социальных программ и проектов позволяет решать важные задачи:

- 1) привлечение внимания молодого поколения к общественно значимым социальным задачам;
- 2) приобщение молодежи к реальной практике решения важных проблем на безвозмездной основе;
- 3) предоставление возможности для получения определенного жизненного и профессионального опыта.

Сегодня в России молодежное волонтерское движение осуществляется по следующим основным направлениям: волонтерство Победы; социальное; медицинское; экологическое; корпоративное; спортивное; культурное (арт-волонтерство); медиаволонтерство; событийное волонтерство, или эвент-волонтерство; волонтеры общественной безопасности; правозащитная деятельность и многие другие [3, с. 104].

Значительное воздействие на формирование потребностей современной молодежи оказывает социальная среда, в которой они находятся. Поэтому выбор того или иного вида волонтерской деятельности выражает как позицию, интересы и личные взгляды молодых людей, так и ценности окружающей их социальной среды.

Центральное место в привлечении молодежи к волонтерской деятельности занимает мотивация.

Однако определение мотивов, привлекающих молодежь к волонтерству, по мнению многих отечественных и зарубежных социологов, имеет выраженную сложность и далеко не однозначна. Так, канадский исследователь К. МакКаллум предложил концепцию двойственной мотивации волонтеров. Он распределяет волонтеров на условных эгоистов и альтруистов. При этом, с его точки зрения, мотивация и ответственность эгоистов зависят от получения личной выгоды, а для альтруистов характерно стремление к самоотверженному труду для блага общества, солидарность [5, с. 103].

В работах Х.К. Анхайера и Л.М. Саламона фиксируется три группы факторов мотивации: альтруистические, инструментальные и факторы долга. В состав альтруистических мотивов входит: помощь и сострадание нуждающимся людям, стремление к созданию свободного, справедливого социума. К инструментальным мотивам относят: приобретение нового опыта и навыков, желание выполнять в свободное время важную и нужную работу; возможность нового общения, личное удовлетворение от работы. К мотивам долга относят: выполнение морального, религиозного и гражданского долга [1].

По мнению Т.Г. Нежиной, анализирующей участие молодежи в волонтерской деятельности, одной из трактовок альтруизма является теория социального обмена [6], в которой происходит не только обмен товарами и услугами, но и обмен социальными ценностями. С точки зрения Д. Кребса, рассматривающего волонтерство как субъект-субъектную деятельность, альтруистическая помощь важна не только тому, на кого она направлена, но и тому, кто ее оказывает, совершая данные действия для получения признания, повышения самооценки [7].

Мотивация молодежи в волонтерстве, по мнению значительного большинства исследователей, может быть как внутреннего, так и внешнего характера: от масштабного желания сделать мир добрее, выполняя свой гражданский долг, до стремления к успешной карьере, а также к расширению круга полезных знакомств.

Таким образом, на основании имеющейся научной литературы, можно констатировать, что основными мотивами волонтерской деятельности являются:

1) признание в обществе, социальная значимость. Для человека очень важно чувствовать себя не только членом одной команды, но и осознавать свою значимость для всего общества;

2) стремление к достижениям, к реализации личностного потенциала. Осознание собственных внутренних возможностей, выбор жизненного пути;

3) профессиональное ориентирование. Волонтерский труд помогает молодому человеку выбрать направление профессиональной подготовки, получить реальное представление о работе;

4) стремление к развитию знаний, расширению опыта и приобретению полезных социальных и практических навыков. Волонтерская деятельность способствует приобретению полезных знаний и умений таких как: изучение иностранных языков, работа с компьютером и информационными системами, с различными видами техники;

5) повышение жизненного статуса;

6) приобретение опыта лидера. Волонтерство дает возможность реализовать себя в важной социальной деятельности, формирует лидерские качества;

7) опыт планирования свободного времени. Возможность правильной организации досуговой деятельности, времени, проведенного с пользой для общества;

8) стремление к общению, дружескому взаимодействию с единомышленниками, работе в сплоченной команде;

9) потребность в приключениях. Работа волонтера открывает для молодого человека новые знакомства, общение, участие в международных мероприятиях, посещение исторических мест;

10) общественный и религиозный долг. Волонтерство осуществляется по зову души, благодаря ему осуществляется бескорыстная помощь всем нуждающимся.

Следует также отметить, что мотивация участников волонтерского движения динамична и по истечению времени может трансформироваться. В разных исторических условиях на первый план выходят одни мотивы участия в волонтерстве, в других – другие.

Но, как правило, вступая в ряды волонтеров, молодежь руководствуется следующим набором мотивов: помощь людям, расширение круга общения, получение практических навыков для будущей профессии, стремление к самореализации.

Информация о мотивах, побуждающих молодежь становиться участниками волонтерских мероприятий, помогает руководителям добровольческих объединений сделать их более интересными и эффективными, что в свою очередь привлечет новых активистов в ряды развивающегося молодежного движения.

В свою очередь, волонтерские объединения, организующие и направляющие добровольческую деятельность молодежи, должны грамотно мотивировать молодежь к длительному участию в волонтерстве; в каждый конкретный момент создавать условия, в рамках которых молодые люди будут понимать ценность своей работы и смогут получить возможность для развития и реализации своей личности.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что одним из главенствующих мотивов для представителей молодого поколения является повышение их значимости, социальное признание, потребность в равноправном общении, получение новых знаний и опыта. Совпадение общественно значимых и личных потребностей, являющееся базовым элементом в волонтерстве, для его развития выдвигает на первый план повышение мотивации молодых людей к участию в деятельности добровольцев. Для этого необходимо актуализировать мотивы участия в добровольческой сфере, популяризировать участие в благотворительных акциях, стремиться к повышению престижа волонтеров и их труда, открывать образовательные центры для подготовки добровольцев, а также содействовать развитию общей информационной базы «Добровольцы России». Сегодня современное волонтерство нуждается в создании особой системы обучения педагогических кадров, в формировании подготовки лидеров движения, способных заинтересовать креативную и мыслящую молодежь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Anheier, H. K.** Volunteering in cross-national perspective: initial comparisons / H. K. Anheier, L. M. Salamon. – Текст : непосредственный // *Civil Society Working Paper*. – 2001. – № 10. – P. 2–25.

2. **Ельникова, Г. А.** Участие молодежи в волонтерском движении: методологические основы исследования / Г. А. Ельникова, М. М. Абакумова, А. В. Маскаева. – Текст : непосредствен-

ный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019. – № 2. – С. 45–48.

3. **Ельникова, Г. А.** Формы и виды участия студенческой молодежи в волонтерском движении / Г. А. Ельникова, М. М. Абакумова. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в глобальном мире : материалы международной научно-практической конференции (3 апреля 2019) ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Изд-во БУКЭП, 2019. – С. 102–107. – ISBN 978-5-8231-0916-1.

4. **Ельникова, Г. А.** Типология жизненных стратегий молодежи / Г. А. Ельникова, З. В. Михайловская. – Текст : непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2018. – № 2. – С. 33–37.

5. **McAllum, K.** Meanings of Organizational Volunteering: Diverse Volunteer Pathways / K. McAllum. – Текст : непосредственный // Management Communication Quarterly. – 2014. – Vol. 28 (1). – P. 84–110.

6. **Нежина, Т. Г.** Мотивация участия молодежи в волонтерском движении / Т. Г. Нежина, К. А. Петухова, Н. И. Чечеткина, И. С. Миндарова. – Текст : непосредственный // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2014. – № 3. – С. 49–71.

7. **Krebs, D.** Psychological Approaches to Altruism: an Evaluation / D. Krebs. – Текст : непосредственный // Ethics. – 1982. – Vol. 92. – № 3. – P. 447–458.

Шелякина Е.А.,
магистрант Белгородского государственного национального
исследовательского университета,
консультант отдела развития учебных заведений, проектной
деятельности и правового обеспечения управления культуры
Белгородской области

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ СООБЩЕСТВОМ «ВОЛОНТЕРЫ КУЛЬТУРЫ»

Аннотация. В статье рассматривается зарубежный и отечественный опыт управления сообществом «Волонтеры культуры». Так же детально изложен опыт в различных направлениях деятельности культурного волонтерства, мотивация осуществления волонтерами добровольческой деятельности.

Ключевые слова: культура, молодежь, культурное волонтерство, сферы культурного волонтерства, управление волонтерским сообществом.

Опыт деятельности различных общественных (в том числе – волонтерских) организаций позволяет нам выделить актуальные для молодежи сферы культурной волонтерской деятельности, среди них:

- информационная деятельность (проведение консультаций, ведение документации);
- социальная работа (акции по пропаганде ЗОЖ);
- издательская деятельность (работа по распечатке, копированию и ксерокопированию материалов);
- рекламная деятельность (распространение рекламной продукции: флаеры, листовки, афиши);
- прием посетителей (сопровождение гостей, рассадка зрителей, навигация, проведение экскурсий);
- организационные работы (помощь в проведении выставок, экскурсий, театральных и концертных мероприятий, участие в

образовательных программах, семинарах и конференциях и помощь в их организации);

– разработка и реализация дизайн-проектов (представление проектов в области мультимедиа);

– исследовательская деятельность и оказание помощи в проведении научно-исследовательских работ (переводы информационных материалов, расшифровка текстов, помощь в ведении документации, проведение социологических опросов, поиск и сбор различных документов, фото и видеоматериалов, работа с фондами и экспозициями).

Что касается опыта конкретных волонтерских сообществ, то в первую очередь рассмотрим лучшие практики поддержки волонтерской деятельности в сфере культуры за рубежом.

В ряде зарубежных стран, таких как Австралия, Великобритания, Германия и некоторые другие, еще в начале 80-х гг. прошлого столетия, для развития своего культурного учреждения, обращались за помощью к волонтерам.

Яркими примерами волонтерской деятельности в библиотеке могут служить Центральная библиотека Парквей (Филадельфия, США), Национальная библиотека Австралии (АСТ, Австралия), Центральная библиотека Денвера (Колорадо, США) и Публичная библиотека Раунд Рок (Техас, США). Каждое из учреждений устанавливает возрастную ценз (от 13 до 18 лет индивидуально), утверждает временные рамки работы волонтеров (1-3 часа в неделю, не менее 2-3 месяцев), требует пройти обучение (зависит от занятости в определенной структуре – консультация посетителей, работа с фондом библиотеки, кураторы индивидуальных волонтерских программ), устанавливает направления деятельности волонтеров. Стоит отметить, что деятельность данных волонтерских организаций является системной, ведется отчетная документация, и создаются оптимальные условия для работы волонтеров. Такая форма работы позволяет видеть сильные и слабые стороны системы работы волонтеров библиотеки.

Работа волонтерского сектора в Американском музее естественной истории (Нью-Йорк, США), Сиднейских Живых музеях (Сидней, Австралия), Музее изобразительного искусства (Хью-

стон, США), Научном музее Миннесоты (Сент-Пол, США) и Музее Лондона (Лондон, Великобритания) является примером четко организованной системы. Каждое из выше представленных учреждений имеет свою специфику и способы поощрения деятельности волонтеров (поздравления с днем рождения и другими праздниками – электронные открытки, телефонные звонки; вручение сертификатов, подтверждающих участие в деятельности и мероприятиях музея; вручение благодарственных писем для волонтера и его родителей от администрации музея, возможность предоставления рекомендательного письма). В данных музеях разработаны определенные требования для желающих заняться волонтерством. Большинство музеев, устанавливая строгое ограничение по возрасту – от 18 лет, но, стоит отметить, что в американском Музее изобразительного искусства есть отдельное объединение несовершеннолетних волонтеров, куда могут вступить желающие от 13 до 18 лет. Следующий обязательный пункт, присутствующий во всех вышеупомянутых музеях – «разделять ценности музея», то есть работники учреждений считают необходимым не только желание человека оказать помощь, но и прямую заинтересованность в деятельности культурного учреждения. Ряд музеев выдвигает требование пройти полную проверку персональных данных. Такие требования позволяют рационально распределять человеческий ресурс и эффективно выполнять работу, которая предлагается волонтерам.

Интерес представляют передовые методики и технологии подготовки и организации работы волонтеров, которые накоплены городскими парками в некоторых странах, таких как Англия, Австрия, Канада и США. В качестве примера рассмотрим волонтерскую деятельность в Парках Калгари (Канада). Данный комплекс парков обладает разнообразными возможностями для отдыха и, как следствие, различными направлениями деятельности волонтеров, которые обусловлены разработанными программами. Так, культурные волонтеры сопровождают посетителей на протяжении времени пребывания в парке. Стоит отметить, что никаких особых требований для потенциальных волонтеров не выдвигается, им может стать любой желающий. Результат волонтерской деятельности на лицо – по-

ток посетителей парков никогда не уменьшается, а количество желающих помочь – увеличивается.

Волонтерство в сфере охраны историко-культурного наследия активно развивается на территории многих стран. Для этого организуются специализированные культурные лагеря для волонтеров (архитектурно-реставрационные, археологические), создаются различные волонтерские программы. Стоит отметить, что, в качестве мотивации волонтеру, при условии отработки определенного количества часов, предоставляется возможность бесплатного посещения определенных мероприятий и местных музеев. В качестве примера рассмотрим условия пребывания волонтеров в проекте по сохранению культурного наследия на территории крепости Forts de l'Esseillon (долина Морьен, Савойя, Франция). Это исторический объект, который расположен в горах на высоте 1500 метров над уровнем моря. Волонтеры привлекаются к работам по реконструкции крепости, тем самым способствуют развитию туристической индустрии. Волонтерская деятельность заключается в каменно-строительных и отделочных работах. В рамках волонтерского проекта проходят различные досуговые мероприятия, носящие развлекательный характер.

Во многих регионах России накоплен успешный опыт развития культурного волонтерства в молодежной среде, основными задачами которого являются: сохранение и продвижение культурного достояния, формирование культурной идентичности, популяризация культурной сферы среди молодого поколения, развитие всеобщей ответственности за сохранение культурного достояния, сохранение «исторической памяти».

В России лидерами развития культурного волонтерства являются Москва и Санкт-Петербург, где культурные учреждения используют волонтерскую деятельность гораздо чаще и эффективнее [4].

Государственный Эрмитаж является одним из первых музеев в России, который приступил к реализации волонтерских проектов. На сегодняшний день работа с волонтерами ведется регулярно в рамках созданной на базе учреждения Службы волонтеров, которая оказывает существенную помощь различным отде-

лам Государственного Эрмитажа, а также при подготовке и проведении масштабных мероприятий. Служба стала неотъемлемой частью жизни музея, и, что не маловажно, предоставляет возможность официального прохождения практики студентам российских и иностранных вузов [8].

Эксперимент Департамента культуры Москвы по развитию волонтерского движения в столичных музеях и галереях, способствовал открытию Первого волонтерского центра в Государственном музее истории ГУЛАГа. Здесь волонтерская деятельность заключается в помощи по подготовке и проведению выставок, лекций и концертов, работе с архивными документами, переводе материалов на иностранные языки и пр. Социально-волонтерский центр Музея ГУЛАГа – это сообщество людей, объединенных желанием оказывать квалифицированную помощь музею и его целевой аудитории. В рамках работы Центра волонтерам ставятся творческие и развивающие задачи, решение которых вносит неоценимый вклад в развитие музея [1].

Весной 2012 г. на базе Государственной Третьяковской галереи было создано сообщество волонтеров. Деятельность данного объединения связана с подготовкой и проведением мероприятий, фото и видео фиксацией событий, мониторингом публикаций в СМИ, проведением небольших экскурсий [2]. При содействии волонтерского сообщества были успешно реализованы крупномасштабные проекты, среди которых: «Ночь в музее» и «Ночь искусств» (с 2013 по 2015 гг.), тематические экскурсии «Амазонки авангарда» к 8 Марта по экспозиции «Искусство XX века» в 2014 г., экскурсии и летние программы в музее-мастерской Анны Голубкиной (2014-2015 гг.), рекламная кампания и маркетинговое исследование к выставке «Картина и рама» в 2014 г.

Волонтерские программы в сфере культуры реализуются в Политехническом музее [6]. Ежедневно на благо музея трудятся в среднем около 100 волонтеров. Учреждение предоставляет возможность пройти стажировку в любом из своих отделов. А, следовательно, волонтерская деятельность гарантирует опыт работы в музейном деле на базе одной из крупнейших площадок, воз-

возможность окунуться в процесс организации выставочных и образовательных событий различного масштаба, а также развитие личностных и профессиональных качеств посредством участия в программе тренингов и работы с людьми [5].

Волонтерский штаб в Дарвиновском музее – это обучение на практике принимать и консультировать посетителей, привлекать к организации музейных мероприятий различной направленности и продвигать музей в Интернет-сообществах. Координатор волонтерской программы составляет индивидуальный график работы на каждого волонтера, в зависимости от свободного времени.

Ассоциация музейных волонтеров города Нижневартовска является добровольным общественным объединением руководителей и представителей активов школьных музеев [3]. Ее цель – сохранение исторического и культурного наследия посредством формирования единого музейного пространства, тесного сотрудничества школьных музеев города через организацию совместных семинаров, конференций и выездных экскурсий. Участие в волонтерской деятельности в данном формате способствует повышению гражданской активности подрастающего поколения через изучение музейного дела, экскурсионную программу, проектную деятельность.

Рассмотрим опыт реализации волонтерской деятельности в сфере культуры на территории Белгородской области.

31 июля 2019 г. на базе ГБУК «Белгородская государственная универсальная научная библиотека» в г. Белгороде был создан Региональный волонтерский центр «Волонтеры культуры». В качестве основных направлений деятельности данного Центра определены следующие:

- сбор и анализ количественных и качественных показаний реализации мероприятий программы «Волонтеры культуры» федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» на территории Белгородской области;

- оказание консультационной и методической поддержки добровольческим объединениям, созданным на базе государственных и муниципальных учреждений культуры Белгородской области.

На сегодняшний день в каждом муниципалитете региона создан свой штаб «Волонтеры культуры», в основном их деятельность носит информативный характер, то есть работа в Интернет-сообществах, публикация актуальных новостей в области культуры и сопровождение культурно-массовых мероприятий.

Значительный вклад в развитие культурного волонтерства на Белгородчине внесли активисты Белгородской региональной общественной организации волонтеров «ВМЕСТЕ» (БРООВ «ВМЕСТЕ»). Одно из направлений деятельности организации – арт-добровольчество, которое подразумевает сопровождение мероприятий различного масштаба. На сегодняшний день в области проводится большое количество культурно-массовых мероприятий муниципального, областного, всероссийского и международного уровня, к подготовке и проведению которых привлекают волонтеров.

В Шебекинском городском округе на базе ШМБУК «Центр культурного развития» любительское объединение «ЦКРОВЦЫ» функционирует в культурном учреждении уже год. Основные направления волонтерской деятельности – участие в мини-проектах детской библиотеки, проведение молодежных культурных акций, помощь в организации и проведении мероприятий, их фото и видео сопровождение, проведение Интернет-акций и марафонов.

Таким образом, представленные выше молодежные волонтерские объединения и реализуемые ими направления деятельности дают нам основания говорить, что многие молодые люди осознают важность добровольного гражданского участия в решении актуальных проблем культурной сферы. Самое главное в осознании управленческого персонала – знать и уметь направить культурных волонтеров в нужном направлении. Уметь их замотивировать. Культурное волонтерство представляется активным движением и социально-значимым направлением деятельности, дальнейшее развитие которого будет способствовать раскрытию и реализации культурно-творческого потенциала молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гололобова, А. В.** Роль волонтерского движения в развитии гражданских качеств студентов медицинского вуза / А. В. Гололобова. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 99-105.
2. **Горлова, Н. И.** Исторические аспекты культурного волонтерства в России / Н. И. Горлова // Ученые записки. Электронный Научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 101-108. – Текст : электронный.
3. **Жаркова, А. А.** Парадигмальный подход к социальной-культурной деятельности молодежи в современной ситуации / А. А. Жаркова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Государственного университета искусств и культуры. – 2015. – № 3 (65). – С. 106-111.
4. **Жарков, А. Д.** Государственная культурная политика – важнейшее условие функционирования социально-культурной деятельности / А. Д. Жарков. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 2 (58). – С. 146-152.
5. **Жаркова, Л. С.** Проблема смысла в социально-культурной деятельности / Л. С. Жаркова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Государственного университета искусств и культуры. – 2014. – № 6 (62). – С. 110-114.
6. **Зуева, Е. Н.** К вопросу формирования активной социальной позиции студенческой молодежи посредством участия в волонтерском движении / Е. Н. Зуева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы гуманитарного образования : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19-20 окт. 2017 г. [сборник научных статей]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 144-147. – ISBN 978-985-553-463-2.
7. **Ильинский, И. М.** Молодежь и молодежная политика / И. И. Ильинский. – Москва : Голос, 2001. – 692 с. – ISBN 5-7117-0280-7. – Текст : непосредственный.

8. **Кивелевич, Э.** «Школа волонтера»: как на практике готовить добровольцев / Э. Кивелевич // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2016. – № 9. – Режим доступа к изд.: <https://e.rukulturi.ru/489198> Систем. требования: IBM PC, Internet Explorer. – Текст : электронный.

Молчанов А.Н.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГОВ

Аннотация. Социальное неравенство – это довольно болезненная проблема современного общества. Почему одни люди наиболее успешны, а другим приходится довольствоваться малым? Наука на протяжении столетий пытается дать ответ на этот вопрос, но он и по сей день актуален. В данной статье мы предполагаем рассмотреть процессы, формирующие социальное неравенство с точки зрения классических теорий и новых подходов к проблеме.

Ключевые слова: неравенство, классы, бедность, дифференциация, биогенетическая теория, культурная теория, человеческий капитал.

В условиях современного стремительно меняющегося мира, эволюция науки и техники неизбежно меняет общество, в котором социализируется современный человек.

Реалии постиндустриальной эпохи требуют от человека умения быстро адаптироваться к происходящим в политике, культуре и обществе изменениям. В свою очередь эти изменения несут все себе как новые возможности, так и опасности. Старые стандарты благополучия во многом перестают быть актуальными.

ми. Так, происходят глобальные изменения в структуре экономики; рабочие профессии уже не приносят прежнего дохода; в то же время активно развивается индустрия развлечений и современный агрессивный маркетинг, где на первом месте стоит не качество продукта, а бренд. Подобные глобальные изменения вместе с установлением новых культурных ориентиров и изменением социального устройства общества порождают новые формы социального неравенства.

Эта тема как никогда востребована, поскольку и современная социология должна отвечать на вызовы времени. Ведь основная цель науки заключается в том, чтобы решать актуальные проблемы. Таким образом, актуальность заявленной темы обусловлена объективной необходимостью изучения социального неравенства как в российском обществе, так и в мире в целом.

Современные социологи изучают заявленную проблему опираясь на классические теории, а также используя современный подход к интерпретации причин возникновения неравенства. Классический подход к объяснению социологии неравенства основывается на трудах мыслителей предшествующих эпох, таких как А. Смит, О. Конт, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм. Труды этих ученых, формируют фундамент для понимания процессов изменения социального устройства и формирования философии социального неравенства.

Так, конструктивно функциональный подход к возникновению неравенства находит отражения в трудах Э. Дюркгейма [3]. Французский социолог разделяет весь труд на две категории, представление на рисунке 1.

Рис. 1. Общественное разделение труда по Э. Дюркгейму

Механический труд классифицируется по принципу природных признаков, которые человек получил при рождении, такие как пол, физиологические особенности, возраст. Подобное разделение труда характерно более ранним формам социального устройства общества и во многом зиждется на гендерном разделении.

В то же время органический труд основывается на навыках, получаемых человеком с освоением профессии, с получением опыта в какой-либо деятельности.

По мнению Э. Дюркгейма, механическая солидарность даже там, где она наиболее «сопротивляется», не связывает людей с такой силой, как общественное разделение труда, что, кроме того, она оставляет вне сферы своего действия большую часть теперешних социальных явлений, станет еще яснее, что социальная солидарность стремится стать исключительно органической [3, с. 56]. Именно общественное разделение труда все более и более исполняет роль, которую некогда исполняло общее сознание; оно главным образом удерживает вместе социальные агрегаты высших типов. Вот важная функция разделения труда, отличная от той, которую обыкновенно признают за ним экономисты.

Таким образом, Э. Дюркгейм охарактеризовал общественное устройство по принципу разделения труда. Но по-настоящему научно обоснованная теория классов принадлежит К. Марксу. Хотя он сам никогда не стремился дать определение истории как смене общественно-экономических формаций, но в его работах настолько подробно проработано и переосмыслен подход к пониманию классовости с точки зрения экономики, с точки зрения механизма функционирования производственных отношений того времени, что многие авторы до сих пор опираются на его суждения, причем это совершенно не зависит от того, какого мнения они придерживаются в данном вопросе.

По К. Марксу, современная эпоха характеризуется тем, что она упростила классовые противоречия до предельного социального антагонизма: общество все более и более дифференцируется на два больших враждебных лагеря: буржуазию и пролетариат [6, с. 34].

Исходя из этого, можно сказать, что согласно К. Марксу социальный конфликт возникает из-за классового расслоения, в основе которого лежит принцип отношения к средствам производства. Более обеспеченные слои населения, владеющие производственными ресурсами, вступают в конфликт с рабочим классом, у которого нет ничего, кроме здоровья и физической силы. Представители буржуазии стремятся максимизировать прибыль, а рабочие не заинтересованы в подобном подходе. Но поскольку прослойка людей, обладающих экономическими привилегиями, зачастую обладает и политическим влиянием, они могут диктовать свою волю менее влиятельной части общества. Из-за этой бесконечной погони за прибылью и наращиванием благосостояния небольшой части населения и возникает классовое неравенство, а как его следствие и классовый конфликт.

Классические теории социального неравенства были характерны для индустриального общества, которое в свою очередь имело определенную структуру. В настоящее время такого общества уже не существует, более того переход от индустриального к постиндустриальному обществу не закончился и все социальные процессы находятся в движении. Что бы дать характеристику современным проблемам неравенства зарубежные специалисты прибегают к трем теориям, представленным на рисунке 2.

Рис. 2. Современные теории социального неравенства

Все люди разные, не существует двух одинаковых людей со схожими предпочтениями умениями и способностями. Не все могут окончить школу, а некоторые имеют докторские степени.

Кто-то предрасположен к интеллектуальному труду, а кто-то выбирает простые профессии. Некоторые законопослушные граждане, а кто-то преступает закон и не соблюдает социальные нормы.

Согласно Э. Ройсу, в отличие от социологической традиции, для биогенетической теории характеристика, наиболее глубоко влияющая на жизненные перспективы людей, заключается не в их социальном статусе, а в их естественном интеллекте [8, с. 25]. Природа, а не общество, определяет наше место в мире. Неравенство в доходах, профессиональной успешности и других социальных-значимый аспектах, обусловлено наследственными различиями в когнитивных способностях. Людям, наделенным высоким уровнем интеллекта, суждено быть богатыми, люди со средними способностями формируют средний класс, а те, кто родился с низким уровнем интеллекта, обречены на бедность. Независимо от обстоятельств своего рождения, умные люди поднимаются наверх, а тупые падают на дно.

На первый взгляд, подобное суждение выглядит правдоподобным, однако опираться только на уровень когнитивных способностей в интерпретации современного вопроса бедности и возникновения неравенства недостаточно. Люди от рождения не наделены навыками и необходимыми знаниями для достижения успеха в обществе, данные привилегии в основном дает хорошее образование, а условиях современной рыночной экономики получить хорошее образование стоит не малых денег. Безусловно, среди менее обеспеченных людей находятся одаренные индивидуумы, способные достичь определенным высот в социальной структуре, но не все люди одинаково равны в возможностях реализовать свой потенциал. Среди людей, менее обеспеченных наблюдается меньший уровень успешности.

Сторонники генетической теории оперируют тем, что гены сильнее, чем социальная среда, влияют на экономические результаты. Люди живут плохо, не потому, что они находятся в социально неблагоприятном положении, а потому, что они интеллектуально неполноценны [8, с. 28]. На наш взгляд, это предвзятое суждение, в котором прослеживается некая расовая составляю-

щая, ведь люди, придерживающиеся данной теории, принадлежат к слою людей обеспеченных, а данная теория популярна с позиции неполноценности определенных расовых групп. Этот подход не только отдает фашизмом, но и не выдерживает научной критики. Одного фактора недостаточно что бы объяснить такое сложное явление как неравенство.

С другой стороны, есть мнения, объясняющие возникновения бедности с точки зрения культурной предрасположенности.

По мнению Э. Ройса, основная логика культурной теории напоминает логику биогенетической теории [8, с. 39]. Оба подхода приписывают бедность недостаткам бедных. В биогенетической теории бедные испытывают недостаток в необходимых когнитивных способностях; в культурной теории им не хватает мотивации для достижения высоких результатов. В любом случае бедность преподносится не как недостатки политической и экономической систем, а как недостатки самих бедных.

С точки зрения культурной теории бедность является следствием возникновения неравенства, поскольку она считается социальной проблемой – это прежде всего не вопрос экономических ресурсов. Общество обращает внимание на бедных не потому, что они нуждаются в помощи государства, а потому, что они создают социальную напряженность своим присутствием в структуре общества. Согласно этой теории, любые стандартные государственные меры, такие как субсидирование и государственные программы занятости населения заведомо неэффективны поскольку государство все равно не сможет интегрировать данную прослойку населения в связи с какими-либо различными культурными особенностями.

Такой поход основанный на предположении, что неравенство возникает как следствие экономической незаинтересованности населения в высоком доходе, не решает конкретную проблему, связанную с девиантным образом жизни. Согласно этой теории, неравенство получится искоренить только в случае изменения самих людей, насаждения общественных ценностей, связанных с работой, семьей и личной ответственностью.

На наш взгляд, данный подход не учитывает внешние факторы, оказывающие влияние на девиантный образ жизни определенных слоев населения. Вместо того что бы государству и обществу в целом обратить внимание на улучшение условий существования бедного населения вся ответственность ловко перекладывается на плечи самих бедных. Культурные особенности, конечно, играют большую роль в экономической успешности целых стран и народов. Например, существуют расхожие стереотипы о «немецкой дисциплине», которая позволила Германии быть одной из ведущих экономик Европы, или о присущем китайцам или японцам трудолюбие, которое способно сотворить экономическое чудо. Но в тоже время в обществе всегда существует ряд нерешенных проблем, из-за которых многие оказываются за бортом экономического благополучия. Поэтому оценивать людей с точки зрения культурной предвзятости не является правильным. Современные социальные проблемы требуют от общества более пристального внимания.

Еще одно мнение, характеризующие возникновение неравенства, основывается на теории общественного капитала.

Э. Ройс считает, что теория человеческого капитала – это важное направления экономической теории. Центральным утверждением этой теории, поскольку она касается проблемы бедности, является то, что люди бедны, потому что им не хватает образования, навыков и опыта работы. На протяжении более пятидесяти лет идея о том, что образование является решением проблемы бедности, занимала видное место в мышлении социологов, непрофессионалов и политиков по обе стороны бедности [8, с. 61].

Данная теория обосновывает возникновения неравенства разницей в эффективности деятельности человека. Так, самые продуктивные специалисты получают наиболее высокий доход и лучшую работу, продвижение по карьерной лестнице, а менее компетентные работники либо вообще не могут найти работу, либо получают низкооплачиваемые должности. Рабочие в свою очередь относительно продуктивны поскольку обладают необходимыми навыками и образованием для того, чтобы получать ста-

бильный доход от основного вида деятельности. Люди же получившие хорошее образование всегда востребованы поскольку они вносят большой вклад в производительность и рост экономики.

На наш взгляд, данная теория неплохо отражает взаимодействие социальных классов с точки зрения экономической составляющей. Но в тоже время даже в экономической среде присутствует много других факторов, влияющих на получение человеком хорошей работы или более высокой должности. Важную роль в этом играют такие отрицательные явления как коррупция, человеческий фактор, личная неприязнь. Хотя, безусловно, существуют профессии, в которых сразу понятно, какой заработок ты будешь получать. Хороший пример дает современная индустрия развлечений, популярное направление, связанное с производством контента. То, насколько художник будет востребован, напрямую зависит от уровня и умения эффективно работать в этой индустрии.

Зарубежная практика полезна в изучении проблемы социального неравенства, но все же российская действительность имеет другую специфику. В изучении данного вопроса следует обратиться к мнению отечественных социологов.

Исследований последних лет показывают, что причинами раскола современного российского общества выступает дифференциация, социально-экономическое дистанцирование различных социальных групп, ведущих к воспроизводству масштабов неравенства, неприемлемых для значительной части общества. Получается, что могут достичь благополучия далеко не все, а те, кто могут – добиваются всего благодаря связям, клановости, коррупции, в которых упрекают власть [7, с. 8].

Доходы российского населения представлены в таблице 1.

Официальная статистика предоставляет усредненные данные. На практике разрыв в доходах обеспеченных слоев населения и бедных гораздо больше.

Дифференциация современного российского общества имеет неравномерный характер поскольку получилось, что новый сформировавшийся слой бизнесменов вышел не из всего общества в целом, по принципам, присущим зарубежным теориям

возникновения социального неравенства, а фактически был установлен людьми, имеющими власть в стране.

Таблица 1

Динамика доходов населения за 2017-2019 гг.

	III квартал 2019 г.	В % к		Январь сентябрь 2019 г. в % к январю сентябрю 2018 г	Справочно		
		III квар- талу 2018 г.	III квар- талу 2019 г.		III квартал 2018 г. в % к		январь сентябрь 2018 г. в % к январю сентябрю 2017 г.
					III квар- талу 2017 г	III квар- талу 2018 г	
Доходы насе- ления	35085	107,8	101,7	105,9	103,9	99,9	104,2
Реальные до- ходы		103,3	101,6	100,9	101,0	99,1	101,6
Реальные рас- полагаемые доходы		103,0	101,7	100,2	100,2	98,6	100,9

В целом социальное расслоение населения России складывается из таких составляющих, как высокая дифференциация доходов, неравенство доступа к общественным благам, неравенство населения перед законом. Неравенство распространяется на различные категории населения в зависимости от социального статуса и территории проживания [2, с. 231].

В основном притеснениям подвержены наименее защищенные группы населения, такие как пенсионеры, бездомные и инвалиды. Это удручающая тенденция.

В современном российском обществе степень социального неравенства свидетельствует о сложившейся системе нерационального использования и оценивания человеческого капитала [4, с. 36].

Далеко не всегда способные люди, имеющие в том числе и хорошее образования, могут добиться высокооплачиваемой работы. Данные по безработице представлены в таблице 2.

В сентябре 2019 г., по предварительным итогам выборочного обследования рабочей силы, 3,4 млн человек в возрасте 15 лет

и старше, или 4,5% рабочей силы классифицировались как безработные. При этом зарегистрированы в качестве безработных в органах службы занятости населения, по данным Роструда, 0,7 млн человек, в том числе 0,5 млн человек получали пособие по безработице [1, с. 111].

Таблица 2

Динамика численности безработных в возрасте 15 лет и старше

	Общая численность безработных		Численность официально зарегистрированных безработных ¹⁾ (на конец месяца)	
	тыс. человек	соответствующему периоду предыдущего года	тыс. человек	соответствующему периоду предыдущего года
Сентябрь 2018	3434	89,9	649	88,7
Сентябрь 2019	3371	98,2	666	93,5

В России существует социальное неравенство, и жители страны видят в этом проблему. Неоправданно завышенные доходы некоторых граждан и взятки, нелегальные выручки являются главными причинами социального неравенства. Кроме этого, жители страны отмечают большой уровень бедности [5, с. 154].

Данная проблема требует решения на государственном уровне и что бы ее решить государство должно пересмотреть свою социальную политику.

Таким образом, мы рассмотрели классические и неклассические подходы к определению социального неравенства. Классические теории показывают динамику изменения общества и возникновения новых форм социального неравенства на протяжении развития человечества. Неклассические теории в свою очередь представляют собой более гибкие системы оценки причин возникновения неравенства в рамках специфики современно общества, рыночной экономики и информационного общества. Что касается российской специфики то она характеризуется гибридными формами классических и неклассических теорий при этом имея свои специфические особенности сложившиеся в процессе формирования современной российской государственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Информация о социально-экономическом положении России январь – сентябрь 2019 г. // Официальный интернет-портал федеральной службы государственной статистики : [сайт]. – URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/oper-09-2019.pdf> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

2. **Дегтярева, И. В.** Социальное неравенство в российском обществе: причины, возможности нивелирования / И. В. Дегтярева, О. И. Шалина // V Международная научно- практическая конференция «Актуальные вопросы экономической теории: развитие и применение в практике российских преобразований». – Уфа, 27–28 мая 2016 г. – С. 230–234. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26364745> (дата обращения: 27.02.2020). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY. – Текст : электронный.

3. **Дюркгейм, Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм : перевод с французского. – Москва : Наука, 1991. – 575 с. – ISBN 5-02-013399-X. – Текст : непосредственный.

4. **Козлова, О. В.** Причины социально экономического неравенства в РФ / О. В. Козлова // VI Всероссийская (с международным участие) научно-практическая конференция «Проблемы социальной справедливости и современный мир». – Череповец, 24–26 марта 2016 г. – С. 35–40 – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26432080> (дата обращения: 28.02.2020). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY. – Текст : электронный.

5. **Кудинова, О. Д.** Социальное неравенство в современной России / О. Д Кудинова // Сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции : в 3-х ч. – 2018 – С. 150–155. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36622894> (дата обращения: 23.02.2020). – Режим доступа: Научная электронная библиотека eLIBRARY. – Текст : электронный

6. **Маркс, К.** Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс ; перевод с немецкого. – Москва : ИТРК, 2016. – 68 с. – ISBN 978-5-8801-0381-2. – Текст : непосредственный.

7. **Устинкин, С. В.** Неравенства и напряжения в социальном пространстве российских регионов : монография / С. В. Устинкин, И. И. Куконков. – Москва : Русайнс, 2020. – 160 с. – ISBN 978-5-4365-1337-9. – URL: <https://book.ru/book/934772> (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

8. **Royce, E.** (2018). Poverty and power: the problem of structural inequality / Edward Royce, Rollins College. Description: Third Edition. Lanham : Rowman & Littlefield Publishing. – ISBN 9781538110461 (дата обращения: 28.02.2020). – Текст : электронный.

Лапкин Н.Ю.,
аспирант Белгородского университета кооперации,
экономики и права

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы формирования жизненных стратегий студенческой молодежи. В исследовании определен механизм их формирования и способы их реализации. Важными факторами формирования жизненных стратегий студенческой молодежи являются различные материально-имущественные, семейно-бытовые, регионально-поселенческие условия социальной среды.

Ключевые слова: жизненные стратегии, студенческая молодежь, механизм формирования жизненных стратегий студенческой молодежи социокультурная среда, социальное неравенство, социальная дифференциация.

Актуальность исследования механизма формирования жизненных стратегий студенческой молодежи обусловлена, во-первых, его недостаточной социологической разработанностью, а, во-вторых, тем, что именно студенческая молодежь является главным гарантом развития общества, а также важным фактором и индикатором, помогающим правильно спрогнозировать и обосновать социальные процессы развития общества в будущем.

В настоящее время в современной социологии проблемам формирования и реализации жизненных стратегий молодежи посвящено множество трудов. Понятие «жизненная стратегия» тесно переплетается, а в некоторых случаях и адекватно рассматривается, с такими понятиями как «жизненный путь», «жизненные перспективы и планы», «жизненный сценарий», «жизненный успех» и многими другими. В связи с этим существуют различные определения этого понятия.

Так, К.А. Абульханова-Славская считает, что жизненные стратегии – это «принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [6, с. 12]. Е.И. Головаха использует альтернативный термин «жизненная перспектива» и характеризует ее как «целостную картину будущего сложной противоречивой взаимосвязи программируемых и ожидаемых событий, с которыми человек связывает социальную ценность и индивидуальный смысл своей жизни» [6, с. 12]. Понятие «жизненная стратегия» можно рассматривать как способ сознательного планирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования ее будущего, а также как систему, состоящую из связанных и взаимовлияющих друг с другом элементов (протяженность временной перспективы, направление временной перспективы, структурированность планируемого жизненного пути).

Таким образом, под жизненной стратегией понимается активное построение своей собственной жизни в процессе разрешения жизненных трудностей и внутренних проблем.

Студенческой молодежь представляет собой особую общность со своими специфическими общественными функциями и является особой переходной социально-демографической группой, в рамках которой осуществляется личностное и социальное становление. Она является высокоподвижной социальной группой, состав которой постоянно меняется.

По утверждению О.А. Плугарь, общая деятельность в сочетании с территориальным сосредоточением порождает у студенчества известную общность интересов, групповое самосознание, специфическую субкультуру и образ жизни [6, с. 14].

Студенческая молодежь в силу незавершенности процессов формирования социальной зрелости испытывает постоянную потребность в целенаправленном конструировании своего будущего и в отличие от других групп населения характеризуется повышенной активностью и мобильностью. Она постоянно активно взаимодействует с различными социальными образованиями современного общества и характеризуется высокоинтенсивным общением.

Студенчество представляет собой определенную часть молодежи, которое имеет как общие со своей молодежью черты, так и специфические и находится в процессе становления социальной зрелости. Студенческой молодежи присущи такие черты, как социальная мобильность, социальная активность, склонность к инновациям, повышенная адаптивная способность, потребность в самоидентификации и самореализации [1, с. 51].

В связи с высоким уровнем дифференциации населения по доходам, малоэффективным механизмом социальной поддержки со стороны государства, неразвитостью или отсутствием сети взаимопомощи студенческая молодежь оказалась в исключительно сложной ситуации.

Студенческая молодежь не является однородной по своему составу [6, с. 14]. Социальная дифференциация по тем же ключевым признакам и стандартам, что и во всем обществе происходит и в молодежных группах, а также с определенными особенностями развивается и в среде студенческой молодежи. В среде студенческой молодежи можно выделить различные качественные подгруппы, которые имеют свои особенности и занимают различные социальные позиции. В каждой из них идет процесс социальной дифференциации и увеличивается социальное неравенство. Социально-дифференцирующие признаки подгруппы часто приобретают статусное значение. Это значительно усиливает социальное расслоение и ведет к дезинтеграции общества.

Социальное неравенство в среде студенческой молодежи следует рассматривать как фактор дестабилизации внутрикорпоративных отношений и процесса социализации молодежи, где особая роль принадлежит социокультурной среде [3, с. 61]. Сложности и проблемы процесса социальной интеграции студенческой молодежи во многом определены с наблюдаемой ею развитием социального неравенства происходящего, как в обществе, так и в вузовской среде.

Установлено, что студенческая молодежь стремится к собственному ответственному конструированию собственной жизни, но для большей части студенчества главным приоритетом и ведущим мотивом при формировании жизненных стратегий является

ся не собственная индивидуальность, а социальное окружение со своими ценностями и ориентирами. В связи с этим для большинства студенчества жизненные стратегии являются во многом неопределенными и чаще всего направлены на приспособление к социокультурной среде. Именно социокультурная среда является особым значимым пространством, с определенными традициями и ценностно-этической системой, значительно влияющим на выбор жизненного пути и в целом на общую социализацию студенческой молодежи.

Следует также отметить, что значимыми факторами при формировании и развитии жизненных стратегий студенческой молодежи являются различные социально-пространственные, регионально-поселенческие, социокультурные, этно-национальные и материально-имущественные условия. Эти условия требуют конкретной детализации и подробного социологического исследования. Анализ жизненных стратегий студенческой молодежи показывает, что в их конструировании значимая роль принадлежит внешним факторам. Внешние факторы влияют на социальное поведение молодых людей, определяют социальный статус.

Механизм формирования жизненных стратегий студенческой молодежи сложный противоречивый процесс. Он представляет целенаправленное конструирование своего будущего и раскрывается в конкретных жизненных ситуациях, связанных с выбором. Значимыми факторами при его формировании являются различные материально-имущественные, семейно-бытовые, регионально-поселенческие, социокультурные, этно-национальные и социально-пространственные условия социальной среды. Способы реализации жизненных стратегий студенческой молодежи разнообразны и многовариантны. Они зависят не только от своего внутреннего потенциала (мотивов, моделей поведения, стратегий) и собственных ресурсов, но и от сложившегося комплекса условий социальной среды.

Многие исследователи считают, что для значительной части российского студенчества жизненные стратегии остаются неопределенными и во многом не реализованными и чаще всего направлены на приспособление к социальной среде [1, 2, 6].

Ключевым выбором для способа реализации жизненных стратегий студенческой молодежи остается профессиональный выбор, но даже он в некоторых случаях не является доминирующим. Наиболее значимыми ценностями студенческой молодежи являются: личностный успех, признание окружающими, связи, качественное образование, предприимчивость, трудолюбие, умение устраивать свои дела любым способом, поэтому при формировании своих жизненных стратегий она руководствуется именно этими субъективными намерениями.

Определение и формирование жизненных стратегий студенческой молодежи также зависит от набора ресурсов, которым владеют молодые люди, социального положения, наличия и доступности социальных сервисов. Также на формирование жизненных стратегий студенческой молодежи значительное влияние оказывают семья, учебное заведение, различные малые группы, социокультурная среда вуза. Под их воздействием формируются интересы, личные устремления, субъективные представления, которые могут соответствовать, но могут и противоречить объективной реальности, а в некоторых случаях могут отражать завышенную степень собственных амбиций и притязаний.

Проблемы реализации жизненных стратегий студенческой молодежи непосредственно связаны с состоянием рынка труда, поскольку оно предполагает будущее трудоустройство [4, с. 59]. На современном рынке труда уменьшилась доля занятого населения. Наиболее сильно оказалась затронута безработицей молодежь, которая вступает на рынок труда впервые. Рынок труда изменил свою экономическую и социальную приоритетность, изменились модели и способы получения доходов [4, с. 63]. Все эти моменты в совокупности существенно влияют на жизненные стратегии и профессиональные ориентации современной студенческой молодежи. Рынок труда вместе с другими важными подсистемами общества весьма противоречиво усложнил способы реализации жизненных стратегий студенческой молодежи.

На формирование жизненных стратегий студенческой молодежи оказывают влияние также культурно-исторические, духовно-нравственные особенности сознания, а также особенности ре-

гионального социума. Важным ресурсом является материальная помощь со стороны родителей. Она во многом увеличивает возможность студенческой молодежи в сфере потребления материальных и духовных благ. Материальная несамостоятельность студенческой молодежи не воспринимается ни самими студентами, ни их социальным окружением как показатель их социальной незрелости.

Таким образом, в настоящее время в среде студенческой молодежи формирование жизненных стратегий существенно дифференцируется. Существуют разнообразные способы реализации жизненных стратегий, происходит значительная переоценка ценностей, личностные ориентиры преобладают над общественными. Студенческая молодежь чаще всего ориентируется на самые привлекательные занятия и статусы и в основной части надеется больше на свои знания и умения, посредством которых она надеется реализовать свои возможности, свою жизненную стратегию и добиться высокого уровня жизни и положения. Однако реализация задуманного происходит в жестких социальных условиях, существующие основные подсистемы современного общества и рынок труда работают автономно и зачастую асинхронно и в этих условиях завышенные стремления откладываются, отодвигаются на второй план и приобретают характер желательной, но отложенной перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Акимова, И. А.** Социализация и формирование социокультурной идентичности студенческой молодежи / И. А. Акимова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 6. – С. 51–54.

2. **Голенкова, З. Т.** Социальные неравенства в современной России: субъектность, основные направления развития / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян. – Текст : непосредственный // Социология и общество: социальное неравенство и социальная спра-

ведливость : материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 19-21 октября 2016 года [сборник научных статей]. – Москва – Екатеринбург, 2016. – С. 7364-7370.

3. **Кильдюшева, О. А.** Социальное неравенство как фактор дестабилизации межличностных отношений в среде студенческой молодежи / О. А. Кильдюшева, М. В. Макарова. – Текст : непосредственный // Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности : материалы международной научно-практической конференции [сборник научных статей]. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саранск, 2019. – Ч. 2. – С. 60–65.

4. **Константиновский, Д. Л.** Образование, рынок труда и социальное поведение молодежи / Д. Л. Константиновский. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 55–69.

5. **Старик, И. Н.** Анализ доступности образования для городской и сельской молодежи / И. Н. Старик. – Текст : непосредственный // Наука в современном мире : материалы IX Международной научно-практической конференции, г. Таганрог, 22 февраля 2012 г. [сборник научных статей]. – Москва : Спутник +, 2012. – С. 212-216.

6. **Плугарь, О. А.** Молодежь как социальная группа : определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования / О. А. Плугарь. – Текст : непосредственный // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 11–17.

Тихомирова А.М.,
канд. филос. наук, доцент Уральского государственного
экономического университета

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ НА МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Рассмотрены личностные особенности современных студентов, такие как сложности концентрации внимания, аутизация, ориентация на визуальную информацию, влияющие на восприятие ими учебной информации. На основе авторского опыта приведены примеры использования актуальных форм и методик преподавания социологии, позволяющие учесть особенности восприятия студентов.

Ключевые слова: студент вуза; личностные особенности; преподавание социологии; методы преподавания.

Современные студенты обладают рядом личностных особенностей. Они порождены главным образом тем, что современная молодежь с рождения живет в окружении гаджетов, живет в сети. Когда мы учим сегодня вчерашними методами специалистов завтрашнего дня, вряд ли можно рассчитывать на успех. Несоответствие между когнитивным стилем учащегося и стилем изложения учебной информации в процессе преподавания снижает его эффективность. Какие же из особенностей современной молодежи значимы именно для учебной деятельности?

К таким, на наш взгляд, относятся:

- «клиповое мышление», т.е. трудность сосредоточения на чем-то одном, переработка информации небольшими порциями;
- аутизация или интровертированность т.е. низкая контактность, погруженность в себя;
- гиперактивность, т.е. непоседливость, расторможенность;
- ориентация на визуальную информацию [1].

К каким проблемам в учебном процессе, на аудиторных занятиях и при организации самостоятельной работы студентов, это приводит? Нам кажется, что эти проблемы знакомы всем преподавателям. Многие студенты с трудом сохраняют внимание на протяжении лекции, плохо воспринимают информацию на слух. Даже те, кто слушают, не всегда слышат. Многие не могут оторваться от телефонов и планшетов. Заметна низкая контактность, в том числе с преподавателем. При подготовке к семинарам, подготовке докладов и других учебных работ, у студентов часто возникают трудности при изучении больших печатных текстов, иногда усваиваются лишь их фрагменты, искажается общий смысл.

Еще в исследовании 2014 г. «Самостоятельная работа студентов в условиях реформирования системы высшего профессионального образования (на материалах УрГЭУ)» (n = 1023 студентов) нами были выявлены некоторые недостатки в организации самостоятельной работы студентов (СРС). Тогда 80% респондентов признались, что тратят на нее меньше (причем большинство намного меньше) часов, чем предусмотрено учебным планом. Сложность заданий по СРС в университете половина опрошенных тогда оценили только как среднюю. Причем задания по гуманитарным дисциплинам были оценены даже как несколько более легкие, чем задания по профессиональным дисциплинам. Уже тогда студенты отметили, что при подготовке заданий они в 3,6 раза чаще используют интернет, чем бумажные источники, что ожидаемо, и в этом не было бы ничего плохого. Но студенты отметили, что чаще берут из интернета именно готовые работы, т.е. прибегают к плагиату, причем 65% опрошенных считали его допустимым, а 21% даже нормой. Говорили студенты и о распространенности практики покупки (заказов) отчетных работ, особенно курсовых и дипломных [2, с. 468, 470, 472].

В этих условиях многие традиционные формы работы со студентами потеряли смысл. По моим многолетним наблюдениям, многие коллеги, преподающие в высшей школе самые разные предметы, постоянно ищут новые формы работы со студентами, уделяют большое внимание разработке инновационных педагогических технологий. Суть инновационных технологий и методов

состоит в переходе от репродуктивного стиля изучения к творческому. Главное – организовать учебный процесс творческого, диалогического и динамичного формата. Стимулировать студенческую активность, расширение кругозора, развитие аналитических и коммуникативных способностей, практиковать проектную деятельность и командную работу. В этом направлении идут поиски преподавателей нашей кафедры и мои личные.

Какие же формы и методы проведения занятий по социологии как общеобразовательной дисциплины мы практикуем? Учитываем «клиповость» мышления современных студентов как в учебных пособиях, так и при организации занятий. Например, в учебном пособии «Социология», изданном нами в 2019 г., курс разделен на более мелкие дидактические единицы, чем традиционно. В него включены новые, актуальные, «наглядно-образные» темы, которые активно освещаются в научных публикациях, но обычно не рассматриваются в учебниках и учебных пособиях общего курса «Социология». Между тем, они вызывают большой интерес студентов. Это, например, такие темы как «Прекариат как социальная группа», «Шоу-бизнес, мода, блогерство как социальные феномены» (это три отдельные темы), «Социология поселений», «Интернет и его роль в жизни общества». Каждую тему предваряет ее краткий (на 1,5–2 страницы) теоретический анализ.

К каждой теме предлагаются по три коротких отрывка из современных социологических монографий, статей или из работ классиков социологии. Чтение первоисточников для подготовки к занятиям можно отнести к традиционным, но утрачиваемым технологиям. Далее, в заданиях даются вопросы к этим текстам. Сегодня чтение и разбор текстов переносится обычно на семинары.

На каждом практическом занятии используются разные формы и виды заданий. Это позволяет легче поддерживать интерес и внимание студентов. Все варианты заданий предполагают различные виды активности, как индивидуальные, так и (чаще) в группе, работу с разными носителями информации – визуальными, аудиальными, смешанными, цифровыми и устными. Для выполнения этих заданий студенты должны с помощью своих га-

джетов найти информацию, самостоятельно осмыслить и проанализировать ее.

Некоторые задания нацеливают на понимание связи частной, личной жизни студента с социологическими понятиями. Например, задание проанализировать историю своей семьи с точки зрения различных видов социальной мобильности, или задание описать свою социализацию, используя в правильном контексте 20 определенных социологических понятий. Другие задания направлены на связь с профессией. Например, задание проанализировать влияние уровня бедности населения России на возможности развития экономики страны.

Часть заданий носит игровой характер. «Геймификация» образовательного процесса – технология, любимая студентами, повышающая их интерес к занятиям. Многие преподаватели активно используют для этого интернет, цифровые технологии. Даже простые варианты игр, без цифровых технологий, позволяют активизировать студенческую аудиторию. На традиционном в нашем вузе конкурсе «Новые педагогические технологии» коллеги-экономисты рассказывают, что на занятиях по истории бухучета студентам предлагается использовать элементы исторических костюмов, готовить ответы в стихах и с песнями. На занятиях по товароведению – поиграть в ломбард, где будущие товароведы должны оценивать вещи клиентов, или в игру «крокодил» для запоминания понятий. На практических занятиях по социологии мы, например, придумываем условные государства в традиционном, индустриальном и постиндустриальном обществе, даем им соответствующие названия, придумываем гербы и органы правления, рассматриваем особенности социального расслоения в них.

Разбор конкретных ситуаций (кейс-стади), написание эссе, организация дискуссий и оппонирование работ других студентов и команд своей учебной группы, участие в квестах также позволяют студентам удовлетворить свое стремление к выражению своей индивидуальности, своего мнения. Я также практикую задания по подготовке кроссвордов к определенным темам социологии и решение их во время семинаров с соревнованием между

микро-группами на скорость. Наиболее творческое задание, и, одновременно, позволяющие удовлетворить амбиции студентов, это, на мой взгляд, привлечение студентов к исследованиям. Данная работа предлагается только желающим. Она дает свободу выбора напарников, темы, методов исследования. Вознаграждается баллами, возможностью сделать публикацию и выступить с докладом на студенческой конференции, приобрести дополнительные навыки, украсить свое резюме. Студенты не участвуют в данной работе массово. Это обычно не более 10-20% от всех обучающихся. Например, в прошлом семестре из 50 студентов дневного отделения, изучающих социологию в моих группах, за исследование взялось только трое, а в этом семестре из 80 человек – лишь 12. Темами для студенческих исследований этого года стали, например, феномен работающих студентов дневного отделения, правовая культура подростков, отношение молодежи к самоубийствам, к здоровому образу жизни и некоторые другие.

Традиционные методы визуализации учебного материала – презентации, просмотр отрывков из фильмов – сегодня общепотребительны, практически обязательны. На практических занятиях по социологии мои коллеги дают задания студентам по выражению социологических понятий в рисунках, подготовке «социологических» коллажей. Я практикую выражение социологических понятий в виде ребусов (например, узнай понятие) или сценок (изобразите понятие «маргинальность»). Все подобные задания всегда с интересом встречается студентами.

Результат – повышение интереса к курсу социологии, формирование практического, эмоционально-образного интеллекта, важнейшей составляющей которого являются неявные (имплицитные) знания. Использование современных методов обучения, отход от старых, во многом изживших себя методов, позволяет сформировать более глубокую мотивационную основу в процессе изучения социологии в вузе, обеспечивает лучшее усвоение учебного материала, его лучшее понимание, переход знаний в навыки, способствует формированию компетенций, необходимых современному специалисту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тихомирова, А. М.** Методы обучения в образовательном процессе вуза для студентов поколения / А. М. Тихомирова, О. В. Мылтасова, Н. Г. Качалова. – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2017. – № 4. – С. 9–13.

2. **Тихомирова, А. М.** Самостоятельная работа студентов в условиях реформирования системы высшего профессионального образования (на материалах УрГЭУ) / А. М. Тихомирова, Г. А. Банных, В. А. Чурсина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации : материалы научно-практической конференции (заочной) с международным участием (Тольятти, 27–28 ноября 2014 г.) / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. – Ульяновск : SIMJET, 2014. – ISBN 978-5-9906289-5-3. – С. 467–473.

3. Поколение Z: те, кто будет после // Executive : [сайт]. – URL: <http://www.e-executive.ru/career/hr-management/1450249-pokolenie-z-te-kto-budet-posle?scrolltop=2400> (дата обращения: 24.01.2020). – Текст : электронный.

4. **Тихомирова, А. М.** Особенности поколения «игрек» как студентов / А. М. Тихомирова, М. Н. Тихомирова. – Текст : непосредственный // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – ISBN 978-5-91256-358-4. – С. 936–945.

Кохан Ж.С.,

канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права

Рыболова Е.А.,

канд. ист. наук, ст. преподаватель Белгородского университета
кооперации, экономики и права

О ВАЖНОСТИ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПЕДАГОГА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается социальный статус педагогов в современном российском обществе. Установлено, что из-за низкой престижности данной профессии среди молодежи, если ничего не поменяется, то уже к 2029 г. в РФ будет нехватка педагогов-предметников. Также необходимо уделять особое внимание школьной профессиональной ориентации, с целью выявления среди учащихся склонных к педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагог, социальный статус, педагогические способности, престижность профессии, педагогические кадры, образование.

В современной системе высшего образования постоянно обсуждается вопрос о социальном статусе педагога, о повышении качества подготовки специалистов для средней школы. Важнейшей составной этой проблемы, на наш взгляд, является правильно поставленный профессиональный отбор абитуриентов, желающих стать учителями. Как известно, ежегодно педвузы страны выпускают из своих стен достаточное количество учителей. Одна проблема педагогических кадров по-прежнему остается актуальной, по двум основным причинам. «Сегодня численность педагогов в возрасте 22–25 лет составляет лишь 5,5%. Это очень мало для обеспечения школ педагогическими кадрами на ближайшие 10 лет. До 2024 г. нужно изменить эту ситуацию. Если ничего не поменяется, то в итоге, к 2029 г. в общей системе образования РФ нехватка педагогов-предметников составит 188 тыс. 700 человек» [1].

Во-первых, из-за низкой престижности данной профессии, особенно среди молодежи. Во-вторых, сложившаяся ситуация связана не только с небольшой материальной обеспеченностью учителей, но и с низкой мотивацией или ее отсутствием у абитуриентов на занятие педагогической деятельностью. В результате, в педвузы поступают совершенно «случайные люди», изначально не собирающиеся работать в школе. Для большинства студентов обучение по педагогической специальности является просто стартовой площадкой во взрослую жизнь: по принципу «надо же где-то учиться?»»

Однако если даже есть стремление работать после окончания вуза в школе, одного желания недостаточно. Необходимы определенные способности и качества, которые помогут овладеть профессией и в последствие стать хорошим педагогом. Мы знаем, что для поступления в творческий вуз или военное училище, абитуриенты проходят особые испытания на профессиональную пригодность. Подобный подход позволяет не только поднять престижность профессии, но уменьшить количество случайных людей в аудиториях учебного заведения. А в перспективе гарантирует приток молодых специалистов на вакантные рабочие места.

Получается, что для привлечения в педагогические вузы именно способных молодых людей, а не тех, кто не прошел конкурс по другим специальностям, необходимо сделать эту профессию более престижной. Для этого нужно поднять социальный статус педагога и установить систему профессионального отбора. Решение исключительно первого вопроса может привести и к негативным последствиям. В педвузы устремятся не только одаренные люди, но и те, для кого материальная выгода является важнейшим аргументом в выборе профессии. Во избежание чего необходимо выявление мотивации поступления в педагогический вуз. С другой стороны, введение определенных требований к абитуриентам, помимо существующих экзаменов, даже в современных условиях позволит улучшить качество подготовки педагогических кадров, что в свою очередь будет способствовать повышению оплаты труда учителя.

Сто лет назад вопрос о повышении качества педагогического образования стоял столь же остро. Среднее образование испытывало еще большую нехватку в кадрах, а учителя, особенно сельских школ, считали свой труд недостаточно оплачиваемым. Однако при всем при этом, выпускник, в том числе и педагогического вуза в дореволюционной России, приобретал новый социальный статус, со всеми вытекающими отсюда правами и материальными выгодами. Сам факт того, что учителями являлись в основном мужчины – основные и нередко единственные кормильцы семьи, говорит о престижности этой профессии в дореволюционном обществе. Единой системы профотбора не существовало, поскольку даже после открытия пединститутов и Высших Женских Курсов во второй половине XIX в., университеты, по-прежнему, являлись главными поставщиками педагогических кадров. Однако в некоторых вузах существовали требования к тем, кто хотел заниматься педагогической деятельностью.

В проекте положения о педагогических курсах при Харьковском университете было отмечено, что студенты, поступающие на педагогические курсы, должны были обладать отличными способностями, трудолюбием и благонравием. В Юрьевском университете для более близкого знакомства со своими студентами проводилось анонимное анкетирование. В нем, кроме обычных биографических данных, узнавалась цель поступления в университет, наличие особого интереса к какому-либо предмету изучаемого курса, а также читательский вкус студента. О мировоззрении молодых людей позволяли узнать следующие вопросы: «Признаете ли истинной религию, к которой официально принадлежите?», «Имеете ли принципы, определяющие нравственное поведение? Какие именно?», «Разделяете ли основные взгляды каких-либо политических партий?» [3].

В советский период проблемой профессионального отбора занимались Ф.Н. Гоноболдина, Н.В. Кузьмина, Н.Д. Левипов, А.И. Щербаков, В.А. Сластенин. Согласно их исследованиям, был сделан вывод о том, что не каждый человек может стать учителем, т.к. для этого необходимо обладать специальными способ-

ностями и склонностями. В результате была выработана система отбора абитуриентов по трем показателям:

1. Отбор по состоянию здоровья (нарушение речи, хроническая болезнь слуха, психические расстройства).

2. Традиционные вступительные экзамены.

3. Испытание на профессиональную пригодность: анкета, специальный тест, небольшое сочинение о мотивах выбора профессии.

Анкета должна содержать вопросы, составленные так, чтобы они не наводили на очевидный ответ. Только в этом случае опрос поможет выявить педагогическую направленность, интерес и готовность стать учителем. Специально составленный тест определит важные для данной профессии особенности личности: умение владеть речью (правильность произношения, четкость дикции), умение владеть собой, организаторские способности. Высказывалось предложение включить в число испытаний проведение мини урока перед воображаемым классом. На его подготовку абитуриенту предполагалось выделить час, для изучения заданной темы. Подобные испытания должны были проходить в два дня.

Уделялось особое внимание школьной профессиональной ориентации, с целью выявления среди учащихся склонных к педагогической деятельности. Отмечалось, что, к сожалению, даваемые выпускниками характеристики пишутся для формы, а потому не дают нужных сведений о личностных особенностях ребенка [4].

Одесский педагогический институт еще в 60-е гг. прошлого века разработал методику определения педагогической пригодности и предложил организовать в педвузах комиссию из специально подготовленных лиц, владеющих комплексным методом отбора. При этом подчеркивалось, что целью должно стать не выявление «готовых талантов», а людей склонных и способных к педагогической деятельности. Признаками пригодности абитуриента к поступлению назывались: интерес к профессии учителя; желание трудиться в этой области; наличие элементарных знаний, умений, навыков необходимых для овладения профессией; определенные физиологические данные [6].

Таким образом, еще советскими учеными разрабатывались критерии отбора абитуриентов, желающих поступить в педвуз. Однако до сих пор эти методики не вошли в повсеместную практику пединститутов, несмотря на то, что уже имеется теоретический и практический опыт их применения.

На современном этапе данная проблема не утратила своей актуальности. Идея профотбора и сегодня имеет как своих сторонников, так и противников. Значительная часть исследователей занимают промежуточную позицию. Согласно ей – учиться в педвузе может каждый, но стать в последствии хорошим учителем дано не всем. Необходимы определенные задатки, которые смогут перерасти в умения и знания.

Педагог должен быть готов к ситуации кризиса, т.е. к внешним и внутренним неблагоприятным условиям труда. Ему необходимо иметь крепкие нервы и твердую уверенность в важности своей деятельности. Одним из основных качеств педагога является нравственная воспитанность, поскольку только личный пример может оказывать положительное воспитательное воздействие на ребенка. К числу других важных качеств можно отнести навык к самостоятельной работе, целеустремленность и волю, хорошую память и развитое воображение, наличие творческого потенциала. Эти свойства при всей своей универсальности носят обязательный характер для учителя.

За последние годы учеными МПГУ были разработаны три подструктуры в области педагогических способностей.

1. Личностные:

- доброжелательное отношение к детям;
- выдержка и самообладание;
- энергичность, бодрость, жизнерадостность.

2. Дидактические:

- умение доступно объяснять;
- экспрессивно–речевые способности (благозвучность; широкий диапазон по высоте, громкости и тембру; гибкость; выносливость; суггестивность – способность голоса внушать эмоции и влиять на поведение адресата).

3. Академические способности:

- способности в области профильной науке;
- эрудированность и потребность постоянно пополнять свои знания [2].

Итак, для овладения профессией педагога недостаточно просто поступить в институт и успешно овладевать знаниями. Еще до зачисления в вуз необходимо, с помощью различных методик (прогностических психологических методик, тестов, собеседования, творческих заданий), выявить мотивацию абитуриента, его способности и психологические особенности. Ведь от тех людей, которые придут на педагогические специальности сегодня, завтра будет зависеть не только качество обучения в средней школе, но и воспитательная среда, созданная для наших детей [5].

В заключении, хотелось бы сказать, что каждая личность обладает своей неповторимой индивидуальностью. И на разных этапах образования с человеком могут произойти перемены в ту или иную сторону. Однако профориентационный подход поможет будущему педагогу понять, какие качества ему потребуются в случае избрания данной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современная научно-технологическая академия» (АНО ДПО СНТА) – URL: <https://www.snta.ru/presscenter/vakansiya-uchitel-skolko-uchiteley-ne-khvataet-v-shkolakh-rossii> (дата обращения: 02.04.2020). – Текст : электронный.

2. **Асадуллин, Р. М.** Профессиональная педагогическая подготовка в переломные периоды развития общества / Р. М. Асадуллин, Э. Ш. Хамитов, В. С. Хазиев. – Уфа : Китап, 2001. – 263 с. – ISBN 5-295-02919-0. – Текст : непосредственный.

3. **Бенасик, М.** Студенчество в цифрах. По данным переписи 1907 г. в Юрьеве / М. Бенасик. – Санкт-Петербург : О-во юрьев. студентов, 1909. – 136. – Текст : непосредственный.

4. **Воробьева, Т. А.** Опыт создания методики профотбора / Т. А. Воробьева. – Текст : непосредственный // Советская педагогика. – 1971. – № 8. – С.70–73.

5. **Сережко, Т. А.** Этический аспект педагогического взаимодействия преподавателя и студентов в социальных сетях : современное состояние проблемы / Т. А. Сережко, Ж. С. Кохан. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 29–41.

6. **Хмелик, Р. И.** Диагностика профессиональной пригодности молодежи к работе учителя / Р. И. Хмелик. – Текст: непосредственный // Советская педагогика. – 1971. – № 8. – С.75–80.

Хименес Монхе Диего Фернандо,
магистрант Белгородского университета кооперации,
экономики и права

Ревенко Н.В.,

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных, социальных
и правовых дисциплин Белгородского университета кооперации,
экономики и права

ПРОФИЛАКТИКА АСОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В связи с распространением в современном обществе асоциальных явлений, особенно в молодежной среде, необходимо принимать серьезные меры противодействия этому социальному злу. Одной из наиболее действенных мер является профилактика как комплекс социальных, образовательных и медико-психологических мероприятий, проводимых государством, общественными организациями, отдельными гражданами с целью предотвращения распространения асоциальных явлений в обществе. Этому и посвящена данная статья.

Ключевые слова: асоциальные явления, проблемы, российское общество.

Широкое распространение асоциальных явлений в подростковой среде является, с одной стороны, результатом разнонаправленных процессов, происходящих в современном обществе в целом, и, с другой стороны, тех изменений, которые происходят в социальных институтах ближайшего окружения подростков: в семье, школе, группе сверстников.

Противозаконное поведение, алкоголизм, морфинизм, токсикомания, проституция, суицид, пьянство, бродяжничество – все это следствие социального хаоса, трансформации ценностей и традиций общества, кризиса социальной структуры и нормативной системы. Общество находится в состоянии аномии, социальной дезорганизации. Эти и подобные им проблемы имеют опас-

ную общественную направленность. К сожалению, количество ситуаций, инициирующих распространение асоциального поведения, возрастает.

В критические, переходные периоды жизни того или иного общества отмечается преобладание деструктивных явлений во разных проявлениях, в том числе и в качестве асоциальных явлений в подростковой среде.

Исследование асоциального поведения имеет особенную значимость для России по целому ряду причин:

1. Реформы, проведенные в 90-е гг. XX в. изменили экономическую систему, привели к значительному социальному расслоению в обществе, увеличили до критического состояния разрыв между имущими и неимущими.

2. Социализация молодежи в таких условиях полностью нивелировала подлинные ценности, привела к дисбалансу между целями, к достижению которых стремится общество и приемлемыми в этом обществе средствами их достижения. Девиантные нормы и массовая криминализация стали объективными факторами достижения материального и социального благополучия.

3. Происходящие в обществе изменения приводят к его маргинализации и люмпенизации, то есть увеличению «опустившихся» людей, являющихся основой различных форм асоциального поведения.

4. Утрата ориентиров, трансформация ценностей ведут к ослаблению социального контроля, снижению эффективности и отсутствию системности социальной политики. Тем самым социум формирует благоприятные условия для распространения разных типов асоциальных явлений, особенно в подростковой среде.

Указанные обстоятельства обуславливают тот факт, что асоциальное поведение распространяется на различные социальные институты, категории населения, социальные группы, просачивается во все без исключения области общественной жизни. Ситуация становится чрезвычайно опасной. Асоциальные явления становятся серьезнейшей общественной проблемой, касающейся интересов абсолютно всех людей. Необходимо принимать серьезные меры противодействия.

Одной из таких мер является профилактика асоциальных явлений в молодежной среде. Это осознает сегодня большинство населения: от государственных чиновников всех уровней до обычных, рядовых граждан. Наркомания, игромания, пьянство и алкоголизм – явления, характерные не только для каких-то замкнутых общностей, члены которых деградированы в социально-нравственном отношении. Это зло распространилось среди различных общественных слоев, поразило представителей наиболее дееспособной части населения. Особой остротой проблема стоит среди подрастающего поколения [1]. Молодежь, подростки сегодня как никогда нуждаются в защите, в умелом и заботливом предостережении. Поэтому профилактика асоциальных явлений в молодежной среде сегодня является одной из важнейших социальных задач.

Профилактика, согласно определению Всемирной организации здравоохранения, представляет собой комплекс социальных, образовательных и медико-психологических мероприятий, проводимых государством, общественными организациями, отдельными гражданами с целью предотвращения распространения и употребления психоактивных веществ (ПАВ), предупреждения развития и ликвидации негативных личностных, социальных и медицинских последствий злоупотребления ПАВ (безнадзорность, беспризорность, преступность, рост сопутствующих заболеваний) [6].

Всемирная организация здравоохранения в зависимости от целей профилактической работы выделяет первичную, вторичную и третичную формы профилактики.

Первичная профилактика направлена на предупреждение болезней, вторичная подразумевает способы сдерживания темпа развития болезней и предупреждение осложнений, а третичная представляет собой комплекс реабилитационных воздействий на больных [5, с. 12].

Первичная профилактика направлена на предупреждение приобщения подростков к различным асоциальным сообществам, употребляющим алкоголь, психоактивные вещества (ПАВ), вызывающие болезненную зависимость.

Целями первичной профилактики являются:

- изменение ценностного отношения подростков к алкоголю, курению, наркотикам и формирование личной ответственности за свое поведение, обуславливающее снижение спроса на ПАВ;

- пропаганда здорового образа жизни;

- формирование в первую очередь антиалкогольной и антинаркотической установок.

Современная концепция первичного предупреждения употребления ПАВ основана на том, что в центре ее должны находиться личность подростка и три основные сферы, в которых реализуется его жизнедеятельность: образовательная среда, семья, досуг, включая связанное с ними микро-социальное окружение.

Ввиду опасности развития зависимости даже после однократного приема ПАВ (особенно у подростков), первичная профилактика имеет приоритетное значение. Согласно современному пониманию механизмов развития патологической зависимости, «воротами» приобщения к наркотикам является употребление алкоголя и курение. Поэтому ведение профилактической работы должно начинаться с профилактики употребления алкоголя и курения, а также предупреждения таких социальных явлений, как педагогическая запущенность с самовольным уходом из дома, безнадзорность и беспризорность. Особое внимание стоит обратить и на пристрастие молодежи к азартным играм, т.к. темпы роста данной зависимости опережают темпы роста алкоголизма и наркомании [4].

Специалисты, работающие в области профилактики, выделяют несколько возможных профилактических подходов:

- позитивный;

- устрашающий (запугивающий);

- морализаторский;

- отрицательный/осуждающий;

- логический/ рациональный;

- эмоциональный;

- юмористический [3].

Чаще всего для воплощения мероприятий по профилактике используются комбинации нескольких подходов. В рамках того или иного выбранного подхода необходимо подобрать соответствующий стиль. Под стилем в данном случае понимается единство художественных средств и приемов оформления и подачи профилактической информации и профилактических действий. Стиль играет важную роль в восприятии и общении, он привлекает (или отталкивает), внимание участников, мотивирует к поиску дополнительной информации, принятию продвигаемой нормы поведения.

Первичная профилактика является наиболее массовой, неспецифической, использующей преимущественно педагогические, психологические и социальные влияния. Она влияет, прежде всего, на формирование позитивного отношения к здоровью.

Вторичная профилактика зависимости от психоактивных веществ касается лиц, которые уже имели опыт употребления наркотиков, но не обнаруживают признаков наркомании как болезни. Ее цель:

- уменьшить употребление ПАВ;
- предотвратить формирование хронического заболевания.

Содержание функций вторичной профилактики заключается:

- в постоянном социально-педагогическом наблюдении за подростками и молодежью, обладающими признаками употребления ПАВ;

- в обеспечении индивидуального, конфиденциального сопровождения и поддержки молодых людей и подростков, склонных к проявлениям рискованного поведения;

- в сохранении тайны молодого человека на всех этапах его сопровождения. Участвуют в этом виде профилактики квалифицированные специалисты с дополнительной подготовкой – психологи, психотерапевты, педагоги.

Третичная профилактика злоупотребления ПАВ проводится среди больных наркоманией и токсикоманией и направлена на восстановление личности и ее эффективное функционирование в социальной среде. Второе направление третичной профилактики – снижение вреда от употребления наркотиков у тех, кто еще не

готов к прекращению их употребления. Данный вид профилактики является медицинским и осуществляется специально подготовленным квалифицированным персоналом, однако базируется на сильной структуре социальной поддержки. Этот вид профилактики требует индивидуального подхода. Активность больного в борьбе с заболеванием, осознание им собственной ответственности за свое здоровье – обязательное условие проведения третичной профилактики.

Идеальным методом профилактики вредного влияния токсических веществ является предупреждение контакта с ним. Наиболее важно обеспечение такой безопасности для детей и подростков в силу их нежного возраста (незрелость психическая, физическая, социальных знаний и навыков). Поэтому все угрожающие случаи должны быть вовремя выявлены и приняты предупреждающие меры, чтобы ребенок тайно, случайно или по чьему-то умыслу не начал принимать наркотики на переменах, в местах отдыха (дворе, парке, дискотеках и пр.), дома и пр. Все необходимые материальные и людские ресурсы для этой работы обязано предоставлять государство.

Единой систематизации мер профилактики на данном этапе не создано. Часто профилактику подразделяют на индивидуальную и социальную.

Под индивидуальной профилактикой понимается рациональный режим и гигиеническое (здоровое) поведение отдельного человека в быту и на производстве [2, с.78].

Социальная профилактика представляет собой систему государственных, общественных и медицинских мероприятий по охране здоровья людей [2, с.78].

В целом же только сочетание всех этих мер (профилактики асоциального поведения, пропаганды здорового образа жизни, введения законодательных ограничений, создания условий для прогрессивного лечения и длительной реабилитации) позволит в долгосрочном периоде снизить уровень асоциальных явлений в России и значительно оздоровить общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анисимов, Л. Н.** Профилактика пьянства, алкоголизма и наркомании среди молодежи / Л. Н. Анисимов. – Москва : Юридическая литература. – 1988. – 173 с. – ISBN 5-7260-0129-X. – Текст : непосредственный.

2. Социальная работа: теория и практика : учеб. пособие для вузов / под редакцией Е. И. Холостовой и А. С. Сорвиной. – Москва : ИНФРА-М, 2001. – 427 с. – ISBN: 5-16-000551-X. – Текст : непосредственный.

3. Социальная работа с молодежью : учебник для вузов / под редакцией Н. Ф. Басова. – Москва : Дашков и К°, 2010. – 326 с. – ISBN 978-5-394-00656-2. – Текст : непосредственный.

4. **Лисицын, Ю. П.** Алкоголизм: медико-социальные аспекты / Ю. П. Лисицын, П. И. Сидоров. – 3-е изд. – Москва : Медицина, 1990. – 526 с. – ISBN 5-225-00355-9. – Текст : непосредственный.

5. **Холостова, Е. И.** Практикум по социальной работе / Е. И. Холостова. – 2-е изд. – Москва : Дашков и К°, 2008. – 296 с. – ISBN 978-5-91131-424-8. – Текст : непосредственный.

6. **Черносвитов, Е. В.** Социальная медицина : учеб. пособие для вузов / Е. В. Черносвитов. – Екатеринбург : Деловая книга ; Москва : Академический Проект, 2003. – 623 с. – ISBN 5-8291-0318-4. – Текст : непосредственный.

Коченасова А.Ю.,

аспирант Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

ОДИНОКОЕ МАТЕРИНСТВО КАК РЕПРОДУКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Аннотация. В статье рассматривается такая репродуктивная стратегия современной женщины, как «мать-одиночка». В России отношение к данному социальному феномену противоречиво. С одной стороны, переход страны к постиндустриальному состоянию предполагает доминирование таких ценностей, как свобода, молодость и мобильность. С другой стороны, стереотипы, характерные для аграрного общества, не позволяют признать «матерей-одиночек» полноценной монородительской семьей и обеспечить их всесторонней поддержкой государства.

Ключевые слова: репродуктивные стратегии, мать-одиночка, монородительская семья, ценности, стереотипы сознания, оценка, вступление в брак, деторождение.

Понятие одинокого материнства, очевидно, производное от общеупотребительного термина «мать-одиночка», заимствовано из названия статьи С.С. Даниловой и заключено в кавычки вследствие его очевидной неоднозначности. Последняя заключается в том, что данное понятие имеет ярко выраженный оценочный характер, причем оценка эта определенно негативная. В современной отечественной науке, по-видимому, все еще доминирует традиционное представление о «нормальной» семье, как о семье, состоящей из двух разнополых родителей (находящихся в законном браке) и, как минимум, одного ребенка. В силу данной причины все термины, определяющие феномен одинокого материнства, так или иначе, имеют негативный характер.

На Западе вопрос с адекватной терминологией решен более или менее адекватным образом: введением в 1981 г. категории «монородительская семья» («one parent family»). Вот как описывает это французский социолог Э. Ивер-Жалю: «На самом деле

она пришла на смену ранее принятой категории, при помощи которой, в 60-е годы отражали смещение в лидерских позициях и писали о «женщинах-главах семьи без супруга». В свою очередь, подобная категория служила своего рода эвфемизмом употребляемых в детской психиатрии и судебной практике оценочных понятий «неполные семьи», «распавшиеся семьи» (либо разбитые, расчлененные, расстроенные, раздробленные, неполноценные) [1, с. 117]. Важно, что данный термин не только исключил негативные оценки, но также закрепил за «одиноким материнством» статус полноценной семьи, т.е. нормального социального феномена.

В российском общественном мнении традиционно укоренилось представление о матери-одиночке, как о неполноценном члене общества. Как об этом справедливо написала С.С. Данилова: «Прежде чем приступить к рассмотрению результатов исследования, отметим бытующее в обществе стереотипное мнение о неприличном и постыдном положении одинокой матери. «Женщина без мужчины – неполноценный член общества», «порядочная женщина должна быть замужем» – эти представления прочно укоренились в сознании» [2, с. 138]. Подобного рода стереотипы, на наш взгляд, являются следствием того, что Россия достаточно долго оставалась аграрной страной, вследствие чего в отечественной культуре идеалом служила патриархальная семья: если женщина по каким-то причинам теряла мужа, она фактически теряла и социальный статус.

Едва ли подобные представления уместны в наше время. Вместе с урбанизацией женщина обрела свободу, в том числе и свободу выбора репродуктивной стратегии. Выходить ли замуж официально или нет, рожать ли ребенка или отсрочить рождение – все эти решения оказались зависимыми от множества факторов. Следует согласиться с мнением И. Забаева (который, в свою очередь, ссылается на работы Р. Инглегарта [3]) что в основе качественного изменения репродуктивных стратегий лежат соответствующие ценностные трансформации: сдвиг приоритета с обретения материальных ценностей на достижения нематериальных. Действительно, развитые общества современности достигли такого уровня благосостояния, когда удовлетворение первичных

потребностей (пища, одежда) не представляется значимой проблемой. На первый план выходит потребность в самореализации, в раскрытии собственной индивидуальности, способностей и талантов. В этой связи в завершении исследования И. Забаев делает следующий вывод: «Мы попытались продемонстрировать, как работает одна из двух категорий, в терминах которых российскими респондентами осмысляются сегодня ситуации возможного/предполагаемого деторождения. Как было показано, категория «своя жизнь»/самореализация обозначает не столько построение карьеры и не относится к проблеме заработка. Она связана в нарративах респондентов с двумя [...] группами смыслов – постоянного/бесконечного развития и, в еще большей мере, желания освоить или хотя бы по возможности почувствовать многообразие сегодняшнего мира» [4, с. 96].

Иначе говоря, современный человек хочет как можно дольше «пожить для себя», в связи с чем рождение ребенка откладывается на неопределенный срок. Реализация данного желания обеспечивается, как минимум, двумя возможностями. Первой является возможность значительно продлить срок своей молодости (как во внешнем облике, так и в психологическом самоощущении). Культ молодости начал утверждаться в западной культуре еще в начале XX в., а к настоящему времени, кажется, достиг своего апогея. Идеалом теперь являются не зрелые мужчины и женщины 1950-х гг., но «вечные подростки», ощущающие жизнь как увлекательную компьютерную игру. Второй возможностью является возможность практически беспрепятственно перемещаться по миру, не связывая себя ни с определенным местом, ни с постоянной работой. «Конец географии», провозглашенный П. Вирилио, повлиял и на психологию современного человека, превратив его в кочевника, номада, ищущего приключений туриста. В ценностном аспекте постмодернизация, таким образом, это свобода, молодость и мобильность.

Все эти изменения приводят к тому, что традиционная траектория жизненного пути, предполагающая переход на новый этап (с соответствующими правами и обязанностями) по достижении определенного возраста «размывается». Как справедливо

отмечает И. Забаев: «Вместе с тем жизнь воспринимается респондентами не как линейный процесс, в котором существуют определенные стадии. Эта жизнь представляется респондентами в качестве практически бесконечного набора альтернативных возможностей» [4, с. 96.]. И, добавим, вступление в брак и рождение детей, оказываются лишь некоторыми из них.

Справедливости ради отметим, что определенная категория женщин пополняет группу матерей-одиночек не согласно собственному сознательному выбору, но под давлением обстоятельств. Речь идет о матерях, не достигших совершеннолетия: «По российской статистике, до 10% девочек начинают половую жизнь в возрасте до 14 лет. Каждый год в России фиксируется 4-4,5 тыс. рожениц, не достигших 15 лет. По данным социологических исследований, возраст начала половой жизни в России последние 15 лет снижается, причем среди девушек интенсивнее, чем среди юношей» [5, с. 127]. Основными обстоятельствами, превращающими девушек в матерей-одиночек представляются психологическая неготовность к вступлению в брак, либо материальная необеспеченность и негативное общественное мнение, в совокупности приводящие к формированию девиантного поведения супругов (а зачастую и детей) или полному распаду молодой семьи.

Несмотря на то, что социальная реальность существенно меняется, отношение к матерям-одиночкам со стороны общества трансформируется крайне медленно. Столь же устойчивыми оказываются и традиционные для России представления о необходимости раннего брака («потом поздно будет», «в девках засидишься») и деторождения: «Демографы предполагали, что сильный спад показателей уровня рождаемости, наблюдавшийся в России в начале 1990-х гг., связан с тенденцией так называемого отложенного деторождения в жизненном цикле женщин. Однако пока довольно мало однозначных сведений, которые бы подтверждали такую тенденцию. Среди самых молодых респонденток часто сохраняется идеал и практика сравнительно раннего деторождения» [6, с. 433]. Подобную устойчивость трудно объяснить, но, вероятно, указанные стереотипы представляют собой рудименты традиционного крестьянского сознания, «перекоче-

вавшие» в городскую среду в процессе перехода общества от аграрного к индустриальному.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отношение общества к «одинокому материнству» как особой репродуктивной стратегии в России крайне противоречиво. С одной стороны, оно содержит в себе негативные оценочные элементы, характерные для доиндустриальной (аграрной) культуры. С другой стороны, оно позитивно (или нейтрально) относится к данному феномену, как к одной из возможных (и легитимных) стратегий. Подобная оценка характерна для постиндустриальной культуры, признающей за человеком право свободного выбора. В этой связи оказывается крайне необходимым постепенное изменение установок общественного сознания с целью признания «одинокое материнства» полноценной монородительской семьей, всесторонне поддерживаемой государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ивер Жалю, Э.** Монородительские семьи во Франции / Э. Ивер Жалю. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1991. – № 5. – С. 117–122.
2. **Данилова, С. С.** Одинокое материнство в общественном мнении / С. С. Данилова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 138–141.
3. **Инглегарт, Р.** Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт. – Текст : непосредственный : перевод с английского // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – Москва : Academia, 1999. – С. 249–260. – ISBN 5-87444-067-4.
4. **Забаяев, И.** «Своя жизнь», образование, деторождение: мотивация репродуктивного поведения в современной России / И. Забаяев. – Текст: непосредственный // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 3 (105). – С. 87–97.

5. **Путинцева, Е. Л.** Малолетнее материнство в России: состояние и проблемы / Е. Л. Путинцева. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения. – 2011. – № 2 (102). – С. 126–131.

6. **Роткирх, А.** Деторождение и его место в жизненном цикле петербургских женщин : коллективная монография / А. Роткирх, К. Кессели. – Текст : непосредственный // Новый быт современной России: гендерные исследования повседневности. – Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – С. 427–455. – ISBN 978-5-94380-077-1. – Текст : непосредственный.

Толстиков В.А.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Романцова Р.Н.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Лешенкова К.С.,
аспирант Белгородского университета
кооперации, экономики и права

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Аннотация. Статья носит методологический характер. В ней рассмотрены различные подходы и методы современной социологии для изучения института семьи, а также парадигмы, которые специфически истолковывают сущность семейного образа жизни и природу семейных отношений.

Ключевые слова: семья, общество, институт, отношения, социологические подходы.

Особенностью современного гуманитарного знания является плюралистический подход в современной науке, что нашло свое отражение в разнообразии теорий изучения института семьи: это и неопозитивистский функционализм (самый распространенный подход), и теория конфликта, и феминизм и символический интеракционизм [1–9].

Неопозитивистский функционализм исходит из классического позитивизма О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, развитого в трудах П.А. Сорокина, Р. Мертона, Т. Парсонса. Сторонники этой теории рассматривают семью с точки зрения ее функций и социальной значимости в историческом измерении социально-экономической среды, в которой она существует в тесной связи с обществом [8, с. 27].

«Теория конфликта рассматривает семью как микрокосм, отражающий общественные конфликты» [4], а также как место борьбы членов семьи в решении имущественных вопросов. Главной идеей теории конфликта является разработка механизмов урегулирования конфликтов в семье, как залога ее успешной социальной интеграции. Одним из важнейших рычагов устранения конфликта в семье является решение проблемы власти внутри семьи.

Гендерная позиция в данном направлении подразумевает решение конфликтности путем моделирования в семье половозрастных отношений на основе представлений о мужском и женском поведении.

Феминизм исходит из отстаивания позиции равенства возможностей для мужчины и женщины. Будучи направленным на различие биологического и социального пола, феминизм отстаивает позицию, по которой биологические различия не могут быть основанием для социокультурного неравенства, которое, по мнению сторонников феминизма, выражается в монополии мужчин на власть [8, с. 28].

Символический интеракционизм представляет собой синтез функционалистических и психоаналитических подходов изучения семьи, базируется на трудах Г. Мида и Э. Берджесса. Он отражает интерес современной науки к знаково-символическому истолкованию культуры и мировоззрения человека. В нем индивид в большей степени ориентирован на смысловое восприятие окружающего мира через систему символов, в котором он ориентируется на собственное их положительное или отрицательное восприятие. Семья в данном направлении, состоящая из отдельных индивидов, рассматривается с точки зрения поведения индивидуальной личности, подвластной культурно-социальным символам. В какой-то степени в данном контексте семья противопоставляется социуму [8, с. 28].

Семья – это один из самых сложных и противоречивых объектов социологического исследования. Эта сложность заключается, прежде всего, в том, что «в семье совершенно нет формальных, обезличенных отношений, хотя есть типичные для семейно-

го функционирования социокультурные роли. В большинстве социальных процессов человеческие контакты формальны и вторичны, лишены теплоты и интимности, присущей частной жизни» [9].

В семье же отношения носят приватный, личностный характер, отличаются взаимной привязанностью и ответственностью друг за друга. «Объектом изучения выступает не отдельный личностный вектор жизнедеятельности, а суммарный семейный вектор. Семья как объект исследования представляет собой не математическую сумму различных Я, а единое целое МЫ» [2] как сложнейшее социальное образование.

Именно поэтому социологическое исследование семьи носит системный и целостный характер, требует глубоких знаний и высокой квалификации исследователя. Системный подход является наддисциплинарным научным подходом, расположенным по уровню общности «между философией и конкретными научными дисциплинами. Поэтому системный подход значительно шире подходов, принятых в какой-либо конкретной научной дисциплине» [3, с. 6–7]. Он позволяет комплексно и всесторонне изучить проблемы семьи и выделить приоритеты.

При этом следует применять и сочетать статистический, этнографический, экономический, психологический, медицинский, культурологический и другие подходы. Успех невозможен без полного описания всех условий исследования: метода, техники, отбора единиц наблюдения, гипотез. Именно при исследовании различных фамилистических проблем в силу указанных выше причин особенно важным является умение сочетать количественные и качественные методы исследования.

Количественные показатели влияют на качество семейной жизни, на социальную активность ее членов. При этом совершенно очевидно, что ни одно качественное исследование не обходится без количественных процедур. Эти методы взаимно дополняют друг друга, и профессионализм социолога проявляется именно в умении органично сочетать их в конкретных социологических исследованиях.

«Ценность качественной методики заключается в том, что, работая в рамках микросоциологии семьи, социолог имеет возможность изучить и понять жизненные особенности отдельных семей, из которых складываются макропроцессы семьи как института. Качественные методы ориентированы не на поиск причин поведения, а на самоощущения и мнения людей.

Материал для качественного анализа может быть представлен информацией культурологического характера: литературой, произведениями живописи, СМИ, фольклором.

Среди тактик качественного исследования, используемых в фамилистике, можно выделить такие как этнографическое исследование, история жизни, феноменологическое исследование, устная история и история семьи» [5].

Все, что мы знаем о семье, определяется тем, как, какими методами удалось узнать то, что сегодня считается известным. В социологии семьи даже банальности могут стать научным фактом, если измерены надлежащим образом. Когда же удастся рассмотреть нечто новое в привычном, мимо чего всегда проходили, сразу же возникают сомнения в достоверности суждений. И лишь строго научное социологическое измерение в строгом соответствии с канонами процедур надежности и обоснованности будет принято во внимание.

Семья – системный объект, поэтому в случаях расхождения объяснений тех или иных данных возникает соблазн искать причины в биологических, медицинских или психологических факторах. Рост разводов, например, с точки зрения психологического подхода может объясняться «несходством характеров», а многодетность семьи может считаться следствием инстинкта воспроизводства себе подобных. Применение же системного подхода позволяет адекватно отобразить в научных моделях системную природу семьи как объекта изучения и добиться в рамках социологического объяснения семейной динамики согласования медицинских, экономических, демографических, психологических и других данных. Преимущество системного подхода к семье в том, что создается возможность сосуществования множества теорий и

концепций, конструируемых в рамках единой метатеории, представляющей собой не что иное, как межсистемный подход.

Социологическое исследование семьи является трудоемкой и дорогостоящей разновидностью научной и социальной деятельности. Поэтому столь редки фундаментальные исследования семьи, а в прикладных исследованиях, ориентированных на выполнение какого-либо социального заказа, тем более не часто встретишь предпосылки решения поставленной заказчиком практической задачи. Это не значит, что они отсутствуют вовсе – так не бывает, просто не считается нужным выделять специальный раздел для формулирования исходных теоретических положений.

Программа проектируемого исследования, как правило, включает в себя теоретический, методический и организационный разделы. В теоретическом разделе необходимо очертить круг вопросов, которые необходимо решить в ходе исследования, четко определить проблему, цель и задачи исследования, рассмотреть и проанализировать объект и предмет исследования, сформулировать рабочие гипотезы и правильно интерпретировать научные термины.

Методический раздел содержит описание и анализ всех методов и приемов, разработку инструментария исследования, а организационный или практический раздел, который часто называют рабочим планом исследования, включает в себя все процедуры, которые социолог предпринимает практически, организуя и проводя исследование. В качестве основного метода опроса сегодня чаще всего используется анкетирование как самый массовый, распространенный и экономичный вид исследования.

«При опросе активизируются те или иные потребности личности, связанные с самовыражением, желанием как-то подчеркнуть свою принадлежность к каким-либо социальным группам. Мотивы участия в опросе могут быть разнообразными, сама ситуация опроса может интерпретироваться как угодно широко, и, разумеется, высказывание мнений будет зависеть не только от искренности или намерений респондента, но и от возможностей, создаваемых социологом, использующим условия и средства исследования, ситуации самого интервьюирования или анкетирова-

ния. Центральным моментом является определение респондентом предлагаемых ему в анкете вопросов исходя из его мотивов, ценностных ориентаций, предпочтений» [1].

Социолог, «уговорив» человека стать респондентом, приступает к делу в надежде, что по мере заполнения вопросника кое-что прояснится. Обычно считают, что инициируют сама семейная тематика, желание человека поделиться наболевшим, поговорить по душам, исповедоваться. Именно здесь возникает вопрос о месте проведения опроса – проводить его на дому или по месту работы.

Опрос на дому требует от социологов большей изобретательности в смысле уговаривания – ведь отнимает много времени от домашних дел, от забот о детях, от ухода за больными. Но вместе с тем согласие участвовать в опросе в этих житейских обстоятельствах означает наличие мотивированности самих респондентов. Это подтверждается фактом более высокого процента заполнения и возврата оставлявшихся на дому анкет – в сравнении с заполнявшимися на работе.

«Любая анкета представляет собой большой или меньший по объему свод головоломок, кроссвордов и ребусов. Каждый вопрос – новая задачка, каждый ответ – результат решения, каждое мнение – продукт активизации установок и ориентаций личности. Чем больше в анкете вопросов о том, личное отношение к чему отсутствует, тем менее профессиональным является исследование. Если опрос направлен на выяснение мнений о демографической ситуации в стране и мире, о методах контрацепции или лечения бесплодия, то надо позаботиться об уменьшении головоломок. Многие не имеют своего суждения о тенденциях изменения института семьи, о демографическом положении страны, так как это далеко от личного опыта или может даже противоречить ему. Если же изучается конкретное семейное поведение, в котором участники разбираются хорошо, то важно уметь зафиксировать установки и убеждения людей, смещенные в сторону их семейной практики, связанные с невольной защитой привычного опыта семейной жизни» [1].

В социологических опросах на семейные темы следует создавать все возможности для высказывания респондентами имеющихся у них мнений. Сужение зоны этих возможностей вследствие дилетантизма или элементарной предвзятости существенно искажает результаты исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антонов, А. И.** Микросоциология семьи: методол. исслед. структур и процессов / А. И. Антонов. – Москва : Nota Bene, 1998. – 357 с. – ISBN 5-8188-0001-6. – Текст : непосредственный.

2. **Антонов, А. И.** Современные демографические тенденции и аналитические прогнозы, проблемы семейно-демографической политики в социальном государстве / А. И. Антонов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 134–150.

3. **Давыдов, А. А.** Системный подход в социологии: законы социальных систем / А. А. Давыдов. – Москва : УРСС, 2004. – 251 с. – ISBN 5-354-00477-2. – Текст : непосредственный.

4. **Полуцыган, А. А.** Функции сельской семьи как отражение ее культуры: интерпретация научных подходов / А. А. Полуцыган. – Текст : непосредственный // Социология. – 2018. – № 3. – С. 178–183.

5. **Проневская, И. В.** Фамилистические исследования: количественный и качественный подходы / И. В. Проневская. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 4. – С. 151–163.

6. **Ревенко, Н. В.** Семья в структуре гражданского общества / Методология и концептуальные парадигмы социологии : монография / под общей редакцией В. В. Трошихина. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2015. – С. 302–317. – ISBN 978-5-8231-0437-1. – Текст : непосредственный.

7. **Ревенко, Н. В.** Семья как фактор стабильности и устойчивого развития общества : монография. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2012. – 220 с. – Текст : непосредственный.

8. Традиционная культура семьи России : учебное пособие / Р. А. Лопин ; под общей редакцией В. В. Овчинникова. – Белгород : КОНСТАНТА, 2012. – 240 с. – Текст : непосредственный.

9. Социология семьи : учебник / под редакцией А. И. Антонова ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд. – Москва : Инфра-М, 2005 – 640 с. – ISBN 5-16-002252-X. – Текст : непосредственный.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Байрамов А.М.,
канд. филос. наук, профессор, зав. кафедрой
мультикультурализма и общественных наук Азербайджанского
государственного аграрного университета,
Азербайджанская Республика, г. Гянджа

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОСТИ СОЗНАНИЯ

Аннотация. Сегодня в виртуальном пространстве функционируют сайты и форумы, деятельность которых направлена на вовлечение подростков в различные группы, имеющие деструктивную направленность. На современном этапе развития общества все более четко проявляются тенденции духовного кризиса человека, осознания им множества проблем своего внутреннего бытия. Кризис человеческого существования обусловлен множеством экономических, политических, социальных и культурно-исторических факторов, но все они преломляются и реализуются через своеобразие духовного мира личности.

Ключевые слова: деструктивность, мейстрим, виртуальный мир, культура, субкультура.

Современное поколение людей, активно используя информационно-коммуникативные сети, ежедневно находится под воздействием различной негативной информации, оказывающей непосредственное влияние на сознание, на формирование ценностной системы, на поведение. Всемирная паутина является самым популярным местом общения молодежи [1, 2, 5]. В виртуальном пространстве молодое поколение обретает мнимых «кумиров», творчество которых не всегда отвечают критериям, соотносящимися с общечеловеческими ценностями.

В виртуальном пространстве создаются группы, объединения, сайты, форумы, которые объединяют тысячи юношей и де-

вушек. Деятельность создателей таких сайтов направлена не только на процесс взаимодействия. Ориентируясь на несформировавшихся личностей, на ведомых людей, используя способы управления людьми, они вовлекают их в сомнительные группы, формируют новые направления в культуре, в субкультуре.

Люди со слабой волей, не способные справиться с собственными проблемами, начинают мыслить, так как им рекомендуют, превращаясь в однообразную серую массу, с шаблонным мышлением. Современную молодежь называют «поколением мейнстрима» [3]. Тотальное увлечение виртуальными играми уводит молодое поколение в мир виртуализации, в котором им комфортнее, чем в реальном. В виртуальном нет родителей с их требованиями, нет учителей с их нотациями, отсутствуют проблемы, с которыми приходится сталкиваться ежедневно в реальном мире. Это стало причиной развития игромании. Разработчики игр, создавая свои игры, ставят перед собой цель вовлечь как можно больше детей, подростков, связывая это с извлечением материальной выгоды.

В последние годы значительная часть подростков была вовлечена в игру «Синий кит», участников которой целенаправленно в ходе общения склоняли к самоубийству. К сожалению, во многих городах нашей страны, под влиянием этой игры, подростками были совершены суициды. Суицид – это крайняя форма аутодеструктивного поведения, которая как правило является отклонением от медицинских и психологических норм, несущее угрозу целостности собственного организма. Заккрытие сайтов остановило эту страшную цепочку ухода из жизни детей.

Особую опасность несет так называемая субкультура «колумбайнеров», основывающаяся на агитации к массовым убийствам, по примеру американских подростков, расстрелявших своих сверстников в школе города Колумбайн в 1999 г. Сторонник этой субкультуры 18-летний подросток, подражая своим «кумирам», в октябре 2018 г. в г. Керчь хладнокровно расстрелял детей и учителей.

Психологи, философы пытаются понять, что движет такими детьми, какую цель они ставят перед собой, и почему эти страш-

ные преступления становятся примером для подражания. Однозначно, что в группу риска попадают проблемные подростки, находящиеся в неблагоприятных условиях социализации.

Асоциальный образ жизни родителей, потеря близких, проблемы в школе приводят к депрессиям и к тому, что ребенок остается один на один со своими проблемами и страхами. Не имея поддержки со стороны родных, близких, друзей, такие подростки начинают тяготеть к виртуальному миру, отчуждаясь от реального. Отсутствие элементарных знаний о морали, этике, ведет к снижению культурного уровня. Выражение протеста к действующим в обществе правилам и нормам, установкам способствует дальнейшему их отрицанию.

Неспособность реализовать себя способствует вовлечению подростков в различные группировки, живущие по собственным правилам. Так начинается криминализация сознания, что формирует склонность к агрессии, к насилию. Человечество на данном этапе развития общества постепенно скатывается к варварству, для которого характерны грубые и примитивные развлечения, способные на время отвлечь от повседневности. В связи с этим, необходимо принять меры по снижению деструктивности и самодеструктивности. В качестве мер, влияющих на снижение уровня факторов, формирующих деструктивные наклонности [4] необходимо осуществлять «родительский контроль» на персональных компьютерах и мобильных устройствах, с целью обеспечения безопасного доступа детей в социальные сети.

Также необходимо проводить повсеместную работу с молодежью (создание кружков и секций различной направленности), с целью увеличения числа занятых подростков. Необходимо вести профилактическую работу выявляя потенциальных малолетних преступников на начальной стадии, вести работу с неблагополучными семьями, с целью уменьшения негативного влияния на детей и подростков. В штат сотрудников детских и образовательных учреждений необходимо принимать высококвалифицированных психологов. Особое внимание следует уделять патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Байрамов, А. М.** Киберпространство, виртуальная реальность, социальное творчество и свобода / А. М. Байрамов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2019. – С. 47–52. – ISBN 978-5-8231-0935-2.
2. **Иванов, Д. В.** Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с. – ISBN 5-85803-203-6. – Текст : непосредственный.
3. **Исаченко, Н. Н.** Феномен социальной деструктивности / Н. Н. Исаченко. – Текст : непосредственный // Политика и общество. – 2016. – № 11 (143). – С. 1576–1582.
4. **Черникова, Е. И.** Профилактика деструктивного общения в социальных сетях / Е. И. Черникова, Т. А. Назриددинов. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26–28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 6–22. – ISBN 978-5-8231-0868-3.
5. **Черникова, Е. И.** Виртуальный человек в иллюзорном мире / Е. И. Черникова, А. А. Трунов, А. Е. Ведерников. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4–6 апреля 2016 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Изд-во БУКЭП, 2016. – С. 60–73. – ISBN 978-5-8231-0527-9.

Щербакова Е.В.,
канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры
социальной философии и философии истории
философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

РОЛЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР ПСИХИКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00980
«Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического
познания; проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная
русская перспектива»

Аннотация. Статья посвящена анализу роли бессознательных структур человеческой психики в формировании политических представлений. Автор разделяет понятия бессознательного и иррационального. В статье отмечается, что фантазийное содержание политического сознания может как отвлекать индивида от реальной политической практики, так и скрывать (намеренно или неосознанно) под собой подлинное содержание этой практики.

Ключевые слова: бессознательное, идеология, иррациональность, политика.

Данная статья посвящена анализу места и роли бессознательных структур человеческой психики в формировании идеологических построений. Мы исходим из представления о том, что многие важные мотиваторы человеческой деятельности являются бессознательными по своей природе. Так или иначе они оказывают влияние на сознательное представление человека о мире, в частности, о социальной и политической ситуации, а также на решения, человеком принимаемые. При этом скрытыми от сознания оказываются не только сами мотиваторы, но и факт их наличия. Стоит оговорить, что мы не утверждаем отсутствие возможности сознательной регуляции человеческой деятельности, говоря только о том, что определенная часть мотивационных предпо-

чтений, являются дериватами бессознательного, порой даже не смотря на кажущуюся разумность.

Исследователи бессознательного (З. Фрейд, К. Ясперс) акцентируют внимание на том, что оно не принадлежит непосредственному внутреннему опыту индивида, а потому не может быть представлено в качестве переживания. Оно не подчиняется никаким законам: логическим, моральным, юридическим. Оно никогда не воспринимается напрямую, и лишь по косвенным его проявлениям (З. Фрейд отмечал различного рода оговорки, описки и ошибки) можно сделать вывод о его существовании и содержании. При этом самому субъекту (в том числе, политическому) может казаться, будто он принимает те или иные решения полностью сознательно, в то время как на самом деле они являются дериватами бессознательного.

Как мы указали выше, бессознательному присуща иррациональность в том смысле, что оно не подчиняется законам логики и может беспрепятственно включать в свой состав противоречивые интенции или представления. Поэтому в рамках фрейдистской концепции легко представить ситуацию, в которой на сознательном уровне индивид руководствуется рациональными посылками, а на бессознательном – иррациональными интенциями. Таким образом могут проявлять себя упомянутые выше оговорки: желая (сознательно) сказать нечто разумное и соответствующее ситуации, индивид на самом деле переполнен аффектами того или иного рода (например, агрессивными), и в итоге произнесенные им слова являются выражением его иррациональных переживаний, а не сознательных намерений. Отдельное внимание З. Фрейд уделял так называемым «первофантазмам», структурирующим всю психическую жизнь индивида. Однако, мы утверждаем, что, проводя демаркационную линию между сознательным и бессознательным, следует оговорить, что она не всегда совпадает с различием разумного, прагматичного и фантазийного, руководствующегося аффектами.

Иногда именно непрагматические фантазийные цели осознаются, в то время как сокрытым оказывается вполне конкретное содержание. В этом отношении следует упомянуть, что Э.

Блейлер, создатель термина «шизофрения», писал об особом типе мышления, управляемом желаниями и страхами человека и не ориентирующемся на реальность – аутистическом. Оно свойственно всем без исключения людям и проявляется в снах, мечтаниях, дневных грезах. Находит оно свое отражение и в различного рода продуктах духовной деятельности – мифах, сказках, религиозных построениях. Мы считаем, что проявляется оно и в идеологических конструктах. Интересно, что данный тип мышления вовсе необязательно является бессознательным, а может быть полностью или частично осознаваемым. Его неотъемлемое свойство – конфликтное отношение с действительностью. Оно может находить свое выражение в постановке некоторых реальных целей (чаще всего грандиозных и утопических), но в таком случае им игнорируются препятствия к реализации данных целей.

Все, что было изложено выше, может быть применено и к формированию идеологического мышления. Иррациональное аффективное содержание идеологии делает ее более эмоционально привлекательной для индивидов, являясь причиной успеха политической пропаганды. Идеология, подобного содержания лишенная, скорее всего проиграла бы в политической борьбе. При этом порой фантазийные компоненты идеологии являются препятствием к решению конкретных практических задач. О подобном писал в Р. Арон в работе «Опиум интеллектуалов». Под идеологией он понимал построения интеллектуалов на отвлеченные, не имеющие прямого отношения к действительности темы, носящие ценностный характер. Он противопоставлял ее прагматическому мировоззрению. В качестве примера свободы от подобной идеологии он приводил британских интеллигентов, которые «сводят к техническим вопросам чисто идеологические конфликты» [2]. Ученый высказывает надежду на то, что примеру Англии последуют и другие страны, и век идеологии, таким образом, подойдет к концу. Таким образом, при подобном подходе аутистическая компонента идеологии рассматривается как причина отвлечения индивидов от практических задач, что приводит к нерациональной растрате интеллектуальных ресурсов.

Подобный механизм может порой использоваться намеренно в качестве манипуляции политическим сознанием. Так, М. Хоркхаймер и Т. Адорно пишут о том, что культуриндустрия с ее множеством интересных и аффективно привлекательных радио и телепередач направлена на отвлечение людей от осознания действительной политической ситуации и ее проблем: «освобождение, обещаемое развлечением, является освобождением от мышления» [7, с. 181]. Заполненный подобным образом досуг приводит к изоляции индивида от социального процесса, что, в конечном итоге, способствует стабилизации политической ситуации в обществе.

Иногда подобные фантазийные компоненты, вовлекаясь в реальную политическую практику, могут не просто отвлекать от прагматических задач, а служить прикрытием для подлинных практических целей, связанных с получением выгоды. Т. Адорно отмечал: «И те, кто не имеет предрассудков, и те, кто их имеет, обычно подчиняют религию внешним целям <...> Но люди, имеющие предрассудки, чаще чем те, кто их не имеет, используют религиозные идеи ради непосредственной практической выгоды, а также для того, чтобы манипулировать другими людьми» [1, с. 253]. В данном случае речь идет о вовлечении религиозных представлений в идеологическую пропаганду. В целом, идеология традиционно связывается с ложью, обманом, иллюзией. Стоит отметить, что в основе «идеологической иллюзии» может лежать как намеренный обман, так и бессознательное заблуждение. Возможность подобного отмечал еще К. Манхейм, утверждая, что: «коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества, как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его» [4, с. 67]. В этом случае речь идет уже не об обмане или недостатке информации. Складывается, казалось бы, парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что сознательно индивид в своих действиях реализует некую иррациональную ценность, в то время как бессознательно руководствуется конкретной материальной или политической задачей. Именно фантазии, не имеющие прямого отношения к дей-

ствительности, но аффективно значимые оказываются осознанными, скрываются же прагматические цели.

Подобные наблюдения сделал еще К. Маркс. В «Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта» философ констатирует необходимость создания различными обществами иллюзий с целью скрыть от себя подлинное прозаическое содержание своей борьбы: «В классически строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» [5, с. 120]. Примечательно, что Маркс в данном случае говорит о сокрытии «от самих себя», что, позволяет предположить, что здесь речь идет не столько о намеренной манипуляции, сколько о бессознательном механизме, хотя он и не использует в своих работах соответствующего понятия. Таким образом, мы видим, что уже К. Маркс понимал значимость эмоциональной привлекательности идеологических построений.

Таким образом, иррациональная (аутистическая) компонента может использоваться в политической пропаганде с целью отвлечения людей от политической практики или, наоборот, их мотивации к той или иной деятельности. При этом выполняемые действия представляются (возможно, иллюзорно) связанными с реализацией определенных возвышенных целей и идеалов. Блейлер отмечал: «аутистические цели мы ценим гораздо выше, чем реальные преимущества, потерю которых можно компенсировать. Этим объясняется особая дикость религиозных войн» [3, с. 36].

Стоит также отметить, что содержание фантазий (в том числе, бессознательных) не случайно. В той или иной форме оно является отражением и следствием действительной социальной ситуации и может быть использовано при попытках проанализировать происходящее в обществе. Любые идеи, которые нашли резонанс в обществе, являются следствием определенных социальных причин, объясняющих их содержание. Например, идеи об избранности и исключительности приобретают особую популярность в ситуации отсутствия уверенности в собственной способ-

ности справиться с политическими, экономическими и иными вызовами. В этом смысле можно говорить о выполнении идеологией компенсаторной функции в обществе, иными словами, функции психической защиты. В таком случае преданность (даже фанатичная) аутистическим идеям того или иного рода является следствием страха лишиться данных иллюзий и столкнуться с отталкивающей действительностью (социальной или внутриспсихической). При этом порой подобный страх так и остается неосознанным.

В то же время, стремясь решать конкретные политические задачи, связанные с легитимацией того или иного политического строя, идеология обязана рационально анализировать окружающую действительность. Иррациональное содержание идеологии делает ее более эмоционально привлекательной для индивидов, являясь причиной успеха политической пропаганды. Однако, если в ее содержании будет недостаточно прагматической компоненты, идеология окажется неспособной достигать реализации своих целей, и в конечном итоге потерпит крах. Таким образом, с целью решения различных задач ей необходимо включать в свой состав как рациональные, так и фантазийные компоненты, соответствовать как осознанному, так и не осознаваемому предпочтениям индивидов, сохранять способность модифицировать действительную реальность, а не только представления индивидов о ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адорно, Т.** Исследования авторитарного характера / Т. Адорно, Э. Френкель-Брюнсвик, Д. Левинсон, Н. Сэнфорд : перевод с английского. – Москва : Профит стайл, 2016. – 416 с. – ISBN 978-5-98-8573418. – Текст : непосредственный.

2. **Арон, А.** Опиум интеллектуалов / Р. Арон ; перевод с французского. – Москва : Издательство АСТ, 2015. – 480 с. – ISBN 978-5-17-081909-6. – Текст : непосредственный.

3. **Блейлер, Е.** Руководство по психиатрии / Е. Блейер ; перевод с немецкого. – Москва : Независимой психиатр. ассоц., 1993. – 542 с. – ISBN 5-85494-009-4. – Текст : непосредственный.
4. **Манхейм, К.** Диагноз нашего времени / К. Манхейм ; перевод с немецкого и английского. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – ISBN 5-7357-0046-4. – Текст : непосредственный.
5. **Маркс, К.** Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс ; перевод с немецкого. – 2-е изд. – Москва : Госполитиздат, 1957. – Т. 8. – XXII, 706. – Текст : непосредственный.
6. **Фрейд, З.** Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд ; перевод с немецкого // Хрестоматия : в 3-х т. Т. 2: Вопросы общества и происхождения религии. – Москва : Когито-центр, 2016. – С. 81–160. – ISBN 978-5-89353-469-6. – Текст : непосредственный.
7. **Хоркхаймер, М.** Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно ; перевод с немецкого. – Москва : Медиум; Санкт-Петербург : Ювента, 1997. – 321 с. – ISBN 5-85691-051-6, ISBN 5-87399-043-3. – Текст : непосредственный.

Верховод Ф.С.,
канд. пед. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права

СИНДРОМ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются сущность, причины, признаки, психологические особенности, уровни профессиональной деформации личности, а также симптомы эмоционального выгорания.

Ключевые слова: деформация, профессиональная деформация личности, общепрофессиональные деформации, специальные профессиональные деформации, профессионально-типологические деформации, индивидуализированные деформации, «административный восторг», «управленческая эрозия», синдром эмоционального выгорания.

Деформация (от лат. *deformatio* – искажение) означает изменение характеристик объекта в результате какого бы то ни было влияния. В том числе, особенности той или иной профессии могут оставлять заметный след на личностных качествах человека, когда даже за пределами рабочего места он не в состоянии полностью переключиться с профессиональной деятельности на личную жизнь и несет элементы «Я-профессионального» в сферу «Я-человеческого». В данном случае речь идет об изменениях личностных характеристик человека (стереотипов восприятия, самооценки, ценностных ориентации, мотивов, характера, способов общения, поведения) под воздействием профессиональной деятельности.

Следовательно, профессиональная деформация личности представляет собой процесс и результат возможных отрицательных преобразований личности под влиянием профессиональной среды, различающихся по степени проявления и становящихся

причиной порой неадекватного поведения и утраты профессиональной компетенции.

В.А. Бодров отмечает, что профессиональные деформации проявляют себя в стереотипности действий [2, с. 35]. Сами по себе стереотипы не есть отрицательное явление, поскольку на начальных этапах работы они ускоряют и повышают эффективность деятельности специалиста. Однако, если стереотипность мышления начинает доминировать, то это упрощает восприятие ситуации, что в свою очередь понижает аналитические способности и гибкость мышления специалиста. Человек начинает считать используемые им методы абсолютными и не пытается взглянуть на ситуацию с другой точки зрения.

Профессиональные деформации встречаются в каждой сфере деятельности, но все же наибольшему риску подвергаются представители профессий, предполагающих непосредственное взаимодействие с другими людьми. К ним относятся работники сферы обслуживания, медики, педагоги, социальные работники, работники правоохранительных органов, всевозможные администраторы и госслужащие [10].

К основным причинам профессиональных деформаций можно отнести:

- 1) монотонность и сомнительность трудовой деятельности;
- 2) большие вложения со стороны личностных ресурсов и отсутствие или нехватка признания;
- 3) высокие требования к срокам выполнения работы, особенно при их невоплотимости;
- 4) нездоровая обстановка внутри трудового коллектива, излишняя критика и конфликтность со стороны коллег;
- 5) нехватка самовыражения в трудовой деятельности;
- 6) невозможность повышения квалификации, профессионального роста;
- 7) неразрешенные личностные конфликты.

Существует также ряд признаков, которые многие авторы считают универсальными в качестве причин профессиональной деформации для многих видов деятельности:

1. Административно-управленческое поведение – характеризующееся превышением полномочий, не соблюдением регламента, злоупотреблением властью, предвзятым отношением к объекту профессиональной деятельности.

2. Индивидуально-целевое поведение – выдающее крайнюю степень эгоизма, предполагающее воплощение исключительно личных интересов в ущерб общественным требованиям (эгоцентризм, преобладающая ориентация на себя).

3. Разновидность поведения, предполагающая сохранение консервативных привычек и традиций – сдерживающих инициативу и творчество (боязнь новизны и риска, неспособность осваивать новые идеи, шаблонность мышления и действий, ригидность).

4. Имитационное поведение – маскирующее реальный ход вещей, влекущее за собой феномен псевдоактивности (приписки в отчетности, формальный подход к выполнению функциональных обязанностей).

5. Отклоняющееся поведение – привнесение в профессиональную деятельность вредных привычек, или аморального поведения (применение недозволенных способов и приемов деятельности, употребление алкогольных напитков в служебное время).

В качестве существенных признаков профессиональной деформации также выделяют:

1. Профессиональное огрубение личности – выражающееся:

– в сверхурочном нахождении на службе без веских должностных причин;

– в чрезмерном внимании к рабочим моментам вне работы (по выходным дням, в отпуске);

– в социопрофессиональной самоизоляции.

2. Проецирование многих профессиональных поступков, стереотипов и директив на деятельность вне работы, общение вне служебной сферы в контексте исключительно профессиональной точки зрения.

А.В. Козлова предлагает рассматривать психологические особенности профессиональных деформаций из соображения комплексных преобразований в таких свойствах личности, как:

1) *слабоструктурированное самосознание* (дефицит побуждений к самопознанию, слабый интерес к себе, проявление внутренних личностных нестыковок или их игнорирование, недостаточный уровень самоактуализации);

2) *обыденно-психологическая профессиональная предрасположенность к негативизму* (отсутствие вдохновения, чувство собственной бесполезности, внешний локус контроля – т.е. приписывание своих успехов или неудач только внешним факторам);

3) *коммуникативная некомпетентность* (сложности и стереотипы в процессе коммуникации, вытекающие из несоответствия ожидаемого образа действия партнера действительному, неумение прощать чужие промахи);

4) *деятельностная некомпетентность* (формальность, критическая степень профессиональной компетентности);

5) *личностная некомпетентность* (трудности смыслопостроения, неспособность взять на себя ответственность за собственные поступки, непунктуальность);

6) *ригидность* (от лат. *rigidus* – твердый, оцепенелый) – как сложное образование, включающее поведенческий, эмоциональный и интеллектуальный аспекты личности [7].

Следует также отметить, что симптомами профессиональной деформации личности могут служить следующие модификации в образе «Я»:

– стабильно чрезмерная профессиональная самооценка, которая может стать причиной презрительного отношения к представителям иных профессий;

– пренебрежительное отношение к мнению сослуживцев и коллег;

– снижение уровня самокритичности – т.е. резкое неприятие критики и контроля;

– уверенность в собственной непогрешимости, переходящая во вседозволенность;

– фрустрация, профессиональная отчужденность;

– неудовлетворенность содержанием своего труда.

При этом проявление профессиональной деформации не ограничивается только лишь процессами взаимодействия с внеш-

ними клиентами, пациентами и пр., но и внутри организации общение работников так же зачастую несет на себе отпечаток деформации. Примеры: рост конфликтности среди коллег; чрезмерная преданность интересам организации; возникновение круговой поруки в коллективе; беспринципная защита «чести мундира», когда заведомо негативные поступки одобряются, в случае, если они содеяны своими сослуживцами.

Все вышеуказанные признаки профессиональной деформации ведут к ряду негативных трансформаций, проявляющихся в самой структуре личности и ее деятельности: видоизменяются стереотипы поведения, профессиональные привычки, манера общения, приобретаются навыки, которые усложняют благополучную реализацию профессиональной деятельности. Кроме того, профессиональные деформации имеют тенденцию к глобализации – т.е. от отдельных психических процессов они могут постепенно распространяться на сферу субъективных отношений личности, ее мировоззрение. При этом, согласно эмпирическим данным, разные психологические составляющие в различной степени подвластны деформации – так, например, эмоционально-мотивационная сфера деформируется в большей степени, нежели блок личностных характеристик.

Профессиональные деформации могут проявляться на четырех уровнях:

1. *Общепрофессиональные деформации* – это общие особенности личности, свойственные данной конкретной профессии вне зависимости от специализации. Именно они делают представителей одной профессии похожими друг на друга, узнаваемыми. Они могут быть выражены в большей или меньшей степени, но так или иначе прослеживаются у всех работников со стажем. Так, например, для многих врачей характерно некоторое безразличие к чужим страданиям, для работники правоохранительных органов – восприятие всякого гражданина как потенциального нарушителя, а для руководителей – стремление манипулировать подчиненными, а порой и пренебрежение этическими или профессиональными нормами.

2. *Специальные профессиональные деформации* – которые формируются в ходе специализации работника. Внутри каждой профессии существуют различные специализации, представители которых также имеют свои схожие особенности. Так, например, среди представителей юридической профессии большинству следователей свойственна правовая подозрительность, оперативным работникам – агрессивность, адвокатам присуща некоторая изворотливость, а прокурорам – обличительность. Медицинские работники разных специальностей тоже обрастают своими деформациями. Например, терапевты ставят угрожающие диагнозы, хирурги циничны, медсестры черствы и равнодушны.

3. *Профессионально-типологические деформации* – которые встречаются у представителей разных профессий и являются следствием влияния психологических особенностей индивида (темперамент, характер, таланты) на психологические аспекты его трудовой деятельности в следствии чего возникает ряд комплексов:

1) искажения личности в сторону профессии – такие, как мотивированность на цель, пересмотр ценностей, скептицизм относительно каких бы то ни было новшеств, пессимизм;

2) выдающиеся способности в области коммуникации, организации, интеллекта – могут стать причиной нарциссизма, чувства превосходства, завышенных требований к окружающим, замкнутости;

3) деформации, обусловленные чертами характера – т.е. выход за пределы своей компетенции, тирания, безразличие и др.

4. *Индивидуализированные деформации* – которые возникают у людей самых разнообразных профессий в ходе диффузии личностных и профессиональных качеств. В процессе продолжительной трудовой деятельности зачастую получают чрезмерное выражение отдельные профессионально значимые качества (как и профессионально нежелательные), что ведет к возникновению сверхкачеств и акцентуаций. Это могут быть сверхответственность, суперчестность, гиперактивность, трудовой фанатизм, профессиональный энтузиазм [9].

Как следствие, все профессиональные деформации становятся причинами стрессов, конфликтов, депрессий, снижения продуктивности труда.

Пожалуй, невозможно представить себе трудовую деятельность абсолютно лишенную эмоциональных нагрузок, что неизбежно сказывается на личностно-профессиональных качествах работника. Однако последствия эти могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер. С одной стороны, преодоление трудностей ведет к более глубокому пониманию себя и окружающих, расширению представлений об окружающем мире, новых возможностей для самореализации, что является неотъемлемой составляющей личностного роста. С другой стороны, негативный опыт решения проблемы может стать причиной чрезмерного самоконтроля, пресыщения человеческим общением, цинизма, равнодушия, проецирования профессионального негатива на представителей ближайшего окружения (друзей, родственников) и на самого себя [6, с. 15].

Кроме того, профессиональные деформации могут отличаться по глубине и устойчивости [11, с. 42]. Наиболее распространенными случаями профессиональной деформации являются «административный восторг», «управленческая эрозия» и синдром «эмоционального выгорания».

Выражение «административный восторг» впервые встречается в романе «Бесы» Ф.М. Достоевского, написанном в 1872 г. Именно он заметил своеобразную закономерность, что, усевшись в самое ничтожное «начальственное» кресло, человек воображает себя «Наполеоном», диктатором, распоряжающимся судьбами человеческими [12].

В общем, под термином «административный восторг» понимается особое психологическое состояние, характерное для человека, находящегося пусть даже на небольшой ступени власти. Человек, подверженный такой деформации, считает себя в праве карать и миловать, он считает данный ему статус достаточным основанием для рефлексорного определения кто прав, кто виноват и беспощадно расправляется со всеми, кто лично ему кажется неправым. Чаще всего сам человек прекрасно осознает тот факт,

что он злоупотребляет властью, но им движет абсолютная уверенность в том, что все это ведет к благой цели.

Сложно сказать почему, получив самую незначительную руководящую должность, некоторые люди непременно пытаются унижить просителя. Вполне возможно, что причиной может стать плохое настроение, физиологическое отвращение, зависть, месть, или просто дурной характер.

Еще одной деформацией, свойственной исключительно людям облеченным властью, является «управленческая эрозия», которая, в отличие от «административного восторга», проявляется в том, что чем выше должность руководителя, тем сильнее в его поведении проявляется эта «эрозия». Властолюбие у таких людей становится сродни наркомании – т.е. жажда власти проявляется исключительно ради еще большей власти, решения руководителя приобретают все большую иррациональность, его опьяняет чувство доминирования, а общественная польза воспринимается им как нечто несущественное.

Для таких «испорченных» властью людей вопрос сохранения и расширения собственных полномочий является приоритетным, для оправдания все большего расширения контролирующих и репрессирующих средств они могут генерировать мифы о врагах и всевозможных опасностях для организации. При этом стиль руководства не играет значительной роли – т.к. демократичные руководители подвержены «управленческой эрозии» не меньше, чем приверженцы авторитарного стиля управления. Такой руководитель, стремясь сохранить свой авторитет во что бы то ни стало, зачастую не приемлет никаких нововведений, тогда как его привычные стратегии и формы управления, бывшие когда-то эффективными, в новых условиях могут потерять свою актуальность и ценность.

Чтобы избежать «управленческой эрозии» многие организации прибегают к ротации кадров – т.е. установив максимально возможный срок нахождения на руководящей должности, организация меняет руководящий состав компании, поручая управление новым людям. Новые руководители, как правило, привносят

свежую струю, проявляют большую инициативность, склонность к нововведениям, креативность [2]

Еще одним из наиболее часто встречающихся видов деформации личности является «эмоциональное выгорание». Изначально проявления синдрома «эмоционального выгорания» были выявлены американскими психологами. Так, в 1960-х гг. в США организовывали социальные службы для людей, попавших в тяжелые жизненные ситуации, сотрудники выступали в роли слушателей, помогали советами, оказывали моральную поддержку. Но вскоре от посетителей начали поступать жалобы в сторону персонала, причиной которых являлось равнодушие и невнимательность к проблемам пациентов. После проведенных исследований, ученые пришли к выводу о так называемом «профессиональном истощении».

Термин «эмоциональное выгорание» («burnout») был введен американским психиатром Х. Дж. Фрейденбергером в 1974 г. Работая в больнице психиатром, он проводил наблюдение за персоналом, на которых действовала больничная среда их работы. Это ввергало их в эмоциональное перенапряжение и истощение, в итоге сотрудники теряли мотивацию к работе. Данный феномен он определил, как «staff burnout», что означает «выгорание, сгорание, затухание», и характеризуется сильным переутомлением по ассоциации с «затуханием пламени костра или свечи». Автор вкладывал в этот термин специфическое состояние психологического истощения с одновременным ощущением личностью собственной бесполезности в профессиональной деятельности [4].

Феномен эмоционального сгорания начал активно изучаться с 1980-х гг. В 1981 г. ученый-психолог Э. Морроу предложил яркий эмоциональный образ, отражающий, по его мнению, внутреннее состояние работника, испытывающего дистресс профессионального выгорания – «Запах горячей психологической проводки» [8].

К началу 1980-х гг. в англоязычной литературе насчитывалось более тысячи публикаций, посвященных эмоциональному сгоранию. Поначалу исследования касались в основном описания тех психологических изменений, которые авторы наблюдали у

лиц социальных профессий. В центре внимания находились почти исключительно врачи и медсестры, а также социальные работники, чья деятельность проходила в благотворительных организациях. Психологические эксперименты на эту тему были эпизодическими и не согласовывались между собой, шел период накопления эмпирического материала.

К 1982 г. группа исследований сфер профессионального риска по возникновению сгорания была расширена. Так, Р. Шваб включил в нее педагогов, полицейских, юристов, сотрудников пенитенциарной системы, политиков, менеджеров.

К. Маслач, одна из ведущих американских психологов по исследованию феномена эмоционального сгорания, выделила ту черту, которая объединяет лиц социальных профессий, несмотря на различия в их деятельности: «близкий контакт с людьми, который, с эмоциональной точки зрения, часто очень трудно поддерживать продолжительное время» [13].

К. Маслач также выделила ключевые составляющие синдрома «эмоционального сгорания»:

1) индивидуальные пределы эмоционального «Я», позволяющие личности определенное время противостоять истощению («сгоранию»);

2) личностный психологический опыт (эмоции, чувства, установки, мотивы, ожидания);

3) негативный индивидуальный опыт, в котором сконцентрированы проблемы, дистресс, дискомфорт, фрустрация.

Описательный период изучения феномена эмоционального выгорания ознаменовался выделением симптомов, позволяющих предполагать наличие выгорания. Так, американский социальный психолог и педагог Э. Аронсон, выделил три важнейших состояния этого феномена [13]:

1. *Телесное истощение* – проявляется астенией, недостатком энергии, хронической усталостью. У «сгоревших» наблюдается пониженный иммунитет, сильная подверженность респираторным заболеваниям (грипп, ОРВИ), частые головные боли, перенапряжение и болезненность в области шеи, плеч, спины. Они также часто жалуются на бессонницу.

2. *Эмоциональное истощение* – проявляется как ощущение подавленности, беспомощности, невозможности найти выход из создавшейся ситуации. Тяжелые формы выгорания могут заканчиваться психическими расстройствами и даже попытками суицида. В более легких случаях отмечается выраженная эмоциональная лабильность (неконтролируемые слезы, повышенная раздражительность, нервозность), часто отмечается ощущение тотальной несостоятельности.

3. *Духовное истощение* – характеризуется формированием негативной установки на себя, работу и на жизнь вообще. Успехи на работе не приносят удовлетворения. Самооценка низкая, самоотношение негативное, встречается потеря самоуважения, появление комплекса неполноценности.

В 1990-х гг. изучение феномена эмоционального сгорания приобрело более систематичный и научный характер – началось изучение структуры данного феномена, факторов и условий, предрасполагающих к его развитию, помимо принадлежности к определенным профессиям стали проводиться сравнительные исследования. Было создано несколько моделей развития эмоционального сгорания, появилось представление о нем как о динамическом процессе, развернутом во времени, характеризующемся этапностью, стадийностью и прогрессированием специфических проявлений. Так, динамическая модель Б. Перлман и Е.А. Хартман описывает развитие процесса эмоционального выгорания как проявление трех основных классов реакции на организационные стрессы:

1) класс физиологических реакций – проявляющихся в соматических жалобах (физическое истощение);

2) класс аффективно-когнитивных реакций – эмоциональное и мотивационное истощение, деперсонализация, нравственная дезориентация;

3) класс поведенческих реакций – выражающихся в специфических типах преобладающего поведения (дезадаптация, дистанцирование от профессиональных обязанностей, сниженная рабочая мотивация и продуктивность) [5].

Отечественные исследователи психологии личности, психологии труда и социальной психологии также проявили интерес к феномену эмоционального сгорания в 90-е гг. прошлого века. Именно к этому периоду относится большое число российских психологических исследований, посвященных феномену сгорания. Появляется описание трехфазной модели В.В. Бойко, расширяется список профессий, занятость в которых повышает риск развития синдрома эмоционального выгорания. Российские авторы выделили ключевые факторы, способствующие выгоранию сотрудников пенитенциарных учреждений и пришли к пониманию необходимости разработки и внедрения профилактических и коррекционных мероприятий [1].

Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) продолжает активно изучаться и в других профессиональных группах (педагоги, психологи, социальные работники и др.). Исследователи анализируют отдельные факторы профессиональных деформаций, пополняют имеющиеся сведения о наличии взаимосвязи между формированием СЭВ и индивидуально-психологическими особенностями личности, а также внешними стрессогенными факторами. Публикуется много работ, посвященных вопросам профилактики и коррекции эмоционального выгорания.

Начиная с 2000-х гг. научные исследования касаются, прежде всего, изучения факторов формирования синдрома эмоционального выгорания в профессиональной деятельности и возможностей его ранней диагностики и психопрофилактики. Разрабатываются тренинги, групповые и индивидуальные занятия, активно развивается психокоррекционное направление, задачей которого является ранняя профилактика и уменьшение негативных последствий синдрома выгорания в профессиональных группах, относящихся к группам риска по развитию СЭВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Анашкина, Н. Н.** Синдром эмоционального выгорания у медицинских работников как психологический феномен / Н. Н. Анашкина, Т. Ю. Хабарова. – Текст : непосредственный // Центральный научный вестник. – 2016. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 3–5.

2. **Бодров, В. А.** Психологический стресс: развитие и преодоление / В. А. Бодров. – Москва : ПЕРСЭ, 2006. – 523 с. – Текст : непосредственный. – ISBN 5-9292-0146-3.

3. **Верховод, Ф. С.** Профилактика синдрома эмоционального выгорания педагогических работников / Ф. С. Верховод. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологического знания в современном образовательном пространстве : материалы международной научно-практической и научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов : г. Белгород, 8 апреля 2014 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – С. 67–79. – ISBN 978-5-8231-0307-7.

4. **Водопьянова, Н. Е.** Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 336 с. – Текст : непосредственный. – ISBN 5-469-00289-6.

5. **Ильин, Е. П.** Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 573 с. – Текст : непосредственный. – ISBN 978-5-459-01005-3.

6. **Катунин, А.** Стрессоустойчивость как психологический феномен / А. Катунин – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – С. 243–246.

7. **Козлова, А. В.** Психологические особенности профессиональных деформаций личности преподавателя высшей школы : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук : 19.00.13 / А. В. Козлова. – Москва, 2006. – 147. – Текст : непосредственный.

8. **Ларионова, О. В.** Профилактика синдрома выгорания в паллиативной помощи / О. В. Ларионова. – Текст : непосредственный // Сестринское дело. – 2018. – № 3. – С. 42–43.

9. **Морозов, В. В.** Изменение психологических качеств практикующих медицинских сестер в условиях реформирования сестринского образования / В. В. Морозов. – Текст : непосредственный // Сестринское дело. – 2019. – № 7 – С.32–34.

10. **Москвина, Н. Б.** Личностно-профессиональные деформации педагогов: теоретико-методологический анализ : монография / Н. Б. Москвина. – Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 2004. – 144 с. – ISBN 5-87155-204-8. – Текст : непосредственный.

11. **Ронгинская, Т. И.** Синдром выгорания в социальных профессиях / Т. И. Ронгинская. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 2016. – Т. 23. – № 3. – С. 85–95.

12. **Фетискин, Н. П.** Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – Москва : Издательство Института психотерапии, 2005. – 488 с. – ISBN 5-89939-086-7. – Текст : непосредственный.

13. **Maslach, C.** The truth about burnout: how organizations cause personal stress and what to do about it / C. Maslach, M. P. Leiter. – San Francisco, CA : Jossey-Bass, 1997. – 200 p. – Текст : непосредственный. – ISBN: 978-0-470-42356-1.

Дьяченко Т.М.,
канд. психол. наук, профессор психологии
Глендэйл Комунити Колледжа, Глендэйл, Аризона, США

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ-ПСИХОПАТОВ

Аннотация. Дети, воспитанные психопатами, подвергаются постоянному насилию или становятся свидетелями насилия. Это приводит к многочисленным психологическим расстройствам. В этой статье описан клинический случай девушки, пережившей психологическое насилие в детстве со стороны родителей, и влияние насилия на ее психологическое здоровье. Описан механизм возникновения парентификации и глубокого чувства вины перед родителями, которое препятствует нормальному развитию во взрослом возрасте.

Ключевые слова: родители-психопаты, дети-жертвы абьюза. последствия насилия в детстве, дереализация-деперсонализация.

Психопаты, по определению Роберта Хаэра, – это люди без совести, для которых характерны харизма, очарование, грандиозное чувство собственной ценности, потребность в стимуляции, склонность к скуке, поверхностные эмоции, отсутствие способности к глубоким чувствам и привязанности, а также безответственность. Для них типичны частая смена сексуальных партнеров и беспорядочные половые связи. Такие личности лишены раскаяния, эмпатии и сопереживания. Они лживы, склонны к обману, манипуляциям. Используют людей в своих целях, не могут контролировать свое поведение, импульсивны, не берут на себя ответственность за свои действия, обвиняют других в своих проблемах. Склонны к противоправным действиям. Получив условную судимость, не могут выдержать испытательного срока и попадают в тюрьму. Девиантное поведение наблюдается уже с детства или с подросткового возраста [8].

Согласно моим наблюдениям, у жертв, пострадавших от психопатов, даже после короткого периода отношений (от 6 ме-

сяцев до 2 лет) может развиваться чувство тревоги, неуверенности в себе, депрессия, склонность к злоупотреблению ПАВ, расстройства пищевого поведения и многие другие проблемы. Но когда дети живут с родителями-психопатами первые 18 лет своей жизни, это обычно ведет к более серьезным психологическим расстройствам и проблемам со здоровьем.

Здесь я привожу клинический случай моей клиентки Ирины, 26 лет, жертвы насилия в детстве. Девушка проходила терапию по методу многократного проигрывания [1]. Поведение отца, исходя из ситуаций, рассказанных Ириной, соответствует критериям антисоциального расстройства личности, а поведение матери – нарциссического расстройства личности согласно критериям DSM-5 [4].

Ирина оценила своего отца и мать по чек-листу психопатии. Результат для отца был 38 баллов, а мать девушка оценила на 25 баллов. Согласно Хаэру, оценка в 30 баллов является порогом, определяющим психопата, но по данным некоторых исследований только оценка в 20 баллов и ниже расценивается, как «не психопат» [7, 8]. Это дает возможность предположить, что у матери также есть психопатические тенденции.

Ирина обратилась ко мне в состоянии тяжелой депрессии после разрыва отношений с молодым человеком. Кроме того, ее состояние соответствовало критериям посттравматического стрессового расстройства, избегающего расстройства личности, диссоциативного расстройства (деперсонализация-дереализация), расстройства пищевого поведения (ночные переживания) и дисморфофобии (острое неприятие своего тела) согласно критериям DSM-5 [4]. Также она страдала от бессонницы, лишнего веса и аменореи в течении 2 лет с момента разрыва.

Состояние деперсонализации-дереализации проявлялось в регулярном (несколько раз в неделю) ощущении онемения, отчуждения от своего тела. Ночью у нее начиналось компульсивное переживание: она шла к холодильнику и видела, как будто тело идет вперед, а она – за ним. Девушка ела все подряд, наблюдая себя со стороны. Иногда она переживала искаженное восприятие пространства и людей. Например, вся окружающая обстановка

казалось ей покрытой туманом или водой. При этом проверка реальности возвращала ее в действительность, что говорит об отсутствии психоза.

После разрыва отношений с предыдущим молодым человеком у Ирины был период, когда она как будто ощущала себя не собой, а другим человеком, что тоже является признаком диссоциации.

В процессе проработки травматического события разрыва отношений по авторскому методу многократного проигрывания [1] у Ирины начали всплывать травматические воспоминания детства, которые и объяснили диссоциативные эпизоды, ночные переживания, депрессию. Расставания с молодыми людьми были триггерами к отсроченному посттравматическому стрессовому расстройству и диссоциативным защитным механизмам, которым она научилась в детстве, живя с родителями-психопатами.

Когда Ирине было 5 лет, однажды ночью мама ее разбудила и принесла в комнату родителей. Ирина говорит: «Я на них смотрю. Папа стоит с ружьем, направленным на маму. Мама кричит: «Не убивай меня, здесь же Ира». Мама закрывает себя мной, и я вижу ружье, направленное на меня. Я вылетаю из тела, я смотрю на все со стороны. Потом папа опустил ружье, и я чувствую радость и победу: я защитила маму. А потом я плачу, ведь папа чуть не убил маму».

Девочка «вылетела из тела»; это означает, что диссоциация с такого раннего возраста стала защитным механизмом, позволяющим перенести душевную боль и угрозу потери мамы. Впоследствии ее мучили ночные кошмары с сюжетами угрозы убийства, что является симптомом ПТСР.

Отец часто приходил домой пьяным и бил тарелки, кричал на маму, обзывался. Диссоциативные эпизоды – «вылеты из тела» – помогали девочке справиться со страхом потери мамы, отключали от непереносимого страха.

Привязанность к матери с точки зрения эволюционной психологии необходима для выживания с точки зрения Боулби [5]. Страх потерять маму для маленького ребенка равносителен страху

смерти. Именно поэтому Ирина не боялась за свою жизнь, но очень сильно боялась потерять маму.

Разрыв с молодым человеком явился стимулом, запустившим отсроченное ПТСР и диссоциацию как механизм, защищающий от боли потери.

Ситуация с ружьем также указывает на истоки парентификации – феномена, описанного Чэйсом [7]. Девочка с раннего возраста чувствует ответственность за жизнь матери и, возвращаясь в тот возраст, произносит: «Я такая сильная и взрослая, я должна мониторить двоих взрослых, чтобы папа не убил маму. Я должна стать маме защитницей». Парентификация в детстве, согласно Чэйсу, приводит к формированию ложного «Я», которое настроено на желания, потребности и уязвимости родителей. Дети становятся взрослыми и бдительными гораздо раньше, чем психологически и физически созревают для этого, и даже раньше, чем становятся способны сами защититься от нарушения собственных границ [7].

Отец зарабатывал много денег, дом был полная чаша, но эмоциональное состояние ребенка не было приоритетом для родителей. Они были слишком заняты борьбой друг с другом, а ребенок должен был не только сам справляться со своими страхами свидетеля насилия, но и успокаивать маму, сдерживать отца. Видимо, диссоциация помогала ей быть сильной, не чувствовать страх, позволяла выполнять роль «родителя» для собственных родителей.

Другой причиной диссоциации у Ирины были двойные послания от родителей. Когда Ира делала подарок для папы, мама обвиняла дочку за то, что та любит отца. Девочка чувствовала вину перед матерью, как будто она совершила предательство.

Когда дочка проводила время с мамой, папа считал ее предательницей и обвинял девочку в коалиции с мамой. Ирина не знала, на чью сторону встать. В моменты, когда ее ставили перед выбором между мамой и папой, у нее также происходили состояния диссоциации – выхода из тела.

В данном случае, диссоциация была вызваны взаимоисключающими двойными посланиями: нельзя любить папу и нельзя

любить маму. Но нельзя не любить маму и нельзя не любить папу. Такая линия поведения приводит к глубоким психическим нарушениям, поэтому Бэйтсон называл ее шизофреногенной [6]. Хотя в настоящее время такое поведение матери не считается причиной шизофрении, оно часто бывает в анамнезе клиентов с диссоциативными расстройствами.

Диссоциация возникала, когда родители обвиняли девочку в похожести на другого родителя. Каждый видел в ней отражение своего супруга и выражал эту ненависть ребенку. Мама говорила: «Ты вся в своего папашу», – а папа говорил: «Ты такая же тупая, как твоя мать». Родители использовали этот прием, чтобы отреагировать агрессию, а ребенок должен был контейнировать в себе взаимную ненависть обоих родителей. Девочка не принимала в себе ни материнскую часть, ни отцовскую – и в итоге не принимала всю себя. У нее было ощущение, что в ее тело они сливали ненависть, как в сливной бачок, а места для нее самой не оставалось. Поэтому диссоциация в данном случае символизировала отсутствие места для самой себя в собственном теле, в котором плескалась только взаимная ненависть родителей. Когда Ирина проходила такие эпизоды в ходе терапии, у нее немели губы и ее выбрасывало из тела, как и в детстве.

Диссоциация также была результатом игнорирования родителями травм и болезней ребенка. В возрасте 4 лет Ирина получила травму головы, играя с друзьями во дворе: кто-то кинул в нее кирпич. У нее сразу возникло чувство стыда и вины, она была уверена, что ее обвинят в этой травме и что если она будет плакать, то ее накажут. Это значит, что в случаях физической боли сочувствия от родителей девочка не получала, а получала осуждение и наказание. Она была ответственна за их конфликты и боль, но они не чувствовали ни сострадания, ни ответственности за здоровье дочери. Со своей болью она должна была справляться сама. Такое воспитание научило Ирину, что нельзя быть в контакте со своими чувствами, нельзя плакать от боли и что в трудных ситуациях лучше вообще ничего не чувствовать. Это тоже усугубляло диссоциативные эпизоды, делало «вылеты из тела» обычной защитной реакцией от физической боли.

Сексуальное использование тоже вызывало диссоциативные состояния. Случай, о котором рассказала Ирина, произошел, когда ей было 6 лет. Отец закрыл лицо девочки, раздел ее догола, а потом долго на нее смотрел и что-то делал. Она боялась пошевелиться. Было ощущение ужаса, абсолютной непредсказуемости и неконтролируемости ситуации. В этот момент тоже произошла диссоциация с телом. Этот случай Ирина вспомнила в процессе погружения в воспоминания детства – и не помнила до этого, что часто случается с жертвами сексуального насилия. Такие действия отца считаются сексуальным насилием.

Проработка эмоционального заряда в этой ситуации принесла большое облегчение и снижение симптомов диссоциации. Сексуальное использование даже своих детей – это характерная черта психопата. Ведь ребенок – это всего лишь инструмент для собственных нужд.

Ирине не разрешалось показывать никаких чувств, кроме позитивных. Она должна была «носить» улыбку, чтобы радовать родителей. Когда родители приводили ее к бабушке или в гости, она не должна была возражать, а должна была улыбаться, чтобы все подумали: «Какая у них хорошая дочь!» Она не хотела улыбаться, но ей приказывали улыбаться. Это приводило к отказу от собственных чувств, к ощущению маски на лице. И эти ощущения повлекли за собой отчуждение от собственного лица: «Это не мое лицо, это маска, которую меня заставили надеть».

Часто у клиентов, страдающих от деперсонализации, наблюдается искаженное восприятие своего лица. Лицо-личность-персона ощущается не как собственное, а как чье-то еще. В зеркале такие люди не видят себя, не видят целостности своего лица. Так же описывала отражение своего лица в зеркале и Ирина. Она видела отдельные черты, когда умывалась или красилась, но все лицо в целом не видела и не воспринимала это отражение как себя.

Мать в подростковом возрасте заставляла девочку одеваться в школу по своему вкусу. Это была одежда тридцатилетней женщины: туфли, юбка, блузка. Ирина не могла возразить, потому что тогда мама обижалась и не разговаривала с ней. Страх поте-

рять мамино расположение был сильнее страха опозориться перед одноклассниками, и девочка надевала то, что ей говорили. Одеваясь как мама, Ирина не чувствовала, что это тело – ее собственное; оно ощущалось как мамино. Мама как будто «арендовала» тело дочери и одевала его по своему вкусу. Глядя в зеркало, Ирина не видела, что это ее тело, а видела мамино тело. Отчуждение от своего тела является признаком деперсонализации.

Насмешки родителей над телом Ирины вызывали диссоциацию, выражающуюся в потере ощущения тела и онемении. Отец постоянно критиковал внешность девочки, называя ее «толстой». В этом они с матерью были солидарны и объединялись: они высмеивали дочь вдвоем. Мама говорила, что Ирина много ест, но при этом кормила жирной пищей и заставляла все доедать. Это тоже относится к двойным посланиям: нельзя есть, чтобы не толстеть, но нельзя не есть, чтобы не обидеть маму. Это вводило девочку в состояние дезориентации. Ира не могла понять, что ей делать, чтобы угодить маме. Поскольку возражать и оспаривать мамины указания было нельзя, девочка выходила из ситуации путем «выхода из тела». Она переставала чувствовать тело и видела себя со стороны, что является показателем диссоциации.

Критика и насмешки над внешностью Ирины были постоянным развлечением родителей, и это стало причиной дисморфобии в дополнение к диссоциации. Про тело женщина говорила так: «Я чувствую отвращение к телу, оно некрасивое, толстое и уродливое. Мне хочется избавиться от своего тела». При этом размеры тела совершенно нормальные, в соответствии с возрастом и ростом.

Ирина ненавидела свое тело и думала о нем в тех же выражениях, что и ее родители. Эти мысли навязчиво прокручивались в ее голове, и ей казалось, что все видят, какая она толстая и чувствуют такую же неприязнь к ней. Ирина все время старалась похудеть и улучшить свое тело. Отвращение к телу, иррациональное восприятие его пропорций, повторяющиеся уничижающие мысли о теле, желание его исправить, согласно DSM-5, указывают на дисморфобию. Избегание общения в течение года из-за страха получить насмешки и критику по поводу фигуры или умственных способно-

стей, глубокая вина и самообвинения – это признаки избегающего расстройства личности, согласно DSM-5 [4].

Отношение к телу также вызывало ночные переживания, которые начались на фоне страха обидеть маму своей стройностью. Когда девушка приехала к родителям очень похудевшая и мать упрекала ее в худобе, Ирина почувствовала, что обидела маму тем, что похудела, что она недостойна быть худой и стройной, потому что это не нравится маме. У Ирины стали появляться приступы ночного обжорства. Она набрала в течение трех месяцев 15 кг лишнего веса. В тот же период у девушки пропали месячные.

Во время приступа обжорства она чувствовала ненависть к себе, и вину перед мамой. «Я должна быть наказана, я недостойна быть красивой. Красивой должна быть только моя мама», – такие мысли Ирина осознала в процессе проработки моментов обжорства по методу многократного проигрывания.

Но это еще не все, чем награждают ребенка родители- психопаты. Выросшие дети чувствуют вину и ответственность за родителей даже после всех издевательств, полученных в детстве, после того как уйдут во взрослую жизнь. Это также относится к парентификации [7].

Ирина выросла и уехала в другой город, а мама регулярно звонила ей и жаловалась на отца-деспота. Когда девочка была маленькой, мать говорила, что живет с отцом ради дочери, но когда Ирина покинула отчий дом, мать так и не развелась – продолжала страдать и жаловаться. И Ирина чувствовала, что мать в опасности, надо ее спасать, защищать и забирать к себе, несмотря на то, что матери 50 лет и она вполне дееспособная, здоровая женщина с хорошим заработком. Дочь чувствовала, что не может быть счастливой, строить личное счастье и карьеру, пока мама несчастна.

Ирина не может «бросить» маму на съедение извергу, а должна защищать ее так же, как в 5 лет, когда закрывала ее от ружья отца, и позже, когда вставала между родителями, разнимая их во время драк и шумных ссор. Это является проявлением родительских чувств к собственной матери.

Ирине жалко и папу, он стал гораздо добрее: звонит и не ругается. Однако он все время жалуется на тупость матери и сослуживцев, на несправедливость жизни. Девушка чувствовала, что папа как маленький ребенок: так и ждет ее тепла и ласки, а она ответственна за его состояние и должна поддерживать его эмоционально. Это является проявлением родительских чувств к отцу.

Для выросших жертв абьюза в детстве парентификация – это типичное явление. Получая обвинения и наказания за недостаточное внимание к нуждам родителей, дети чувствуют постоянную вину и ответственность за эмоциональное состояние, безопасность, финансовое благополучие отца и матери.

Вина – это тот рычаг манипуляций, который родители-психопаты «имплантируют» своим детям в самом раннем возрасте. Этот «имплант» остается на всю жизнь, не поддаваясь рациональному объяснению и не пропадая с осознанием. Вина и долг, как условная реакция, включается каждый раз, когда родители жалуется. И родители успешно пользуются этой реакцией для дальнейших манипуляций и использования детей в одностороннем порядке.

Дети, лишенные детства, испытавшие насилие и получившие серьезные психологические расстройства, тяжелые психологические травмы от тех, кто должен был их защищать и создавать им безопасную среду, меняются ролями со своими родителями и стараются опекать их.

Подобно ответственным родителям, дети психопатов не могут начать свою жизнь, потому что чувствуют вину, что не уследили, не долюбили, не дорастили своих «детей»-родителей.

Они эмоционально и финансово обслуживают тиранов, при этом не могут создать собственные семьи, построить карьеру, самореализоваться. Они продолжают быть рабами-жертвами. Для того, чтобы освободиться, им необходимо пройти путь осознания неуместности парентификации и разоблачения манипуляций родителей.

В процессе длительной работы в течение года и проработки травм детства Ирине удалось успешно пройти все пять стадий освобождения от роли жертвы [2].

Пока девушка не понимала, что пережила насилие, она была на первой стадии. Это стадия, когда жертва не знает, что она жертва [2]. Осознав, что в детстве стала жертвой насилия, Ирина перешла на вторую стадию, когда все еще присутствуют вина за свое поведение и оправдание агрессоров. Третья стадия ознаменовалась появлением чувства ненависти и гнева на родителей за свое утраченное детство. В этот момент удалось освободиться от вины и ответственности за них, пришло понимание, что ее родители – это взрослые люди, а не беззащитные дети. Следующим этапом стало освобождение от гнева и обиды и разрыв эмоциональных связей с тиранами. Но на этой фазе на Ирину все равно периодически накатывала вина и ответственность за благополучие родителей. Когда она вступала в контакт с ними, то опять возвращались депрессия, диссоциация и ненависть к себе, потому что родители не поменяли отношения к дочке и не прекратили манипуляций. Дальнейший процесс проработки эмоционального заряда помог Ирине перейти на пятую стадию полного освобождения от чувств гнева и вины и от зависимости от родителей.

И только на последней стадии преодоления программы жертвы девушка смогла полностью достичь устойчивого улучшения состояния, принятия своего детского опыта. С родителями она больше не общается.

В итоге показатели депрессии и тревожности снизились, Ирина избавилась от симптомов расстройства пищевого поведения, деперсонализации и диссоциации, дисморфофобии, а также от аменореи, проблем со сном, вес снизился до нормального.

Итак, этот клинический случай демонстрирует, что детство, проведенное с психопатами, оставляет глубокие раны в психике ребенка и оказывает разрушающее воздействие на личность, психологическое и физическое здоровье. Взрослея, жертвы абьюза не освобождаются, а продолжают нести на себе тяжесть парентификации и ответственность за благополучие родителей.

Несчастливая любовь помогла Ирине вспомнить и осознать свое детство, которое раньше ей казалось нормальным. Она смогла осознать причины своих проблем, избавиться от парентификации, освободиться от тисков и манипуляций родителей и

выйти из роли жертвы, отказавшейся от своей жизни. Важным условием процесса преодоления последствий насилия в детстве является проработка детских травм и прекращение общения с психопатами.

Теперь Ирина находится в процессе преодоления избегающего расстройства личности. Она уже решилась вступить в отношения с друзьями и даже в романтические отношения с молодым человеком.

Все детали этого клинического случая приводятся с разрешения Ирины. Имя девушки и некоторые детали изменены в целях конфиденциальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дьяченко, Т. М.** Метод многократного проигрывания в работе с жертвами насилия: исследование эффективности / Т. М. Дьяченко. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26-28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 122–138. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

2. **Дьяченко, Т. М.** Пять стадий, которые проходит жертва домашнего насилия / Т. М. Дьяченко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2019. – С. 122–134. – ISBN 978-5-8231-0935-2.

3. **Ainsworth, M. D. S., Blehar, M. C., Waters, E., & Wall, S. N.** (2015). *Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation*. Psychology Press. – Текст : непосредственный.

4. American Psychiatric Association : Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (2013). Fifth Edition. Arlington, VA, American Psychiatric Association. – Текст : непосредственный.

5. **Bowlby, J.** (1973). Attachment and loss : V. 1. 2. Separation: Anxiety and anger. New York: Basic Books. – Текст : непосредственный.

6. **Bateson, Gr.** (1972). Steps to an Ecology of Mind : Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University Of Chicago Press. – Текст : непосредственный.

7. **Hare, R.** (1995) Without Conscience, Snakes in Suits. Pocket Book. New York. – Текст : непосредственный.

8. **Hare, R. D.** (2003). The Hare Psychopathy Checklist–Revised (2nd ed.). Toronto, ON, Canada: Multi-Health Systems. – Текст : непосредственный.

9. **Skeem, J. L., Polaschek, D. L. L., Patrick, C. J., & Lilienfeld, S. O.** (2011). Psychopathic Personality. *Psychological Science in the Public Interest*, 12(3), 95–162. – <https://doi.org/10.1177/1529100611426706>. – Текст : электронный.

10. **Zolotor, Adam & Runyan, Desmond & Dunne, Michael & Jain, Dipty & Péturs, Helga & Ramirez, Clemencia & Volkova, Elena & Deb, Sibnath & Lidchi, Victoria & Muhammad, Tufail & Isaeva, Oksana** (2009). ISPCAN Child Abuse Screening Tool Children's version (ICAST-C): Instrument development and multi-national pilot testing. *Child abuse & neglect*. 33. 833-41. 10.1016/j.chiabu.2009.09.004. – Текст : электронный.

Осборн М.И.,
психолог, лайф-коуч, онлайн-консультант,
г. Окленд, Новая Зеландия

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОНЛАЙН- КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ЛЮДЕЙ, ПОСТРАДАВШИХ В ТОКСИЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Статья описывает формат и возможности онлайн-консультирования, что сложилось стихийно в условиях стремительного развития социальных сетей, онлайн- и мобильных приложений для поиска решений в сложных психологических ситуациях. В статье я использую данные из моей практики онлайн-консультирования в разных форматах, а также результаты опросов, которые я проводила в закрытой группе поддержки жертв абьюза.

Ключевые слова: консультирование, онлайн-консультирование, консультирование по скайпу, гештальт-терапия, токсичные отношения, абьюз.

1. Развитие технологий и чего нам от этого ждать.

Развитие технологий, стремительный переход большинства социальных коммуникаций из реального в онлайн-пространство, диктует новые форматы в психологическом консультировании [1–5]. Более того, есть все основания полагать, что в течение ближайших одного-двух десятилетий состоится переход из формата очного «кабинетного» консультирования в онлайн-формат и цифровой игровой формат консультирования по типу компьютерных игр с прохождением клиентом определенных уровней в ходе решения его психологической проблемы.

Такие технологии и игры уже не только разрабатываются, но и существуют. Многочисленные диагностические и проективные онлайн-тесты и опросники, онлайн-симуляции бизнес- и коммуникационных процессов, а также мобильные приложения, краткий обзор которых я приведу в следующем разделе. Вопрос остается только в том, чтобы описать четкий алгоритм психологического консультирования со всеми возможными вариантами раз-

вития сценария взаимодействия с клиентом (с заданными рамками), и возможностью выбора клиентом наиболее подходящего и созвучного ему метода.

Онлайн-консультирование, телефонное консультирование, онлайн- и мобильные приложения для поиска решений в сложных психологических ситуациях становятся все более популярными и привлекательными для определенных групп людей. Переехав из России в Новую Зеландию, я использую, в основном, консультирование по скайпу, а также некоторые другие форматы консультационного, коучингового и обучающего взаимодействия с людьми, проживающими в разных регионах планеты. Далее я приведу результаты опроса по предпочтениям формата консультирования потенциальных потребителей этой услуги. Опрос я проводила в своей закрытой группе поддержки жертв абьюза «Территория счастливой жизни. Психоресурсы и поддержка» на Фейсбуке (на конец февраля 2020 г. в группе состоит более 7650 человек).

Я выделяю четыре основные категории потенциальных клиентов для онлайн-консультирования.

В первую очередь – это те люди, у которых нет возможности получить консультацию у психолога или психотерапевта очно. Например, бывают населенные пункты, где трудно попасть к психологу или психотерапевту, или там вообще нет таких специалистов. Больше всего потребителей онлайн-консультаций среди людей, которые проживают в другой стране и им нужен русскоязычный специалист.

Кроме того, встреча по скайпу – это единственная возможность получить консультацию психотерапевта, если у человека есть травмы, инвалидность, или необходимость соблюдения конфиденциальности, например, для жертвы насилия.

И четвертая категория клиентов, выбирающих онлайн-консультирование, – человек хочет получить помощь от конкретного специалиста, которого он нашел в онлайн группе, или посмотрел видеоролики психолога на ютубе.

По скайпу или через другое приложение с веб-камерой можно разговаривать друг с другом, видеть и слышать друг друга, а

этого уже достаточно, чтобы установить контакт и совершить полноценную коммуникацию. У психолога и клиента благодаря веб-камере есть возможность получить почти полный набор сенсорных впечатлений друг о друге за исключением запаха и тактильного контакта (рукопожатие, прикосновения).

Люди, пережившие любые виды насилия, очень часто боятся публичности, потому что токсичные партнеры контролируют каждый их шаг, каждое действие, в том числе и посещение психолога. Поэтому многие жертвы насилия начинают получать первые знания об абьюзе из закрытых групп поддержки жертв абьюза в социальных сетях, из видео на ютубе, из статей в интернет. Именно там они обычно и находят психологов, которые откликаются на их вопросы и консультируют онлайн в режиме строгой конфиденциальности.

В этой статье я не затрагиваю такие категории потенциальных клиентов для онлайн-консультирования как подростки и люди в местах лишения свободы. Работа с несовершеннолетними и заключенными происходит в другом правовом поле и требует отдельного исследования, что не входит в сферу моих интересов и компетенций.

2. Мобильные приложения для решения психологических проблем.

Несмотря на критическое отношение психологов и психотерапевтов к мобильным приложениям, созданным для того, чтобы «заменить» психолога – человека, эти приложения уже заняли свою нишу. Я сделаю небольшой обзор лишь самых популярных из них – с профессиональной платформой и удобным интерфейсом.

1. *Tess*. Приложение для индивидуальной психотерапии. Настроено на беседу и распознавание тяжелого психологического состояния пользователя. Прототип Tess был создан для помощи ветеранам войн, страдающим от посттравматического стрессового расстройства. Разработчик – Affordable Mental Health Access with Proven Results (<https://www.x2ai.com/>).

2. *ACT Coach*. Популярное приложение, которое учит посредством выполнения упражнений не избегать, а контролировать

вать страхи, неприятные мысли и чувства. Разработчик – US Department of Veterans Affairs (<https://www.ptsd.va.gov/>).

3. *Pacifica – Stress & Anxiety*. Приложение помогает преодолеть стресс, тревогу, депрессию с помощью медитации, релаксации, контроля настроения и здоровья (<https://www.thinkpacifica.com/>).

4. *ParentSmart*. Приложение предлагает несколько вариантов выхода из проблемной ситуации с ребенком (<http://www.app-store.es/parentsmart>).

5. *Jealousy Test & CBT Self-Help*. Приложение предлагает техники когнитивно-поведенческой терапии, помогает разобраться с иррациональной ревностью, страхом потери, чувством уязвимости и гнева, которые вызывают это состояние, помогает переосмыслить эмоциональные переживания и научиться успокаиваться (<https://www.excelatlife.com/>).

6. *7 Cups* – тревога и стресс-чат. Приложение бесплатно связывает с профессионалами, которые оказывают эмоциональную поддержку, консультируют и проводят терапию, чтобы помочь преодолеть депрессию, тревогу и стресс (<https://www.7cups.com/>).

7. *АнтиПаника*. Приложение помогает людям, страдающим от панических атак и тревожных расстройств (<http://space4mind.com/>).

8. *MindShift*. Приложение помогает справиться с тревогой, беспокойством, а также предоставляет инструменты преодоления бессонницы, конфликтных ситуаций, панических атак. (<https://anxietycanada.com/>).

9. *Breathe2Relax*. Приложение обучает пользователей диафрагменному дыханию. Включает учебные материалы по реагированию на стрессовые ситуации, журнал для отслеживания уровня стресса до и после упражнений, а также множество настроек, позволяющих индивидуально организовать каждое занятие в соответствии со своим темпом дыхания (<https://breathe2relax.soft112.com/>).

10. *DBT Diary Card and Skills Coach*. Приложение выполняет функцию дневника для фиксации мыслей и перепадов настроения. Имеет полезный справочный раздел по диалектической те-

рапии поведения для лечения больных с пограничными состояниями (<https://psyberguide.org/apps/dbt-diary-card-skills-coach/>).

11. *Depression CBT Self-Help Guide*. Приложение помогает понять причины депрессии, и объясняет, что нужно сделать для облегчения симптомов (<https://www.excelatlife.com>).

12. *eCBT calm*. Приложение помогает оценить уровень стресса, потренировать внимательность и умение расслабляться, а также учит соотносить мысли со своими чувствами и поведением (<https://www.campuswell.com/>).

13. *Happify*. Приложение использует наработки позитивной психологии и когнитивно-поведенческой терапии, помогает избавиться от негативных мыслей и стресса, и перестать беспокоиться по пустякам (<https://www.happify.com/>).

Это далеко не полный перечень мобильных приложений. Их уже много десятков, доступных на разных языках, в том числе на русском языке. Я считаю все эти приложения незаменимым «карманным психологом» для интровертов и социофобов – людей с иррациональной боязнью внимания со стороны посторонних лиц, невозможностью заниматься чем-либо при наблюдении со стороны. Для людей, переживших отношения с токсичными людьми (диссоциальное/антисоциальное и нарциссическое расстройства личности), любое из перечисленных мобильных приложений – это доступная бесплатная возможность получить психологический ликбез, разобраться в себе, снять острые проявления стресса, тревожности и различных страхов.

3. Проблемы людей, пострадавших от абьюза, и ограничения в онлайн-консультировании.

Всех жертв токсичных отношений объединяют одни и те же признаки психологической интоксикации:

1. Проблемы со здоровьем: психосоматика различной этиологии.

2. Опустошенность, равнодушие к себе и окружающим.

3. Сильная эмоциональная боль, обида, растерянность, бессилие, гнев, ярость, ненависть, уныние – все в крайней степени.

4. Ослабление интеллекта: ступоры, обеднение мыслей и речи, проблемы с памятью, потеря интереса к новым знаниям.

5. Потеря себя. Трудности с самоидентификацией. «Кто Я?», «Чего я хочу?», «Куда я иду?», «О чем мечтаю?», «Чем заниматься?».

6. Социальная дезинтеграция – ощущение себя изолированными от тех, с кем раньше постоянно общался.

7. Постоянные негативные ощущения в теле: тяжесть, скованность, иные различные виды дискомфорта.

8. Ощущение пустоты, разочарование в себе, неверие в свои силы, ощущение себя обесцененным, человеком, которого предали.

9. Искажение и замена или потеря ценностей. Цинизм.

10. Состояние когнитивного диссонанса и фрустрации.

11. Апатия как часть вторичной депрессии.

12. Суицидальные мысли и даже действия.

Практически со всеми этими состояниями грамотный психолог/психотерапевт может работать онлайн. Предварительно необходимо исключить острые состояния психических заболеваний и расстройств личности, в том числе клиническую депрессию. Профессиональные психологи за редким исключением не работают онлайн с зависимостями: алкогольной, наркотической, пищевой. При это необходимо заметить, что уже есть успешный опыт онлайн-консультирования по поводу пищевой зависимости.

Выход из токсичных отношений напоминает выход из длительной комы. Состояние нестабильно, психика уязвима, ресурса практически нет. На этом этапе многим пострадавшим от абьюза необходима медикаментозная поддержка антидепрессантами по назначению врача. И это может быть сделано только при личной встрече в кабинете психиатра или невропатолога. Во время приема антидепрессантов психологические консультации онлайн не будут эффективны также, как если пациент находится под воздействием алкоголя или препаратов, меняющих сознание и восприятие реальности.

Онлайн-консультирование также ограничивает возможности проработки телесных блоков, а точнее – качество этой работы полностью ложится на клиента, который, находясь по ту сторону экрана компьютера или телефона, имеет соблазн работать не в

полную силу. Возьмем самое простое упражнение на стресс и полное расслабление всех мышц тела. Это упражнение помогает почти мгновенно изменить состояние клиента из состояния апатии и усталости на мобилизованное ресурсное состояние.

Терапевт инструктирует клиента находясь в положении сидя или стоя очень сильно сжать все мышцы, подержать их в таком состоянии несколько секунд, сделать вдох на втянутом животе и сжатых мышцах, подержать еще несколько секунд, и на очень медленном выдохе спокойно расслабить все мышцы. Обычно эта итерация повторяется для достижения более глубокого расслабления.

При наличии качественной связи, хорошего сигнала и скорости интернет, психотерапевт имеет возможность увидеть, насколько правильно клиент выполняет это простое упражнение. Однако, когда речь идет о работе с мышечными блоками и зажимами, специалисту бывает трудно оценить, насколько точно клиент находит участок напряжения в теле и насколько точно он повторяет те манипуляции с заблокированными мышцами, которые демонстрирует ему психотерапевт.

К другим ограничениям относятся технические проблемы: слабый сигнал и низкая скорость интернета, плохая веб-камера и/или микрофон, а также внешние помехи: маленькие дети, родственники, домашние животные, большая разница во времени, иные отвлекающие факторы, на которые психолог и клиент не всегда могут повлиять.

4. Методы в онлайн-консультировании.

Психолог, работающий онлайн, использует обычный алгоритм консультирования:

1. Установление контакта и формулирование предварительного запроса.

2. Выявление особенностей личности клиента и его проблемы посредством предварительного анкетирования. Многие психологи практикуют для этого первичные 15–20-минутные бесплатные онлайн-консультации.

3. Собственно онлайн-консультирование, во время которого психолог/психотерапевт диагностирует проблему клиента и причины возникновения сложностей, помогает найти пути решения.

4. Домашние задания, рекомендации книг, статей и видео, которые помогут клиенту в самостоятельной работе между консультациями. При необходимости – ответы на вопросы клиента и его моральная поддержка онлайн (в чате, в мессенджере, по ватсапу, по электронной почте) между консультациями. *E-mail*-консультирование.

Стандартные методы, используемые в онлайн-консультации:

- Интервью, наблюдение, активное слушание.
- Вербальное проявление эмпатии, оказание психологической поддержки.
- Фокусирование на главном, анализ проблемы.
- Информирование клиента о психологических закономерностях.
- Поиск выхода из сложившейся ситуаций и оптимальных моделей поведения.

Вопреки утверждениям некоторых специалистов о невозможности использовать в онлайн-консультировании многих психотерапевтических методов, например, таких как психодрама, арт-терапия, гештальт-терапия, гипноз, я могу говорить об их использовании и получении позитивных результатов.

Одним из самых эффективных методов в онлайн-консультировании можно назвать метод когнитивно-поведенческой терапии.

5. Необходимые условия и компетенции для психолога, консультирующего онлайн.

Первое условие терапии – это искренность и конгруэнтность, которую терапевт должен транслировать через веб-камеру. Подлинность терапевта означает, что он открыто проживает чувства и установки, которые существуют в данный момент. Конгруэнтность – это соответствие того, что испытывается на соматическом уровне, что представляется в сознании, и того, что выражается клиенту.

Второе условие – принятие, позитивный взгляд на клиента, безоценочная установка. Это теплое расположение к другому, независимо от его состояния, поведения и чувств. Такое принятие

создает безопасность в отношениях. Онлайн это сделать так же просто, как и при очной встрече.

Третье условие – эмпатия. Это означает, что терапевт точно воспринимает чувства, личностные смыслы, переживаемые клиентом, и передает это клиенту. В идеальном случае терапевт проникает глубже и понимает не только те смыслы, которые клиент осознает, но и те, которые он пока не осознает. Необходимое условие отношений – свобода. Она невозможна без тонкого понимания чувств клиента, таких, какие они есть. Все это при условии доверия.

Другие необходимые компетенции онлайн-психолога:

– Профессиональная компетентность. Наличие необходимых для практики знаний, постоянно профессиональное совершенствование и отслеживание последних научных разработок в области психологии и психотерапии. Консультирование только в тех областях, где знания есть в наличии и подтверждены.

– Умение пользоваться письменной и устной речью, грамотность, точность слов и выражений.

– Способность направлять разговор в нужное русло.

– Умение слушать и слышать.

– Использование принципов обратной связи.

– Эмпатия по отношению к клиенту.

– Яркая образная метафоричная речь, эрудированность.

– Навыки управления коммуникацией: быть в русле выбранной темы, давать быстрые и короткие ответы на поставленные вопросы, делать выводы и подводить итоги.

– Социальная и личная зрелость психолога.

– Такие личностные качества как аутентичность, ассертивность, безоценочность, проницательность, эмоциональная стабильность и уважение к клиенту.

К этому списку я хочу добавить специфические параметры аудиальной репрезентативной системы по данным исследований психологов-консультантов службы «Телефон доверия»:

– Лингвистические и паралингвистические в части избирательного эмоционального восприятия, вызывающего у клиента те

или иные переживания, необходимые для достижения определенных изменений.

– Энергетика, экспрессия и тональная вариативность речи.

– Интонационная компетентность, включая мелодию речи, наличие и длительность пауз, громкость и ритм речи.

6. Результаты опроса по предпочтениям и недостаткам онлайн-консультирования.

Опрос проходил в группе поддержки жертв абьюза «Территория счастливой жизни. Психоресурсы и поддержка» на Фейсбуке. В опросе приняли участие 81 человек. Первая часть опроса касалась предпочтений при выборе онлайн- или очной кабинетной консультацией. Ответы распределились следующим образом:

74% – Мне без разницы – очно или онлайн, я выбираю специалиста и/или методику.

15% – Я предпочитаю только очные консультации в кабинете психолога.

4% – Выбирая между очной или онлайн, я бы выбрала очную.

2,5% – Я предпочитаю онлайн-консультацию.

Остальные 4,5% ответивших прокомментировали свое более комплексное отношение к консультированию с позиции личного опыта.

Вторая часть опроса была о недостатках онлайн-консультирования. Ответы распределились так:

22% – Бывают искажения звука, эхо и другие технические накладки во время эфира.

17% – Я боюсь, что ведется тайная запись или нас прослушивают, от этого не могу расслабиться и вести себя искренне.

11% – Часто трудно найти удобное время из-за разницы во времени.

50% – Другие варианты ответов распределились примерно поровну между отсутствием недостатков и персональными неудачами с конкретными специалистами.

Таким образом, по результатам опроса можно сделать вывод о том, что формат онлайн-консультирования занимает устойчивую нишу, имеет свою целевую аудиторию и приверженцев. При

этом психологам и психотерапевтам следует обратить внимание на технический, этический и психологический аспекты этого формата работы с клиентами.

Онлайн-консультирование является удобным форматом для гештальт-терапии, потому что гештальт-терапия не требует физического контакта с клиентом, является экологичным методом и использует техники и приемы, которые исключают ретравматизацию клиента.

7. Контакт с клиентом и критерии успешного процесса в онлайн-консультации.

Рекомендую следующие внутренние и внешние приемы, которые позволяют максимально передать эти состояния клиенту:

1. На время онлайн-консультации ничего не должно отвлекать, а если отвлекает по вине терапевта, то необходимо принести извинения и предложить клиенту, например, увеличить время консультации.

2. Внешний вид и имидж психолога сбалансирован. Для адекватного и конгруэнтного самоощущения во время онлайн-консультации он должен быть обут и одет так, как бы был бы одет на очной консультации.

3. Внутренняя манипуляция, которая поможет лучше почувствовать себя, свое тело как «прибор, принимающий информацию о клиенте» и самого клиента: заняв удобное положение на кресле или стуле, держать позвоночник прямым, расслабить мышцы по срединной линии тела, особенно в области солнечного сплетения, груди и горла, мысленно расширить границы тела за пределы своего рабочего места, за пределы своего города и страны так далеко, чтобы клиент оказался как бы внутри терапевта, в пределах этих границ. В этом случае любые переживания и напряжения клиента будут легко «считываться» телом терапевта. Любые сигналы и напряжения в теле будут сигнализировать о процессах, происходящих с клиентом. Для управления этим процессом нужно задавать клиенту уточняющие вопросы, которые будут подтверждать или опровергать гипотезу консультанта о том, что именно переживает клиент.

4. Во время онлайн-консультирования должна быть под рукой питьевая вода, а лучше – стакан с теплым чаем с медом, лимоном и имбирем. Процесс терапии для психолога является достаточно энергозатратным мероприятием, и в некоторых случаях глубокое «присоединение» к клиенту вызывает сильные напряжения в теле, часто – в горле. Теплый напиток помогает снять напряжение, смочить горло и дать «глоток энергии».

В процессе онлайн-консультирования консультанту необходимо делать пометки в своем блокноте, отмечая повторяющиеся слова, фразы, значимые факты, которые клиент рассказывает о себе. Это поможет в процессе онлайн-сессии и после нее (между сессиями) проанализировать психолингвистические паттерны, оговорки, и сопоставить их с проявлениями признаков вторичного процесса.

Вторичный процесс не осознается клиентом. Человек, рассказывая о своей проблеме, меняет голос, позу, осанку, что-то делает руками (щиплет одной рукой другую, поглаживает палец одной руки ладонью другой, тербит обручальное кольцо), покашливает, заметны вегетативные реакции (бледнеет, краснеет, потеет, кашляет и), испытывает телесный дискомфорт, боли и напряжение в теле.

Главное, что клиент не только не связывает большую часть этих проявлений с проблемой, но и вообще не осознает их наличие. Вместе с тем такие вторичные проявления могут многое рассказать клиенту об его собственной проблеме – при условии, что он отважится на достаточно рискованное «путешествие вглубь себя». В этих вторичных проявлениях гораздо больше правды и подлинности, чем в словесных конструкциях, часто являющихся результатом защитных процессов.

Так на одной из моих консультаций женщина несколько раз назвала себя социопаткой, рассказывая о своем опыте и своих проблемах. При этом ее поведение, поза, движения и интонации голоса говорили о чем-то другом. Из контекста было ясно, что она имела в виду, скорее всего, социофобию и хотела назвать себя «социофобкой». В итоге нам удалось совершить упомянутое выше «путешествие вглубь себя», вытащить на поверхность клю-

чевые страхи и тревогу, составить с ними прямые диалоги, после чего признаки вторичного процесса кардинально изменились. Голос клиентки лишился детских интонаций, приобрел твердость и уверенность, корпусом тела она подалась в сторону веб-камеры, и по итогам онлайн-сессии длительностью 100 минут на выходе со мной общался словно другой человек – более аутентичный и уверенный в себе.

Идентифицировав некоторый психический материал, проблему или умение, можно узнать его форму, структуру, связи, поддерживающие его наличие в массиве психики клиента. После решения проблемы, задействованные силы высвобождаются и человек ощущает у себя появление ресурса. Гештальт завершается и человек становится «ближе к самому себе», к своей самости.

В онлайн-консультировании нет жестких критериев того, каким должен быть человек. Он начинает меняться тогда, когда начинает принимать себя таким, каков он есть, а не тогда, когда он пытается быть тем, кем он не является. В результате успешного онлайн-консультирования клиент учится быть ответственным за себя и свой выбор, за свои контакты с окружающими, становится целостным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Александров, А. А.** Современная психотерапия. Курс лекций / А. А. Александров. – Санкт-Петербург : Академический проект, 1997. – 335 с. – ISBN 5-7331-0103-2. – Текст : непосредственный.

2. **Зайчикова, О. В.** Телефонное и Интернет-консультирование: общие особенности коммуникации на дистанции / О. В. Зайчикова, В. Ю. Меновщиков. – Текст : непосредственный // Журнал практического психолога : научно-практический журнал. – 2013. – № 1. – С. 78–83.

3. **Меновщиков, В. Ю.** Введение в психологическое консультирование / В. Ю. Меновщиков. – 2-е изд., стереотипное. –

Москва : Смысл, 2000. – 109 с. – ISBN 5-89357-178-9. – Текст : непосредственный.

4. **Меновщиков, В. Ю.** Русские мифы о дистантном консультировании / В. Ю. Меновщиков. – Текст : непосредственный // Журнал практического психолога : научно-практический журнал. – 2013. – № 1. – С. 66–77.

5. **Осборн, М. И.** Новая жизнь после токсичных отношений / М. И. Осборн. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26–28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 139–158. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

Цвалина Е.Е.,
консультант по психологии, Германия

ПАЛИТРА ДЕСТРУКТИВНЫХ ХАРАКТЕРОВ И СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НИМИ

Аннотация. В статье рассмотрена палитра деструктивных характеров, которые встречаются в обиходе, предложены возможные стратегии взаимодействия с ними. Рассмотрены примеры из практики, показывающие то, каким образом должно осуществляться конструктивное общение с трудными или деструктивными людьми.

Ключевые слова: деструктивность, характеры, типы, диагностика, общение, стратегии.

Введение. Начать хотелось бы с вопроса о том, задумывались ли вы, почему по свету ходят столько людей с заметными проблемами в социальной адаптации? Почему каждый из нас в

процессе взаимодействия с обществом сталкивался отнюдь не раз с индивидуумами, которые целью и смыслом своего существования считают присвоенную самим себе прерогативу, – любыми способами усложнять жизнь другим представителям рода человеческого?

Конечно, разовые столкновения с хамоватыми персонажами можно в счет и не брать. Ну зачем вдруг начинать всерьез и надолго страдать из-за того, что кто-то грубо оттолкнул на выходе из автобуса или подрезал за рулем, обогнав машину с правой стороны? И если время от времени некто вздумает нарушить нам границы, швырнув на ходу окурок прямо под ноги или громко выругавшись нецензурными словами в очереди, то можно ведь и вернуть этот бумеранг возмущенным возгласом: «Эй, поосторожнее, уважаемый!», не особо заботясь о том, может ли только что пережитый инцидент каким-то образом повлиять на нашу будущность.

Гораздо сложнее, когда речь идет о трудных людях, которых доля определила как близких или значимых в нашей жизни.

Кому-то достались родители, которые никак не могут взять в толк, что их ребенок имеет такие же человеческие права, как и любой другой, живущий на планете: право на самовыражение и самоидентификацию, право на уважение к его личности и право на выбор собственного жизненного пути. А вот в этой паре один из партнеров не в силах примириться с тем, что другой не является его собственностью и поэтому на то, чтобы применять к нему насилие и держать его жизнь под строгим контролем, разрешения нет. Ну а что делать, если на рабочем месте, которое так не хочется терять, высший по должности коллега под разными предлогами подсовывает свою долю работы, чтобы потом, когда она сделана, без зазрения совести украсить свой лоб лавровым венцом старательного труженика-победителя?

Конечно, ни один из нас не в состоянии изменить другого человека, как бы страстно он этого не желал.

Но вот узнать побольше о социально трудных характерах, которые в чистой форме вынуждают человека действовать именно так, как он действует, а не иначе, – помогло бы более осознан-

но отнестись к восприятию его поведения и, может быть, в отдельных случаях даже подвигнуть его повернуться к другим людям более дружелюбной стороной.

Прежде чем перейти к основной части изложения, думаю, стоит напомнить о том, что основные черты характера каждой личности зарождаются в то время, которое позже становится для памяти практически не доступно – до окончания третьего года жизни. Генетика несомненно играет ведущую роль в становлении личности, поскольку существует достаточное количество людей, которые имеют ярко выраженные доминирующие проявления характера, появление которых явно не зависело от условий их взросления. Это утверждение не умоляет, однако, значимость роли родителей в становлении личности, – поэтому прибавим к генетике их влияние и пример на протяжении всего детского и подросткового периода отдельного индивидуума, а также выбранные ими методы воспитания, – а теперь станем перед палитрой некоторых деструктивных характеров и рассмотрим, почему эти люди стали такими, какими они стали.

Данная статья является продолжением цикла работ, посвященных «трудным» людям, опубликованных нами в издательстве Белгородского университета кооперации, экономики и права [2–3].

Человек-брюзга (параноидальный тип личности)

Просто удивительно, насколько брюзгливые люди склонны к тому, чтобы не только нейтральные, но и самые что ни на есть дружелюбные действия трактовать как враждебные и направленные исключительно против них. Посему жизнь или общение с брюзгой может стать весьма нелегким испытанием для душевного здоровья тех, кто с ним рядом. Еще бы, он ведь умудряется буквально каждому, кто к нему приближается, приписывать злобные умыслы и низкие проступки. Манипуляторы, воры и подлецы в наше время роятся на каждом углу, – в этом у нашего брюзги нет никаких сомнений. Однако если учесть, что навредить-то, теоретически, способен любой смертный, живущий в этом брэнном мире, у человека-брюзги не остается в итоге ника-

кого другого выбора, кроме как держаться от потенциальных подлецов и злоумышленников подальше.

Если же кто-то отважится заключить супружеский союз с брюзгой, то скоро узнает, что такое прожить свою жизнь, образно выражаясь, на скамье подсудимого, будучи обвиняемым во всех смертных грехах. И они ревнивы, как никто другой. Разве можно для них вот так запросто взять и довериться своему партнеру? Такая возможность не укладывается в их картину мира, а посему партнер может приготовиться к жестокому контролю и ему лучше сразу усвоить, что такое алиби и вещественные доказательства своей невиновности.

Откуда берется брюзгливый характер у человека? Чаще всего это последствия неправильного воспитания. Скорее всего малыша любили так же, как любят домашнего хомячка: кормят, поят, чистят и достают из клетки только тогда, когда хотят потискать, не особо задаваясь вопросом, а хочется ли этого хомячку. Если же человек в детстве усвоил как факт, что ни вежливые просьбы, ни мольба не помогут, чтобы услышали и с уважением отнеслись к его желаниям и чувствам, а за улыбкой и внешне дружелюбным поведением другого человека могут скрываться навязывание чужой воли и эгоистичные мотивы, – можно смело предположить, что во взрослом возрасте такой человек будет склонен защищаться даже от дружелюбного слова. Оно ведь всего лишь манипуляция, сейчас чего-то от него захотят. Еще более трагично, если к этому прибавляется пережитое им физическое насилие в детстве.

И вот теперь его собственное поведение и отношение к окружающим приводят к проблемам в социуме: кто незаслуженно обвиняет других, будет рано или поздно отвергнут. И это, в свою очередь, подтверждает ему вновь и закрепляет его мнение об окружающем мире – ничего другого от людей и ожидать не приходится. Вот такой вот замкнутый круг.

Но не спешите жалеть бедного брюзгу и от всей души желать, чтобы пришел кто-то, кто разглядит в нем тонкую раненую душу и подарит ему, наконец, ту любовь, которая растопит недо-

верчивое сердце. К сожалению, брюзгливые люди ее, любовь, вообще не узнают.

Гораздо больше пользы и лучший результат можно достигнуть исключительно трезвым подходом, давая брюзге понять: ты важен, как и твои желания, но и я важен тоже, поэтому ищем компромисс. Только в этом пункте можно попробовать найти зерно успеха, – брюзга сейчас имеет возможность усвоить важнейший постулат: в отношениях речь идет не о том, чтобы сломить или быть сломленным, а о том, чтобы уметь договариваться.

Впрочем, даже их мстительность и злопамятность могут оказать обществу время от времени хорошую услугу в том, что какой-нибудь воришка, укрывшийся в толпе, будет брюзгою изъят и притянут к правовому ответу. Судебные залы заседаний – родина практически каждого брюзги, склонность к сутяжничеству с возрастом только укрепляется и возрастает. Кроме того, недоверчивость и страх предательства позволяет многим из них успешно продвигаться по карьерной лестнице, как ни странно. Кто никому не доверяет, также не может быть обойден ни пронырливым коллегой, ни в конкурентной борьбе.

Волк-одиночка (шизоидный тип личности)

Главной проблемой этого человека является скудная эмоциональная и чувственная сфера, или, иными словами, он не испытывает чувств в таком широком спектре, как другие люди. Именно это является причиной того, что в обществе других людей долго ему находиться очень тяжело, поскольку сопереживать их эмоциям для него является непосильной задачей, он чужой на этом празднике жизни. При этом он и сам себе не хочет признаться, как страстно ему хотелось бы присоединиться к шумной толпе и слиться с нею в едином эмоциональном порыве.

Он ведь тоже хотел бы всплеснуть руками, радостно заулыбаться и поспешить на встречу крепкому объятию давнего друга, и, в свою очередь, трясти его за руку, шумно приветствуя, и без смущения похлопывая его и других присутствующих по пле-

чам, – вместо того, чтобы чувствовать в душе прохладу и раздражение, держась в сторонке.

А ведь как было бы здорово, наверное, сидя на хоккейном матче, ликовать вместе с другими и, надрывая легкие, сканировать: «Шайбу, шайбу, шайбу!». Но если подумать, что такого особенного в том, что высокооплачиваемые спортсмены на коньках зачем-то гоняют по льду этот плоский предмет, будто нет более интеллектуального занятия на свете. Во всяком случае, это уж никак не повод для того, чтобы на трибуне вести себя как идиот.

Откуда берется такая аномалия, – волк-одиночка, – ведь мы, люди, нашей матушкой-природой были задуманы как стайные существа? Нам нужен социум, где мы черпаем вдохновение, обмениваясь мыслями и эмоциями, ощущая поддержку родных и близких. Ответ и здесь стоит поискать в том, что происходило в детстве у этого человека, а это скорее всего было грубое обращение со стороны значимых взрослых, эмоциональная заброшенность и хаотичные условия жизни. Нередко выясняется, что один из родителей или оба сами страдали психопатологией, поэтому не смогли преподать ему модель корректного выражения эмоций, а значит и пример здоровых отношений. Ребенком он не познал, что такое родительская защита и поддержка, поэтому сохранившиеся страх, неловкость и смущение теперь не дают ему ощущать себя эмоционально свободным в общении с другими людьми.

Все это приводит к тому, что «волк-одиночка» гораздо лучше себя чувствует вдали от людей, нежели с ними, и не делает из этого проблемы. Вы можете попрощаться с ним до завтра и позвонить через несколько месяцев, будучи уверенными, что он заговорит с вами как ни в чем не бывало. В отношениях на расстоянии шизоид может проявить себя очень даже оптимальным партнером. Но вот совместная жизнь с ним оставляет желать существенно большего в том, что касается близости, ласки, помощи и семейной сплоченности. Людному пикнику он всегда предпочтет уединение где-то с книжкой или компьютером в углу дальней комнаты, где он весь отдастся своим мыслям и фантазиям. Если оставить его в покое, и не пытаться интегрировать его в ко-

манду, то он сам будет регулировать, когда ему присоединиться к шумному обществу и когда вновь исчезнуть. Помните, он не в состоянии долго подстраиваться, он нуждается в своей свободе, а иначе сбежит в свой собственный мир.

Чаровница или чаровник (театральный или гистрионный тип личности)

Их очень сложно опознать как деструктивных личностей, поскольку сначала кажется, что перед вами харизмат, излучающий радость жизни и веселье. Они всегда, будто ненароком, оказываются в центре внимания, флиртуют, наблюдать их необычайно интересно – у них для любого события будто есть наготове тщательно продуманная и отрепетированная роль, включая декорации и костюмы. Они любят переодеваться и лицедействовать и поначалу отлично играют роль идеального друга, подруги, коллеги или партнера.

Но когда кто-то им поверил и привязался к ним, происходит нечто странное. Нет, чаровник или чаровница не становятся менее дружелюбны и не превращаются в злоумышленников относительно доверившегося им человека, а скорее становятся ненадежными в самом прямом значении этого слова. Ни в чем невозможно со временем на них положиться, а это может сделать отношения с ними весьма гипотетичными.

Вам знакома примерная ситуация, когда вы договорились с коллегой встретиться по поводу проекта, и, прождав безрезультатно несколько часов после положенного времени и так до него и не дозвонившись, вынуждены были сами братья за работу и всю ночь готовить презентацию? А наутро, появившись в бюро, вы узнали бы, что он провел приятный вечер в обществе очаровательных дам и никак не мог разочаровать их своим уходом. И вот вы, глядя в невинно-распахнутые глаза чаровника и наблюдая по-детски виноватое выражение на его лице, не находите даже слов для выражения своего негодования. Но на кого, собственно гневаться-то? На это большое дитя?

Тот, кто все же захочет обсудить с чаровниками и чаровницами проблему их непостоянства и ненадежности, в итоге окажется в ментальном тупике, обнаружив под поверхностными суждениями взрослого человека душу беспомощного внутреннего ребенка.

Что в детстве могло спровоцировать развитие такого человеческого типа? Стиль воспитания, при котором ребенку навязывались не соответствующие его возрасту и личностным качествам роли, например, быть другом отцу или подружкой матери. Как бы очаровательно и любвеобильно не выглядели такие отношения для постороннего взгляда, – ребенку выпадает нелегкая ноша: дозреть до понимания своих родителей с одной стороны, и скрыть свою истинную детскую сущность от них с другой стороны, а иначе они огорчатся, будут в нем разочарованы. Но ребенок не может стать по желанию родителя взрослым, он может только научиться играть эту роль, черпая наслаждение в мамином и папином одобрении и признании. Но при каждой возможности «сбегать» в свой детский мир, в котором сможет, наконец, поиграть и побыть просто ребенком. И вот с этой-то дуальностью и имеют дело все, кому в жизни повстречались люди с театральным или, как еще их называют, гистрионным типом личности.

Поскольку они не в состоянии сказать «нет!», чтобы никого не обидеть, они часто берут на себя гораздо больше, чем могут себе позволить или с чем могут справиться, – привычка из детства. Неоспоримый факт, что они этим гораздо больше вредят людям, чем если бы они были верны себе и своим возможностям, и лучше честно бы говорили: «Нет, не смогу» или «Извини, но не хочется», – им совершенно не приходит в голову.

Но правда и то, что несмотря на раздражение, которое они вызывают своей детской бездумностью и безалаберностью, их можно любить и любоваться ими, поскольку душой они все же очень верны тому, кого по-своему, по-детски, но любят.

Человек-липучка (зависимый тип личности)

Без кого-то, кто будет практически всегда рядом, будет советовать, подбодрять, а если нужно и указывать, как жить, – этот человек окажется совершенно потерянным в суровых реалиях действительности. Для многих из них полезным подспорьем оказываются социальные сети, в которых они проводят значительную часть своего свободного времени [4, 5]. Липучки мужского пола вряд ли смогут даже носки себе по утрам выбрать без чуткого руководства матери, а позже жены; липучки женского пола просто позволят вершить свою судьбу сначала папеньке или маменьке, а потом, если повезет от них оторваться, мужу.

Жизнь в гареме, кстати, для зависимых женщин может стать мечтой и пределом всяческих желаний, ибо она в наивысшей степени удовлетворяет все их чаяния и надежды.

С мужчинами сложнее, – если такой зависимый мальчонка просидит при маменьке лет эдак до шестидесяти, а потом, после ее смерти, останется один, то ему недолго и в тяжелейшую депрессию впасть и в психиатрии закончить.

Откуда берется такая сильная зависимость у людей? Это, чаще всего, последствия родительской гиперопеки, – то бишь излишне заботливых и безудержно любящих, как им кажется, а на самом деле контролирующих и доминирующих родителей, которые мнят себя еще и идеальными воспитателями. А почему нет? Как-никак смыслом всей их жизни является потребность беречь свое чадо от трудностей и опасностей, которые им несомненно подсунет жизнь втихаря от родителей, если те не будут постоянно находиться рядом и держать все под своим бдительным взором. Начатое в раннем детстве формирование зависимости у этого типа людей в итоге залегает настолько глубоко в психике, что даже в бунтарском подростковом возрасте себя, как правило, никак не проявляет. Но даже если ребенок и отважится на эдакий несмелый подростковый бунт, – этот будет тут же подавлен.

Если такой человек ищет вашего внимания, значит видит в вас сильную личность, к которой ему хотелось бы прижаться и на которую он жаждет опереться, буквально или образно говоря.

Лучшее, что вы можете сделать, это снова и снова уверить его, что он несомненно сможет и сам прекрасно все решить. Люди-липучки нуждаются в безопасности и им необходимо получить опыт в том, что не случится никакой катастрофы, если они решатся на самостоятельное действие.

Фразу: «решай сам!» лучше избегать, поскольку доминирующие родители обычно используют ее для двойного посыла: «Делай, но помни, что если не получится, то за просчет будешь наказан!» Как ему помочь поверить в себя? Поручайте для начала легкие дела, приучая его брать на себя ответственность и не забудьте похвалить за выполнение. Но если все-же чувствуете, что он нарушает границы вашего пространства, не бойтесь строго потребовать у него отойти и заняться делом. Он не обидится, так говорили с ним большую часть его жизни, иначе он не стал бы тем, кем он стал.

Самоуверенный павлин (нарциссический тип личности)

Этот тип известен широким массам, хотя считается, что классических нарциссов, то есть подлинных носителей диагноза нарциссическое расстройство личности, не так уж и много [1]. Возможно немного, но количество людей, у которых обнаруживаются нарциссические черты, идет по нарастающей.

Какой именно деструктивностью отличается этот тип людей, которая делает их трудными современниками для каждого из нас?

Он дерзок и уверен, когда взхлеб воспевается его сногшибательная внешность, непревзойденный интеллект, блестящая карьера или солидный банковский счет. Дорогу победителю!

Но вот одно слово самой что ни на есть конструктивной критики, – и перед нами лузер, повергнутый ниц!

И вот мы уже понимаем главную суть его социальной проблемы: он не делает различия между конструктивной критикой по делу и критикой его личности, поскольку самоидентификация у него напрямую связана с его успехами.

Естественно лежат причины такого личностного развития в детстве. Нашего самоуверенного павлина любили только за его успехи и достижения. Принес пятерку из школы – стал кем-то, достойным любви; принес четверку – нет; сыграл без ошибок на скрипке на концерте – стал кем-то, достойным любви; забыл пассаж – нет. Давайте не будем обманываться – не родился еще ребенок, который добровольно брал бы на себя задачу, трудиться до седьмого пота, чтобы быть лучшим, если бы его тем или иным способом к этому не принудили. Но сейчас, будучи взрослым человеком, он эту программу, лучший или никто, сделал своей собственной и руководствуется в социуме исключительно этой меркой.

Но не спешите восклицать, что жаль его, конечно, но при чем тут мы все? Видите ли, здесь есть еще один важный момент, который нельзя упускать из виду. Требуя от нашего самоуверенного «павлинчика» быть лучшим, родители еще и сравнивали его с остальными.

И если успех его не устраивает или в ком-то он видит конкурента, то приготовьтесь увидеть самого неприятного, циничного и нетолерантного человека, какого только можно себе представить, который вдобавок обесценит все, что только можно, и вас в том числе. При этом он никогда не возьмет на себя ответственность за то, как складывается его жизнь, а всю вину за неудачи возложит на других и, соответственно, вынудит их за все поплатиться, так или иначе.

Как можно попробовать ужиться с таким человеком или работать с ним, как с коллегой? Самое простое – это применение дипломатии: сначала расхвалить в нем все, что только можно. Затем, осторожно выбирая выражения, объяснить, как это то самое великолепное, что создал он, можно сделать еще великолепнее. Для нашего самоуверенного павлина очень важно не терять свое лицо и не терять свое достоинство. Проблема, однако, в том, что одноразовым восхвалением не отделаетесь. Нахваливать его придется всегда, если требуется терпеть его рядом. Остается только надеяться, что будет – за что, ибо это тактический маневр, а не призыв к лицемерию.

Человек-драма (эмоционально-нестабильный тип личности)

Драма этого человека состоит в том, что он не в состоянии воспринимать и контролировать свои собственные чувства, ощущения и эмоции. Как следствие, этим людям (в основной массе – женщины) кажется, что они либо вообще ничего не чувствуют, либо их душевная сфера буквально сотрясается от мощного взрыва ярости, страха или необъяснимой печали. Именно поэтому мысли о возможной смерти как о единственном спасении не только отнюдь не редко их посещают, но даже приводят к хронической суицидальной идеации (синдрому), вне зависимости от того, собирается этот человек убить себя или нет. Окружающие часто с ужасом наблюдают, как человек-драма наносит сам себе порезы, чаще всего на руках, думая, что он сошел с ума и ему требуется срочная психотерапевтическая помощь. На самом деле эти порезы помогают ему стабилизировать себя и вновь хоть что-то почувствовать, когда ощущение внутренней пустоты и безжизненности становится для него невыносимым. Жалость и внимание, которое при этом может какое-то время демонстрировать окружение, будет еще более подкреплять столь дивиантное поведение человека-драмы, пока в итоге все окружение не разбежится кто куда.

Как сложилась такая личность и чем ее поведение вредит социуму? Как правило такие люди – в прошлом нежеланные дети или выходцы из социально-неблагополучных семей, а порой и то и другое. Это значит, что их детский мир был словно расщеплен и проживался в двух кардинально-противоположных измерениях, например: поздно ночью пьяный родитель избивает ребенка, а наутро, движимый раскаянием, затискивает и зацеловывает его, отправляя в магазин за шоколадкой; или отец-социопат держит все семейство в страхе и тревоге, унижая, обесценивая и поднимая руку на жену и детей, а безропотная в его присутствии мать, оставшись с детьми наедине, старается излить на них всю доброту и ласку, на которую у нее только остаются силы. Результатом становится формирование у ребенка исключительно черно-белого восприятия мира и, соответственно этой интерпретации в

какой-то конкретный момент, – его собственное отношение к окружающим.

Этот факт и становится главной проблемой человека-драмы: его непредсказуемость, ибо черное сменяется на белое, и белое на черное также быстро, как картинки в калейдоскопе. Вчера он любил партнера глубоко и горячо и свято верил в это; впрочем, как и сегодня с утра, но вот сейчас, ближе к вечеру, вследствие того, что тот не успел вовремя позвонить и сообщить, что электричка задерживается, в душе нашей драмы вдруг вскипает лютая ненависть. Дайте ей теперь только его дождаться, партнера, и на него с порога обрушится новость, каким ничтожеством и бессердечным чудовищем он на самом деле является; уж будьте как в этом покойны, так и в том, что на следующий день наша драма, движимая страхом одиночества, пригрозит спрыгнуть с десятого этажа, если ее теперь бросят. И только после того, как измученный партнер в сотый раз поклянется в том, что не бросит, ему будет вновь восторженно дано добро для горячей и чистой супружеской любви. Но не подумайте, что подобное происходит так же циклично, как и времена года, и можно этот эмоциональный хаос просчитать, спрогнозировать и подготовиться. Нет, не все так просто, ибо здесь властвует, как я уже выше упоминала, еще и непредсказуемость. Большинство молодых людей, обращающихся к психологам по поводу отношений с женщиной-драмой, разделяют убеждение, что никакого здорового партнерства с нею создать невозможно, – это всегда будут отношения созависимости. Драма либо утверждает, что не может жить без партнера, хочет быть все время рядом с ним, ибо он ей нужен как воздух и вода, либо ненавидит его до угроз суицидом, если он ее бросит.

Бедная драма, – наверняка подумается каждому эмпатичному человеку, – неужели ей нельзя помочь? Сложно, поскольку пренебрежение к ней и ужасное обращение с нею она пережила уже в совсем раннем детстве, да еще и от родных и близких людей, – черно-белое мышление стало частью ее личности и теперь изменить это, просто по желанию, невозможно. Большинство эмоционально-нестабильных личностей оказываются рано или

поздно у психиатров, поскольку они и сами себя в итоге выносят с трудом, и пожинаяют отвержение у окружающих.

И как же взаимодействовать с таким человеком? Для начала проникнуться тем, что драма не может иначе, – это то видение реальности, которое она усвоила в детстве, и для нее такое поведение и такое отношение к окружающим является частью ее психологической природы. Если вам становится трудным (а поначалу эти люди кажутся очень привлекательными) выдерживать постоянную смену настроений, а значит смену экрана реальности у драмы: идеализация-обесценивание, любовь-ненависть, – то лучше всего будет нейтрально-уважительно дистанцироваться. Ни в коем случае нельзя верить похвалам и восторгам драмы в свой адрес, которые могут побудить вас попробовать спасти эту раненую душу и показать ей, что мир не так уж и плох. Поверьте, ваши старания не спасут вас от того, что драма в любой момент распознает в вас наиковарнейшего из злоумышленников, живущих на планете. Учтите это и помните, драме нужен специалист и долгая кропотливая терапия.

Лиходей (диссоциальный тип личности)

В принципе, этому человеку можно дать огромное множество эпитетов в доказательство того, насколько могуч и богат наш русский язык: бандит, преступник, злодей, громила, обирала, тать, душегуб.

Жизнь других людей в целом, а значит их здоровье и чувства в частности, ему абсолютно безразличны, если только он их не причисляет к категории нужных. Даже собственные дети могут стать предметом выгодной сделки, ведь лиходей следует в жизни только собственным интересам. Компромиссы для него не существуют, а правила и законы пишутся только для того, чтобы их обходить. Его не только трудно, но практически невозможно запугать или принудить, поскольку чувство страха ему из-за определенных органических дефицитов головного мозга – неведомо.

Это дает определение тому, откуда они берутся на наши с вами головы, чтобы осложнять жизнь каждому, кто встретится у

них на пути. Новые исследования позволяют говорить о так называемом «психопатическом гене», который провоцирует развитие у данного индивидуума неприятие общечеловеческих социальных норм, что выражается в его поведении и образе жизни. Кроме того, даже если лиходею удалось пробиться на высокий социальный уровень и масштаб его преступлений (как-то обман и хищение в угоду своему стяжательству) ловко скрыт от посторонних глаз, можно все-же с уверенностью говорить о том, что в детстве этому человеку пришлось несладко: он рос там, где лишь сильный мог выжить. Замечу, что агрессия в воспитании ребенка может иметь место и в социально-благополучных, на первый взгляд, семьях, а что уж говорить о неблагополучных, в которых насилие возведено в культ. В дополнение, часто кто-то из родителей, а может и оба, пытаются манипулировать ребенком, привлекая его на свою сторону наговорами, шантажом или подкупом, ломая тем самым только-только зарождающееся чувство совести.

Формируясь в таком социальном окружении, ребенок не научается уважать чувства и интересы других людей, поскольку усваивает для себя самое важное – любовь продажна и длится, пока за нее платят. Это и приводит к тому, что будущий лиходей начинает совершенствоваться в интригах и использовании окружающих уже с раннего детства. То, что он может кому-то судьбу сломать при этом, – ему безразлично. Все заменимо и люди заменимы. Главное – власть, а тогда все покупается и продается.

Если лиходеи из низших социальных слоев бросают школу, бегут из дома, обворовывают прохожих или грабят жилища, чтобы на выручку купить алкоголь или наркотики; то лиходеи из высших социальных слоев устраивают нелегальные гонки на дорогих иномарках, купленных родителями, или на теплых доходных местечках занимаются растратами и хищением, а позже, на солидных уже должностях, могут не только отдельное предприятие, но и целую систему в народном хозяйстве привести к полнейшему краху из-за страсти к рискованным махинациям.

Как с таким человеком взаимодействовать? Лучше всего никак, поскольку его задача – использовать вас, втянуть вас в ин-

тригу или завербовать вас в число своих союзников, а значит и подельщиков, но только пока в этом есть необходимость. Если пошли у него на поводу – будьте на чеку и храните доказательства своей невинности, на всякий случай! Но знайте, чем меньше у таких людей будет поддержки, тем меньше беды они сотворят на этой прекрасной земле.

Заключение. Вот мы и рассмотрели палитру некоторых, наиболее часто встречающихся в социуме, деструктивных характеров.

Хочется верить, что информация будет каждому, кто ее прочитал – не только интересной, но и полезной. Вообще в процессе эволюции люди задумывались о разнообразии человеческих характеров и старались выявить основные постулаты человеческих взаимоотношений уже начиная с древнейших веков. Кто передо мной: друг или враг? Как я должен взаимодействовать, чтобы его ответная реакция не принесла вреда ни мне, ни тем, кто с нами рядом?

Конечно, невозможно претендовать на то, чтобы овладеть всеми возможными стратегиями общения, но изучать их нужно.

Ведь жизнь в социуме, как таковая, складывается из совокупности действий каждого отдельного индивидуума. Хотелось бы еще раз уточнить: речь не идет о том, чтобы подстраиваться или прогибаться под кого-то, нет! Однако элемент «давать-и-брать» присутствует в любых отношениях

Социальная компетенция означает, прежде всего, стремление к знанию людей и, исходя из этого, понимание побуждений другого человека, – не для того ли, чтобы подобрать подходящий стиль общения с ним?! Ведь теперь мне известно, что не все люди готовы и могут меняться, но я знаю, как обходиться с этим конкретным человеком, и это мой вклад в гармонию нашего общества. Расширяя палитру человеческих характеров, о которых у вас будут собираться знания, вы также подарите себе шанс вовремя опознать тех, с кем вы никогда не сможете гармонизировать, а это защитит вас от деструктивных отношений, что для здоровой жизни немаловажно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Фрейд, З.** О введении понятия «нарциссизм» : хрестоматия : в 3-х т. – Т. 1: Основные понятия, теории и методы психоанализа / З. Фрейд.. – Москва : Когито-центр, 2016. – С. 7–39. – ISBN 978-5-89353-468-9. – Текст : непосредственный.

2. **Цвалина, Е. Е.** Нарциссическая мать и запрет на собственное «Я» у ребенка / Е. Е. Цвалина. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 134–145. – ISBN 978-5-8231-0935-2.

3. **Цвалина, Е. Е.** Психопатологическая личность в свете общечеловеческих ценностей и ее вклад в их разрушение / Е. Е. Цвалина. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26–28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 106–121. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

4. **Черникова, Е. И.** Профилактика деструктивного общения в социальных сетях / Е. И. Черникова, Т. А. Назриллинов. – Текст : непосредственный // Психология в информационном обществе : материалы международной научно-практической конференции. 26–28 марта 2018 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2018. – С. 6–22. – ISBN 978-5-8231-0868-3.

5. **Черникова, Е. И.** Виртуальный человек в иллюзорном мире / Е. И. Черникова, А. А. Трунов, А. Е. Ведерников. – Текст : непосредственный // Социология и социальная работа в системе профессионального образования : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4–6 апреля

2016 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Изд-во БУКЭП, 2016. – С. 60–73. – ISBN 978-5-8231-0527-9.

Маркина О.А.,

канд. психол. наук, педагог-психолог
ГБПОУ КК «Краснодарский технический колледж», г. Краснодар

КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРВОКУРСНИКОВ КОЛЛЕДЖА

Аннотация. Адаптация первокурсников в образовательном учреждении является одной из сторон социализации человека и представляет собой сложный процесс. Для оказания помощи студентам в вопросе успешности прохождения процесса адаптации педагогам важно формировать индивидуальную форму взаимодействия с обучающимися на основании предоставления о таких их ключевых характеристиках, как темперамент, лидерские качества, наличие различных форм агрессии и враждебности.

Ключевые слова: первокурсник, адаптация, диагностика, ключевые характеристики.

Студенческая жизнь в образовательном учреждении начинается с первого курса, и успешная адаптация первокурсника к жизни и учебе в колледже является залогом дальнейшего развития каждого студента как человека и будущего специалиста.

Тема адаптации студентов к образовательному учреждению популярна среди отечественных исследователей различных дисциплинарных областей: психологов, педагогов, социологов. В таких работах исследуются различные субъективные критерии психологической адаптации: мотивация, удовлетворенность обучением, ощущение тревожности [7], физическая и психофизиологи-

ческая адаптация [2, 3]. В.Н. Грибов утверждает, что адаптация студента – это и приспособление личности к относительно стабильным или постоянно изменяющимся условиям профессионального образования, и процесс активного приспособления личностью внешней среды к своим индивидуальным интересам, склонностям, качествам [6]. А.А. Виноградова предлагает типологию студентов по уровню их адаптации к учебному процессу, построенную на основе результатов опросов, тестов, бесед с преподавателями и кураторами [4].

В зарубежных работах зачастую адаптация студента рассматривается в контексте изучения успешности обучения: изучается влияние академической эффективности студента и уровня его оптимизма на его адаптацию, успеваемость, уровень стресса, состояние здоровья, намерение продолжить обучение в вузе [9], проводится теоретическое построение объяснительной модели ухода студента из университета [10], изучается, как изменения в уровне стресса, самооценке и социальной поддержке влияют на изменения в показателях адаптации между первым и вторым семестром первого года обучения в образовательном учреждении [8].

Считается, что адаптация является одной из сторон социализации, «первой фазой личностного становления индивида, вступающего в относительно стабильную социальную общность» [5].

Для успешного прохождения процесса адаптации на первом этапе обучения максимально необходима помощь первокурснику не только со стороны родителей, но и со стороны преподавателей [1]. Однако для оказания данной помощи педагогам важно формировать индивидуальную форму взаимодействия с обучающимися на основании предоставления о таких их ключевых характеристиках, как темперамент, лидерские качества, наличие различных форм агрессии и враждебности.

Таким образом, наше исследование было направлено на выявление данных характеристик студентов, обучающихся на первом курсе колледжа.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Тест Айзенка, направленный на определение типа темперамента.

2. Тест А.Н. Лутошкина «Я – лидер» для оценки учащимися своих лидерских качеств.

3. Методика Басса-Дарки для выявления различных форм враждебного и агрессивного поведения.

При выборе психодиагностических методик внимание уделялось следующим требованиям:

1) используемая диагностическая методика должна определять психологические особенности студента-первокурсника, знание которых необходимо для его успешной адаптации;

2) экономичность, компактность процедуры, легкость в обработке.

В исследовании приняли участие 65 студентов-первокурсников в возрасте 16–17 лет: 20 студентов по специальности «Автоматизация технологических процессов и производств» (группа 1), 21 студент по специальности «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов» (группа 2), 24 учащихся по специальности «Монтаж, наладка и эксплуатация электрооборудования промышленных и гражданских зданий» (группа 3).

Опишем полученные результаты.

1. Тест Айзенка на определение типа темперамента позволил выявить следующие результаты у трех групп диагностируемых студентов:

В группе 1 с темпераментом флегматика было выявлено 55% студентов, сангвиника – 20%, меланхолика – 15%, холерика – 10%.

Следовательно, темперамент флегматика является доминирующим у первой группы диагностируемых студентов.

В группе 2 с темпераментом холерика – 43% студентов, флегматика – 28%, меланхолика – 19%, сангвиника – 10%.

Темперамент холерика является доминирующим у второй группы диагностируемых студентов.

В группе 3 с темпераментом сангвиника – 46% студентов, флегматика – 29%, холерика – 21%, меланхолика – 4%.

Темперамент сангвиника является доминирующим у третьей группы диагностируемых студентов.

2. Тест «Я – лидер» А.Н. Лутошкина позволил выявить следующие лидерские качества у групп диагностируемых:

Группа 1:

1) «Умение управлять собой»: высокий – 15% студентов, средний – 55%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 25%,

2) «Осознание цели»: высокий – 10%, средний – 40%, низкий – 0%, неискренность в ответах – 50%,

3) «Умение решать проблемы»: высокий – 5%, средний – 50%, низкий – 10%, неискренность в ответах – 35%,

4) «Наличие творческого подхода»: высокий – 25%, средний – 45%, низкий – 0%, неискренность в ответах – 30%,

5) «Влияние на окружающих»: высокий – 0%, средний – 65%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 30%,

6) «Знание правил организаторской работы»: высокий – 15%, средний – 50%, низкий – 10%, неискренность в ответах – 25%,

7) «Организаторские способности»: высокий – 30%, средний – 20%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 45%,

8) «Умение работать с группой»: высокий – 10%, средний – 5%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 80%.

Группа 2:

1) «Умение управлять собой»: высокий – 19% студентов, средний – 53%, низкий – 14%, неискренность в ответах – 14%,

2) «Осознание цели»: высокий – 14%, средний – 67%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 14%,

3) «Умение решать проблемы»: высокий – 28%, средний – 19%, низкий – 19%, неискренность в ответах – 34%,

4) «Наличие творческого подхода»: высокий – 14%, средний – 43%, низкий – 14%, неискренность в ответах – 29%,

5) «Влияние на окружающих»: высокий – 19%, средний – 43%, низкий – 14%, неискренность в ответах – 24%,

6) «Знание правил организаторской работы»: высокий – 0%, средний – 48%, низкий – 14%, неискренность в ответах – 38%,

7) «*Организаторские способности*»: высокий – 28%, средний – 43%, низкий – 10%, неискренность в ответах – 19%,

8) «*Умение работать с группой*»: высокий – 5%, средний – 19%, низкий – 5%, неискренность в ответах – 71%.

Группа 3:

1) «*Умение управлять собой*»: высокий – 25% студентов, средний – 50%, низкий – 4%, неискренность в ответах – 21%,

2) «*Осознание цели*»: высокий – 17%, средний – 29%, низкий – 0%, неискренность в ответах – 54%,

3) «*Умение решать проблемы*»: высокий – 21%, средний – 33%, низкий – 28%, неискренность в ответах – 18%,

4) «*Наличие творческого подхода*»: высокий – 25%, средний – 25%, низкий – 12%, неискренность в ответах – 38%,

5) «*Влияние на окружающих*»: высокий – 12%, средний – 67%, низкий – 4%, неискренность в ответах – 17%,

6) «*Знание правил организаторской работы*»: высокий – 8%, средний – 33%, низкий – 0%, неискренность в ответах – 59%,

7) «*Организаторские способности*»: высокий – 29%, средний – 42%, низкий – 4%, неискренность в ответах – 25%,

8) «*Умение работать с группой*»: высокий – 4%, средний – 8%, низкий – 0%, неискренность в ответах – 88%.

Общие результаты выявленных доминирующих лидерских качеств у трех групп обучающихся представлены на рисунке.

Следовательно, у первой группы студентов при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «влияние на окружающих», «умение управлять собой», «умение решать проблемы», «знание правил организаторской работы».

У второй группы диагностируемых при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «осознание цели», «умение управлять собой», «знание правил организаторской работы».

У третьей группы обучающихся при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «влияние на окружающих», «умение управлять собой», «знание правил организаторской работы».

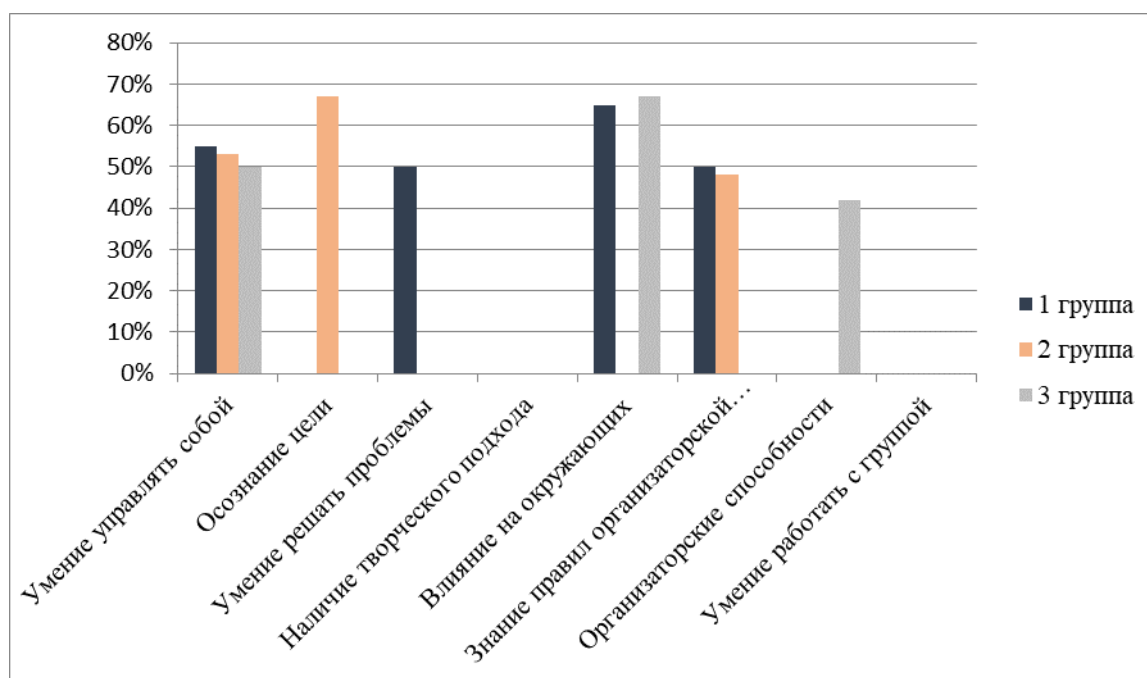

Рис. Общие результаты диагностики лидерских качеств обучающихся

3. Методика диагностики показателей и форм агрессии Басса-Дарки позволила выявить следующие результаты у трех групп диагностируемых студентов:

Группа 1:

Физическая агрессия: наличие – 50% студентов, отсутствие – 50%,

Раздражение: наличие – 20%, отсутствие – 80%,

Вербальная агрессия: наличие – 60%, отсутствие – 40%,

Обидчивость: наличие – 25%, отсутствие – 75%,

Настороженность: наличие – 10%, отсутствие – 90%,

Косвенная агрессия: наличие – 20%, отсутствие – 80%,

Негативизм: наличие – 10%, отсутствие – 90%,

Чувство вины: наличие – 35%, отсутствие – 65%.

Выявлены: 1) агрессивность: наличие – 0%, отсутствие – 100%, 2) враждебность: наличие – 15%, отсутствие – 85%.

Следовательно, у первой группы диагностируемых студентов в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «вербальная агрессия» и «физическая агрессия» при отсутствии ярко выраженных «агрессивности» и «враждебности» как таковых.

Группа 2:

Физическая агрессия: наличие – 38% студентов, отсутствие – 62%,

Раздражение: наличие – 48%, отсутствие – 52%,

Вербальная агрессия: наличие – 57%, отсутствие – 43%,

Обидчивость: наличие – 43%, отсутствие – 57%,

Настороженность: наличие – 57%, отсутствие – 43%,

Косвенная агрессия: наличие – 48%, отсутствие – 52%,

Негативизм: наличие – 43%, отсутствие – 57%,

Чувство вины: наличие – 70%, отсутствие – 30%.

Выявлены: 1) агрессивность: наличие – 5%, отсутствие – 95%, 2) враждебность: наличие – 53%, отсутствие – 47%

Таким образом, у второй группы диагностируемых в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «чувство вины», «настороженность» и «вербальная агрессия» при отсутствии ярко выраженной «агрессивности» как таковой, но наличии «враждебности».

Группа 3:

Физическая агрессия: наличие – 46% студентов, отсутствие – 54%,

Раздражение: наличие – 37%, отсутствие – 63%,

Вербальная агрессия: наличие – 71%, отсутствие – 29%,

Обидчивость: наличие – 21%, отсутствие – 79%,

Настороженность: наличие – 33%, отсутствие – 67%,

Косвенная агрессия: наличие – 25%, отсутствие – 75%,

Негативизм: наличие – 29%, отсутствие – 61%,

Чувство вины: наличие – 54%, отсутствие – 46%.

Выявлены: 1) агрессивность: наличие – 8%, отсутствие – 92%, 2) враждебность: наличие – 25%, отсутствие – 75%.

Следовательно, что у третьей группы диагностируемых в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «вербальная агрессия» и «чувство вины» при отсутствии ярко выраженных «агрессивности» и «враждебности» как таковых.

Таким образом, результатом диагностирования становится составление социально-психологического портрета каждой группы первокурсников.

У первой группы диагностируемых превалирует темперамент «флегматика»; при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «влияние на окружающих», «умение управлять собой», «умение решать проблемы», «знание правил организаторской работы»; в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «вербальная агрессия» и «физическая агрессия» при отсутствии ярко выраженных «агрессивности» и «враждебности» как таковых.

У второй группы диагностируемых доминирует темперамент «холерика»; при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «осознание цели», «умение управлять собой», «знание правил организаторской работы»; в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «чувство вины», «настороженность», «вербальная агрессия» при отсутствии ярко выраженной «агрессивности» как таковой, но наличии «враждебности».

У третьей группы диагностируемых лидирующим является темперамент «сангвиника»; при проявлении лидерских качеств доминирует средний уровень таких качеств, как «влияние на окружающих», «умение управлять собой», «организаторские способности»; в вопросе агрессии и враждебности первенствующими являются «вербальная агрессия» и «чувство вины» при отсутствии ярко выраженных «агрессивности» и «враждебности» как таковых.

На основании полученных результатов можно утверждать, что у каждого классного руководителя, преподавателя должна быть своя модель взаимодействия с группой обучающихся, способствующая эффективной адаптации студентов в образовательном учреждении, проявлению их способностей и предотвращающая проявления возможных агрессивных форм поведения учащихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ананьев, Б. Г.** Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 288 с. – ISBN 978-5-49807-869-4. – Текст : непосредственный.

2. **Берестнева, О. Г.** Построение моделей адаптации студентов к обучению в вузе / О. Г. Берестнева, К. А. Шаропин. – Текст : непосредственный // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307. № 5. – С. 131–135.

3. **Будук-оол, Л. К.** Динамика процессов адаптации к обучению студентов, проживающих в дискомфортном климато-географическом регионе / Л. К. Будук-оол, Р. И. Айзман, В. А. Красильникова. – Текст : непосредственный // Физиология человека. – 2009. – Т. 35. № 4. – С. 103–109.

4. **Виноградова, А. А.** Адаптация студентов младших курсов к обучению в вузе / А. А. Виноградова. – Текст : непосредственный // Образование и наука. – 2008. – № 3 (51). – С. 37–48.

5. **Власова, Т. А.** Социально-психологическая адаптация студентов младших курсов к условиям обучения в вузе / Т. А. Власова. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 13–22.

6. **Грибов, В. Н.** Адаптация молодежи малого сибирского города к условиям обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. Н. Грибова. – Тюмень, 1999. – 23 с. – Текст : непосредственный.

7. **Калуженина, Т. А.** Субъективные критерии адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе / Т. А. Калуженина. – Текст : непосредственный // Психология в экономике и управлении. – 2009. – № 2. – С. 95–98.

8. **Friedlander L. J., Reid G. J., Shupak N., Cribbie R.** (2007). Social Support, SelfEsteem, and Stress as Predictors of Adjustment to University Among First-Year Undergraduates? *Journal of College Student Development*. 48(3): 259–274. – Текст : непосредственный.

9. **Martin, C. M., Li-tze H., Ben G. F.** (2001). Academic Self-Efficacy and First Year College Student Performance and Adjustment.

Journal of Educational Psychology. 93(1): 55–64. – Текст : непосредственный.

10. **Tinto, V.** Dropout from Higher Education: A Theoretical Synthesis of Recent Research. Review of Educational Research. (1975). 45(1): 89–125. – Текст : непосредственный.

Андреева Ю.В.,

канд. пед. наук, доцент, профессор Восточной экономико-юридической гуманитарной академии (Академии ВЭГУ)

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ МЕТОДИКИ К. РОДЖЕРСА В УСТРАНЕНИИ И СМЯГЧЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Аннотация. Автор считает, что взгляды К. Роджерса являются глубоко оптимистичными: само представление о человеке и его позитивной сущности, но при этом с признанием негативных моментов, допускает вероятность конфликта, но при этом содержит пути выхода из него. Автор считает, что подход К. Роджерса применим в практике профилактики, смягчения и разрешения конфликтов.

Ключевые слова: методика, конфликт, оптимизм, позитивная природа человека.

Известный психотерапевт Карл Роджерс имел теологическое образование, которое он сменил на педагогический колледж и работу с людьми. С точки зрения К. Роджерса, люди конструктивны, рациональны и социализированы. Им была выдвинута и доказана гипотеза: если люди функционируют полно и полноценно и ничто не мешает им проявлять свою позитивную природу, то они выступают как разумные создания, которые стремятся к гармонии с самими собой и миром [1-6]. Такой подход можно назвать наивным оптимизмом, если бы ни 30-летний опыт практической психотерапии и не допущение Роджерсом того, что лю-

ди могут быть злы, но тому – две причины, которые можно устранить – это внутренняя неуверенность в успехе; либо – неблагоприятная внешняя среда.

Его взгляды были глубоко оптимистичными, в доказательство этому приведем несколько его идей в тезисах:

– природа человека позитивна: люди изначально добры и обладают стремлением к совершенству: они ориентированы на движение вперед к определенным целям, а сама их природа конструктивна и реалистична;

– все человеческое поведение вдохновляется и регулируется неким оптимистическим вектором – *врожденным* мотивом достижения успеха и самореализации, который он назвал тенденцией к самоактуализации;

– тенденция к самоактуализации может быть задавлена (либо собственной неуверенностью, либо обществом) и тогда возникает конфликт;

– возникает необходимость создания «благоприятного психологического климата» (термин К. Роджерса) в коллективе, который способен устранить всяческую возможность конфликта;

– человек воспринимает мир субъективно: с позиции собственных оценок и чувств, соответственно то, что одним будет воспринято как конфликт, другим может быть так не воспринято.

Субъективное мировосприятие и переживание является основой всех действий человека, которые могут быть либо конструктивными, либо деструктивными. Если человек воспринимает среду как враждебное место, то соответственно он будет и поступать. Чтобы понять человека нужно изучать его не в контексте прошлое-будущее (исходя из его прошлых переживаний и эмоциональных травм), а в контексте настоящее-будущее (исходя из того, каким человек является, и позволить ему быть собой, подходя с оптимистическим прогнозом о том, каким он может стать, двигаясь от Я-реального к Я-идеальному).

Данный подход получил в науке название феноменологический подход К. Роджерса. Самоактуализация, хотя и запрограммирована изнутри, но нуждается в оптимальных внешних условиях. Создание благоприятного психологического климата, и в

рамках него – атмосферы доверия, снимает эмоциональное напряжение, устраняет коммуникативные барьеры, а также преграды на пути подлинного продуктивного учения. В результате устанавливаются позитивных взаимоотношений и конструктивного общения происходит повышение самооценки ребенка, а сама возможность конфликта сводится к нулю.

Оптимистические установки К. Роджерса заслуживают внимания и требуют включения в педагогическую практику ряда психотерапевтических приемов по оптимизации общения, среди них следующие.

1. «Активное слушание» – это способ смягчения коммуникативных ударов в конфликте. Он позволяет агрессивному собеседнику высказаться, «выпустить пар» и начать конструктивное общение. Впервые метод «активного слушания» встречается в психотерапии К. Роджерса. Также известна схожая «техника открытой двери» – прием, который позволяет выговориться и при этом собеседник не встречает возражений и несогласия.

Метод активного слушания позволяет снять эмоциональное напряжение, установить контакт и развить его до дружеского расположения и вежливого взаимодействия, а значит, тем самым, смягчить коммуникативный удар, а затем устранить и сам конфликт.

В целом метод с педагогической точки зрения можно отнести к поощрению, которое позволяет собеседнику выразить себя конструктивно и полно; а с психологической точки зрения – почувствовать себя комфортно и раскрыться. Открытое взаимодействие дает меньше оснований для конфликта, так как все недоразумения и несовпадающие точки зрения можно вовремя заметить и устранить.

Среди ошибок применения метода активного слушания: отвлечение от собеседника; игнорирование его чувств.

2. «Я-высказывание» – метод профилактики конфликта, который также встречается в исследованиях Карла Роджерса. Метод создает дух партнерства и устанавливает атмосферу доверия; он позволяет передать *свои* чувства, не задевая самооценку партнера. Так, например, нужно видеть разницу между: «*Мне* плохо» и «*Ты* плохой».

Среди ошибок в использовании метода встречается его антиподы, то есть, если метод способствует конфликту, а не смягчает его, в случае, если служит эмоциональным давлением на собеседника, обвинением, насмешкой или уколом.

Правильный алгоритм действий в использовании метода «Я-высказывания»: факты-чувства-мысли-желания-намерения.

3. Метод «корректного замечания». Здесь можно сказать, что хвалить легче, чем ругать. Метод может включать в себя прием «бутерброда» – способ высказать замечание, спрятав его за двумя поощрениями. Сюда может входить прием «конструктивное предложение», который используется вместо обвинений по принципу: «Критикуя, предлагай», то есть не говори, как не надо, скажи, как надо. Наше подсознание не приемлет негативного подтекста, оно воспринимает так, как подадут. Сюда может входить прием «молчание» или «конструктивная пауза». Прием широко использовался в педагогической практике А.С. Макаренко в такие моменты, когда молчание говорило громче всяких слов.

Главной целью в устранении, или, хотя бы некотором смягчении конфликта – нейтрализация негативных чувств собеседника. Это сложно и иногда эмоционально затратно. Поэтому психологи и педагоги предлагают свои пути и способы бесконфликтного взаимодействия, понятно, что они носят рекомендательный характер и не всегда срабатывают в практике. Однако они способствуют облегчению поиска собственных приемов бесконфликтного общения и установлению нравственно-психологической атмосферы для людей, чья профессия связана с общением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Роджерс, К. Р.** Взгляд на психотерапию Становление человека / К. Р. Роджерс : перевод с английского. – Москва : Изд. группа «Прогресс» – «Универс», 1994. – 479 с. – Текст : непосредственный.

2. **Роджерс, К. Р.** Гуманистическая психология: теория и практика : Избр. тр. по психологии / К. Р. Роджерс ; перевод с английского; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ун-т. – Москва : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2013. – 450 с. – Текст : непосредственный.

3. **Роджерс, К. Р.** Клиент-центрированная психотерапия. Теория, современная практика и применение / Карл Р. Роджерс : перевод с английского. – Москва : Апрель пресс: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 506 с. – Текст : непосредственный.

4. **Роджерс, К.** Свобода учиться / К. Роджерс, Дж. Фрейберг : перевод с английского. – Москва : Смысл, 2002. – 527 с. – Текст : непосредственный.

5. **Rodgers, Carl R.** Freedom to learn for the 80s/with spec. contributions by J.A. Allender e.a. / Carl R. Rodgers. – Columbus e.a.: Merrill: A. Bell and Howell, 1984. – VIII. 312 p. – Текст : непосредственный.

6. **Rodgers, Carl.** La relation d aide et la psychotherapie / par. C. Rogers.; Trad. En. Fr.par. J.P. Zigliara / Carl R. Rodgers. – Paris: Les ed. ESF, 1971. – 235 p. – Текст : непосредственный.

Севостьянов Д.А.,
канд. мед. наук, доцент Новосибирского государственного
аграрного университета

КОНФЛИКТЫ И ИНВЕРСИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается конфликтное взаимодействие. В качестве инструмента изучения конфликтов используется анализ инверсивных отношений. Инверсия представляет собой форму системных отношений, при которой низший иерархический элемент получает в данной системе главенствующее значение, оставаясь при этом в прежнем подчиненном положении. Показано, что действие всех факторов конфликта проявляется как результат инверсивных отношений либо в социальной системе, либо в ценностной иерархии, либо в структуре человеческой деятельности.

Ключевые слова: конфликт, социальная иерархия, ценностная иерархия, системная инверсия.

Исследование конфликтов является одним из важнейших направлений социально-психологических и социологических исследований. Изучение конфликтного взаимодействия требует системного подхода. Конфликт реализуется в социальных системах (если не брать в расчет виртуальные и внутриличностные конфликты), а кроме того, в конфликте реализуются отношения и в других системах (например, в системе ценностей).

Основной формой системной организации является иерархия, и все системы, так или иначе участвующие в конфликтном взаимодействии, есть системы иерархические. В рамках системного подхода необходимо учитывать общесистемные особенности иерархий. Одной из таких особенностей является способность иерархических систем к формированию инверсивных отношений. И именно в конфликтном взаимодействии системные инверсии играют решающую роль; во всяком случае, представит себе конфликт в отсутствие инверсивных отношений решительно невозможно.

Системная инверсия представляет собой форму отношений в иерархии, при которой низший, подчиненный элемент приобретает в данной системе главенствующее значение, оставаясь при этом на своей прежней невысокой иерархической позиции. Иначе говоря, при системной инверсии возникает противоречие между *местом* элемента в иерархии и его реальной *ролью* в ней. Состояние системы, при которой нет инверсий и поддерживаются только изначальные, базовые иерархические отношения, будем далее называть отношениями ордера.

Инверсия представляет собой основную форму проявления системных противоречий; получив развитие, инверсивные отношения способны разрушить систему, в которой они действуют. В то же время сама система способна адаптироваться к развившимся в ней инверсиям, и попытка насильственным путем вернуть в системе отношения ордера также может оказаться губительной для данной системы [5].

Отношения в иерархиях строятся на основе организационных принципов, каждый из которых, собственно, и определяет, какой элемент должен находиться в подчиненном, а какой – в главенствующем положении. Известно множество таких организационных принципов, причем исчерпывающий их перечень, пригодный для всех возможных систем, едва ли вообще возможно составить. Например, если в системе действует хронологический организационный принцип, высшую позицию в ней будет занимать самый старый элемент (или, напротив, самый новый). Если действует количественный организационный принцип, то высшую позицию занимает элемент, как-либо превосходящий все другие элементы в количественном отношении (количественный организационный принцип имеет множество частных проявлений, в зависимости от того, о количестве чего именно идет речь). Если действует конституциональный организационный принцип, высшую позицию занимает элемент, критически необходимый для существования самой системы.

Инверсии возникают вследствие того, что в реальных (не умозрительных) иерархических системах всегда, как правило, одновременно действует несколько организационных принципов.

Если все принципы действуют согласованно, в системе поддерживаются отношения ордера (то есть возглавляющий систему элемент имеет для своего главенства ровно столько причин, сколько организационных принципов задействовано в данной системе). Но если хотя бы один принцип противоречит другому (или другим), возникает инверсия: благодаря одному организационному принципу низший элемент в иерархии может претендовать на более высокое положение, но другой принцип по-прежнему удерживает его на подчиненной позиции.

В конфликте действует ряд порождающих его факторов. Традиционно в конфликте выделяются следующие факторы (по У. Линкольну): информационный фактор, структурный фактор, фактор отношений, ценностный фактор, поведенческий фактор. Каждый из этих факторов, если рассматривать его в отдельности, действует в условиях системной инверсии и не действует вне инверсивных отношений, при сохранении отношений ордера.

Так, информационный фактор действует в том случае, когда одна из сторон распространяет информацию, неприемлемую для другой стороны (или, напротив, «придерживает» важную информацию, которую противоположная сторона непременно хочет узнать). Это уже указывает на системную инверсию в отношениях этих взаимодействующих сторон. Например, в некоторой ситуации тот, кто занимает вышестоящую позицию в иерархии, в условиях отношений ордера сохраняет за собой право осуществлять информационный обмен так, как считает нужным; тут действуют отношения ордера. Если же на такую вольность посягает нижестоящий, налицо системная инверсия.

Структурный фактор конфликта действует в том случае, когда инверсивные отношения заданы самой структурой данной системы (особенно это касается структуры организации, в которой изначально может быть заложена причина будущих конфликтов). Здесь, как говорилось выше, напрямую проявляется противоречие между формально занимаемым местом того или индивида в иерархической системе и его реальной ролью в ней.

Фактор отношений также реализуется в системной инверсии (в данном случае инверсия проявляется в иерархической соци-

альной системе). Будут ли эти отношения добровольными и принудительными, каким образом проявляется зависимость одной стороны от другой – все эти вопросы возникают при наличии инверсивных отношений в социальной иерархии. Для возникновения конфликта, как правило, требуется, чтобы социальные претензии одной из сторон не соответствовали ее реальному положению.

Ценностный фактор начинает действовать тогда, когда инверсия наблюдается в аксиологической (ценностной) иерархии. В иерархии ценностей действует по меньшей мере два организационных принципа: конституциональный, выводящий на первое место просоциальные ценности, способствующие сохранению породившей данные ценности социальной системы, и количественный, показывающий, какое реальное распространение получила в представлении людей та или иная ценность. При преобладании эгоистических ценностей социальную систему ожидает атомизация и распад. Ценностный конфликт возникает, когда ценностные представления взаимодействующих сторон существенно различаются [4]; например, одной такой стороне присущи отношения ордера в ценностной иерархии, у другой же стороны преобладают инверсии, и на первый план в количественном отношении выходят индивидуальные (эгоистические), а не просоциальные ценности. В этом случае первая сторона считает вторую скопищем конченных эгоистов, а противоположная сторона воспринимает первую как группу фанатиков.

Поведенческий фактор конфликта проявляется в стратегиях поведения, которые демонстрируют стороны конфликта [1]: от конфронтации, при которой признаются одни только собственные интересы, и до сотрудничества, предусматривающего равное уважение своих и чужих интересов. И здесь мы наблюдаем инверсию ценностей, поскольку приверженность просоциальным ценностям подразумевает приоритет общественных интересов над личными. Если обе взаимодействующие стороны используют стратегию сотрудничества, то это означает, что в их ценностных иерархиях сохраняются отношения ордера, инверсия же отсутствует, как, собственно, отсутствует и конфликт.

Итак, все задействованные в конфликте факторы проявляются в системных инверсиях, будь то инверсия в социальной или в ценностной системе. И если некоторые авторы приводят и другие перечни факторов конфликта [2, 3], то при ближайшем рассмотрении оказывается, что и эти факторы также действуют в результате развития инверсивных отношений.

В заключение следует сказать еще несколько слов о роли инверсий в конфликте. Во-первых, если под влиянием ценностных инверсий некоторая социальная группа (народ, нация) оказывается под угрозой распада, распад этот происходит обычно не сам по себе, а в результате внешних конфликтов, под воздействием менее инвертированных и более пассионарных соседей. Во-вторых, в ходе эскалации конфликта в структуре деятельности его участников также развивается системная инверсия, в результате которой на первый план выходят эмоции, ранее выполнявшие в деятельности только подчиненную, служебную роль. Именно поэтому происходит переход от столкновения идей к столкновению личностей, конфликт превращается в деструктивный, а примирение сторон становится затруднительным. Здесь, как и в случае с ценностями, происходит столкновение между конституциональным и количественным организационными принципами.

Таким образом, анализ инверсивных отношений в иерархических системах показал себя действенным инструментом для изучения конфликтного взаимодействия. Рассматривая социальные системы исключительно с позиций отношений ордера, при игнорировании инверсивных отношений, невозможно получить релевантную модель взаимодействий в социальной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гришина, Н. В.** Психология конфликта / Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 544 с. – ISBN 978-5-91180-895-2. – Текст : непосредственный.

2. **Деккушева, А. Д.** Факторы конфликта и их характеристика / А. Д. Деккушева. – Текст : непосредственный // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 3. – С. 217–223.

3. **Магулаева, А. А.** Анализ факторов, вызывающих конфликты в организациях / А. А. Магулаева. – Текст : непосредственный // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – №. 3 (52). – С. 252–254.

4. **Мельничук, А. С.** Ценностные факторы конфликтного взаимодействия государственных служащих / А. С. Мельничук. – Текст : непосредственный // Акмеология. – 2009. – № 1. – С. 74–83

5. **Севостьянов, Д. А.** Противоречие и инверсия / Д. А. Севостьянов. – Новосибирск : Изд-во НГАУ «Золотой колос», 2015. – 245 с. – ISBN 987-5-94477-172-8. – Текст : непосредственный.

Смольникова Л.В.,
канд. психол. наук, доцент Томского университета
систем управления и радиоэлектроники

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассмотрены особенности важной социально-психологической характеристики личности – эмоциональный интеллект. Приведен анализ результатов диагностики эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона, а именно выявлен уровень эмоционального интеллекта и парциального эмоционального интеллекта, эмоционального проявления EQ. Проведен сравнительный анализ уровней эмоционального интеллекта и парциального эмоционального интеллекта у студентов вузов.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная осведомленность, самомотивация, эмпатия, управление эмоциями.

Все чаще в научной литературе стали появляться работы, посвященные способностям в эмоциональной области, в силу этого в центре интереса большой группы исследователей оказался феномен «эмоциональный интеллект». Впервые данный термин был введен в 1985 г. в докторской диссертации У. Пэйна. В 1990 г. была опубликована работа двух американских исследователей Дж. Майера и П. Саловея, в которой описана концепция «EQ» [4]. Одно из более поздних определений EQ, сформулированное данными авторами, звучит как «способность глубокого постижения, оценки и выражения эмоций, способность понимания эмоций и эмоциональных знаний, а также способность управления эмоциями, которая содействует эмоциональному и интеллектуальному росту личности» [3]. «Человеческое мышление не ограничивается рассудочной калькуляцией. Хотя взаимосвязи эмоций и интеллекта очень разнообразны, лишь некоторые из них делают нас по-настоящему умнее. И эту довольно ограниченную сферу взаимного пересечения и влияния можно опреде-

лить как эмоциональный интеллект», – считают П. Саловой и Дж. Мейер [3].

Компоненты эмоционального интеллекта разбиты на четыре основные категории [1, 2]. Важно помнить, что эмоциональный интеллект усваивается и развивается и любой человек может усилить качества, составляющим четырем указанным категориям:

1. Самосознание можно рассматривать как основу всех остальных компонентов эмоционального интеллекта, которое включает в себя способность человека оценивать собственные эмоции и понимать, как они влияют на профессиональную деятельность и личную жизнь. Самосознание также включает в себя адекватную оценку своих сильных и слабых сторон и чувство уверенности в себе.

2. Владение собой (самоконтроль) – второй ключевой компонент эмоционального интеллекта, который можно определить как способность контролировать деструктивные или приносящие вред эмоции. Владеть эмоциями значит не подавлять или скрывать их, а понимать, используя это понимание в различных ситуациях. В эту категорию входят такие качества, как стремление вызвать доверие окружающих (проявление честности и прямоты), сознательность (ответственное отношение к своим обязанностям), способность к адаптации (умение приспосабливаться к изменениям), инициативность, расширяющая возможности человека, оптимизм, проявляющийся вопреки всем трудностям и неудачам.

3. Социальное сознание – это способность понимать других. Социально сознательный человек проявляет эмпатию – умение поставить себя на место другого человека и понимание его мыслей и чувств. Такие люди могут рассмотреть ситуацию с нескольких точек зрения и наладить взаимодействие с людьми различных типов.

4. Менеджмент взаимоотношений – это способность налаживать контакты и взаимодействовать с другими людьми. Человек, обладающий высоким эмоциональным интеллектом, чутко и доброжелательно относится к окружающим [2].

Вместе взятые, четыре указанных компонента создают основу для эмоционального интеллекта.

Для выявления уровня эмоционального интеллекта использовался опросник Н. Холла, который состоит из 30 высказываний, отражающих различные стороны жизни испытуемого. Ответы оцениваются по пяти шкалам: «Эмоциональная осведомленность», «Управление своими эмоциями», «Самотивация», «Эмпатия», «Управление эмоциями других людей». По результатам опроса каждому респонденту присвоена личная таблица, в которую вносились полученные ответы. По данным таблиц строились диаграммы, интерпретировались полученные результаты, делались выводы.

В исследовании приняло участие 78 студентов ТГУ, ТУСУР, СибГТУ и ВКА им. Можайского очной формы обучения.

На диаграмме 1 отображен уровень EQ респондентов всех вузов. Из диаграммы видно, что наибольшее количество студентов (56%) с низким индексом EQ и лишь 4% с высоким.

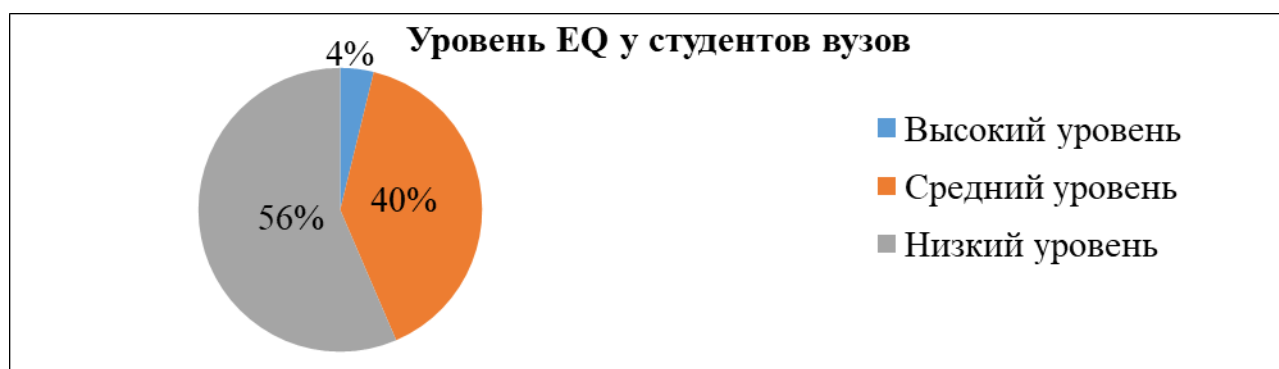

Диаграмма 1. Уровень эмоционального интеллекта у студентов вузов

Анализ результатов по полу выявил, что высокий уровень EQ, не очень большой показатель, но присутствует у 5,5% девушек, средний уровень преобладает у юношей (53%), девушек с низким уровнем больше, чем юношей (60%) (диаграмма 2).

Таким образом, девушек с низким уровнем EQ больше, чем юношей, со средним уровнем больше юношей, а высокий уровень, хоть и небольшой показатель, но отмечается у девушек.

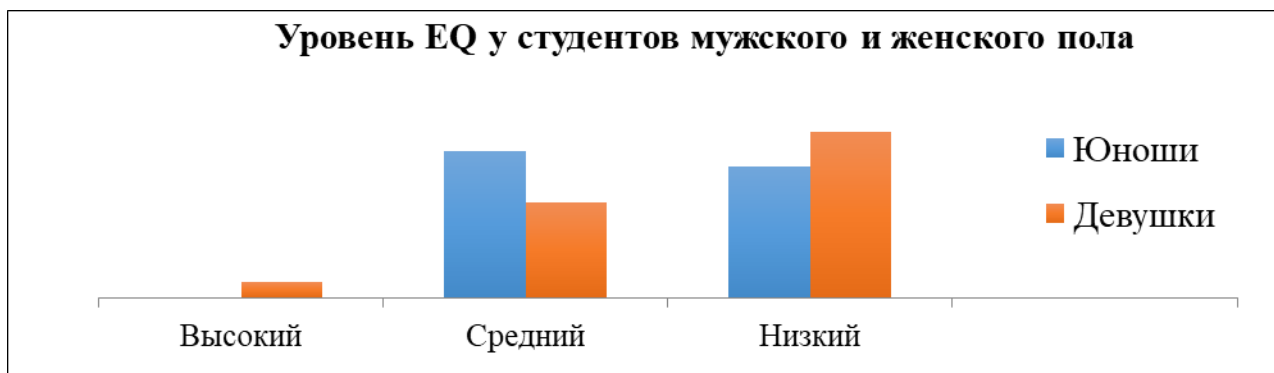

Диаграмма 2. Сравнительный анализ уровня эмоционального интеллекта у студентов вузов мужского и женского пола

Проведем сравнительный анализ уровня эмоционального интеллекта студентов по вузам.

Сравнительный анализ уровней EQ у студентов вузов показал, что в СибГТУ у 50% опрошенных студентов зафиксирован низкий уровень, у 21% – высокий и у 29% – средний; у 59% студентов ТГУ низкий уровень, 41% студентов со средним, высокий уровень не выявлен; у 14% студентов ВКА им. Можайского низкий уровень, 86% студентов имеют средний уровень, высокий не выявлен; в ТУСУР обучается 75% студентов с низким уровнем, 25% студентов со средним уровнем, высокий не выявлен (диаграмма 3).

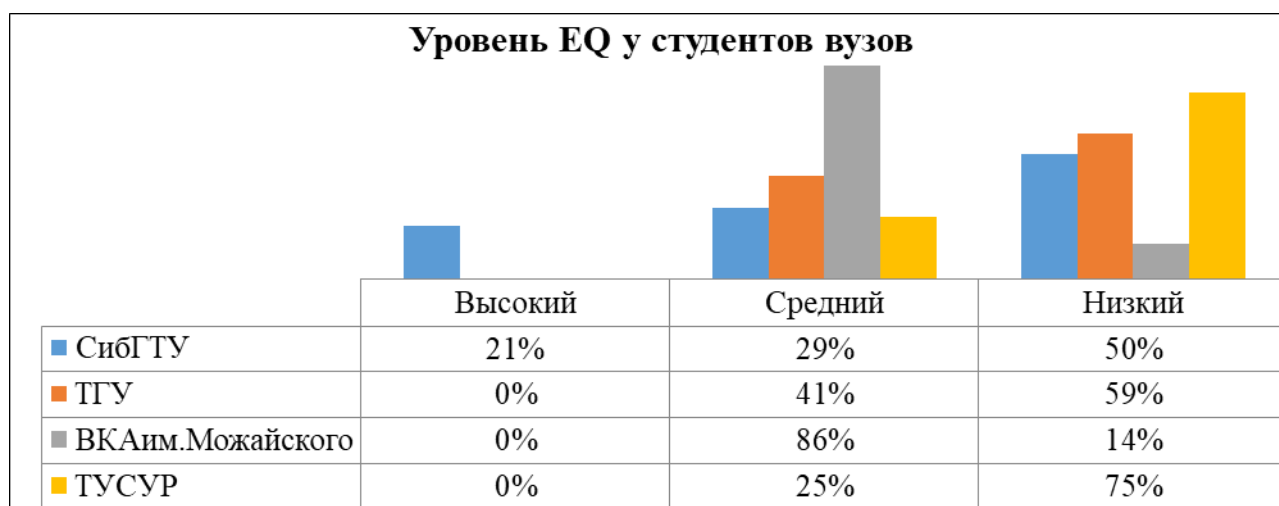

Диаграмма 3. Сравнительный анализ уровней эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

Таким образом, высокий уровень EQ зафиксирован у 21% студента СибГТУ, с низким уровнем (75%) обучается больше всего студентов в ТУСУР и наибольший показатель среднего уровня выявлен у 86% студентов ВКА им. Можайского.

Необходимо напомнить, что высокий уровень EQ у студентов вузов практически отсутствует, всего 4% студентов всей выборки, а 40% студентов с низким эмоциональным интеллектом. Данные результаты заставляют задуматься о детальной проработке данной темы.

Опираясь на ключ методики, проанализированы результаты исследования с целью выявления эмоционального проявления EQ у студентов вузов и представлены в графическом виде по 5 шкалам: «Эмоциональная осведомленность», «Управление своими эмоциями», «Самомотивация», «Эмпатия», «Распознавание эмоций других людей».

На диаграмме 4 отображен уровень эмоционального проявления EQ у студентов вузов. Результаты распределились по всем шкалам практически равномерно.

Диаграмма 4. Эмоциональные проявления EQ у студентов вузов Сибирского региона

Проведем сравнительный анализ уровней парциального (по каждой шкале опросника Н. Холла) EQ у студентов вузов.

На диаграмме 5 отображен уровень EQ по шкале «Эмоциональная осведомленность» у студентов вузов.

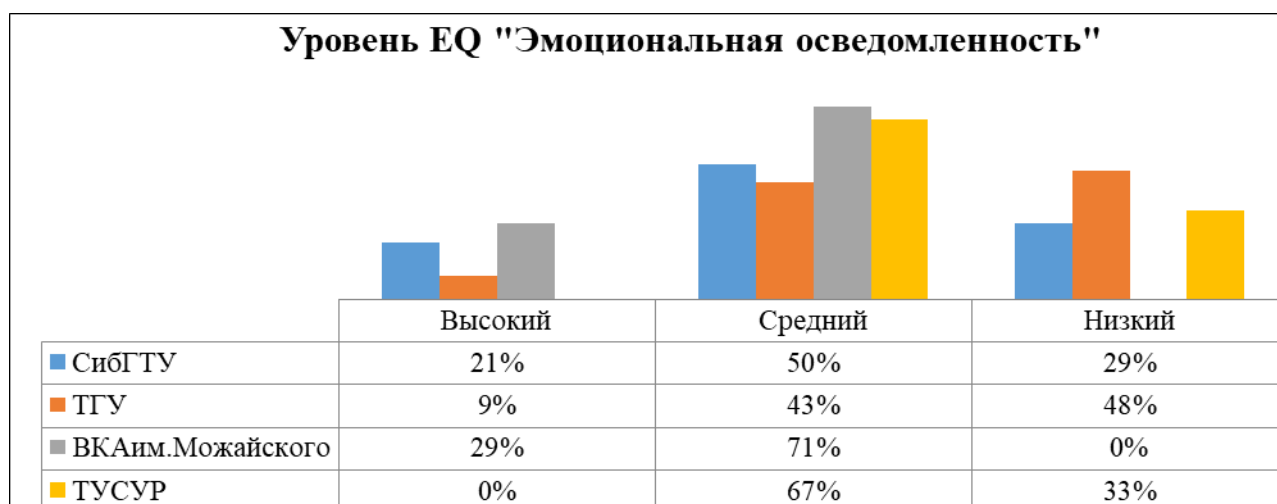

Диаграмма 5. Уровень парциального (по шкале «Эмоциональная осведомленность») эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

Высокий показатель уровня зафиксирован у 29% студентов ВКА им. Можайского, у 21% студентов СибГТУ и у 9% студентов ТГУ, у студентов ТУСУР высокий уровень EQ по шкале «Эмоциональная осведомленность» не выявлен. Низкий уровень фиксируется у 48% студентов ТГУ, у 33% студентов ТУСУР и у 29% студентов СибГТУ, в ВКА им. Можайского низкий уровень EQ по шкале «Эмоциональная осведомленность» не выявлен (Диаграмма 5).

Таким образом, следует вывод, что уровень парциального (по шкале «Эмоциональная осведомленность») эмоционального интеллекта у студентов вузов преобладает в большинстве своем, средний.

На диаграмме 6 отображен уровень EQ у студентов вузов по шкале «Управление своими эмоциями». Высокие показатели зафиксированы у 21% студентов СибГТУ и у 8% студентов ТУСУР. Низкий уровень у 76% студентов ТГУ, у 75% студентов ТУСУР и по 57% у студентов ВКА им.Можайского и СибГТУ.

Таким образом, выявлен низкий уровень EQ у студентов вузов Сибирского региона по шкале «Управление своими эмоциями».

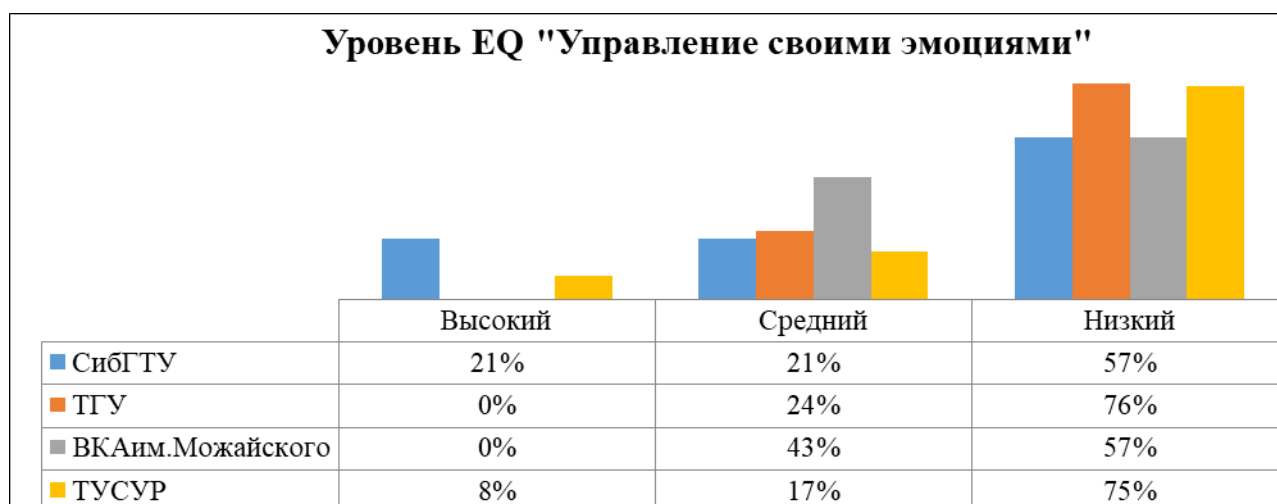

Диаграмма 6. Уровень парциального (по шкале «Управление своими эмоциями») эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

На диаграмме 7 отображен уровень EQ по шкале «Самомотивация». Высокие показатели по данной шкале зафиксированы у 29% студентов СибГТУ, у 14% студентов ВКА им. Можайского, у 8% студентов ТУСУР и 7% студентов ТГУ. Низкий уровень – у 61% студентов ТГУ, у 58% студентов ТУСУР, у 43% студентов СибГТУ и у 29% студентов ВКА им. Можайского.

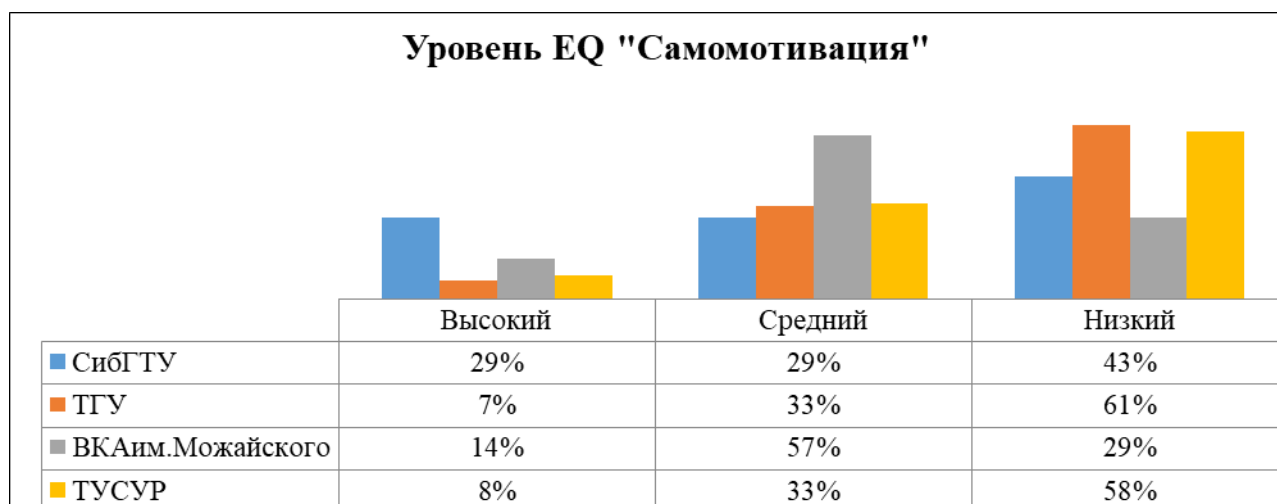

Диаграмма 7. Уровень парциального (по шкале «Самомотивация») эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

Таким образом, анализ выявил низкий и средний уровни EQ у студентов вузов по шкале «Самомотивация».

На диаграмме 8 отображен уровень EQ по шкале «Эмпатия» среди студентов вузов. Высокие показатели, по 43%, выявлены у студентов СибГТУ и ВКА им. Можайского, у 9% студентов ТГУ, а у студентов ТУСУР высокие показатели не выявлены. Низкий уровень – у 48% студентов ТГУ, у 40% студентов ТУСУР и по 29% у студентов СибГТУ и ВКА им. Можайского.

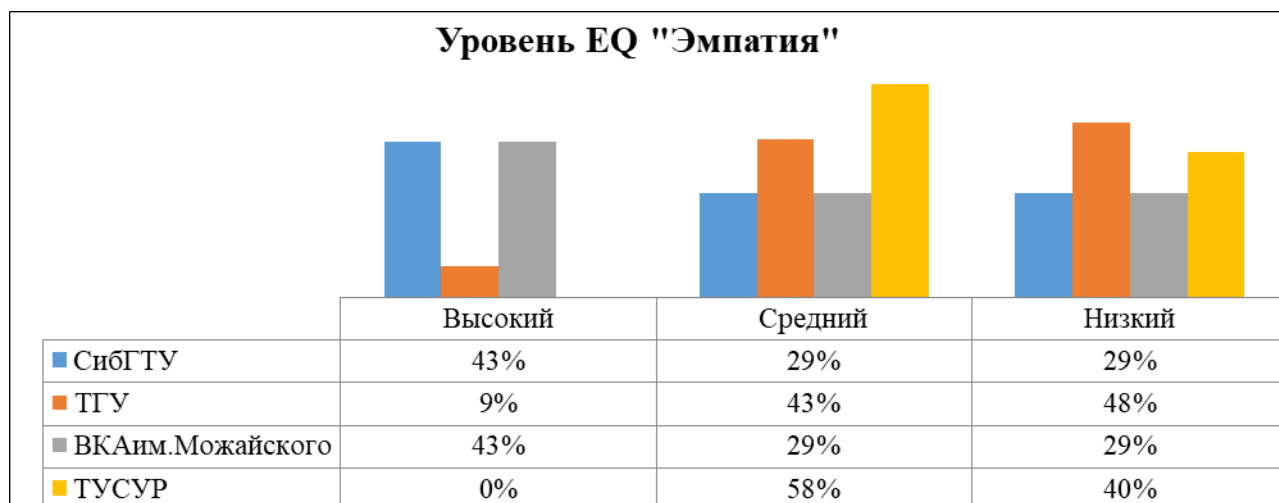

Диаграмма 8. Уровень парциального (по шкале «Эмпатия») эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

На диаграмме 9 отображен уровень EQ по шкале «Управление эмоциями других людей» у студентов вузов. Высоким уровнем обладают 29% студентов ВКА им. Можайского, 21% студентов СибГТУ и 11% студентов ТГУ, а у студентов ТУСУР высокий уровень не выявлен. Низкий уровень выявлен у 67% студентов ТУСУР, у 57% студентов ТГУ, у 43% студентов СибГТУ и у 29% студентов ВКА им. Можайского.

Таким образом, анализ позволяет сделать вывод – уровень эмоционального интеллекта у студентов вузов по шкале «Управление эмоциями других людей», в большинстве, низкий.

Анализ эмоциональных проявлений EQ у студентов вузов по шкалам показал, что у студентов ВКА им. Можайского преобладает эмоциональное проявление EQ «Управление своими эмоциями», у студентов СибГТУ «Самотивация», у студентов

ТУСУР «Распознавание эмоций других людей», у студентов ТГУ «Эмпатия» (диаграмма 10).

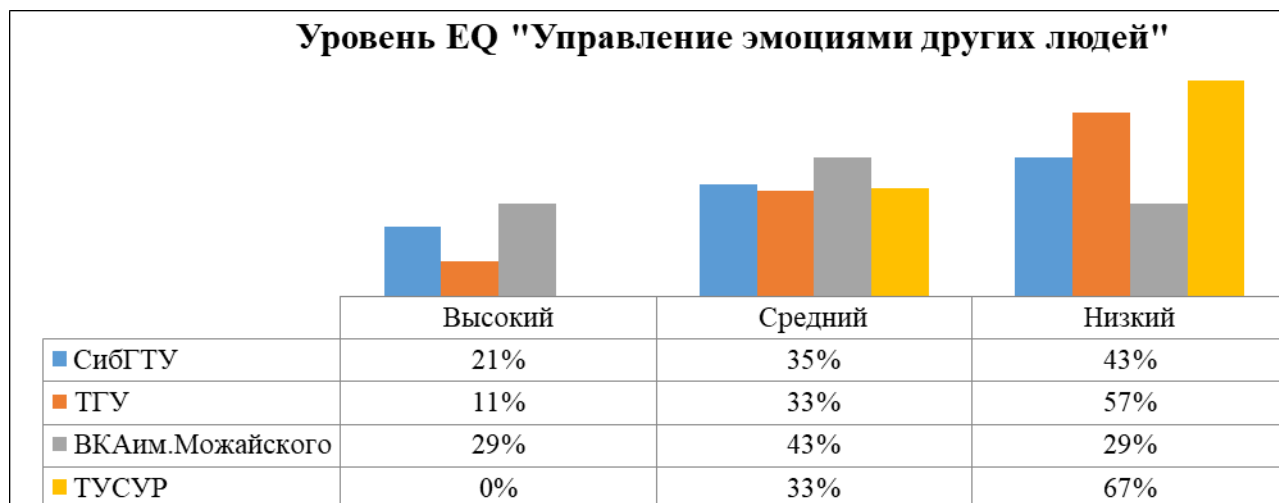

Диаграмма 9. Уровень парциального (по шкале «Управление эмоциями других людей») эмоционального интеллекта у студентов вузов Сибирского региона

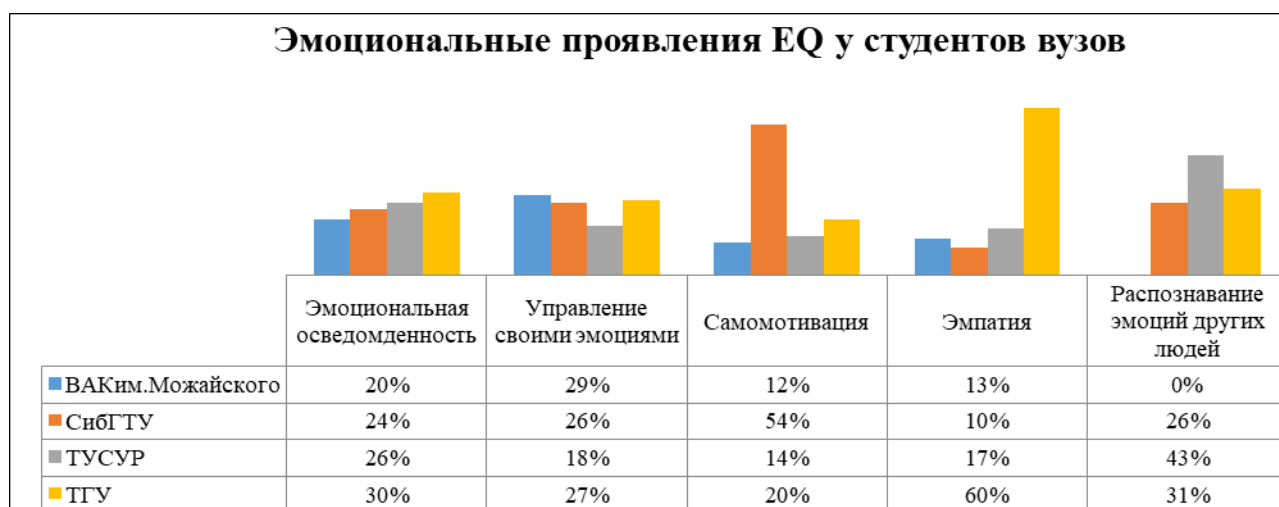

Диаграмма 10. Сравнительный анализ эмоциональных проявлений EQ у студентов вузов Сибирского региона по шкалам опросника Н. Холла

Сравнительный анализ эмоциональных проявлений EQ у студентов вузов Сибирского региона по шкалам опросника Н. Холла показал, что эмоциональное проявление EQ «Эмоциональная осведомленность» и «Эмпатия» более присуща студентам ТГУ, «Управление своими эмоциями» студентам ВКА им.

Можайского, «Самомотивация» студентам СибГТУ, «Распознавание эмоций других людей» студентам ТУСУР.

Таким образом, теоретическое обоснование и результаты проведенного экспериментально-психологического исследования доказывают значимость и актуальность темы изучения эмоционального интеллекта и коррекции его выраженности в современном обществе у студенческой молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гоулман, Д.** Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман ; перевод А. Исаевой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 544 с. – (Psychologies). – ISBN: 978-5-0005-7088-3. – Текст : непосредственный.

2. **Крутецкий, В. А.** Психология : учебник для пед. уч-щ / В. А. Крутецкий. – Москва : Просвещение, 1980. – 352 с. – Текст : непосредственный.

3. **Mayer J. D.** The intelligence of emotional intelligence / J. D. Mayer, P. Salovey // *Intelligence*, 1993. – V. 17. – P. 433-442. – Текст : непосредственный.

4. **Mayer J.** Emotional Intelligence: Theory, Findings and Implications / J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso // *Psychological Inquiry*, 2004. – V. 15. – № 3. – P. 197-215. – Текст : непосредственный.

Рыжкова О.А.,
канд. хим. наук, доцент, магистрант Белгородского
университета кооперации, экономики и права

ТРЕНИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Аннотация. В статье рассматриваются формирование и развитие личностных профессионально важных качеств студентов-психологов, профессиональное самопознание обучающихся посредством их активного включения в практическую работу в рамках проведения Фестиваля современной психологии, организованного и проведенного на кафедре гуманитарных, социальных и правовых дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права (БУКЭП).

Ключевые слова: личностные, профессионально важные качества студентов-психологов, профессиональное самосознание, Фестиваль современной психологии, тренинговые занятия.

Психологическая наука, как совершенно справедливо отмечает В.В. Рубцов, становится неотъемлемой составляющей современной социальной практики, ее системообразующим ядром [5]. Каждый квалифицированный психолог в процессе своей профессиональной деятельности должен обладать целым рядом личностных профессионально важных качеств, являющихся необходимым условием формирования и развития своей профессиональной сферы. Специалисту крайне важно непрерывно совершенствовать свои профессиональные умения и навыки, выстраивая грамотный профиль развития своей профессиональной стратегии. Основа формирования и развития ведущих качеств психолога закладывается еще в рамках университетского образовательного процесса, реализующего эффективную программу обучения, содержащую практическую ориентацию [4].

В современной ситуации совершенствования и модернизации системы высшего образования ключевыми остаются вопросы личностного развития студента и формирование его готовности к будущей профессиональной деятельности [3]. В массовом сознании психолог – это прежде всего практик. Обучаясь в вузе на психологических специальностях, студенты должны как можно чаще вовлекаться в практическую работу, связанную с их будущей профессией. Уже с первого курса университета определяющим условием формирования профессионального самоопределения студентов психологов должна стать их активная практическая деятельность, способствующая эффективному формированию их профессиональных взглядов.

Тренинговая работа в рамках интерактивного обучения эффективно способствует развитию межличностных отношений, индивидуальных качеств личности, являющихся крепким фундаментом успешного овладения умениями и навыками профессиональной деятельности студентов. Эти занятия создают необходимые оптимальные психолого-педагогические условия формирования целостного системного мышления будущих специалистов психологов.

На начальных этапах группового тренинга у обучающихся наблюдается неуверенность в себе, в своих действиях, в проявлении своих эмоций и переживаний. Они не совсем четко представляют себе цели и задачи организации и проведения занятий. Дальнейшее включение в практическую работу активизируют познавательные потребности студентов, стимулируя тем самым формирование психологического самосознания, выстраивая процесс понимания сути и смысла тренинга как наиболее эффективного способа создания и развития собственных личностных и профессиональных качеств.

По сравнению с традиционными репродуктивными методами обучения тренинг как интерактивный метод является наиболее эффективным способом выработки стратегии поведения и саморазвития личности, основой для формирования адекватной профессиональной «Я-концепции» студентов психологов, которым необходимо не только обязательно присутствовать в каче-

стве участников на самих занятиях, но и обязательно выступать в ролях соведущих и ведущих занятий под пристальным наблюдением преподавателя.

В Белгородском университете кооперации, экономики и права с 10 по 14 февраля 2020 г. кафедрой гуманитарных, социальных и правовых дисциплин был проведен Фестиваль современной психологии, в рамках которого активное участие приняли студенты психологи 1–4 курсов. Были организованы и проведены разнообразные интерактивные мероприятия: презентация специальности «Психология» для обучающихся по образовательным программам СПО БУКЭП, конкурс научно-исследовательских работ студентов психологов «Лучшая студенческая статья 2019», деловая игра «Без оценок» для студентов разных специальностей, конкурс психологических игр «Живые эмоции», интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?» для студентов психологов 2–3 курсов. Также проведены мастер-классы «Секреты мотивации или мотивация без секретов», «Загадки мозга», «Тропинка к собственному Я». В процессе работы Фестиваля состоялось выездное занятие научно-популярной направленности «Найти себя и понять других» для обучающихся ОГАПОУ «Яковлевский педагогический колледж».

В рамках подготовительных занятий студенты психологи энергично включались в разработку стенда с психологической информацией, состоящей из цитат знаменитых ученых разных областей психологии; стенда, содержащего интересные занимательные материалы по теме Фестиваля. Студенты активно планировали проведение самих мероприятий, высказывали свою точку зрения и мнение, проявляли инициативную деятельность, что отразилось в конце мероприятия в эффективных результатах.

Практически каждый день Фестиваля проводились тренинговые занятия «Живые эмоции», предназначенные для обучающихся по образовательным программам СПО БУКЭП. Ведущими мероприятия были сами студенты психологи. В рамках тренинга они организовывали упражнения на знакомство, упражнения на командообразование, эффективно подобрав изначально комплекс разнообразных активных заданий. Затем студенты

предложили командам участников различные интерактивные игры на развитие когнитивных способностей (памяти, мышления, внимания): «Танграм», «Дифферанс», «Головоноги», что вызвало бурный положительный эмоциональный отклик обучающихся СПО.

Специфической особенностью интеллектуальной сферы психолога является то, что в его мыслительной деятельности сочетаются два вида мышления: теоретическое и практическое, причем оба эти вида одинаково нужны. Решая задачи практического характера, специалист должен использовать имеющиеся у него теоретические знания и всесторонне опираться на них [2]. Будущие психологи делали первые шаги в сферу своей профессиональной деятельности. В ходе самих занятий и по окончании их каждый студент осуществлял оценку уровня собственных достижений по отношению к действиям других ведущих, а также оценку уровня своих умений и навыков по сравнению со своим прошлым опытом, постоянно отмечая при этом успехи и недочеты работы, планируя и прогнозируя свою дальнейшую деятельность. В конце занятий студенты-психологи дарили участникам самостоятельно сделанные оригинальные коробочки, содержащие конфеты и интересное пожелание-цитату.

Студентам СПО на завершающем этапе каждого тренингового занятия «Живые эмоции» была предложена анкета личностных и профессионально-важных качеств психолога, где они оценивали ведущих занятия по следующим категориям: общительность, умение слушать других, доброжелательность, активность, самообладание, способность логически мыслить, эмоциональная устойчивость, организаторские способности, наблюдательность, ответственность, подготовка к занятиям. Каждый параметр оценивался по пятибалльной шкале. Таким образом, в рамках тренинговых занятий «Живые эмоции» активно осуществлялся целостный конкурс среди студентов психологов, как ведущих занятий.

В организации и проведении тренинга в форме деловой игры «Без оценок» студенты психологи под четким наблюдением доцента кафедры, кандидата психологических наук Е.В. Скворцо-

вой состоялись в качестве соведущих занятия. Были организованы и проведены разнообразные активные упражнения на знакомство, командообразование, упражнение «Социальный плакат», игры на взаимное оценивание участников, оживленно обсуждены критерии адекватного процесса оценивания людей.

Во время проведения интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» студенты психологи (2 и 3 курсы) имели возможность проявить свои умственные качества, разыскивая ответы на актуальные интересные вопросы из области психологии, нейрофизиологии, психофизиологии. Обучающиеся динамично работали в командах, энергично обсуждая и предлагая друг другу ответы на вопросы, развивая тем самым не только свои когнитивные способности, но межличностные отношения со сверстниками.

Перед каждым мастер-классом и тренинговым занятием, в которых участвовали обучающиеся по программам СПО, студенты психологи обязательно проводили разработанную ими презентацию специальности «Психология» с целью профессиональной ориентации и самоопределения обучающихся. Анимированный материал с включенным в него актуальным видеороликом вызвал положительную обратную связь, заинтересовав обучающихся СПО, стимулируя их профессиональный выбор.

Также на Фестиваль современной психологии были приглашены школьники средней общеобразовательной школы № 11 г. Белгорода, обучающиеся белгородского индустриального колледжа. Студенты психологи познакомили их со специальностью «Психология», организовав и проведя тестирование на выявление актуальных профессиональных направленностей личности.

В последний день Фестиваля были подведены итоги, студентам вручены благодарности, дипломы победителей, грамоты. Под руководством Е.В. Скворцовой была организована и проведена эффективная рефлексия как логический завершающий этап мероприятия. Обсуждено понятие «мотивация», активно осуществлено мотивационное упражнение «Эльфы, волшебники, великаны» с выявлением четкой линии поведения обучающихся. Каждый студент, принимавший непосредственное участие в тренинговых занятиях в качестве ведущего или соведущего, проводившего

презентации специальности «Психология», профориентационное тестирование, рассказал о личных ощущениях, чувствах, эмоциях, переживаниях, анализируя при этом собственные успехи, ошибки, параллельно выстраивая перспективы развития своей будущей деятельности.

В основе обучения студентов в университете лежат связанные между собой три параметра, определяющих личностное и профессиональное целостное самосознание обучающихся: профессиональное самоопределение личности, сама профессия как объект выбора личности, межличностные отношения со своими сверстниками, способствующие самопознанию студентов в рамках своей будущей специальности. Все эти направления были успешно осуществлены в рамках работы Фестиваля современной психологии.

Таким образом, тренинг как наиболее эффективный способ развития личностных и профессионально важных качеств студентов психологов активно реализует условия практического включения обучающихся в деятельность, способствующую формированию и развитию адекватной профессиональной «Я-концепции» будущих специалистов психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алешина, О. В.** Служба профориентационного консультирования и психологического сопровождения абитуриентов в системе управления профессиональным выбором обучающихся / О. В. Алешина, Ж. С. Кохан, Т. А. Сержко. – Текст : непосредственный // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2019. – № 2 (37). – С. 4–7.

2. **Быкова, Е. А.** Формирование профессиональной компетентности студентов-психологов : «Я могу стать компетентным специалистом» / Е. А. Быкова. – Текст : непосредственный // Образовательные технологии. – 2016. – № 1. – С. 108–122.

3. **Марьясис, И. Б.** Особенности ценностно-мотивационной сферы студенчества / И. Б. Марьясис, Е. В. Скворцова. – Текст :

непосредственный // Педагогика искусства. – 2015. – № 2. – С. 156–161.

4. **Рыжкова, О. А.** Развитие личностных и профессиональных качеств студентов-психологов средствами тренинга / О. А. Рыжкова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии : материалы международной научно-практической конференции. 2 апреля 2019 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2019. – С. 32–40. – ISBN 978-5-8231-0935-2.

5. **Фомина, Л. Ю.** Развитие профессионально важных качеств студентов-психологов в процессе профессионального обучения / Л. Ю. Фомина. – Текст : непосредственный // Ученые записки. – 2009. – Т. 2. – Серия : Психология. Педагогика. – № 2 (6). – С. 48–51.

Скворцова Е.В.,

канд. психол. наук, доцент Белгородского университета кооперации, экономики и права

ОБРАЗ ПСИХОЛОГА В ОБЫДЕННОМ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «образ психолога» и его структурные компоненты. Представлен анализ социологических и психологических исследований, отражающих наиболее значимые характеристики образа психолога в обыденном и профессиональном сознании.

Ключевые слова: образ психолога, профессионально важные качества.

Образ профессии в структуре интегральной индивидуальности – динамическое образование. Его изменения, особенности развития и трансформации определяются спецификой професси-

ональной деятельности и социально-психологическими отношениями, складывающимися в профессиональной среде. Понятие «образ профессии» стало популярной темой общественной мысли XX в.

В отечественной психологии, за последнее время, к данному вопросу проявили интерес многие научные деятели, появилось множество новых исследований. Этим вопросом занимались З.А. Решетова, В.Д. Шадриков, Е.А. Климов, М.Н. Рыбникова, Л.М. Митина, С.М. Маркова, Н.В. Курбет, Е.Ф. Платаш. Психологами были замечены многие тенденции в профессиональном развитии человека, со временем возникло множество теоретических предположений, которые послужили основой для разнообразных теорий профессионализации, что также свидетельствует об актуальности осмысления каждым человеком представлений об образе профессии в целом, о необходимости определения своего места в профессиональной сфере.

Образ психолога в обыденном и профессиональном сознании в достаточной мере строится на основе стереотипизации. Психологическая наука достигла значительных успехов в теоретических и прикладных исследованиях, но накопленный опыт часто не востребован по причине недостаточной информированности потенциальных клиентов относительно возможности применения психологических знаний в различных областях деятельности, низкого уровня развития психологической культуры. Можно предположить, что в обыденном сознании существуют ошибочные представления относительно деятельности психолога и причин, по которым к нему можно обратиться.

«Особенности построения образа типичного профессионала психолога определяется тем, что, к сожалению, в нашем обществе к психологу все еще относятся как к экзотической фигуре. С одной стороны, никто точно не знает, чего именно следует ждать от него как от профессионала, а с другой – очень хочется верить в то, что психолог компетентен в решении любых проблем (в том числе как личных, так и производственных)» [1, с. 138].

Аналитический обзор результатов опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) отражает ди-

намику развития представлений респондентов о профессиональной роли психолога в современном обществе. В 2010 г. в преддверии Дня психолога ВЦИОМ опубликовал данные о том, в каких трудных жизненных ситуациях опрошенные отмечают необходимость психологической помощи¹. 11 % опрошенных готовы обратиться к психологу в ситуации тревожности и стресса. Однако, только 2-3% опрошенных считают возможным и необходимым шагом обращение за помощью к психологу, испытывая проблемы в семейной жизни или трудности во взаимоотношениях с детьми. Чаще всего в проблемных ситуациях опрошенные заинтересованы в поддержке близких людей или родственников, либо пытаются найти способ преодоления трудностей в одиночку.

Анализируя результаты опросов, начиная с 2018 г. можно заметить повышение интереса к профессиональной роли психолога и увеличение количества изучаемых аспектов. Опрос 2018 г. отражает представления респондентов о том, к кому они обращаются за помощью в трудных жизненных ситуациях². Каждый пятый участник опроса (21% респондентов из числа обучающихся или работающих) отметил, что на предприятии или в организации есть штатный психолог, среди работающих в бюджетной сфере эта доля составляет 36%. 67% опрошенных утверждают, что в штате организации нет психолога (82% среди сотрудников коммерческих предприятий).

На вопрос «имеете ли вы опыт обращения к специалисту за профессиональной психологической помощью и каковы результаты обращения» были получены следующие ответы: 9% опрошенных отмечают, что обращались за помощью к психологу, но только 5 % из них отмечают, что работа по разрешению проблемы была результативной. 90 % опрошенных никогда не обращались за профессиональной психологической помощью. Результаты опроса сопоставимы с ответами респондентов в 2009 г. (6%, 3% и 92 % соответственно).

¹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1809>.

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9474>.

По результатам опроса 2019 г.¹ можно отметить, что уже 12% россиян обращались к специалистам за профессиональной психологической помощью, среди них чаще всего женщины (15%), молодые люди от 18 до 34 лет (34%). 88 % опрошенных не имели опыта взаимодействия с психологом по разрешению проблемных ситуаций, преимущественно мужчины (92%) и респонденты старшего возраста 60+ (90%). Однако на вопрос о стоимости услуг профессиональных психологов 40% опрошенных отметили, что цена услуги им недоступна и 42% затруднились с ответом.

В сентябре 2017 г. ВЦИОМ опубликовал данные исследования отношения россиян к работе психологов системы образования². Опрошенные представители всех социальных групп, независимо от возраста, пола, материального положения и места жительства на вопрос «нужен ли психолог в школе» отметили, что ставку психолога необходимо сохранить (85%). Участники опроса отмечают, что школьные психологи есть не во всех учебных организациях. 34% респондентов, имеющих детей и внуков, заявили об их отсутствии, в селах таких почти половина (48%). Мнение россиян о работе школьного психолога зависит от наличия или отсутствия такого специалиста в учебных заведениях. Эффективность психологов признает 61% тех, кто видит их работу в школах, а те, кто с ней не знаком, напротив, считают, что психологи бесполезны (58%).

Интересными представляются результаты ответов на вопрос «кого из известных психологов вы знаете»: 81% опрошенных не смогли выбрать из списка ни одной фамилии, 7 % (наибольшее количество) отметили З. Фрейда. На вопрос «если у вас есть (были бы) подрастающие дети, внуки, хотели бы вы, чтобы они выбрали для себя профессию психолога» положительно ответили 21% респондентов, отрицательно – 66%.

Анализируя показатели сформированности психологической культуры населения, отраженные в социологических опросах³

¹ <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9939>.

² <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3589>.

³ <https://fom.ru/Obraz-zhizni/11885>.

можно сделать следующие выводы. Респонденты с высшим образованием отмечают, что профессиональные психологи в целом заслуживают доверия, обращение к ним приносит пользу (59% по сравнению с 39% населения в целом), смотрят передачи, посвященные проблемам психологии (51% и 34% соответственно), читают научную и популярную психологическую литературу (50% и 22% соответственно).

Изучение характеристик образа практического психолога раскрывается через особенности профессионального самосознания специалистов. Аналитический обзор результатов исследований в данном направлении позволяет отметить, что наиболее часто используются следующие методы: анкетирование, контент-анализ, метод незаконченных предложений, ассоциативный эксперимент, проективные рисуночные тесты, психосемантические методы.

В исследованиях, посвященных изучению образа психолога, можно выделить два основных направления, из которых первое – посвящено проблеме изучения существующих представлений о специалисте-психологе и особенностей его взаимодействия с представителями других профессиональных групп в структуре общественного сознания. В рамках второго направления выделяются работы, посвященные непосредственно анализу особенностей профессионального самосознания специалистов психологов. Авторы сосредотачивают свое внимание в основном на изучении мотивации профессионального выбора, специфических особенностях профессиональной деятельности и личностных особенностях психолога [2].

Формирование образа профессии, как правило, затрагивает весь период профессионализации, это процесс, основой которого является идентификация с идеальным образом профессионала. Соотношение образа профессии и значимых характеристик Я-концепции способствует формированию профессионального самосознания и определяет его основные характеристики. При этом своеобразным эталоном в профессиональном самосознании выступает обобщенный образ профессионала. Как отмечает О.Г. Ксенда, образ профессии связан с образом конкретных лю-

дей и их профессиональной биографией, определенными профессиональными ценностями и особенностями [3].

Анализ проведенных исследований позволяет выделить основные характеристики образа психолога в представлениях профессионалов. Суть своей работы практические психологи видят в оказании психологической поддержки и помощи человеку в поиске собственного ресурса для разрешения проблемы. Доминирующими мотивами профессиональной деятельности являются следующие: а) стремление помочь людям, «очеловечить» общество и б) намерение решить собственные психологические проблемы, обеспечить личностный рост и саморазвитие. Можно отметить своего рода сращивание профессиональной и личностной мотивации. Профессиональное психологическое образование становится средством решения собственных и «чужих» проблем, что отражает стереотипы массового сознания по отношению к психологии как науке. Психология, по существу, рассматривается зачастую как средство воздействия на себя и других и тем самым лишается самоценности в качестве предмета познания.

Образ профессии в представлениях специалистов в большинстве случаев отражает конкретное содержание профессиональной деятельности. Образ «хорошего психолога» в отличие от «плохого» содержит следующие характеристики:

1. Социально-демографические характеристики (высшее образование, квалифицированность, зрелый возраст);

2. Индивидуально-личностные характеристики (душевность, активность, волевые качества, открытость, демократичность, оптимистичность);

3. Интеллектуальная сфера (высокий интеллект, гибкость ума, творческое мышление, интеллектуальная активность, талантливость);

4. Профессиональные качества (знание основных психологических теорий, практическое использование психотехнологий, профессиональная этика, навыки оказания психологической помощи в любых ситуациях).

Учитывая, что профессиональная деятельность психолога строится на основе взаимодействия с клиентом, больше полови-

ны всех испытуемых отмечают значение социально-коммуникативной компетентности как специфического признака, определяющего эффективность в работе практического психолога.

Среди факторов, способствующих успешности профессиональной деятельности психолога и карьерному росту были отмечены следующие: высокий профессионализм (80%), социально-коммуникативная компетентность (78%), аналитические способности (58%), трудолюбие (50%), умение концентрироваться на работе (44,5%), организаторские способности (40%), знание иностранного языка (40%), личное обаяние (36%) [2].

В процессе изучения субъективных представлений психологов-практиков были отмечены проблемы, снижающие эффективность решения профессиональных задач: совмещение нескольких должностей в рамках одной образовательной организации, низкая оплата труда, неудовлетворительное материальное обеспечение рабочего места, завышенные ожидания руководства, отсутствие исчерпывающего перечня функциональных обязанностей, загруженность большими объемами документации.

Следовательно, анализ совокупности представлений о психологе как субъекте профессиональной деятельности позволяет заключить, что образ психолога в обыденном и профессиональном сознании в достаточной мере строится на основе стереотипизации. Необходимо отметить высокую степень согласованности ответов респондентов о ведущих мотивах профессиональной деятельности психолога и его профессионально значимых качествах.

Важно подчеркнуть и тот факт, что образ психолога не содержит характеристики, связанные с качествами специалиста, необходимыми для разработки и реализации фундаментальных научных исследований, объектом которых является не только закономерности индивидуальной психики, но психологические особенности групп лиц и общества в целом.

Иными словами, если учесть, что функция психолога – объяснение (интерпретация), прогнозирование и оптимизация психологических феноменов и процессов в обществе, то можно прийти

к выводу, что в профессиональном сознании практических психологов наиболее полно отражена лишь одна профессиональная функция, связанная с изучением, прежде всего психологических свойств и качеств отдельного человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Адушинова, А. Г.** Образ профессии в профессиональном становлении психолога / А. Г. Адушинова. – Текст : непосредственный / От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете : [сборник научных статей] : в 5 томах / ответственный редактор Д. Б. Богоявленская. – Москва : Когито-центр, 2015. – Т. 2. – С. 137–139. – ISBN 978-5-89353-458-0.

2. **Вакареев, Е. С.** Образ будущей профессии у студентов-психологов / Е. С. Вакареев. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (34). – С. 138–146.

3. **Ксенда, О. Г.** Представления студентов-психологов о будущей деятельности / О. Г. Ксенда. – Текст : непосредственный // Профессиональные представления. – 2019. – № 1 (11). – С. 116–122.

4. **Лилиенталь, И. Е.** Психодиагностика образа профессии у студентов – будущих психологов / И. Е. Лилиенталь, И. А. Колесникова. – Текст : непосредственный // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России : материалы IV Международной научно-практической конференции [сборник научных статей]. – Кисловодск, 2015. – С. 105–109. – ISBN 978-5-906061-72-6.

Набиева Э.И.,
преподаватель Азербайджанского государственного аграрного
университета, Азербайджанская Республика, г. Гянджа

РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования позитивной Я-концепции обучающихся. Рассмотрена роль педагога в формировании личности ребенка, даны практические рекомендации взаимодействия педагога с обучающимися. Адекватное представление о себе является условием успеха в различных видах деятельности и служит средством поддержания отношений с обществом.

Ключевые слова: педагог, личность, самооценка, позитивный «Я-образ».

Роль педагога в формировании личности ребенка трудно переоценить. Если нам посчастливится встретить на своем жизненном пути педагога, который стал нам добрым наставником и другом, то воспоминания о нем мы храним в своей памяти всю свою жизнь. Современная модель воспитания предполагает умение педагога работать над развитием личности ребенка, помогать ему, «выводить на поверхность бесконечные источники внутренней мудрости». Для того, чтобы человек достиг успехов в своей учебной, профессиональной и, наконец, личной жизни, у него должен быть сформирован положительный Я-образ.

К сожалению, в последние годы прослеживается тенденция – родители в погоне за престижем устраивают своих детей в лицеи, гимназии, где требуется высокий уровень способностей ребенка. И, если ребенок «не дотягивает» до заданного уровня, его самооценка терпит крах. Помощь внимательного педагога в такой ситуации для формирования позитивного «Я-образа» ребенка необходима.

Я-концепция определяется как относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе [1]. В психологии понятия «самооценка» и «Я-концепция» разведены. В данной статье эти понятия будут употребляться как синонимы.

В основе Я-концепции лежат три компонента:

– когнитивный – образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости (самосознание – что я знаю о себе);

– эмоционально-оценочный – самоуважение, себялюбие, самоуничижение; стремление повысить самооценку, завоевать уважение (как я оцениваю то, что я знаю о себе);

– поведенческий – модификация в поведении установок на себя (как я веду себя в соответствии с оценкой того, что я знаю о себе).

Структура самосознания включает в себя, по крайней мере, три основные модальности самоустановок:

– «реальное Я» – установки, связанное с тем как индивид воспринимает свои актуальные способности, роли, свой актуальный статус, то есть его представлениями о том, каков он на самом деле;

– «зеркальное (социальное) Я» – установки, связанные с представлениями индивида о том, как его видят другие;

– «идеальное Я» – установки, связанные с представлениями индивида о том, каким он хотел бы стать [3].

Чем меньше разрыв у ребенка между «реальным Я» и «идеальным Я», тем гармоничнее он развивается как личность. Цели для развития ставить необходимо, но они должны быть адекватными, отвечающими способностям ребенка. В этом и состоит мастерство педагога.

Я-концепция ребенка в юношеском возрасте уже достаточно определена, но учебное заведение и педагог все равно продолжают очень сильно на нее влиять и атмосферой уроков, и внеурочной обстановкой.

Большую роль в формировании позитивной Я-концепции ученика исследователи отводят самой личности учителя. При этом педагогу важно и самому обладать позитивной Я-концепцией. Педагогу с низкой самооценкой присущи установки, заключающие в себе очевидный негативный потенциал, способный оказывать на личность ребенка пагубное влияние: отрицательное реагирование на тех, кто, по его мнению, его не любит, установление жесткой дисциплины, завышение требований.

Педагог с высокой самооценкой характеризуется следующими качествами:

- способностью к эмпатии, вниманием к потребностям детей;
- умением придать личностную окраску преподаванию, общению с учащимися;
- владением стилем легкого, неформального общения с учащимися;
- эмоциональной уравновешенностью, уверенностью в себе, жизнерадостностью, умением создать в классе атмосферу тепла, взаимного доверия [2].

Для такого педагога внутренняя психологическая сторона дела важнее внешней; люди и их реакции являются для него более значимыми, чем вещи и формальные ситуации.

Таким образом, позитивное восприятие педагогом самого себя является одним из важнейших критериев эффективности его работы и способствует формированию у детей адекватной Я-концепции. Благодаря умелой работе таких педагогов, в образовательном учреждении могут быть созданы условия для нормального развития личности ребенка [5].

По отношению к детям важными условиями развития их позитивного самовосприятия являются:

- умение педагога найти индивидуальный подход к ребенку;
- в центре внимания педагога должна стоять эмоциональная жизнь ученика, неудачи школьников чаще всего связаны с эмоциональными затруднениями, поэтому сочувствие со стороны учителя поможет учащимся избежать чувства страха;

– максимальная вовлеченность ребенка в разнообразные виды деятельности повышает самооценку ученика, но при условии, что род деятельности школьник должен выбрать самостоятельно;

– важным условием формирования положительной Я-концепции в образовательном учреждении является способность педагога выдвигать достижимые цели работы и помогать в целеполагании обучающемуся;

– педагог должен научиться принимать ребенка таким, какой он есть;

– создавать для детей ситуацию успеха;

– позитивная Я-концепция школьников всегда связана с успеваемостью, а ожидания учителя способны улучшить, упрочить или, наоборот, снизить самооценку учащегося.

Задачи учителя:

– внушить ученику, что успех обязательно придет к нему;

– важнейшим источником формирования позитивного представления о собственном «Я» является внешний облик ребенка, его физическое и психическое здоровье, поэтому педагог должен быть аккуратен в своих высказываниях, касающихся внешности детей;

– имя также играет роль во влиянии на него. Частое обращение педагога к ребенку по фамилии воспринимается как пренебрежительное отношение к нему, что зачастую приводит к снижению самооценки [4].

Я-концепцию ребенка возможно изменить. Общеизвестно, что многие ученики любят тот или иной предмет постольку, поскольку учитель имеет влияние на этого ребенка, добр к нему, сопереживает ему в трудностях и радостях учебы. Насколько педагог искренен и открыт к восприятию ребенка, настолько в дальнейшем сам растущий человек будет учиться принимать себя, уважать себя, любить себя. Только дух поддержки, доверия, принятия ребенка без осуждения поможет ему начать «строить» свою позитивную Я-концепцию, и здесь исключительную роль играет позиция педагога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Агафонов, А. Ю.** Исследование Я-концепции учащихся подросткового возраста как средства качественной оценки образовательных систем : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.07 / Казанский гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева / А. Ю. Поливанов. – Текст : непосредственный. – Казань, 2000. – 18 с.
2. **Островская, И. В.** Психология : учебник / И. В. Островская. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 399. – ISBN 978-5-9704-0764-6. – Текст : непосредственный.
3. **Поливанова, К. Н.** Психологическое содержание подросткового возраста / К. Н. Поливанова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1996. – №1. – С. 20–33.
4. **Райс, Ф.** Психология подросткового и юношеского возраста / Филипп Райс : перевод с английского. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 812 с. – ISBN 978-5-49807-290-6. – Текст : непосредственный.
5. **Шкуренко, Д. А.** Общая и медицинская психология : учеб. пособие / Д. А. Шкуренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 350 с. – ISBN 5-222-02296-X. – Текст : непосредственный.

Серезко Т.А.,
канд. филос. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ГЕНОГРАММА В ПРАКТИКЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Аннотация. В статье представлены способы использования генограммы как инструмента в психосоциальной работе с людьми, находящимися под угрозой социальной изоляции. Генограмма – это своего рода психологическое генеалогическое древо, которое помогает увидеть семейные взаимодействия, в частности паттерны и трансгенерационные механизмы, передаваемые из поколения в поколение. Показаны возможности использования генограммы в терапии и профилактике передачи некорригированных паттернов при работе с клиентами социальных служб.

Ключевые слова: генограмма, психосоциальная работа, социальная изоляция, семейное взаимодействие, семейные паттерны, трансгенерационный механизм.

Современная теория систем в социальной работе и ее связи с семейной терапией возникли в 1950-х гг. в результате ряда разработок в области психологии, теории коммуникации и психиатрии (Н.М. Волобуева [2], И.М. Невлева [3], Т.А. Серезко [4-6]).

В системной теории в отношении функционирования человека предполагается внимательно смотреть на контекст, в котором он живет. Этот контекст чаще всего создается ближайшими людьми, с которыми человек ежедневно контактирует. Обобщая, мы можем сказать, что ближайшее окружение (система) – это семья, являющаяся носителем моделей функционирования и коммуникации и представляющая собой определенную структуру, а также выполняющая определенные функции. Поэтому способы понимания человека в системном плане во многом касаются семьи. Семья – это сложная биопсихосоциальная система. Описывая ее, мы должны учитывать все три уровня: биологический, индивидуальный и социальный. Для ее познания важно понимание

структуры, внутрисемейных отношений и широкого контекста, в котором она функционирует. Семья рассматривается как открытая система, остающаяся во взаимоотношениях с другими системами. Этими другими системами могут быть местное сообщество или учреждения, в рамках деятельности которых проходит жизнь. Поведение каждого взаимодействующего человека влияет на поведение партнера и в то же время изменяется реакцией того же партнера.

В рамках системного подхода было создано множество различных моделей личности, семьи и ее проблематики. Одними из наиболее актуальных и полезных являются так называемые межпоколенные или трансгенеративные модели. Они позволяют увидеть текущие проблемы семьи в исторической перспективе, в частности, путем изучения семейных моделей взаимодействия. Создателем и самым известным представителем этой модели является Мюррей Боуэн [7], который считал, что текущие семейные модели тесно связаны с нерешенными проблемами родительских семей. Это не означает, что они были непосредственно вызваны предыдущими поколениями, а скорее остаются нерешенными и, как таковые, сохраняются в текущих моделях функционирования личности, а также всей семейной системы.

Из многих концепций, разработанных Боуэном, одной из самых интересных является именно концепция многопоколенного сообщения. Такое сообщение заключается в потоке эмоциональных процессов и паттернов функционирования из поколения в поколение. Таким образом, различного рода дисфункции можно рассматривать как результат проблемы, передающейся от предыдущих поколений, и человек становится звеном в этой цепочке [7].

На основе такого понимания проблем человека и его семьи мы можем проводить разнообразные психосоциальные вмешательства, в которых очень большое значение придается истории формирования семейных моделей в предыдущих поколениях, а также нынешним проявлениям этих паттернов. Каждая семья, кроме моделей неправильных, ведущих к дисфункции отношений, имеет также множество ресурсов, которыми могут быть,

например, сильные связи, функциональные и адаптивные способы справляться с проблемами в прошлом, «яркие» персонажи, которые своим примером могут мотивировать для развития и позитивных изменений. Ось работы специалиста может заключаться в выявлении и деконструировании аномальных моделей, укреплении закономерностей, а также поиске ресурсов семей.

Для сбора материала, четкого его изложения и психосоциальной работы была создана, а затем унифицирована графическая запись информации о семье, которая называется генограммой. Генограмма представляет собой графическое описание нынешних членов семьи, а также их предков. В виде такой графической записи чаще всего наносятся также символы взаимоотношений между конкретными личностями.

Генограмма облегчает сбор данных о семье и создание гипотез, которые могут быть изучены вместе с клиентом или всей его семьей. Это психологическое генеалогическое древо часто является первичным способом обращения внимания клиента на модели между поколениями, на более широкий семейный контекст, на семейные отношения, а также, благодаря наложению дат (рождения, заключения браков, смерти, переезда) – на сосуществование одних фактов с другими.

Как уже упоминалось, обозначения, которые используются для создания генограммы стандартизированы, и, хотя существуют определенные расхождения, а символы генограмм подвергаются эволюции и динамично изменяются, эту пиктографическую форму записи легко читать, даже человеку, который не принимал непосредственного участия в записи генограммы с клиентом.

В отечественной литературе проблема построения и применения генограмм упоминается в работах по семейной психотерапии [1] или представлена в виде инструкций, сообщений о полезности работы с генограммой, вариантов, ограничений и эффективности ее использования. Значительно больше работ на английском языке [8; 9; 10], где собрана и представлена обширная литература, связанная с системным подходом, межпоколенными отношениями и применением генограмм.

Семейные терапевты довольно широко используют этот инструмент в повседневной терапевтической работе, но, по-видимому, знания о его использовании в основном получают из специализированных тренингов и семинаров. Генограмма, системный и межпоколенческий подход используются не только на основе семейной терапии, но и в других областях, например, в области медицины, профессионального и кадрового консультирования или социальной работы.

Использование генограммы в практике социальной работы поддерживается базой знаний профессии, а также ее ценностями и этическими стандартами. Основное преимущество заключается в том, что этот инструмент знакомит клиента с принципами теории систем, которые являются основополагающими для практики социальной работы [9]. Такая основа может помочь практикующим специалистам определить источники представления проблем и фокусы вмешательств.

Кроме того, социальная работа подчеркивает позицию «незнания», признавая социально сконструированное понимание клиентом своего мира и его соответствие этому миру. Генограмма предлагает понимание этого самого «понимания». Например, генограмма дает возможность определить и исследовать семью, признавая клиента в качестве «эксперта». «Эта практика объясняет эволюцию концептуализации семьи, постоянно находящейся под влиянием меняющихся культурных норм» [8]. Аналогичным образом, генограмма предлагает клиенту определить личную идентификацию с точки зрения расы, пола, этнической и культурной принадлежности, что согласуется с акцентом на понимании различных аспектов идентичности.

Генограммы, используемые в семьях, также могут быть полезны для преодоления сопротивления, «поскольку клиенты начинают видеть связи между своими проблемами и историческими семейными паттернами» [9, р. 228]. Выявление этих связей может быть полезно, когда клиенты застревают в узком взгляде на проблему, обвиняя конкретного члена семьи в проблемах, вызывающих беспокойство в семье.

Графическое видение семейного поведения и отношений также может помочь переосмыслить и нормализовать взгляды клиентов на их проблемы. Поскольку генограмма полезна для понимания паттернов и связей, она была отмечена как «высший интегративный инструмент» [9]. Генограмма может быть полезна при составлении диаграммы базовой структуры семьи, записи индивидуальной информации (например, биологических или юридических деталей) для лучшего понимания динамики отношений и определения семейных отношений. Кроме того, опыт построения генограммы с клиентами может быть терапевтическим сам по себе. Учитывая эти факторы и общую гибкость его использования, генограмма хорошо подходит для универсальной и клинической практики социальной работы.

Хотя большинство генограмм графически представляют несколько поколений семьи и качество семейных отношений, генограммы также могут быть предназначены для сбора другой информации. Генограммы являются практическим инструментом в практике социальной работы, как с точки зрения оценки, так и вмешательства. Исторически сложилось так, что генограмма чаще всего рассматривается в отношении практики с детьми, подростками и семьями для изучения качества взаимоотношений и моделей поведения на протяжении поколений. Например, в практике охраны детства генограмма полезна для учета изменений во времени, что особенно полезно при составлении графика изменений в попечительском уходе для таких случаев, как работа с приемными семьями. Тем не менее, генограммы также могут быть полезны при работе со взрослыми и служат инструментом для изучения вопросов, представляющих интерес, помимо динамики семьи.

Например, духовные генограммы обеспечивают способ отображения значимых событий, связей и семейных конфликтов, связанных с религией [8]. Духовность и религиозные убеждения часто являются источником силы и идентичности для отдельных людей и семей, поэтому демонстрация этого важного аспекта жизни может быть полезной для клиентов.

Weiss и коллеги (2010) предложили военную генограмму для использования в оценке и интервенции с клиентами, которые имеют среди членов своих семей военнотружущих. Этот тип генограммы учитывает сильные стороны, а также экологические, профессиональные, психологические и семейные стрессоры, которые являются уникальными для военной жизни и культуры [10]. Другие генограммы могут использоваться для учета национальных и культурных аспектов ситуации с клиентом [9].

Таким образом, генограмма помогает быстро и как бы «наглядно» раскрывать закономерности, через призму которых можно понимать поведение и ресурсы семьи. Прежде всего, генограмма может дать несколько ограниченное количество информации. Однако часто целесообразно собрать гораздо больше знаний о жизни людей, чем может появиться на графической схеме. Поэтому ее не следует использовать в отрыве от опыта клиента и его семьи, связанных с отношениями и их историей жизни. Для профессионалов сбор данных и размещение их на генограмме всегда должны быть частью более широкого процесса познания. Во-вторых, и что очень важно – при всех преимуществах использования генограммы в диагностике и терапии есть и некоторые ограничения, на которые хотелось бы обратить внимание. Генограмма – чрезвычайно «мощный» и «быстрый» инструмент для противостояния клиента его собственной проблематике. В классической, индивидуальной или семейной терапии специалист может постепенно, за более длительное время, шаг за шагом, заглянуть в ситуацию клиента, сопоставить с другими фактами. Генограмма в психосоциальной практике мгновенно делает все элементы видимыми, одновременно вызывая различные эмоции, связанные с ситуацией, а также с прошлым. Переживание в себе сильной эмоциональной смеси в свою очередь, может вызвать сопротивление клиента, оборонительный отказ от терапии, и даже в крайних случаях декомпенсацию (и, следовательно, выраженность симптомов). Поэтому важно следовать нескольким советам. Хотя генограмму мы можем составить даже в течение 15 минут, профессионалы часто предпочитают разбивать создание генограммы на несколько встреч, в соответствии со спецификой

работы с клиентом. Необходимы хорошие знания как об общем сборе данных (интервью), так и о самой генограмме.

Обоснованным представляется тезис о том, что специалист, использующий генограмму, должен обладать базовыми, но хорошо зарекомендовавшими себя знаниями в области психопатологии и психотерапии. Также чрезвычайно полезно хорошее знание системной теории, что позволяет эффективно строить гипотезы о проблематике клиента на основе генограммных данных. Такие знания могут быть полезны в психосоциальной практике и дополнять ресурс методами, широко используемыми при прямой работе с клиентами социальной службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Варга, А. Я.** Введение в системную семейную психотерапию / А. Я. Варга. – Москва : Когито-Центр, 2009. – 181 с. – Текст : непосредственный.

2. **Волобуева, Н. М.** Изменение уровня ответственности в процессе реабилитации лиц, страдающих наркозависимостью / Н. М. Волобуева, Т. А. Сережко. – Текст : непосредственный // Вестник Самарского государственного технического университета. – Серия психолого-педагогические науки. – 2019. – № 2 (42). – С. 164–174.

3. **Невлева, И. М.** Парадигмальные этические проблемы общения со студентами в современном медиапространстве / И. М. Невлева, Т. А. Сережко. – Текст : непосредственный // Научные ведомости БелГУ. – Серия Философия. Социология. Право. – 2017. – № 10 (259). – Вып. 40. – С. 68–79.

4. **Сережко, Т. А.** Виртуальные социальные сети как среда профессионализации социальных работников / Т. А. Сережко. – Текст : непосредственный // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (43). – С. 153–161.

5. **Сережко, Т. А.** Этический аспект педагогического взаимодействия преподавателя и студентов в социальных сетях : со-

временное состояние проблемы / Т. А. Серезко, Ж. С. Кохан. – Текст : непосредственный // Современные исследования социальных проблем. – 2017. – Том 9. – № 2. – С. 29–41.

6. **Серезко, Т. А.** Технологии психосоциальной работы с инвалидами / Т. А. Серезко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы : материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. Методика социальной работы с различными категориями населения : материалы международной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 6-7 апреля 2017 года [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород: Издательство БУКЭП, 2017. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2017. – С. 48–55.

7. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. Основные понятия, методы и клиническая практика. – Москва : Когито Центр, 2019. – 496 с. – Текст : непосредственный.

8. **Goodman, R. D.** (2013). Transgenerational trauma and resilience genogram. *Counseling Psychology Quarterly*, 26 (3/4), 386-405.

9. **McGoldrick, M., Gerson, R., Petry, S.** (2008). *Genograms: Assessment and intervention* (3rd ed.). New York: W.W. Norton & Company.

10. **Weiss, E. L., Coll, J. E., Gerbauer, J., Smiley, K., & Carillo, E.** (2010). The military genogram: A solution-focused approach for resiliency building in service members and their families. *The Family Journal: Counseling and Therapy for Families and Couples*, 18 (4), 395–406.

Москаленко М.Р.,

канд. ист. наук, доцент филиала Удмуртского государственного университета, г. Нижняя Тура

ВЛИЯНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ АТМОСФЕРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ НА КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье изучаются вопросы влияния духовно-нравственной атмосферы образовательной среды на качество образования. Отмечается, что в классической системе высшего образования сама духовно-нравственная атмосфера вуза призвана была сформировать высокие нравственные и профессионально-этические стандарты будущего специалиста. Анализируются социокультурные противоречия и проблемные аспекты, затрудняющие формирование целостной системы нравственных норм обучающихся.

Ключевые слова: качество образования, духовно-нравственное воспитание.

Система высшего образования, наряду с формированием профессиональных компетенций, призвана оказывать и воспитательное воздействие, формируя личность будущего специалиста. В дореволюционной и советской модели высшего образования формированию высоких нравственных и профессионально-этических стандартов будущего специалиста отводилось большое значение. Сама атмосфера вуза призвана была сформировать и укрепить такие качества студента, как высокая творческая активность, ориентация на ценности прогресса, гуманизма, активная гражданская позиция и высокое чувство ответственности как профессионала и гражданина.

В настоящее время происходит трансформация образования, связанная с все большим применением дистанционных технологий, электронных образовательных ресурсов, рейтинговой системы оценки знаний, повышения академической мобильности студентов и интернационализации образования. Данная трансфор-

мация, наряду с позитивными моментами, имеет и ряд негативных. Так, исследователь И.М. Орешников отмечает, что утилитарно-прагматический, «бухгалтерский» подход к образованию ведет к тому, что возникает отрыв образования от подлинной культуры, научного знания от духовных ценностей [2]. В данных условиях важную роль в образовании играет такой феномен, как духовно-нравственная атмосфера в образовательной среде, ее влияние на формирование ценностно-мировоззренческих установок студентов.

Отметим, что вопросы духовно-нравственного воспитания учащихся всегда были и остаются одной из приоритетных задач любой образовательной системы. Духовно-нравственное воспитание должно базироваться на изучении социального и культурного опыта предшествующих поколений, который представлен в культурно-исторической традиции [3]. Воспитание гражданственности, патриотизма, высоких морально-волевых и нравственных качеств всегда были приоритетными в формировании личности, и, естественно, что система образования призвана способствовать их развитию. В настоящее время в российском обществе данная проблема актуальна, поскольку существуют серьезные социокультурные противоречия, затрудняющие формирование целостной системы нравственных норм у молодежи.

Прежде всего, отметим продолжающиеся в российском обществе процессы модернизации и вестернизации, которые приводят к противоречию между традиционными морально-нравственными ценностями и привносимыми извне. Традиционные идеалы патриотизма основаны на способности к самоотдаче во имя Отечества и будущих поколений, готовности поступиться личными интересами во имя достижения общей коллективной цели. На данных идеалах, по большому счету, основывалась и идеология советского патриотизма в 1930-50-е гг., которая позволила интегрировать общество для достижения важнейших задач – форсированной индустриализации, победы в Великой Отечественной войне, создании мощного военно-промышленного потенциала и ракетно-ядерного щита. Во многом эти задачи оказались решенными благодаря героизму простых людей, их трудо-

вым и военным подвигам, способности к самоотдаче и самопожертвованию во имя грядущих поколений. Но, начиная с 1970-80-х гг., а сейчас в особенности, данные ценности входят во все большее противоречие с так называемой рыночной, или потребительской ментальностью, которая основывается на безусловном приоритете индивидуализма, эгоистической морали, ценностях гедонизма, роскоши. В России данное противоречие усугубляется тем, что ценности «рыночной личности» не вызрели в социокультурном поле нашей цивилизации, а привнесены извне, вместе с развитием «общества потребления», и поэтому проходят сложный процесс адаптации в российской культурной среде. Среди поведенческих установок и жизненных ориентиров учащихся все чаще начинают преобладать гедонизм и потребительство. Культ «красивой жизни» и роскоши, навязываемый массовой культурой в обществе (в котором существуют противоречия между архетипическими коллективистскими установками и привнесенными извне западными либеральными ценностями, ориентированными на индивидуализм), ведет к серьезной деформации мировоззрения, к ценностному расколу между поколениями.

Следующим проблемным аспектом является то, что система образования (прежде всего, средние школы) в России столкнулась с проблемой давления учащихся и их родителей на педагогов. Ученик, уяснив для себя определенные права, начинает требовать их соблюдения, и при этом напрочь забывает о чувстве ответственности и обязанностях. В современной педагогике пока не найдены достаточно надежные методы воспитательного воздействия, способные содействовать развитию данных качеств. Во времена СССР достаточно мощное воспитательное воздействие оказывала идеология, которая провозглашала основными чертами личности советского человека честность, чувство патриотизма и гражданственности, служение Родине. Эти лозунги, правда, не всегда совпадали с действительностью, но признавались как общезначимый социальный идеал. Отказ от советской модели привел, к сожалению, и к обесцениванию многих традиционных морально-нравственных норм. Все чаще встречаются ситуации, когда школьники начинают использовать знание правовых норм,

прежде всего, для оказания давления на учителей (и в этом плане можно говорить о серьезных недостатках самой концепции правового воспитания учащихся). Отметим, что схожие проблемы возникают и в образовательной среде зарубежных стран: так, например, в Великобритании, по данным одного из опросов 2014 г., 47% преподавателей получают оскорбления от школьников [1].

Подобную деструктивную модель общения и претензий к образовательной среде и обществу учащиеся переносят в вузы. Потребительское отношение к преподавателям, несоблюдение элементарных норм вежливости со стороны студентов, а то и оказание прямого давления на преподавателей, к сожалению, встречаются в повседневной жизни российских вузов. Естественно, что все это требует активной воспитательной работы с учащимися, но на данный момент она, чаще всего, носит формальный характер.

Кроме того, отметим, что по сравнению с временами СССР, в обществе значительно упал социальный статус преподавателя вуза и учителя школы. При этом учебная нагрузка на учителя и преподавателя значительно выросла, главным образом, из-за скачкообразного роста всевозможной отчетности и документооборота. Данные обстоятельства способствуют увеличению вероятности так называемого «профессионального выгорания» преподавателя. При всем этом от учителя и преподавателя требуется поддерживать имидж успешного человека и показывать в повседневном общении и быту, что он имеет высокий социальный статус.

Вышеперечисленные факторы негативно влияют на духовно-нравственное воспитание учащихся и способствуют ухудшению качества образования. Необходима система комплексных мер по улучшению духовно-нравственной атмосферы в образовательной среде. В современных вузах их связывают, прежде всего, с активизацией волонтерской работы студентов, их участия в различных социальных проектах и рядом других аспектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Над британскими учителям издеваются в Сети. – Режим доступа: <https://blog.adguard.com/ru/industry-news/nad-britanskimi-uchitelyam-izdevayutsya-v-seti.html> (дата обращения 15.03.2019). – Текст : электронный.
2. **Орешников, И. М.** Культурно-гуманистическая парадигма инженерно-технического образования / И. М. Орешников. – Текст : непосредственный // История и педагогика естествознания. – 2015. – № 4. – С. 9–12.
3. **Чернышова, Е. Л.** Влияние духовно-нравственной обогащенной образовательной среды на сознание студентов / Е. Л. Чернышова. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. № 1-4. – С. 902–906.

Гулиева Г.Ш.,
преподаватель Азербайджанского государственного аграрного
университета, Азербайджанская Республика, г. Гянджа

РОЛЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль духовно-нравственного воспитания в процессе формирования этнокультуроведческой компетенции. Овладение культурными ценностями других народов молодежи должно сопровождаться более глубоким осмыслением собственной культуры, которая может быть обеспечена посредством формирования этнокультуроведческой компетенции (ЭКК).

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, формирование этнокультуроведческой компетенции, интенсивные интеграционные процессы, коммуникативная компетенция.

Введение проблема воспитания молодежи в новых социальных условиях требует особого подхода в силу особенностей интенсивных интеграционных процессов в мире (глобализация). Овладение культурными ценностями других народов молодежи должно сопровождаться более глубоким осмыслением собственной культуры [2], которая может быть обеспечена посредством формирования этнокультуроведческой компетенции (ЭКК).

Понятие этнокультуроведческой компетенции определяется нами как компонент общей коммуникативной компетенции, обеспечивающей овладение инокультурными ценностями при более глубоком осмыслении культуры собственной. Формирование этнокультуроведческой компетенции может быть обеспечено:

– посредством стимулирования познавательной активности в процессе педагогического общения, где ситуация межэтнического общения является педагогическим фактором, формирующим

навыки и умения реализации этнокультуроведческой компетенции в самостоятельной деятельности;

- посредством воспитания личности через формирование отношения к окружающему миру.

Для достижения этой цели нужно:

- организовать педагогическое общение, направленное на формирование этнокультуроведческой компетенции;

- обеспечить целенаправленный выбор учебного материала, имеющего педагогическую значимость для подготовки студентов к межкультурной коммуникации, с целью формирования этнокультуроведческой компетенции на качественно новом уровне;

- реализовать методы и приемы, которые бы обеспечивали воспитание как формирование отношения к окружающему миру на основе моделирования ситуаций межэтнического общения [5].

Формирование этнокультуроведческой компетенции может быть обеспечено на занятиях «Этнопедагогика». Содержание и процесс изучения дисциплины «Этнопедагогика» ориентированы на формирование у студентов следующих компетенций:

- быть способным понимать значение культуры как формы человеческого существования;

- быть готовым к уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям;

- уметь решать профессиональные проблемы и задачи, возникающие в реальных ситуациях педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей.

Применительно к дисциплине «Этнопедагогика», нужно акцентировать внимание на формировании этнокультуроведческой компетенции, которая для бакалавра педагогики, специализирующегося в области среднего образования, является одновременно и ключевой, и профессиональной, и специальной.

Формирование этнокультуроведческой компетенции возможно при духовно-нравственном воспитании, которое в народной педагогике занимает важное место [3].

Светская, школьная и семейная педагогика много потеряли, отвернувшись от такого мощного фактора воспитания, каким яв-

ляется религия. В народной педагогике содержание, методы и средства воспитания во многом складываются и определяются требованиями, основанными на религиозных канонах. Приобщение детей к религии позволяет решить многие задачи, связанные с развитием человека, его этикой – по отношению к себе, к семье, ближайшему окружению, людям иной веры или сословия. Религия – важнейшая основа человеческой цивилизации [1]. Она играет этноинтегрирующую и этнодифференцирующую роль. Религией считается то, что пришло с Божественными книгами (Тора, Евангелие, Священный Коран).

Еще одним условием повышения этнокультуроведческой компетентности студентов в педагогическом вузе выступает реализация этнокультурных и личностноориентированных технологий в образовательном процессе, предполагающих использование активных и интерактивных проектно-исследовательских, имитационно-игровых форм и методов обучения, которые обеспечивают овладение будущими специалистами не только знаниями, но и способами профессионального мышления и деятельности, развитие способности к решению задач в новых условиях, а также стимулируют их самостоятельную работу, саморазвитие и самосовершенствование [4]. Эффективным условием повышения этнокультуроведческой компетентности студентов является активное включение будущих специалистов в социально значимую работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дивногорцева, С. Ю.** Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С. Ю. Дивногорцева. – Москва : ПСТГУ, 2008. – 240 с. – ISBN 978-5-7429-0297-3. – Текст : непосредственный.

2. **Нужнова, С. В.** Педагогические проблемы информационного общества / С. В. Нужнова. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2008. – № 10. – С. 116–119.

3. **Сериков, В. В.** Обучение как вид педагогической деятельности: учеб. пособие для вузов / В. В. Сериков ; под редакцией В. А. Слостенина, И. А. Колесниковой. – Москва : Академия, 2008. – 256 с. – ISBN 978-5-7695-4443-9. – Текст : непосредственный.

4. **Силуянова, Н. В.** Духовность как способ жизнедеятельности человека / Н. В. Силуянова. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 1990. – № 12. – С. 102–112.

5. **Пустовалов, В. М.** Духовно-нравственное становление личности будущего учителя: теория и практика : автореф. дис. докт. пед. наук : 13.00.01 / В. М. Пустовалов. – Оренбург : ОГПУ, 2002. – 38 с. – Текст : непосредственный.

Ахмедова Э.И.,
преподаватель Азербайджанского государственного аграрного
университета, Азербайджанская Республика, г. Гянджа

ПРОБЛЕМА САМООБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Самообразование педагога – это процесс познания, результатом которого выступают новые знания, направленный на удовлетворение потребности личности в социализации, обеспечивающий индивидуализацию и культурное развитие педагога.

Ключевые слова: философия, психология, педагогика, социология, методика.

Способность к самообразованию является ключевой для творческой индивидуальности самообразующегося педагога. В настоящее время исследованием проблемы самообразования за-

нимаются представители различных наук: философии, социологии, психологии, педагогики.

В философии процесс самообразования опирается на основные принципы теории познания: от живого созерцания (наблюдения единичных фактов) к абстрактному, обобщенному мышлению (индивидуальный этап познания) от абстракций, теоретических обобщений к практике, к использованию методов научного познания (дедуктивный этап познания).

Характерной чертой самообразовательной деятельности является и то, что она зависит только от самого субъекта, эта деятельность не определяется «давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью». В связи с этим важное значение имеет вопрос о взаимосвязи «внутренней свободы личности» и самообразования.

М.Н. Воложанина отмечает, что «свободная деятельность является предпосылкой внутренней свободы личности, поскольку, возникая в структуре познавательной потребности и способности личности, в конечном счете, направлена на преобразование окружающей действительности. В свою очередь, свобода личности обладает способностью к свободной деятельности» [3].

Принято выделять четыре важных компонента внутренней свободы личности, которые проявляются в процессе целенаправленной и целесообразной самостоятельной деятельности: 1) познание возможности поступить так, а не иначе; 2) согласование индивидом этой познанной внешней необходимости с внутренним убеждением, совестью, личными интересами; 3) проявление воли; 4) стремление к самоосуществлению, реализации себя в объективном мире. Центральным звеном самосовершенствования выступает рефлексия, поэтому данную деятельность определяют как рефлексивную, структурными компонентами которой выступают: саморефлексия (генезис) – самопознание (деятельность) – самореализация (результат) [1].

Рефлексивный уровень самосознания стимулирует активность и самостоятельность индивида, опосредует формирование соответствующей системы внутренних мотивов, обеспечивает

устойчивое включение «Я» в процесс самопознания, активизируя и направляя самообразовательную деятельность. Именно в акте рефлексивной самооценки осуществляется самопознание личности, результат же имеет корригирующую нагрузку, поскольку непосредственно поддается рефлексии, в которой и через которую происходит сочленение предшествующего цикла с последующим.

Итак, с философской точки зрения, самообразование – это процесс познания, результатом которого выступают новые знания. Основными характеристиками самообразования выступают:

- 1) внутреннее осознание необходимости;
- 2) внутренняя свобода личности;
- 3) целенаправленность;
- 4) самореализация.

Человеческое общество в философском плане обладает двумя основными свойствами, которые характеризуют его жизнедеятельность: передача и усвоение опыта поколений, то есть социального опыта. Индивид в процессе самообразования является субъектом деятельности, реализует свои потребности и при этом приобретает социальный опыт в результате самостоятельной работы над собой. Данный процесс называется социализацией. В процессе социализации индивид становится личностью и приобретает необходимые для жизни людей знания, умения, навыки. Таким образом, процесс самообразования личности проходит через ее социализацию. Две функции (реализация своих потребностей и социализация) характеризуют самообразование как понятие социологии.

Социология занимается изучением феномена самообразования в рамках системы включения личности в общественные отношения в определенной социальной группе (обществе) и в результате самостоятельной работы над собой, овладения ценностными знаниями группы (общества) [4]. Самообразование представляет собой самостоятельное звено в системе образования и одну из профессиональных обязанностей человека. Направленное на удовлетворение потребности личности в социализации, оно обеспечивает индивидуализацию, культурного развития. Понятие

социализация в психологии связано с такими понятиями, как воспитание, обучение, развитие личности.

В психологической литературе самообразование рассматривается как деятельность, связанная с самоорганизацией – способностью личности организовать себя и свою деятельность, самостоятельно ставить цель и задачи деятельности, выбирать способы их достижения, определять свое поведение во времени, осуществлять самоконтроль, самоанализ, самокоррекцию.

Психологи подчеркивают, что цель может быть дана субъекту извне: в виде требований, указаний или продуцироваться им самим. В первом случае эффективность реализации всецело зависит от ее внутреннего принятия личностью, когда предложенная цель – совпадает с его мотивационной сферой.

В самообразовательной деятельности действует второй вариант постановки цели, поскольку самообразование – это самоорганизованный и самоуправляемый процесс познания. В отечественной психологической литературе уже затрагивалась проблема человека как субъекта своей деятельности, способного целенаправленно преобразовывать объективную действительность и осуществлять собственное саморазвитие, а, следовательно, и самообразование.

Общим показателем возможности к саморазвитию и самообразованию является постановка человеком вопроса и проблемы, определяющих необходимость поиска, самостоятельного открытия или приобретения в форме самообразовательной системы новых знаний». Анализ определений позволил представить самообразование как продуктивную активность личности и понять логику данного процесса (самостоятельные: постановка проблемы – творческий поиск – открытие).

Самообразование – обязательный компонент современного образования. Оно может развиваться как сопутствующее обучению, расширяя, дополняя, углубляя изучаемый в учебном заведении материал; а может быть и автономно, включаясь в изучение новых, не представленных в образовательном процессе учебного заведения курсов [2]. Самообразование, обогащая учение, находит в нем поддержку, апробируя самостоятельно полученные

знания, систематизирует их. Обучение дает возможность обогатить самообразование коллективным поиском, снять некоторые трудности самостоятельного познания.

Развиваясь в образовательном процессе, самообразование получает новые стимулы для своего утверждения. Самообразование как особый вид познавательной деятельности предполагает: положительную мотивационную активность, направленность; проявление значительных волевых усилий; целеустремленность и самоорганизованность; высокий уровень интеллектуального развития; сформированность определенной системы познавательных умений; высокую самостоятельность; способность к видению и постановке вопросов, проблем; наличие адекватного уровня самооценки. Исследования теории вопроса самообразования чрезвычайно многоаспектны и представляют собой сочетание наук, объединенных термином человековедение [5].

Методологическим фундаментом проблемы самообразования является знание, добытое философией, психологией, социологией о развивающемся человеке, в котором природное, общественное и индивидуальное находится в неразделимом единстве. Таким образом, социологию, психологию и педагогику объединяет то, что они рассматривают самообразование как вид деятельности развивающейся личности, с помощью которых происходит формирование личности, ее социализация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Брагина, Н. Д.** Самосовершенствование человека как философская проблема : автореф. дис. канд. филос. наук : 09.00.01 / Н. Д. Брагина. – Текст : непосредственный. – Москва, 1991. – 16 с.

2. Вопросы взаимосвязи образования и самообразования студентов : тематический сборник научных трудов / под редакцией Г. Н. Серикова. – Челябинск : ЧПИ, 1987. – 149 с. – Текст : непосредственный.

3. **Наумченко, И. А.** Самообразования будущего учителя / И. А. Наумченко. – Саранск : Морд. кн. изд-во, 1974. – 252 с. – Текст : непосредственный.

4. Педагогический энциклопедический словарь / главный редактор Б. М. Бим-Бад. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 528 с. – ISBN 978-5-85270-230-2. – Текст : непосредственный.

5. **Сериков, Г. Н.** Самообразование: совершенствование подготовки студентов / Г. Н. Сериков. – Иркутск : Издательство Иркутского университета, 1991. – 227 с. – ISBN 5-7430-0234-7. – Текст : непосредственный.

Кропивка Н.В.,
канд. филос. наук, ст. преподаватель Белгородского
университета кооперации, экономики и права

СВЯЗЬ ИДЕОЛОГИИ С МИРОВОЗЗРЕНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье показана связь идеологии с общим мировоззрением современной эпохи. Различие между мировоззрением и идеологией носит фундаментальный характер. Содержательно-сущностные признаки мировоззрения позволяют предметно исследовать, проанализировать и определить согласованность и взаимосвязь идеологии и мировоззрения. На развитие и формирование мировоззрения каждого человека, чаще всего, оказывают влияние различные идеологии.

Ключевые слова: мировоззрение: обыденное, эмпирическое, научное, общественное сознание, идеологические общества, государственная идеология.

Связь идеологии с общим мировоззрением современной эпохи – актуальная проблема современного этапа развития общества [6], поэтому начать необходимо с философского осмысления в обосновании основных понятий.

Мировоззрение – это процесс, который характеризует жизнедеятельность конкретной личности, конкретного человека. [2]. Отсюда следует, что содержательно-сущностные признаки мировоззрения позволяют предметно исследовать, проанализировать и определить согласованность и взаимосвязь идеологии и мировоззрения.

Различие между мировоззрением и идеологией носит фундаментальный характер. Сначала рассмотрим цитату В.В. Вейдле: «Мировоззрение – нестрогое единство, мыслительная протоплазма личности... Идеология – система идей, более или менее умело, но всегда нарочито и для известной цели спаянных друг с другом; система мыслей, которые принимают к сведению и тем самым к руководству. К личности идеология никакого внутреннего отношения не имеет, она даже и навязывается ей не как личности, а как составной части коллектива или массы» [1, с. 247].

Мировоззрение человека и его идеология – это феномены сознания, системно взаимодействующие друг с другом на протяжении сознательной жизни [5].

Тем не менее, идеология и мировоззрение существенно отличаются друг от друга [4]: субъект идеологии – социальная группа, общественное сознание людей ее формирующих, субъект мировоззрения – человек, его сознание; объект идеологии – явления, процессы, входящие в круг интересов конкретных социальных групп, объект мировоззрения – явления, процессы, окружающие конкретного человека, на основе отражения которых у него формируется целостный взгляд на мир [3].

Согласно своего социального положения, человек формирует и развивает определенную идеологию, а затем на практике претворяет ее в свою жизнедеятельность.

Через государственную идеологию, точно через призму, рассматривается его настоящее, прошлое и будущее. Поэтому, идеологии должны быть подчинены все институты государства, что обеспечивает его целостность и процветание. Благодаря идеологии в таком государстве не возникают разрушительные противоречия, ни на религиозной или национальной почве, ни в сфере социальных отношений. Но это становится возможным только

тогда, когда идеология одного государства защищена от идеологии других государств, чуждых религиозных влияний и любых ценностей, которые не соответствуют идеологии принятой в какой-либо отдельно взятой стране.

Идеология только тогда становится опорой народов какой-либо страны, когда она соответствует духу ее народа, ее традициям и стремлениям. Таким образом, идеология, словно дерево своими ветвями пронизывает все сферы человеческого бытия, и она является силой, соединяющей все части народа или даже государства в одно целое, в стремлении к определенной цели. Если народ или государство не имеют своей идеологии, то им придется принять для себя идеологию других народов, других религий.

Можно сказать, что у каждого человека есть своя идеология, которая определяет и особенности его личности, и принципы его взаимоотношения с реальностью мира. Государственная идеология вбирает в себя идеологии всех людей, входящих в ее поток и как в прокрустовом ложе в какой-то мере стандартизует. Но нередко случаи, когда своя индивидуальная идеология человека, выросшего в условиях, в которых ярко проявляет себя определенная государственная идеология, в значительной степени отличается от общепринятой идеологии этой страны. И тогда человек будет тяготиться социально психологической атмосферой той страны, в которой он живет.

Наиболее комфортно себя чувствуют те люди, которые исповедуют «религию денег», потому что в современном мире это основная религия, которой следуют даже служители других религий. Внешне они могут быть католиками, православными, исповедовать ислам, буддизм, но это только внешне. Внутренне же, они всем сердцем служат золотому тельцу. Они себя чувствуют уютно в любой стране, которая исповедует денежную религию. У них нет любви к родине, потому что денежная религия в своей основе пронизана духом стяжательства и наживы.

Когда говорят о необходимости для современной России государственной идеологии, которая будто бы окажет целительное воздействие на общество, то либо заблуждаются, либо лукавят. Идеология – это всего лишь способ управления массами, не

более того, – причем способ, убивающий всякую живую мысль, и потому весьма затратный в историческом отношении. Недаром в идеологических (или идеологизированных) обществах всегда так плохо с философией, общественными науками и литературным творчеством. А зачастую гонения и запрещения распространяются и на область научно-технической мысли.

Кстати, распространенная в настоящее время ошибка – в причислении христианства (и вообще религий) к идеологическим системам. Классики марксизма не впадали в такую вульгарность. Европейское христианство (то есть христианство, впитавшее античное наследие) как раз относится к мировоззренческим системам, во многом именно поэтому христианские общества в Европе исторически оказались столь жизнеспособными и плодотворными в культурном отношении. В конце концов оказалось, что можно быть христианином и физиком-ядерщиком – без ущерба для «мыслительной протоплазмы личности».

Идеологические общества жизнеспособны в такой мере, в какой они оставляют простор для мировоззрения. Это хорошо видно на примерах СССР, сохранявшего довольно прочные связи с гуманистическим мировоззрением, и нацистской Германии, где старались забыть о «бремени морали» и исповедовали идеологию в чистом виде.

Наши традиции свободной мысли, не так прочны и основательны, чтобы можно было надеяться на то, что идеологический потоп не зальет все «островки свободы», которые выступают из воды. Гораздо более разумно потребовать от государства наладить систему качественного образования, которое поможет нашим детям приобрести мировоззрение, желательно гуманистическое, иначе говоря, стать личностью, то есть приобрести привычку самостоятельного мышления. Смотреть на мир своими глазами – в конце концов, зачем еще мы появляемся на свет?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вейдле, В. В.** Только в Россию можно верить / В. В. Вейдле. – Текст : непосредственный // Вестник РСХД. – 1974. – № 114. – С. 240–254.

2. **Зайцева, Н. В.** Формирование ценностных ориентаций молодежи ресурсами СМИ / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Социальная безопасность молодежи: социокультурный аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Белгород : БелГУ, 2011. – С. 62–66.

3. **Зайцева, Н. В.** Современная молодежь как носитель культурных традиций / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Структура, институты и процессы российского общества : сборник научных статей профессорско-преподавательского состава и молодых ученых БУПК по проблемам социологии. Вып. 1. – Белгород, 2011. – С. 241–245.

4. **Зайцева, Н. В.** Особенности мировоззренческих ориентаций в социокультурном пространстве / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Образование и наука в структуре современного российского общества : материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2013. – С. 232–239.

5. **Зайцева, Н. В.** Философское мировоззрение в системе российского самосознания. / Н. В. Зайцева. – Текст : непосредственный // Международная научно-практическая конференция в рамках философских чтений памяти В. О. Гошевского «Философские проблемы образования» сборник избранных материалов, 7-8 февраля 2014 г. – Мурманск : Издательство МГТУ, 2014. – С. 43–50.

6. **Трунов, А. А.** Идеология в обществах модерна и постмодерна: сравнительный анализ / А. А. Трунов. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия : Философия. Социология. Право. – 2019. – Т. 44. № 2. – С. 234–243.

Губина А.Н.,
магистрант Белгородского университета кооперации,
экономики и права

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ АССОЦИАТИВНЫХ КАРТ В РАЗВИТИИ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Рассмотрен ряд существующих классификаций лидерских качеств. Исходя из достоинств метафорических ассоциативных карт (МАК), проведен анализ целесообразности их использования при работе с лидерскими качествами молодежи. Приведен пример использования адаптированной техники работы с МАК при изучении лидерских качеств молодого человека.

Ключевые слова: лидерство, лидерские качества, метафорические ассоциативные карты, методики работы с МАК

В условиях современной действительности, которая характеризуется непрерывным изменением всех сторон жизни общества, к личностным качествам молодежи предъявляются все более жесткие требования. Молодые люди поставлены в условия, когда преимущество на рынке труда, а также при построении межличностных отношений и коммуникаций, имеют те, кто обладает помимо достаточного уровня профессиональных компетенций, энергией, активностью и инициативой, способностью самостоятельно принимать осознанные решения и нести за них ответственность, вдохновлять других людей. Более успешными в профессиональном и личностном плане также становятся молодые люди, способные влиять на умонастроение других людей, мотивировать их к деятельности, направленной на достижение поставленных целей, готовые нести ответственность за собственную жизнь, судьбу рабочего коллектива и страны в целом, то есть те, кто способен проявлять лидерские качества.

Таким образом, в обществе возрастает запрос на формирование и развитие лидерских качеств молодежи, а, следовательно, на внедрение и использование в работе специалистов, способствующих развитию лидерских качеств, в частности, психологов, таких инструментов, которые позволяют развивать креативность, познавательную активность личности, формировать морально-волевые и лидерские качества.

К рассмотрению подобных инструментов, в частности, метафорических ассоциативных карт, мы обратимся немного позднее, а для начала рассмотрим определение и содержание лидерских качеств. Итак, проблема лидерства всегда вызывала интерес как отечественных, так и зарубежных ученых. Отечественные и зарубежные ученые подходят к изучению феномена лидерства с различных сторон, было предложено множество определений понятия «лидерство», а также сделаны попытки выделить характерные психологические особенности лидера. Так, с момента формирования теории лидерских качеств систематически проводилась работа по выделению сфер компетенции эффективного лидера, основываясь на которые ученые ищут ответы на следующие вопросы: что же должен уметь лидер, какими компетенциями он должен обладать?

Рассмотрим некоторые из вариантов ответов, предложенных учеными. Так, Р. Стогдилл после обзора более чем 100 научных исследований, проводившихся в рамках теории личностных качеств, выделил личностные особенности, присущие большинству успешных лидеров: интеллект, инициативность, навыки взаимодействия, уверенность в себе, стремление взять на себя ответственность, честность. Американский консультант У. Беннис в результате изучения опыта 90 успешных лидеров и предложил 4 группы лидерских качеств: 1) управление вниманием, т.е. способность так предвидеть сущность результата или исхода, цели или направления действий, чтобы это было привлекательно для последователей; 2) управление знанием, т.е. способность так передать свои знания, чтобы они были поняты и приняты последователями; 3) управление доверием, т.е. способность построить свою деятельность таким образом, чтобы получить полное дове-

рие подчиненных; 4) управление собой, т.е. способность хорошо знать и вовремя признавать свои сильные и слабые стороны, чтобы для усиления своих слабых сторон умело привлекать другие ресурсы, включая ресурсы других людей.

Перечислять качества, трактуемые исследователями как лидерские, можно продолжать бесконечно, но понятно одно, что лидер все-таки должен обладать качествами, отличающими его от других членов группы.

Последующее изучение привело к выведению 4 групп лидерских, качеств: 1) физиологические: рост, вес, фигура, внешний вид, здоровье, энергичность движений. Однако быть физически выше и крупнее, чем средний человек еще не дает никакого права быть лидером; 2) психологические (или эмоциональные) качества проявляются через характер человека. Они имеют как наследственную, так и воспитательную основы. 3) умственные (или интеллектуальные) качества – уровень этих качеств у лидеров выше, чем у тех, кто лидерами не является; 4) личностные деловые – носят в большей степени характер приобретенных и развитых у лидеров навыков и умений в выполнении своих функций.

И если первая и третья группы качеств подлежат изменению непосредственно личностью, то работа с усовершенствованием второй и четвертой групп может проводиться с привлечением профессионального психолога [2], посредством психологических инструментов, в частности, метафорических ассоциативных карт.

Метафорические ассоциативные карты являются особым инструментом арт-терапии [3]. Метафорические ассоциативные карты (МАК), которые известны также как проективные, ассоциативно-метафорические, ассоциативно-символические, терапевтические, психотерапевтические, метафорические ассоциативные изображения, ассоциативные фотографические карты и др., являются часто используемым проективным инструментом в работе современных практических психологов. История возникновения первых МАК отражена в работах зарубежных и отечественных ученых (В. Киршке [7], Е. Морозовская [8], У. Халкола [10], Г. Кац, Е. Мухаматулина [6], Н. Верникова [1], Г. Попова, Н. Ми-

лорадова [9]) и ведет начало с 70-х гг. XX в. с работ канадского художника и профессора искусствоведения Э. Рамана.

Целесообразность использования МАК как инструмента практического психолога при работе с лидерскими качествами молодежи наиболее ярко отражают их достоинства, описанные в литературе:

– являясь зрительной метафорой, карты открывают человеку нетривиальную перспективу для анализа своей жизни, при этом становятся доступными такие процессы восприятия, которые протекают за пределами сознания; помогают вывести на поверхность глубинные переживания и тем самым способствуют самопознанию; задействуют в первую очередь иррациональную часть личности и активизируют правое полушарие мозга [9, с.17]. Особенность метафорических карт позволяет молодым людям, которые в силу возраста не всегда могут осознать и в достаточной степени эффективно выразить вербально свои глубинные чувства и переживания, идентифицировать собственное состояние;

– метафоричность МАК позволяет клиенту воспринимать проблемы на расстоянии, диссоциировано и символично [9, с. 67]. Такое преимущество в наиболее полной мере проявляется при работе с молодежью, так как неустойчивая психика молодого человека не всегда готова к восприятию суровой реальности в отношении характеристик собственной личности. Метафоричность МАК позволяет сделать эту встречу менее травматичной;

– «работа с МАК представляет собой интегративный подход к поиску ресурса, предполагает опору на ресурс в самом человеке» и «работа с картами связана с феноменами «инсайта» (относительно сути своей проблемы и методов ее решения) и «катарсиса». [9] Данные достоинства МАК при работе с молодежью проявляются в том, что снимается вопрос, связанный с характерным в наибольшей степени для молодых людей отрицанием предлагаемых извне, в данном случае психологом, вариантов решений работы с собственной личностью;

– «в работе с МАК проявляется принцип синхронности; применение МАК предоставляет клиенту возможность метафорического моделирования реальности в игровой форме». [9] Ука-

занное преимущество имеет важное значение при работе с молодежью, так как игра является наиболее приемлемой формой работы с данной возрастной категорией, в том числе при развитии лидерских качеств. Так по мнению Л.С. Выготского, игра – это живой социальный коллективный опыт личности, и в этом отношении она представляет собой незаменимое орудие воспитания социальных навыков и умений [8];

– «гибкие правила использования, возможность разрабатывать новые авторские техники и адаптировать существующие под требования актуальной ситуации». [8, с. 10] Данное достоинство дает возможность использовать имеющиеся колоды и методики работы с ними для проработки лидерских качеств молодежи, а также предусматривает перспективу создания специализированных колод, ориентированных на проработку лидерских качеств.

Остановимся более подробнее на последнем преимуществе МАК и рассмотрим некоторые методики, которые могут применяться при работе с лидерскими качествами молодежи. Так, одной из важных групп лидерских качеств, выделенным У. Беннисом, является управление собой, т.е. способность хорошо знать и вовремя признавать свои сильные и слабые стороны, чтобы для усиления своих слабых сторон умело привлекать другие ресурсы, включая ресурсы других людей.

Для работы с данной группой качеств мы предлагаем использовать следующим образом адаптированную версию техники «Проработка собственной тени» (автор – О. Гаркавец). В качестве инструментария могут быть использованы любые портретные колоды, в частности «Persona», «Метафорические животные» и другие. Методика может использоваться начиная с возраста 16 лет, что важно, учитывая необходимость работы с молодыми людьми. В рамках работы с молодым человеком ему предлагается выбрать в открытую из колоды карт два изображения: одно из которых отражает лучшие из лидерских качеств, которые личность осознает в себе, а вторая – те качества, которые молодой человек считает неприемлемыми для лидера, но при этом присутствующими у него. Оба портрета кладутся на лист бумаги, обоим дает-

ся описание с точки зрения лидерских и нелидерских качеств, присущих изображениям.

Затем необходимо выбрать место встречи этих персон, позволить им рассказать о себе, выяснить какие у них отношения друг с другом. Целью методики является ответ на вопрос, нахождение точек соприкосновения и выявление возможностей для взаимодействия обеих личностей, в действительности, сторон личности молодого человека, а также обретения понимания каким ресурсом и в каких ситуациях карта, обладающая нелидерскими качествами, может выступать для молодого человека. И это только лишь один из вариантов адаптации существующих методик работы с МАК, который может быть использован при проработке лидерских качеств молодежи.

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что МАК являются одним из эффективных и действенных инструментов практического психолога при работе с развитием лидерских качеств молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Верникова, Н.** Метафорические ассоциативные карты – универсальный инструмент для МАКсимальных результатов / Н. Верникова. – Винница : Эдельвейс и К, 2014. – 124 с. – Текст : непосредственный.

2. **Верховод, Ф. С.** Формирование субъекта профессиональной деятельности как психолого-педагогическая проблема / Ф. С. Верховод. – Текст : непосредственный // Психологическое знание в научной картине мира : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 31 марта – 1 апреля 2015 г. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2015. – С. 89–98. – ISBN 978-5-8231-0422-7.

3. **Волобуева, Н. М.** Техники арт-терапии в оказании психологической помощи студентам / Н. М. Волобуева. – Текст : непосредственный // Психологические знания в современном мире : материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2016. – С. 97–109. – ISBN 978-5-8231-0556-9.

4. **Волобуева, Н. М.** Повышение адаптационных ресурсов студентов посредством арт-терапии / Н. М. Волобуева. – Текст : непосредственный // Психологическое знание в научной картине мира : материалы международных научно-практической и научно-методической конференций профессорско-преподавательского состава и аспирантов [сборник научных статей] ; АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2015. – С.137–148. – ISBN 978-5-8231-0422-7.

5. **Выготский, Л. С.** Психология / Л. С. Выготский. – Москва : Апрель пресс : ЭКСМО-пресс, 2000. – 1006 с. – ISBN 5-04-004708-8. – Текст : непосредственный.

6. **Кац, Г.** Метафорические карты: Руководство для психолога / Г. Кац, Е. Мухаматулина. – Москва : Генезис, 2013. – 160 с. – ISBN 978-5-98563-303-0. – Текст : непосредственный.

7. **Киршке, В.** «Клубника за окном». Ассоциативные карты для коммуникации и творчества / В. Киршке. – Моритц Эгетмейер – ОН Verlag, 2010. – 240 с. – Текст : непосредственный.

8. **Морозовская, Е. Р.** Проективные карты в работе психолога: полное руководство / Е. Р. Морозовская. – Одесса : Институт Проективных Карт, 2013. – 128 с. – Текст : непосредственный.

9. **Попова, Г.** Метафорические ассоциативные карты в работе практического психолога: методика и практика / Г. Попова, Н. Милорадова. – Харьков : ФОРМ БРОВИН А.В., 2015. – 224 с. – Текст : непосредственный.

10. **Халкола, У.** «Спектрокарты». Краткое методическое руководство по применению в психотерапии и психологическом консультировании / У. Халкола, А. И. Копытин. – Санкт-Петербург : Речь, 2012. – 80 с. – ISBN 978-5-9268-1284-5. – Текст : непосредственный.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ, СПОРТИВНОЙ ТРЕНИРОВКИ И АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гогинава С.Е.,

канд. пед. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права

Щербин Д.В.,

канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физической культуры
и спорта Белгородского университета
кооперации, экономики и права

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ РАЗЛИЧНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ

Аннотации. В статье рассматривается необходимость исследования и внедрения в учебный процесс студентов физических нагрузок различной направленности.

Ключевые слова: двигательная активность, атлетическая гимнастика, оздоровительное плавание, студенты.

Введение. Сегодня, вопрос повышения функциональной тренированности студентов – это одна из главных проблем физического воспитания учащейся молодежи. Данные специальной литературы позволяют предположить, что для достижения более глубоких адаптационных изменений со стороны функциональных систем, наиболее подверженных заболеваниям среди учащейся молодежи, необходимо сочетать средства физической культуры, которые бы стимулировали обменные процессы аэробного и

анаэробного характеров, так как именно такое отвечает биологическим закономерностям функционирования организма [1].

Важно обратить внимание, что сопоставление научных данных о механизмах воздействия аэробных и анаэробных нагрузок, применяемых в оздоровительных целях, позволяет утверждать:

– аэробная тренировка не оказывает заметного влияния на буферную способность мышц, внутримышечную концентрацию высокоэнергетических веществ, гипертрофию мышечных волокон, способность к выполнению физической работы высокой интенсивности;

– анаэробная тренировка оказывает незначительное влияние на аэробные возможности и вызывает относительно небольшие адаптационные изменения в сердечно-сосудистой и кислородтранспортной системах организма.

На основе теоретического анализа и обобщения специальной литературы нами было установлено, что к числу наиболее доступных для применения в вузовской системе физического воспитания видов двигательной активности, характеризующихся преимущественно анаэробными механизмами энергообеспечения мышечной деятельности, относится атлетическая гимнастика, представляющая собой систему гимнастических упражнений с отягощениями и сопротивлениями. Накопленный до настоящего времени в рамках данной проблемы теоретический и экспериментальный материал, свидетельствует, что наиболее эффективным средством аэробной циклической тренировки является оздоровительное плавание. Необходимо отметить, что оздоровительное плавание относят к числу самых доступных средств физического воспитания лиц разных возрастов и уровня подготовленности. В тоже время, в физическом воспитании студентов оздоровительное плавание в аэробном режиме тренировки применяется достаточно широко, о чем свидетельствуют работы [5,6] и др. Авторы подчеркивают, что в процессе оздоровительного плавания происходит повышение функциональной тренированности, физической подготовленности, а также улучшение показателей, характеризующих опорно-двигательный аппарат и психоэмоциональное состояние студентов.

Цель исследования – научно обосновать методику сочетания средств аэробной и анаэробной направленности на учебно-тренировочных занятиях по физической культуре со студентами.

Материалы и методы. В эксперименте приняли участие 186 студентов НИУ «БелГУ» и БУКЭП (106 девушек, 80 юношей). Все испытуемые относились к основному учебному отделению. Были сформированы две группы: КГ (n=85: 47 девушек, 38 юношей) занимались по утвержденной на кафедре физического воспитания учебной программе и ЭГ (n=101: 59 девушек, 42 юноши) в содержание программы которой была включена экспериментальная методика.

Суть экспериментальной методики заключалась в равномерном чередовании занятий оздоровительным плаванием (в аэробном режиме) и атлетической гимнастикой (в анаэробном режиме). На занятиях оздоровительным плаванием чередуется проплывание равных отрезков способами кроль на груди с небольшим ускорением при ЧСС 130-140 уд/мин и способом брасс при ЧСС 100-110 уд/мин; преодолеваемая за занятие дистанция постепенно увеличивается до 700-900 м. На занятиях атлетической гимнастикой применяются базовые упражнения (вес отягощения 60-80% от повторного максимума) для наращивания мышечных объемов и развития абсолютной силы основных мышечных групп и вспомогательные упражнения (вес отягощения 30-50% от повторного максимума), направленные на развитие силовой выносливости и достижения рельефности мускулатуры.

Результаты исследования. Результаты педагогического эксперимента позволили сделать вывод, что разработанная методика сочетания средств аэробной и анаэробной направленности на УТЗ по физической культуре со студентами способствовала достоверно значимой экономизации деятельности миокарда, оптимизации диастолического АД и вегетативных показателей, увеличению аэробных возможностей и уровня энергопотенциала организма, повышению физической работоспособности и производительности кардио-респираторной системы, увеличению силы, быстроты, координации. В результате уровень соматического

здоровья испытуемых экспериментальной группы достоверно увеличился: в среднем с 5 до 10 баллов у студентов обоего пола.

Дискуссия.

Проведенный нами теоретический анализ и обобщение литературных данных по проблеме повышения уровня соматического здоровья студентов, выявил высокий интерес специалистов к данной теме.

В настоящее время поиском решений актуальных задач повышения уровня соматического здоровья, двигательной активности студентов и выработки у студентов потребности в систематических занятиях физической культурой и спортом занимаются многие специалисты в области физической культуры, кинезиологии, физиологии и медицины различных стран.

Упражнения, направленные на развитие силовых способностей на занятиях со старшеклассниками и студентами вузов, в качестве основного средства, использует достаточно большое количество специалистов [2, 3]. Однако, в настоящее время, они в большей степени экспериментально обосновывают эффективность методик направленных на развитие силовых качеств и на коррекцию телосложения занимающихся. Среди зарубежных авторов можно выделить исследования Oliver, M. D., et al., Garcia-Hermoso et al., Leuciuc, F. V. et al., которые доказывают положительное воздействие силовых упражнений не только на показатели силовой подготовки, увеличения мышечной массы, но и на улучшение работы сердечно-сосудистой системы, повышения качества жизни и самооценки студентов [4]. Данные о положительном влиянии атлетической гимнастики на функциональные резервы организма были обнаружены в работах [1], адресованных студентам СМГ. Кроме того, в научной литературе имеются сведения о положительном влиянии атлетической гимнастики на функциональную тренированность мужчин и женщин зрелого возраста. На наш взгляд, факт прироста функциональных возможностей занимающихся может быть связан со спецификой воздействия нагрузки анаэробного характера.

Также, в научном мире было проведено множество исследований, посвященных влиянию упражнений аэробной направлен-

ности на занятиях со студентами. Так в работах de Bruijn A. G. M., et al., Куан А., et al. было доказано положительное влияние этих упражнений на успеваемость учащихся. В исследованиях китайских ученых Niu Y., et al. выявлено положительное влияние аэробных упражнений на работу ССС и на основные показатели физического здоровья и физического развития, а также улучшение состава тела студентов, страдающих ожирением в работе тайваньских специалистов [4].

Большое количество исследований ученых разных стран было посвящено изучению оздоровительного плавания в качестве аэробной нагрузки. Было доказано положительное воздействие плавания на показатели физического развития, физической подготовленности, снижения уровня тревожности студентов, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе, на успеваемость студентов, улучшение работы дыхательной системы, а также на улучшение психического состояния, двигательной координации и познавательной способности у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью.

Исследования, посвященные комплексному использованию упражнений аэробной и силовой направленности, нами были обнаружены только в работе Eather N. et al., в которой была доказана высокая эффективность комбинаций, состоящих из аэробных и силовых блоков, на показатели физического развития, физической подготовленности, улучшения психоэмоционального состояния и общей удовлетворенности студентов.

Все это, подчеркивает актуальность нашей работы и свидетельствует о необходимости продолжения исследований в этой области.

Выводы. Разработанная методика сочетания средств аэробной и анаэробной направленности на учебно-тренировочных занятиях по физической культуре со студентами способствовала экономизации деятельности миокарда, оптимизации диастолического АД и вегетативных показателей, увеличению аэробных возможностей и уровня энергопотенциала организма, повышению физической работоспособности и производительности кардиореспираторной системы, увеличению силы, быстроты, коор-

динации. В результате уровень соматического здоровья испытуемых экспериментальной группы достоверно увеличился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богоева, М. Д.** Построение процесса физического воспитания студентов специальной медицинской группы с ограниченными возможностями сердечно-сосудистой системы : монография / М. Д. Богоева, О. Г. Румба, А. А. Горелов. – Белгород : ИПЦ «Политерра», 2011. – 172 с. – Текст : непосредственный.

2. **Подскребышева, Н. П.** Влияние занятий атлетической гимнастикой на физическую работоспособность студентов / Н. П. Подскребышева, В. М. Гончаров, Д. В. Щербин // Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов, слушателей и студентов : сборник статей / Ред. кол.: С. Н. Баркалов и [и др.]. – Орел : ОрЮОИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016. – С. 142–146. – Текст : непосредственный.

3. **Щербин, Д. В.** Влияние занятий с отягощениями на показатели работоспособности студентов нефизкультурных специальностей / Д. В. Щербин, А. А. Коник, Т. А. Миронова, Л. А. Кадуцкая. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Физическая культура. Спорт : сборник научных трудов: – Тула : Издательство ТулГУ, 2019. – Вып. 5. – С. 34-39.

4. **Щербин, Д. В.** Информационные технологии в учебном процессе по физической культуре и спорту / Д. В. Щербин, Я. В. Иваненко // Развитие науки и образования в современном мире: электронный науч. журнал. – Москва : Изд-во АР-Консалт, 2017. – № 4-2 (19). – С. 359-362. – Текст : непосредственный.

5. **Щербин, Д. В.** Индивидуализация интенсивности нагрузок в процессе оздоровительных занятий физической культурой / Д. В. Щербин, Н. П. Подскребышева, В. М. Гончаров, А. А. Коник. – Текст : непосредственный // Культура физическая и здоровье. – 2016. – № 1 (56). – С. 71-75.

6. **Щербин, Д. В.** Исследование влияния оздоровительного плавания на показатели функциональной тренированности студентов вуза / Д. В. Щербин, А. А. Коник, С. Е. Гогинова. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Сер.: Физическая культура. Спорт : сборник научных трудов. – Тула : Издательство ТулГУ, 2019. – Вып. 8. – С. 22-28.

Щербин Д.В.,

канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой физической культуры и спорта Белгородского университета кооперации, экономики и права

Подскребышева Н.П.,

канд. пед. наук, доцент Белгородского университета кооперации, экономики и права

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗЕ

Аннотация. Высокий уровень мотивации обучающихся в образовательных организациях высшего образования является необходимым условием качественной подготовки будущих специалистов. В данной статье рассматриваются некоторые условия формирования устойчивой мотивации студентов к образовательной деятельности в вузе.

Ключевые слова: мотивация, обучающиеся, профессиональная деятельность.

Ценность и значимость высшего образования в современном мире напрямую зависит от качества подготовленности специалистов, окончивших вузы [13]. Огромное количество образовательных организаций высшего образования, появление филиалов вузов несколько снизило значимость получения высшего образова-

ния, и в то же время, сделало его более доступным. В настоящее время практически каждый человек в нашей стране имеет возможность получить высшее образование, часто не задумываясь о своей дальнейшей профессиональной деятельности. Далеко не каждый школьник может с уверенностью ответить на вопрос о своей будущей профессии и поступает в вуз по принципу «престижности» профессии или по совету родных, друзей, близких [4].

В процессе обучения многие студенты осознают неверность своего выбора по причине незаинтересованности в дальнейшем связывании своей трудовой деятельности с избранным для обучения направлением или просто потери заинтересованности и в обучении, так как думают, что всему могут научиться «на практике». Так или иначе, все это негативно отражается на образовательном процессе студентов, снижая их академическую успеваемость, в отдельных случаях приводя к отчислению из образовательной организации [1, 6, 7].

В этой связи одним из немаловажных факторов успешного обучения студента в вузе является развитие обучающегося устойчивого уровня мотивации к образовательной деятельности [5].

Для того что бы эффективно осуществлять процесс мотивации обучающихся, необходимо разобраться в самом процессе мотивации, механизмах ее возникновения и закономерности воздействия. Мотивация (от лат. *movere*) – это не что иное, как побуждение к действию. Ее необходимо рассматривать как сложный психофизиологический процесс, управляющий поведением человека, задающий его направленность, организацию, активность и устойчивость. Учебная мотивация – это направленность ученика на учебную деятельность, отражаемый в индивидуальном сознании личностный смысл учения. По мнению ряда исследователей, мотивация во многом является своеобразным залогом успеха, так как во многом предопределяет качество процесса [9, 10, 11].

Мотивацию условно можно разделить на внешнюю и внутреннюю:

– к внешней мотивации можно отнести методы, которые применяет педагог для того, чтобы заинтересовать обучающегося. Внешние мотивы не связаны с деятельностью самого ученика, они являются продуктом деятельности педагога;

– внутренняя мотивация заключается в заинтересованности самого ученика в получении знаний, она напрямую зависит от его деятельности. Именно внутренняя мотивация является той проблемой, над которой работают многие ученые по всему миру.

Формирование учебной мотивации без преувеличения можно назвать одной из центральных проблем современного образования. Ее актуальность обусловлена самой учебной деятельностью, обновлением содержания обучения, формированием у учащихся приемов самостоятельного приобретения знаний, развития активности [10].

Любая деятельность без внутренних мотивов или со слабыми, неустойчивыми внутренними мотивами будет недолговечной и менее эффективной.

В контексте того, что сегодняшний студент уже завтра будет являться работником, сотрудником какой-либо фирмы, предприятия, то есть профессионалом в определенной деятельности, необходимо говорить так же и о профессиональной мотивации. Профессиональная мотивация – это то для чего обучающийся приобретает свои профессиональные способности.

Профессиональная мотивация достаточно тесно связана с профессиональным развитием личности – формированием у индивида профессионально значимых качеств, мотивов и потребностей в определенной сфере деятельности. Все это, безусловно, должно быть направлено на решение поставленных перед собой целей и решению профессиональных задач [11].

По мнению психологов, результаты деятельности человека на 10-20% зависят от интеллекта и на 70-80% от мотивов. По мнению ряда психологов, чем выше уровень сформированной мотивации, тем эффективнее будет деятельность педагога. Опытные педагоги сначала мотивируют, а уже потом приступают к обучению. Таким образом, можно сделать заключение о том, что

одной из важнейших задач педагога является развитие у обучающегося стремления к успеху, в том числе личным примером.

Одним из определяющих факторов в процессе развития мотивации у студентов является личность педагога, как образца внутренней мотивации к педагогической деятельности, высоко-профессиональной подготовленности в избранной деятельности.

Педагог не в праве ожидать высоких показателей образовательной деятельности, развития устойчивой мотивации к процессу обучения, если сам не готов соответствовать самым высоким стандартам. Но в то же время верить в способности своих учеников. Стремиться развить в них творческое начало, развивать их творческую активность и любознательность, то есть быть гуманистически ориентированным педагогом.

Важно достигнуть не просто уровня взаимодействия «ученик-учитель», а постараться избегать прямого вмешательства в выполнение задания. Более высоким уровнем взаимодействия будет установление доверительных отношений, при котором педагог займет место наставника, который будет направлять студента на самостоятельное принятие правильных решений.

Возникновение подобного уровня доверительных отношений позволит создать комфортную психоэмоциональную обстановку, снять напряженность, устранить боязнь ошибиться или принять неверное решение [16].

В психологии разработаны несколько форм активизация учебно-познавательной деятельности.

1. Занимательные задачи. Среди всех мотивов учебной деятельности самым действенным является познавательный интерес, возникающий в процессе обучения. Он не только активизирует умственную деятельность, но и направляет ее к последующему решению различных задач. Устойчивый познавательный интерес формируется разными средствами.

2. Познавательные вопросы. Данная форма предполагает наличие обратной связи, при этом вопросы должны задавать не только преподаватели, но и обучающиеся. Одним из приемов может быть использование проблемного метода.

3. Развивающие упражнения.

4. Творческие задания. Эта форма всегда хорошо стимулирует творческие способности занимающихся и стимулирует интерес к деятельности.

5. Использование в качестве поддержки изучаемого материала компьютерных программ. Во время современной компьютеризации общества не лишним будет применение технических средств обучения.

Достаточно сильным мотивирующим фактором является оценка. Немало важным фактором является подход в оценке как процесса усвоения знаний учеником, так и итоговому уровню их сформированности [2, 3]. При оценке учебной деятельности учеников необходимо использовать не только отметки как итоговый показатель, но и промежуточные оценки той или иной деятельности обучающихся.

Традиционно в образовательной сфере на всех уровнях от школы до вуза, педагоги пользуются отметкой как мотивирующим средством, как средством побуждения обучающегося к активной работе. Искусному педагогу важно понимать, что отметка не должна затмевать подлинную ценность его деятельности обучающегося. Деятельность учащихся, не подкреплённая в должной мере познавательной потребностью и интересом, направленная на внешние ее атрибуты, на оценку, становится недостаточно эффективной. Это приводит к тому, что отметка для многих учащихся перестаёт играть мотивирующую роль, а тогда и сама учебная работа теряет для них всякую ценность [8, 15].

Для формирования положительной устойчивой мотивации учебной деятельности важно, чтобы главным в оценке работы ученика был качественный анализ этой работы, подчеркивание всех положительных моментов, продвижений в освоении учебного материала и выявление причин имеющихся недостатков, а не только их констатация. Этот качественный анализ должен направляться на формирование у обучающихся адекватной самооценки работы, ее рефлексии. Особенно осторожно надо использовать в текущем учете неудовлетворительные отметки. Психологи отмечают, что как поощрение, так и наказание могут моти-

вировать обучающегося или наоборот, снизить уровень мотивации [12, 14].

Все сказанное не означает, что внешние награды и порицания совершенно бесполезны и не нужны. Они нужны, но в совершенно другой функции. Они должны не контролировать деятельность, а информировать обучающегося об успешности его деятельности.

Итак, мы рассмотрели разные пути формирования положительной устойчивой мотивации учебной деятельности обучающихся. Для становления такой мотивации следует использовать не один путь, а все пути в определенной системе, в комплексе, так как не один из них, сам по себе, не может играть решающей роли в становлении учебной мотивации всех обучающихся. В совокупности, в комплексе все указанные пути являются достаточно эффективным средством формирования мотивации к обучению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бехтерев, В. М.** Объективная психология / В. М. Бехтерев / Под редакцией В. А. Кольцовой. – Москва : Наука, 1991. – 475 с. – Текст : непосредственный.

2. **Гогинава, С. Е.** Исследование влияния оздоровительного плавания на показатели функциональной тренированности студентов вуза / С. Е. Гогинава, Д. В. Щербин, А. А. Коник. – Текст : непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2019. – № 8. – С. 22–28.

3. **Гончаров, В. М.** Методические особенности скоростно-силовой (прыжковой) подготовки волейболистов / В. М. Гончаров, А. А. Коник, Н. П. Подскребышева. – Текст : непосредственный // Культура физическая и здоровье. – 2014. – № 4 (51). – С. 103–104.

4. **Зеличенко, А. И.** К вопросу о классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора / А. И. Зеличенко, А. Г. Шмелев. – Текст : непосредственный // Вест. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1987. – № 4. – С.33–43.

5. **Ильин Е. П.** Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – Текст : непосредственный.

6. **Копысова, Л. А.** Педагогическая концепция развития мотивации профессиональной деятельности у обучающихся в вузе / А. Л. Копысова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 1 (41). – С. 158–162.

7. **Коник, А. А.** Общая характеристика форм организации занятий оздоровительной физической культуры / А. А. Коник, Н. П. Подскребышева. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов «Педагогические и инновационные технологии в современном образовании» и международной научно-методической конференции «Методические практики и инновации в педагогическом процессе». – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – С. 383–388.

8. **Коник, А. А.** Кроссфит как направление совершенствования процесса физического воспитания в вузе / А. А. Коник, А. Ю. Дорохин. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов 27 марта 2018 года. – Белгород: изд-во БУКЭП, 2018. – С. 139-146.

9. **Климов, Е. А.** Введение в психологию труда : учебник для вузов / Е. А. Климов. – Москва : Культура и спорт ЮНИТИ, 1998. – С. 30. – Текст : непосредственный.

10. **Мерлин, В. С.** Очерк интегрального исследования индивидуальности / В. С. Мерлин. – Москва : Педагогика, 1986. – Текст : непосредственный.

11. **Мильман, В. Э.** Производительная и потребительная мотивация / В. Э. Мильман. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1988. – № 1. – С. 27–39.

12. **Муханов, Ю. В.** Использование современных информационных технологий в подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / Ю. В. Муханов, А. А. Тарасенко, А.Р. Махмутов. – Текст : непосредственный // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : сборник статей XV Международной научной конференции, посвященной 65-летию БГТУ им. В.Г. Шухова. – Белгород, 2019. – С 42–44.

13. **Подскребышева, Н. П.** Профессиональная физическая подготовка студентов экономических специальностей : монография / Н. П. Подскребышева, А. А. Коник. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – С. 205. – Текст : непосредственный.

14. **Щербин, Д. В.** Особенности занятий физической культурой и спортом в режиме учебного труда, быта и отдыха студентов / Д. В. Щербин, В. В. Щегловская. – Текст : непосредственный // Наука и кооперация: взгляд молодых исследователей : материалы международной студенческой научной конференции. 17-19 апреля 2012 года : в 3 ч. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2012. – Ч. 3. – С. 342–348.

15. **Щербин, Д. В.** Об оздоровительной направленности физического воспитания в ВУЗе / Д. В. Щербин, Н. П. Подскребышева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной науки: свежий взгляд и новые подходы : I Международная науч.-практ. конф., 25 мая 2012 г. – Йошкар-Ола : Коллоквиум, 2012. – С. 15–16.

16. **Щербин, Д. В.** Об использовании физкультурно-оздоровительных технологий в процессе физического воспитания студентов / Д. В. Щербин, Н. П. Подскребышева. – Текст : непосредственный // Физическая культура и спорт – основа здорового образа жизни : материалы IV Международной научно-практической конференции 9–14 октября 2012 г. – Тамбов, 2012. – С. 56–60.

Подскребышева Н.П.,
канд. пед. наук, доцент Белгородского университета
кооперации, экономики и права
Жолудева А.В.,
учитель начальных классов первой квалификационной
категории МБОУ СОШ № 31 г. Белгорода

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЖИЗНИ СТУДЕНТА

Аннотация. В данной статье мы рассмотрим, какую роль оказывает физическая нагрузка на учебный процесс и физическое развитие студента в процессе обучения.

Ключевые слова: спорт, студент, здоровье, развитие, навыки, самореализация.

Физическая культура является одним из самых важных компонентов в процессе становления, развития и обучения студента в современном обществе. Именно благодаря подобной дисциплине в университетах у студентов появляется возможность проявить себя в каком-либо виде спорта или улучшить свое физическое, а также психическое здоровье, которое необходимо для осуществления как умственной, так и физической деятельности в институте и в обществе в целом. Необходимо отметить, что физическая культура во всех своих проявлениях – это, прежде всего, физическое воспитание, которое является неотъемлемым и, безусловно, одним из самых важных компонентов в общей культуре любого человека. Благодаря данному компоненту человеку легче реализовывать себя как в учебной, так и в профессиональной деятельности. Можно сказать, что физическое воспитание, как неотъемлемая часть физической культуры, конкретизируется в следующих задачах, которые являются основными и базисными [1]:

1. Укрепление здоровья и физическое развитие – одна из самых главных задач физического воспитания.

2. Развитие и формирование навыков, которые позволяют грамотно организовывать свой досуг, а также какую-либо иную деятельность при помощи средств физической культуры и спорта.

3. Комплексное развитие организма, включающее в себя повышение и улучшение физической подготовки, развитие и улучшение каких-либо профессиональных и личных физических качеств.

4. Усвоение комплекса знаний в области физической культуры и спорта, которые необходимы для грамотного и наиболее полного развития.

5. Активная пропаганда здорового образа жизни как среди студентов и учащихся, так и среди населения в целом для формирования наиболее полного и правильного представления о здоровье и физической культуре в целом [4].

Как было отмечено выше, укрепление и развитие здоровья, является одной из самых важных задач физической культуры, которая играет огромное значение в жизни любого человека, и особенно, в жизни студента. Что же такое здоровье? Многие люди считают, что здоровье – это полное отсутствие болезней. Да, в какой-то степени они правы, но если рассматривать это понятие гораздо шире, то можно понять, что здоровье – это ничто иное, как благоприятное состояние как физического, так и духовного и даже в какой-то степени социального благополучия в человеческой жизни. Несомненно, здоровье человека является самой важной ценностью в жизни, т.к. его нельзя купить, украсть, обменять или получить каким-либо другим способом, оно дается человеку единожды, а поэтому его необходимо укреплять, совершенствовать и оберегать [3].

Необходимо отметить, что огромное значение физическая культура имеет в повседневной жизни современного студента. Рассматривая данный аспект, можно выделить несколько временных отрезков, во время которых осуществляется какая-либо

деятельность студента, так или иначе связанная с его здоровьем и влиянием на него физической культуры в целом.

Во время учебы основной деятельностью студента является получение и совершенствование знаний. Различные практические, факультативные занятия, лекции и семинары – это серьезная нагрузка на организм, не говоря о периоде экзаменов, когда эта нагрузка возрастает в несколько раз. Для того чтобы студент усваивал всю информацию и мог стабильно функционировать во время всего учебного периода, необходима не только высокая эрудированность, но и хорошее состояние здоровья. Большую часть учебного процесса студенты находятся в сидячем положении, вследствие чего они не получают необходимой двигательной, физической нагрузки. Но без должной физической нагрузки человек в обязательном порядке столкнется с проблемами гипокинезии, гиподинамии, адинамии и т.д. Это означает, что объективные обстоятельства будут и далее принуждать современного человека и студентов в том числе больше, чаще и гораздо основательнее обращаться к физической культуре и спорту, что явно пойдет им на пользу. Многие специалисты рекомендуют после длительного сидения провести элементарную разминку или, проще говоря, – размяться, а также утром, перед занятиями, желательно провести зарядку.

Учебным планом предусмотрена такая дисциплина, как «Физическая культура». Данная дисциплина является одним из важнейших элементов становления будущего специалиста. Она позволяет не только развить какие-либо физические качества в студенте, но и поддержать здоровье или даже укрепить его. Многие студенты не имеют возможности заниматься спортом или выделять пару часов на занятие им. Это связано с тем, что даже, не смотря на нагрузку в институте, некоторые из них работают, чтобы оплатить обучение или какие-либо иные потребности.

Свободное время – это по своей сути время, когда студент может заниматься чем угодно, можно сказать, что это время активной деятельности: подготовка к учебе, творчество, прогулки, встречи и, конечно, время активного занятия физической культуры. Многие люди посвящают свое свободное время занятию

спортом. Именно в этот отрезок времени человек наиболее серьезно может сконцентрироваться на занятии физической культурой. Абсолютно не важно, что вы выбрали: утренняя пробежка или активные занятия в тренажерном зале. Любое занятие спортом благотворно сказывается на состоянии здоровья человека, разумеется, если нет никаких противопоказаний к занятию той или иной физической деятельностью. Можно с полной уверенностью утверждать, что свободное время – это наиболее оптимальный отрезок времени в жизни студента, да и любого человека для того, чтобы заниматься физической культурой [5].

Возрастание роли физической культуры и спорта в формировании жизни студента отмечается и на более серьезном уровне. Так, Глава Минспорта России обозначил основные направления деятельности ведомства, которые осуществлялись и осуществляются в 2016 году. К таким направлениям относятся: Внедрение норм ГТО; улучшение и совершенствование подготовки спортивного резерва; раскрытие экономического потенциала спортивной отрасли; развитие профессионального спорта. Также, он констатировал, что создание определенной материальной базы, обеспечение доступности к ней, пропаганда здорового образа жизни и подготовка спортивного резерва – это одни из самых основных задач, которые необходимо решить. Как мы видим, в настоящее время государство напрямую заинтересовано в том, чтобы спорт развивался и укреплялся не только на «высшем уровне», но и на уровне обычных граждан и лиц, которым спорт интересен и небезразличен.

Опираясь на все вышесказанное, можно выделить несколько аспектов, на которые стоит обратить внимание учебным учреждением (институтам) для того, чтобы роль физической культуры и спорта возрастала и была актуальной, в первую очередь, для лиц, которые проходят обучение (студенты).

Во-первых, необходимо четко и наиболее целенаправленно подходить к процессу обучения и интеграции каждого студента в процесс физической культуры и спорта.

Во-вторых, активная поддержка различных спортивных движений, которые помогают студентам не только укрепить свое

здоровье при помощи спорта, но и улучшить свои теоретические знания в области физической культуры.

В-третьих, формирование у студентов не только физически развитого тела, но и здорового мышления в области личного здоровья, его укрепления и поддержания в надлежащей форме.

В-четвертых, активное содействие со стороны института и каких-либо иных учреждений, а также государственных органов в облегчении участия студентов в Спартакиадах, Олимпиадах, чемпионатах и иных спортивных мероприятиях.

В-пятых, пропаганда здорового образа жизни среди студентов, которая необходима для формирования наиболее полного и правильного представления о своем здоровье [2].

В заключение хотелось бы отметить тот факт, что физическая культура и спорт всегда были в центре внимания, и можно смело утверждать, что интерес к ним возрастает с каждым годом все больше и больше. И для того чтобы этот интерес не угасал, необходимо активное содействие как со стороны государства, так и со стороны образовательных учреждений для поддержания и развития интереса к физической культуре и спорту у студентов и граждан. Только в этом случае можно рассчитывать на то, что здоровье и общее развитие граждан будут находиться на достаточно высоком уровне, а отношение к спорту и физической культуре в целом будет только положительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Вернигоренко, В. А.** Основы развития физических качеств и восстановление физической работоспособности студентов вузов : учебное пособие / В. А. Вернигоренко, Н. П. Подскребышева, А. А. Коник. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – 152 с. – Текст : непосредственный.

2. **Евсеев, Ю. И.** Физическая культура : учебное пособие / Ю. И. Евсеев. – Ростов-на-Дону, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.

3. **Краснов, И. С.** Пути формирования здорового образа жизни студентов. Вопросы физического воспитания студентов / И. С. Краснов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2003. – 56 с. – Текст : непосредственный.

4. **Подскребышева, Н. П.** Здоровье студента – основа успешной учебной деятельности / Н. П. Подскребышева. – Текст : непосредственный // Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов (17-19 апреля 2012 года). – Белгород : Издательство БУКЭП, 2012. – С. 283-285.

5. **Физическая культура студента : учебник / под редакцией В. И. Ильинича.** – Москва : Гардарики, 2000. – 374 с. – Текст : непосредственный.

6. **Формирование здорового образа жизни студентов в процессе физкультурно-спортивной деятельности : учебное пособие / Д. В. Щербин, М. Д. Богоева, В. А. Вернигоренко [и др.] ; под редакцией Д. В. Щербина.** – Белгород : Издательство БУКЭП, 2014. – 131 с. – Текст : непосредственный.

7. **Холодов, Ж. К.** Теория и методика физического воспитания и спорта / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – Москва : Академия, 2003. – 480 с. – Текст : непосредственный.

8. **Щербин, Д. В.** Особенности занятий физической культурой и спортом в режиме учебного труда, быта и отдыха студентов / Д. В. Щербин, В. В. Щеловская. – Текст : непосредственный // Наука и кооперация: взгляд молодых исследователей : материалы международной студенческой научной конференции. 17–19 апреля 2012 года : в 3 ч. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2012. – Ч. 3. – С. 342-348. – Текст : непосредственный.

9. **Щербин Д. В.** Физкультурно-спортивная деятельность – путь формирования личности студентов / Д. В. Щербин. – Текст : непосредственный // Психолого-педагогическое содержание образовательного процесса в вузе : материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 16–18 апреля 2013 г. – Белгород : Издательство БУКЭП, 2013. – С. 316–324. – Текст : непосредственный.